КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович
В22
Масонский заговор. — Санкт-Петербург:
Свое издательство, 2017. — 528 с. *(Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»)*.

ISBN 978-5-4386-1397-8

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Царское семя 4

Часть вторая. Крестник Петра Великого 125

Часть третья. Иосафат Батурин 209

Часть четвертая. Братья Хрущовы 279

Часть пятая. Братья Гурьевы 395

Часть шестая. Братья Степановы 455

В одном из исследований по истории масонства в России читаем: ***«Масоны-аристократы к концу 70-х годов*** *(XIX века — С. В.)* ***качнулись резко вправо, включившись в дотоле неизвестное в России движение и создав тайную, глубоко законспирированную антиреволюционную организацию "Священная дружина", передавая туда весь свой опыт работы в подполье. Изверившись в способности жандармов и полиции уничтожить радикалов и левых террористов законным путем, члены "Священной дружины" объявили радикалам войну вплоть до террора. На руководящих постах в "Дружине" было много потомственных масонов — "от дедов". Так, ее ЦК возглавлял граф Воронцов-Дашков, петербургский совет — Шувалов, а московский — князь Долгорукий.***

Эти люди были весьма недовольны и либеральной политикой царя Александра II, освободившего крестьян, давшего много прав либералам из земств и ограничившего судебный произвол, введя суд присяжных. Пик недовольства царем пришелся на начало весны 1881 г., когда Александр II решил опубликовать конституцию, вводившую в стране конституционно-монархический строй. К убийству царя стремились и левые радикалы из "Народной воли", и махровые реакционеры из "Священной дружины".

Странно и таинственно совместились вдруг интересы и правых, и левых, еще недавно совместно работавших в масонском подполье. 1 марта 1881 г. Исполком "Народной воли" бросает лучшую группу на убийство царя-освободителя, первого и единственного царя-либерала на российском престоле, а кто-то услужливо убирает охрану — эскорт царя и настойчиво советует ему ехать на развод гвардейцев в Манеже. На обратном пути царь будет убит. Много таинственного и непонятного в этом убийстве. Полиция имела обширную информацию о подготовке покушения как от уже

арестованных народовольцев, так и от провокаторов Окладского и Дегаева. Последний — бывший офицер и по некоторым данным масон — был членом Исполкома "Народной воли". Тем не менее, массовые аресты полиция начала только после покушения».

Мы еще вернемся к этому национальному позору, который и к нашей истории камчатской ссылки имеет самое непосредственное отношение.

Масонство в России, по неподтвержденному документально мнению многих историков, было заложено, как мина замедленного действия, царем Петром. Так это или нет, неизвестно — документальных подтверждений этому нет.

Но масоны на своих сходках исполняли «Песнь Петру Великому», написанную Г. Державиным, которая стала их гимном:

Рокотов Ф. С. Император Петр Великий

Россия, в славу облеченна,
Куда свой взор ни обратит,
Везде, весельем восхищенна,
Везде труды Петровы зрит.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Он, древний мрак наш побеждая,
Науки в полночь водворил;
Во тьме светильник возжигая,
И в нас благие нравы влил.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Как Бог, великим провиденьем
Он все собою озирал;
Как раб, неслыханным раченьем
Он все собою исполнял.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Прошел землями и морями.
Учился сам, чтоб нас учить;
Искал беседовать с царями,
Чтоб после всех их удивить.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Ко скипетру рожденны руки
На труд несродный простирал;

Звучат доднесь по свету звуки,
Как он секирой ударял.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Его младенчески забавы
Родили громы, наконец;
А посреди военной славы
Он был отечества отец.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Лучи величества скрывая,
Простым он воином служил;
Вождей искусству научая,
Он сам полки на брань водил.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Вселенну храбрость устрашала,
Как он противных поражал;
Вселенну милость утешала,
Как он плененных угощал.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Владыка будучи полсвета,
Герой в полях и на морях,
Не презирал давать отчета
Своим рабам в своих делах.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Венцы, триумфы, колесницы
Не для себя он учреждал:
Отличность, блески багряницы
Заслуг в награде полагал.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Был в вере тверд и ей послушен;
Певец он сам был алтарей;
Средь зол, средь благ великодушен,
Нелестный друг своих друзей.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Монархам возвращал короны,
Законы подданным писал;
Что должны делать миллионы,
Собой всем образ подавал.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Чрез горы проточил он воды,
На блатах грады насадил:
Довольство ввел в свои народы,
С Востоком Запад съединил.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Он, истины любя уставы,
Хранил нелицемерный суд;
Поднесь его полезны нравы
Ко благоденствию ведут.

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Поднесь вселенну изумляет
Величие его чудес;
Премудрых ум не постигает,
Не Бог ли в нем сходил с небес?

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

О россы, славой лучезарны!
О род героев и собор!
Петру вы будьте благодарны,
Да ввек Петру гремит наш хор!

Неси на небо гласы, ветр:
Бессмертен ты, Великий Петр!

Оно и понятно — в своей разрушительной антиправославной безбожной ярости царь Петр не брезговал ничем: он организовал даже шутовской орден — «Всешутейший, Всепьянейший и Сумасброднейший Собор», который существовал на протяжении всего его царствования.

«Всепьянейший же собор был не просто компашкой… Это была многолетняя игра со своими правилами и законами. Если "потешные" баталии незаметно переросли в военные походы и отмерли *(ничего себе отмерли — превратились в Семеновский и Преображенский гвардейские*

полки — С. В.), ***то Всепьянейший собор сохранялся до самой смерти царя Петра.***

В этом клубе Петр тоже имел скромный чин — дьякона, а главой его сделался Никита Зотов — "Всешумнейший и всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и всеяузский патриарх", называемый еще "князь-папой".

Собор был своего рода "общественной организацией" и имел даже свой устав. Этот устав написал лично Пётр, и читатель не ошибется, предположив — это был очень длинный и невероятно подробный документ. В уставе подробнейшим образом определены чины Собора и способы избрания "князь-папы" и рукоположения всех чинов пьяной иерархии. Да, рукоположения! Собор полностью воспроизводил всю церковную иерархию и все церковные обряды.

Главное требование устава было просто: "быть пьяным во все дни и не ложиться трезвым спать никогда". Ну и требование подчиняться иерархии собора — его 12 кардиналам, епископам, архимандритам, иереям, диаконам, протодиаконам. Все они носили клички, "которые никогда, ни при каком цензурном уставе не появятся в печати" *(Ключевский В. О. Русская история. Полный курс лекций. Т. 2)*.

Были и "всешутейшие матери-архиерейши и игуменьи". Все облачения всех чинов, все молитвословия и песнопения, весь порядок "службы Бахусу и Ивашке Хмельницкому" и "честного обхождения с крепкими напитками" прописывались самым подробным образом.

Паскудства, творимые Петром и его сподвижниками, вполне подобны всему, что выделывали члены "Союза воинствующих безбожников" в 1920-е годы. И с черепами на палках бегали, и матом орали в церкви, и блевали на алтарь…»

«Во главе веселой компании пребывали "князь-папа", он же "патриарх" и "князь-кесарь". Сам же его венценосный

юморист формально пребывал на задворках, числясь "протодиаконом Петром Михайловым".

"Князем-кесарем" изначально был поставлен могущественный царедворец князь Федор Юрьевич Ромодановский. Петр звал его также "королем" и "пресветлым царским величеством", себя именовал "холопом и последним рабом" князя, в конце своих писем к нему подписывался Pieter или "Петрушка Алексеев", а в потешных церемониях целовал ему руку. После смерти шутовского монарха в сентябре 1717 года титул "кесаря" перешел к его сыну Ивану Федоровичу.

Если "князей-цесарей" Петр I назначал единолично, то шутовских "патриархов" избирали всем "собором". Первым "князем-папой", или "патриархом Московским, Кокуйским и всея Яузы", был окольничий Матвей Филимонович Нарышкин, двоюродный дед царя. Довольно скоро его сменил Никита Моисеевич Зотов — некогда учитель юного Петра, а впоследствии глава его ближней походной канцелярии. После смерти Зотова "папский" трон в декабре 1717 года занял Петр Иванович Бутурлин, который до того 11 лет играл роль "всешутейшего и всепьянейшего митрополита Санкт-Петербургского, Ижорского, Кронштлотского, Ингерманландского". К Бутурлину перешел не только потешный пост Зотова, но и его вдова, с которой новый "князь-папа", тоже овдовев, обвенчался по настоянию государя в 1721 году» *(А. М. Буровский. Петр Окаянный. Палач на троне. М., 2013).*

«Состав Всешутейшего собора был достаточно постоянным и фиксировался в списках (всегда неполных, но достаточно больших). Из них видно, что наряду с ничем не примечательными личностями среди членов Собора были такие государственные деятели, как Г. И. Головкин, Т. Н. Стрешнев, И. А. Мусин-Пушкин, Ф. М. Апраксин. Члены Собора имели постоянную обслугу и штат

профессиональных смехачей — "грозных заик 12 человек, папиных поддьяков плешивых 12 человек, весны 24 человека", также приглашали певчих, музыкантов (с бубнами и другими скоморошьими инструментами), шутов, "дураков" и лиц, изображавших Бахуса. Членство в Соборе порой было насильным, особенно это касалось представителей старой знати, подвергавшихся в нём униженьям. Все покорялось своеобразному чувствую юмора царя. У членов Собора были особые одеяния, которые "представляли собой пародию на облачения священнослужителей: к примеру, вместо архиерейской панагии они носили флягу, а на митре 'князя-папы' был изображен Бахус".

Особыми членами "собора" были женщины. Иерархия среди них была такой: высшим титулом был "княжна-игуменья", до 1717 года ею бессменно была Дарья Гавриловна Ржевская, а потом Анастасия Петровна Голицына. Все женщины были представителями самых древних аристократических родов. Затем шли "архиигуменьи", в их разряд перешла Ржевская, оставив прежнюю должность, далее шли "игуменьи", "диаконисы" и "монахуйни" ("монахини"). Помимо этого, к участию в соборных действах привлекались жёны "служителей Бахуса"».

Цель этого шутовского собора была более чем конкретной — разрушение традиционных религиозных православных основ в особой — извращенной — форме, связанной с пьянством и развратом.

Петр Первый, по некоторым предположениям, вступил за границей в масонскую ложу, а его братьями по ложе были Франц Лефорт и Патрик Гордон.

Вряд ли это правда, так как при той системе принуждения, которая существовала при Петре, масонами стали бы все члены правительственной верхушки России. Но этого не произошло.

Впрочем, не спешим ли мы делать скороспелые выводы?

В «Записках князя Петра Долгорукова» есть интереснейший документ — о представителях первых четырех классов «Табеля о рангах», которых Петр I использовал ***«…как силу, способную уничтожить влияние старой русской знати, враждебной в своем большинстве реформам грозного императора, — реформам, проводимым с жестокостью, но столь необходимым и полезным…***

…Даже при беглом просмотре этого списка легко убедиться в немалой значимости социальных реформ, проведенных крепкой рукой умного императора Петра I: имена новых людей, немцев, иностранцев образуют значительную часть этого списка. Лифляндский и иностранный элемент занимают ПЯТУЮ *(выделено мной — С. В.)* ***часть высших гражданских чинов, ТРЕТЬ*** *(выделено мной — С. В.)* ***— в армии и две трети — на флоте. Надобно признать, что еще за сорок лет до того никто не мог предвидеть прихода на высокие государственные должности столь ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО*** *(выделено мной — С. В.)* ***контингента, и одно это доказывает, сколь глубокие корни пустили преобразования Петра I на русской почве».***

Не будем спорить с представителем старой русской знати, корни рода которого простираются до времен Рюрика, охватывая все пласты истории Древней и Средневековой Руси. Мы, люди другого времени, знаем, что подобное произошло и в начале двадцатого столетия после Февральской и Октябрьской революций, когда национальный русский государственный контингент почти полностью поменялся на интернациональный, а национальная элита была практически вся уничтожена в годы гражданской войны и политических репрессий.

Итак, кто же стоял во главе национальной политической элиты 1730 года, когда еще тело скоропостижно скончавшегося не без чьей-то активной помощи императора Петра II не успело остыть.

Итак:

«Канцлер империи: граф Гавриила Иванович Головкин, президент Коллегии иностранных дел, член Верховного тайного совета.

Фельдмаршалы действительной службы: князь Михаил Михайлович Голицын-старший; князь Василий Владимирович Долгоруков; князь Иван Юрьевич Трубецкой.

Фельдмаршалы в отставке: Ян Сапега, поляк (вернувшийся к тому времени в Польшу); граф Яков Виллимович Брюс, из семьи шотландских изгнанников, приверженцев якобитов *(масонов — С. В.)***.**

Канцлер империи Гавриил Иванович Головкин

Граф Яков Виллимович Брюс

Генерал-аншефы: Иоганн-Бернгард Вейсбах, позднее — граф, из семьи богемских выходцев; Герман-Иоганн фон Бон, немец; Петр Петрович Ласси, генерал-губернатор балтийских губерний, позднее — фельдмаршал и граф, осужденный на изгнание из Ирландии за приверженность к якобитам; Михаил Афанасьевич Матюшкин, двоюродный племянник царя Алексея; граф Миних, родом из Ольденбурга, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-директор <…>, генерал-губернатор Петербурга, вице-президент Военной коллегии <…>; Даниил Павлович Апостол, гетман Малороссии; Ягужинский, обер-щталмейстер, а позднее граф, польского происхождения; князь Иван Алексеевич Долгоруков, обер-камергер.

Генерал-аншеф, лишенный чина и сосланный в деревню: Иван Иванович Бутурлин.

Адмиралы: Петр Иванович фон Сиверс, вице-президент <…> Адмиралтейств-коллегии, бывший офицер датского морского флота, из Голштинской семьи; Томас Гордон, шотландец, из семьи изгнанников-якобитов, племянник того самого генерала Патрика Гордона, который разбил и уничтожил стрельцов.

Действительные тайные советники: граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин; князь Василий Лукич Долгоруков; князь Дмитрий Михайлович Голицын; барон, затем граф Андрей Иванович Остерман, выходец из Вестфалии, вице-канцлер, вице-президент Коллегии иностранных дел, обер-гофмейстер Петра II, а также и двух предыдущих правителей, член Верховного тайного совета; князь Иван

Федорович Ромодановский; граф Александр Гаврилович Головкин, посланник в Гааге, и еще двое князей Долгоруковых, членов Верховного тайного совета: Алексей Григорьевич и Михаил Владимирович.

Генерал-лейтенанты: Григорий Петрович Чернышев, позднее — граф; Иван Михайлович Головин; Федор Гаврилович Чекин; Штафф, немец; Иван Яковлевич Дюпре, француз; Михаил Яковлевич Волков; Вильгельм Виллимович ван Делден, голландец; Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, сенатор; Андрей Иванович Ушаков, позднее — граф; князь Григорий Дмитриевич Юсупов, сенатор; Семен Андреевич Салтыков, сенатор, позднее — граф; князь Егор Юрьевич Трубецкой; Иван Михайлович Лихарев; Василий Яковлевич Левашов; Федор Николаевич Балк; Кристоф Урбанович, поляк; де Кулон, француз; Александр Иванович Румянцев, позднее — граф; барон фон Шверин, мекленбуржец; Петр Богданович Лефорт, швейцарец, племянник знаменитого фаворита Петра I и кузен Саксонского и Польского посла в России; Вильгель Геннин, голландец; Владимир Петрович Шереметев; Семен Григорьевич Нарышкин; граф Оттон-Густав Дуглас, швед из семьи шотландского происхождения *(позже выслан из страны — С. В.)****; князь Семен Федорович Мещерский и грузинский царевич Бакар, старший сын царя Вахтанга.***

…Тайные советники (в алфавитном порядке): граф фон Бассевич, первый министр герцога Голштинского; Петр-Михайлович Бестужев-Рюмин, позднее — граф; граф Савва Лукич Владиславич-Рагузинский, иллириец; два брата, князья Долгоруковы: Сергей Григорьевич и Иван Григорьевич; два князя Голицына: Михаил Михайлович-младший, сенатор и его племянник Сергей Дмитриевич, посланник в Берлине; граф Иван Гаврилович Головкин; Алексей Васильевич Макаров, Федор Васильевич Наумов, сенатор; Иван Никифорович Плещеев; Алексей Львович

Плещеев, московский губернатор; Рацки, поляк, посланник России в Митаве; Василий Петрович Степанов, секретарь Верховного тайного совета и в этом звании — очень важное лицо; Дмитрий Андреевич Шепелев, гофмейстер; князь Алексей Михайлович Черкасский, сенатор.

…Действительные статские советники (в алфавитном порядке): Павел Федорович Балк-Полев; Алексей Петрович Баскаков; оба брата Бестужевы-Рюмины, позднее графы: Михаил Петрович, посланник в Варшаве и в Дрездене, и Алексей, посланник в Копенгагене, позднее — канцлер; Алексей Юрьевич Бибиков; оба брата Блюментроста (отец которых, немец по происхождению, был личным врачом царя Алексея, царя Федора, царевны Софьи и царя Петра I); Иоган-Готлиб <…> и Лауренс <…>; Бетгихер, немец, посланник России в Гамбурге; Александр Бредихин; Иван Иванович Бутурлин, сенатор; Петр Вельяминов-Зернов; Матвей Федорович Воейков, прокурор Сената и генерал-рекетмейстер; князь Алексей Дмитриевич Голицын; князь Михаил Гаврилович Головкин; барон фон Габихшталь, обер-церемонимейстер, бывший посланник Мекленбурга-Шверина в России, немец, из семьи швейцарского происхождения; Алексей Дашков; Василий Афанасьевич Дмитриев-Мамонов; Ергольский; Алексей Зыбин; Илья Исаевич Исаев; Иван Колтовский; Иван Иванович Кропотов; князь Александр Борисович Куракин, посланник в Париже; Людвик Ланчинский, поляк, русский посланник в Вене; граф Рейнгольд фон Левенвольде, лифляндец; граф Платон Иванович Мусин-Пушкин; Василий Яковлевич Новосильцев, сенатор; Карл фон Принзенстьерна, вице-президент <…> Камер-коллегии, швед; Михаил Алексеевич Салтыков; Сергей Секиотов; барон Александр Григорьевич Строганов; Михаил Андреевич Сухотин, президент Вотчинной коллегии; Фик, немец, президент Юстиц-коллегии; Иван Антонович Черкасов, позднее — барон; барон

Петр Павлдович Шафиров; Иван Петрович Шереметев; князь Иван Андреевич Щербатов, посланник в Мадриде.

Действительный статский советник в отставке Матвей Дмитриевич Олсуфьев».

Это полный список первых лиц империи на 1730 год.

1730 год — это год, когда Россия, неожиданно для самой себя, оказалась на историческом перепутье, и ей нужно было сделать свой выбор для пути в собственное будущее. ***«Среди наших соотечественников, — пишет П. В. Долгоруков, — за абсолютную власть выступало незначительное число семей, связанных с герцогиней Курляндской: Салтыковы, Трубецкие, Головкины, старый князь Ромодановский; остальные же русские были обуреваемы жаждой свободы…»***.

Политическим инженером новой конструкции российской монархии выступал Генрих Фик, помощник якобита на русской службе, единомышленника масона Кейта — Якова Брюса, который занимал официальное государственное место во второй строчке «Табели о рангах» Российской империи. По оценке Готлиба, составившего первый биографический словарь русских вельмож, ***«Фик был не больше, чем заурядный шпион»***. Кстати, рекомендовал его сын аптекаря, специалист по ядам, генерал Вейде — истинный убийца царевича Алексея Петровича, по версии князя П. В. Долгорукова. Им же был ранее сконструирован по шведской модели Верховный тайный совет, ограничивающий самодержавную власть русского монарха:

«Идея Верховного Тайного Совета — идея масонская, а автор этого учреждения Фик, свободный мыслитель в религиозных вопросах, рационалист и материалист. После революции в Швеции в 1720 года, подготовленной масонами, которая покончила со шведским самодержавием, в качестве государственного реформатора России выступает Фик. Он указывает Петру преимущество конституционного устройства и рекомендует ввести его

в России. В одном из своих донесений Фик советовал учредить несколько "высших инстанций", между которыми следовало распределить "выполнение" распоряжений, вытекающих из царской прерогативы. После смерти Петра Фик стал действовать смелее, и, несомненно, при его участии была учреждена такая высшая инстанция — Верховный Тайный Совет, учреждение которого иностранцы единодушно считали "первым шагом к изменению формы правления по образцу Англии и Швеции". "Екатерина, — говорит Ключевский, — процарствовала с лишком два года благополучно и даже весело, мало занимаясь делами, которые плохо понимала, вела беспорядочную жизнь, привыкнув, несмотря на свою болезненную полноту, засиживаться до пяти часов утра на пирушках среди близких людей, распустила управление, в котором, по словам одного посла, все думают лишь о том, как бы украсть, и в последний год жизни истратила на свои прихоти до шести с половиной миллиона рублей на наши деньги…"» *(Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 2008).*

В этот период масонство начинает пускать свои корни в России как тайная шпионская организация, точнее, как тайные шпионские организации, обслуживающие интересы разных европейских держав — Швеции, Англии, Пруссии, Австрии, Франции, многие главы которых сами возглавляли это «тайное и явное» антихристианское движение, направленное на разрушение сначала католической, а впоследствии и православной церквей, являющихся по существу государствообразующей идеологией. Разрушая церковь, масоны разрушали государства, захватывая в них власть. Так было в Швеции, так было в Англии, а затем во Франции.

Конфликт между «птенцами» произошел сразу же после их победы: посадив на трон Мавру Скавронскую, они не смогли договориться насчет ее преемника. Казалось бы,

для всех них было очевидно, что, будучи убийцами законного наследника трона, царевича Алексея Петровича, они подпишут себе смертный приговор, если возведут на российский трон его сына — внука царя Петра I Петра II Алексеевича, который обязательно отомстит за смерть своего ни в чем не повинного отца.

Но дядей юного Петра Алексеевича был сам император Священной Римской империи (то есть Австрии) Карл VI, женатый на старшей сестре Шарлотты Брауншвейгской, матери царевича.

И вот тогда неожиданно для многих «птенцов» образовалась при дворе «австрийская партия», которую возглавил… светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Случай, конечно, парадоксальный, но не единственный в этой истории: завещание о наследнике Петре Алексеевиче, составленное по приказу императрицы Екатерины I, подписала от ее имени родная дочь Петра I, царевна Елизавета Петровна (которую противники царевича Петра рассматривали как его политическую альтернативу).

Александра Даниловича банально купили, подарив ему герцогство Козельское в Силезии и пообещав, что Петр Алексеевич обязательно женится на дочери светлейшего князя и таким образом создаст новую царствующую династию России Романовых-Меншиковых. А уж убеждать бывшую свою наложницу — императрицу Екатерину — светлейший умел… Она и пикнуть против него не посмела. А тот, кто «пикнул» из «птенцов», оказался на самой дальней восточной окраине России, без чинов, наград и имущества…

Как пишет О. Платонов, ***«одним из первых известных российских масонов стал крещеный еврей П. П. Шафиров (умер в 1739 году), занимавший при Анне Иоанновне высокий пост президента Иностранной Коллегии, то есть главы внешнеполитического ведомства»***.

Петр Павлович Шафиров

И для этого были причины — его родственник, крещеный смоленский еврей Веселовский Абраам Павлович по протекции вице-канцлера барона Шафирова (двоюродного дяди) был в 1715 году назначен русским посланником в Вену и был участником событий, связанных с бегством царевича Алексея (Абрам Павлович в Россию уже не вернулся). Его брат — Исаак Павлович — и был агентом Меншикова, проводником австрийского влияния (за что впоследствии был выслан из обеих столиц Анной Иоанновной и возвратился ко двору только при Елизавете Петровне). Третий брат — Федор Павлович — также стал, как и старший Веселовский, невозвращенцем,

получив политическое убежище в Англии. И он возвратился Россию уже при Елизавете Петровне и был большим другом Ивана Шувалова, который в 1760 году назначил его куратором Московского университета. Связь здесь безусловна.

Двоюродный дядя Веселовских — Павел Шафиров — сделал головокружительную карьеру: уже в 1704 году потомок лифляндского еврея Шайушка стал личным секретарем царя Петра, а после Полтавской битвы был назначен вице-канцлером и возведен в баронское достоинство. Его моральный облик полностью соответствовал статусу первых русских масонов, тщательно скрывавших свою истинную — то есть продажную — личину: ***«…как и его начальник, канцлер Головкин*** *(который занимал первую строчку в «Табели о рангах» империи — С. В.),* ***он состоял на жалованье у Мазепы и князя Матвея Гагарина; он способствовал сокрытию враждебных России приготовлений Мазепы, приготовлений, о которых донесли враги коварного гетмана; Шафиров внес свою посильную лепту в то, чтобы скрыть незаконные поборы Гагарина в Сибири и интриги этого последнего, направленные на отложение Сибири от России и провозглашение ее независимым государством. Словом, предавая царя, своего благодетеля, ради приумножения собственного богатства, вице-канцлер вкладывал, с одной стороны, столько же усердия и хитрости в дело обмана государя, сколько, с другой стороны, вкладывал в дело явного служения Государю»*** *(Записки князя Петра Долгорукова. СПб., 2007).*

Дочь Шафирова — Наталья Петровна — вышла замуж за капитан-лейтенанта флота, графа Александра Федоровича Головина (1694–1731), отцом которого был Федор Алексеевич Головин (1650–1706), ближайший сподвижник Петра I, глава (обратите внимание!) внешнеполитического ведомства (президент Посольских дел), первый в России генерал-фельдмаршал, первый кавалер новой высшей государственной награды — ордена Святого Андрея Первозванного (10 марта 1699 года).

Федор Алексеевич Головин

Но не это удивительно: Головин состоял в свойстве́ с виднейшими из петровских сподвижников: А. Д. Меншиков был ему свояк (брат Головина Алексей был женат на сестре Александра Даниловича Марфе); Борис Шереметев, Петр Шафиров, Борис Голицын были ему сватами, Павел Ягужинский и Аникита Репнин приходились сватами его сыновьям.

Любопытна другая связь: официально первым масоном в России объявлен его внук, сын Натальи Петровны Шафировой, граф Николай Александрович Головин, который, как выяснилось, действовал в интересах королевской Пруссии: ***«В 1746 волонтер в прусской армии. По возвращении в Россию заподозрен в выполнении поручении прусского короля, в 1747 ему повелено поселиться в Москве, не заезжая в Петербург».***

Допрошен по личному приказу императрицы Елизаветы Петровны. Он не только признается в своей принадлежности к масонству, но и сообщает имена некоторых других масонов, «живших в оном же ордене»: братьев графов Захара и Ивана Чернышевых, К. Г. Разумовского и др., принятых в ложу в Пруссии в 1741–1744 годах.

Но и это еще не все — женой самого графа Николая Александровича Головина была Анастасия Степановна Лопухина, фрейлина императрицы. «За двадцать лет царствования Елизавета Петровна уволила за провинность лишь двух девушек — [и первой] фрейлину Анастасию Степановну Лопухину в июле 1743 года <…>, [которая] угодила в опалу по подозрению в причастности к заговору австрийского посланника Ботты…».

На самом деле масоны в России появляются гораздо раньше — в массовом количестве они прибывают сюда вместе с иностранным двором Анны Иоанновны. Уже в 1731 году была открыта в России «Великая Ложа Англии», которая, как выясняется, верно служила интересам короля Пруссии, так как ее ядром были недобитые в Англии якобиты.

Существовала так называемая немецкая партия, о которой один из лучших знатоков закулисной аристократической жизни Российской империи, князь Долгоруков сообщает следующее: ***«К немецкой партии принадлежало все дворянство Остзейских губерний и все иностранцы на русской службе*** *(а это треть офицерского состава армии и пятая часть высшего чиновного аппарата империи — С. В.)****, самыми влиятельными среди которых были: вице-канцлер барон Остерман, фельдмаршал граф Брюс, генерал-фельдцейхмейстер граф Миних и обер-шталмейстер Ягужинский. К этой партии присоединились и те из русских, кому служба при Петре I или случай помогли занять более или менее высокое положение, и еще те, кто не мог надеяться ни лично, ни в силу положения своей семьи***

занять в русской партии столь же выгодного места, как то, что они уже занимали. Среди этих "новых", как их называли, людей, самым выдающимся по своим заслугам, способностям и твердости был, безусловно, архиепископ Новгородский Феофан Прокопович — президент Синода, доверенное лицо и главный соратник Петра I в его церковных реформах. Кроме того, к партии присоединилась вся семья Головкиных, генералы Румянцев, Чернышев и многие другие».

Но все по порядку. В 1731 году в целях личной безопасности императрица Анна Иоанновна создает из иностранных наемников два полка, в том числе Измайловский гвардейский полк, шефом которого она назначает Карла фон Левенвольде.

Что мы знаем о нем? Выходец из старинного Остзейского дворянского рода. Один из его братьев — Фридрих-Казимир — был генерал-адъютантом Петра I, которого Анна Иоанновна в 1734 году назначила русским посланником в Польшу, но он изменил России и поступил на австрийскую службу. Его брат Рейнгольд, наоборот, будучи на польской службе, попал в русский плен, а когда его отец был принят на русскую службу, освобожден из-под стражи и даже получил придворный чин камергера. И вот тут-то и начинается главное, о чем пишет П. Долгоруков в своих «Записках»: ***«Чтобы обеспечить себе некоторую сумму постоянного дохода, а также и поддержку некоторых знатных семейств страны, он принял от герцогини Анны Курляндской*** *(будущей императрицы Анны Иоанновны — С. В.)* ***пост тайного агента при русском дворе, пост, для которого он прекрасно подходил благодаря своему таланту к интригам и близким связям со многими придворными дамами. Тем самым он вошел в приязненные отношения с семействами, близкими к герцогине Курляндской, то есть с Салтыковыми, Ромодановскими, Головкиными и т. д.***

Он с большой ловкостью плел интриги, приведшие к высылке из столицы врагов герцогини Курляндской — княгини Волконской, Черкасского, Нелединского, Федора Талызина, Пашкова и Исаака Веселовского.

У Екатерины I, по восшествии ее на престол, было в одно и то же время сразу двое любовников — Рейнгольд фон Левенвольде и граф Петр Сапега *(вторая строчка в "Табели о рангах" — С. В.)**. Оба были не слишком ревнивы и отлично ладили между собой, стараясь извлечь как можно больше выгод из своего положения.***

…Рейнгольд фон Левенвольде был назначен Екатериной обер-гофмейстером ее двора.

…Восшествие на русский трон в 1730 году герцогини Курляндской вполне отвечало его интересам. Он добился своего назначения на должность обер-гофмаршала двора; двор этот в царствование императрицы Анны был чванливый и по-азиатски пышный, там царил полный беспорядок; граф Рейнгольд без всякого стеснения набивал свои карманы. Во время всего царствования Анны и при правительнице он купался в роскоши и удовольствии; отнюдь не стеснял себя в игре; у него была любовная связь с самой красивой женщиной двора, с г-жой Лопухиной; никто не мог его превзойти ни великолепием платья, ни роскошью карет и упряжи…».

Полковником и шефом нового гвардейского Измайловского полка был назначен его родной брат — генерал-адъютант, обер-шталмейстер граф Карл Левенвольде: ему поручалось набрать офицеров ***«из лифляндцев и курляндцев и прочих наций иноземцев и из русских, которые на определенных против гвардии рангами и жалованьем, себя содержать к чистоте полка могут без нужды и к обучению приложат свой труд».***

А подполковником Измайловского полка, то есть фактическим его командиром, стал Джеймс Фрэнсис Эдвард Кейт,

которого русские «братья-масоны» считали (и не без основания, как утверждают историки) основателем масонства в России, хотя он официально стал магистром «Великой Ложи Англии» гораздо позже.

Итак, давайте теперь выясним, кто же такой этот Джемс Кейт, генерал русской армии. Вот что сообщает «Русский биографический словарь»:

«Он был младшим братом Георга Кейта, наследственного лорда-маршала Шотландии и принял вместе с ним участие в Якобитском восстании. После поражения Якова Стюарта при Шерифмюре оба Кейта вместе с ним бежали во Францию; здесь узнал Кейта Петр Великий и приглашал поступить на русскую службу, но Кейт отказался, не желая сражаться против Карла XII, который внушал ему большое уважение своею личностью; Кейт поступил на службу в Испанию с чином капитана; в крепости Сеуте, во время ее осады марокканцами, он получил тяжелую рану; с 1722 по 1725 г. жил в Париже и занимался науками. Возвратившись в Испанию, он получил чин полковника, но как протестант не мог в Испании получить командование полком. Герцог де Лирия, хорошо знавший Кейта, находясь при русском дворе, выхлопотал в феврале 1728 г. принятие Кейта в русскую службу с чином генерал-майора».

А вот что случилось после восшествия на престол Елизаветы, когда Кейт официально становится великим магистром в России: ***«Кейт был последнее время недоволен своим положением в России: господство немцев, столь очевидное в царствование Анны Иоанновны, сменилось теперь, напротив, довольно явным недоброжелательством ко всем иностранцам. Так, Кейту очень хотелось получить место начальника русского отряда, об отправлении которого на Рейн шли переговоры в 1747 и 1748 гг., но ему предпочтен был кн. Репнин. В Военной коллегии имел большое значение***

С. Ф. Апраксин, впоследствии фельдмаршал; он лично был не расположен к Кейту, и Военная коллегия сделала ему несколько неприятных для него замечаний. Кроме того, гр. А. П. Бестужев-Рюмин, не вполне довольный действиями Кейта в Швеции, склонил императрицу отказать старшему брату Кейта в разрешении поселиться в России, представляя, что это могло бы возбудить неудовольствие английского правительства. Тогда Кейт в 1747 г. попросил отставки, которую и получил. Он отправился тогда морем в Гамбург; в Копенгагене он получил приглашение Фридриха II прусского вступить к нему на службу и принял это предложение; 17 сентября 1747 г. Фридрих дал ему чин фельдмаршала, в 1749 г. назначил его на должность губернатора Берлина; берлинская академия избрала его своим почетным членом; вместе со своим старшим братом, прибывшим также в Берлин, он принадлежал к числу интимных друзей короля. При начале Семилетней войны Фридрих постоянно пользовался советами Кейта, военные дарования *(а еще более русские военные тайны — С. В.)* ***которого он очень ценил. Кейт принимал участие во многих сражениях и был убит 14 октября 1758 г. при Гохкирхене; он был погребен со всеми почестями австрийцами, за которыми осталось поле сражение; в 1759 г. его прах был перевезен в Берлин; в 1786 г. ему воздвигнут был памятник».***

За что был воздвигнут Кейту памятник в Пруссии? За какие такие заслуги?

Вот, что пишет по этому поводу В. Ф. Иванов в книге *«Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней» (М., 2008):* ***«Предложенный князем Голицыным план государственного устройства*** *(по ограничению самодержавных прав императрицы Анны Иоанновны при ее восшествии на престол — С. В.)* ***был слишком проникнут олигархическими аристократическими тенденциями,***

а потому не мог вызвать симпатии и доверия в широких кругах общества. Для шляхетства неприемлема была конституция, при которой управление всеми делами государства переходило к некоторым знатным фамилиям. Конституционалисты разбились на несколько партий. Верховники старались путем уступок при переговорах с конституционалистами привлечь их на свою сторону, но из этого ничего не выходило. Разброд продолжался. Разногласие и погубило затею конституционалистов. Этим воспользовалась партия так называемого самодержавия. В этой партии действовали люди не из-за принципа, а в силу шкурных интересов: к их числу нужно отнести Феофана Прокоповича, Ягужинского, Левенвольде. Партия имела в себе старого и опытного интригана в лице Остермана, в кабинете которого сходились все нити этой интриги. Был в ней и "идейный представитель" — Кантемир. К этому движению примкнули сановники, обиженные верховниками: сенатор Салтыков, князья Трубецкие, князь Барятинский, князь Юсупов и другие. Душой переворота, несомненно, был масон Кейт, эмиссар Фридриха. Он стоял за кулисами этого движения. Переворот совершился по приказу и в пользу Фридриха. Игра конституционалистов закончилась, и "кондиции", подписанные Анною в Литве, были всенародно разорваны. Конституционная монархия в России просуществовала десять дней, и с той поры власть и влияние в государстве захватили немцы».

«…Кейт, *— пишет Вернадский (Г. В. Вернадский, "Русское масонство в царствование Екатерины II"),* ***— был представителем семьи, объединявшей в своей деятельности три страны — Россию, Шотландию и Пруссию. Сам Джеймс Кейт бежал из Англии и после неудачного исхода якобитского восстания (в котором Кейт принимал участие на стороне претендента — Стюарта), в 1728 году***

он сделался русским генералом, около 1747 года перешел на службу Пруссии; он участвовал затем на стороне Пруссии в Семилетней войне и в 1758 году был убит в битве при Гохкирхене.

Брат его Джон Кейт (лорд Кинтор) был гроссмейстером английского масонства; Джордж Кейт — известный генерал Фридриха II (приговоренный в Англии к смертной казни за содействие тому же Стюарту), наконец, тоже Кейт (Роберт) был английским послом в Петербурге (несколько позже, в 1758–1762 годах)».

«Джеймс (Яков) Кейт в 1740 году делается провинциальным гроссмейстером для всей России, назначение свое он получил от гроссмейстера английских лож, которым тогда был брат его Джон Кейт, граф Кинтор. Имя Якова Кейта пользовалось большим уважением среди русских масонов, в честь которого была сложена песнь и пелась в России в ложах в царствование Елизаветы:

По нем (по Петру Великому) светом озаренный
Кейт к россиянам прибег
И усердием воспаленный
Огнь священный здесь воздвиг.
Храм премудрости поставил (основал ложу).
Мысли и сердца исправил
И нас в братство утвердил.
Кейт был образ той денницы,
Светлый кося восход
Светозарныя царицы
Возвещает в мир приход…

Этот отец и благодетель русских масонов был ни кем иным, как шпионом и эмиссаром Фридриха Второго, ярого масона, прозванного Великим за свою ненависть к христианству».

Отдавая дань уважения Петру Владимировичу Долгорукову и его «Запискам», изобличающим в глазах потомков высшую аристократию Российской империи, мы не можем пройти мимо его личной оценки русского франкмасонства как явления безусловно положительного для России:

«Джеймс Кейт, основоположник франкмасонства в России, один из самых замечательных и уважаемых людей своего времени, родился в 1696 году, в графстве Кинкардин в Шотландии. Его отцом был Уильям лорд Кейт, наследственный граф-маршал Шотландского королевства, а дедом по материнской линии — лорд-канцлер короля Якова II. Таким образом, будучи приверженцем короля Якова *(якобитом — С. В.)* ***и по отцовской, и по материнской линии, в 1716 году примкнул к партии претендента, когда тот высадился в Шотландии под именем Якова III. Молодой Кейт был ранен в битве при Шерифмюире и после поражения претендента был вынужден бежать на континент. Он укрылся во Франции… …Герцог де Лириа был назначен в 1728 году послом в Петербург и с помощью молодого князя Ивана Долгорукова добился принятия Кейта на русскую службу в чине генерал-майора. …к моменту смерти императрицы Анны был уже в чине генерал-аншефа, всеми любимый и уважаемый: он сделал блестящую карьеру, не унижаясь и не пресмыкаясь перед Бирeном, что по тем временам было делом необыкновенным и просто феноменальным*** *(выделено мной — С. В.)***.**

…Когда Кейт приехал в Россию, он уже был франкмасоном; здесь он нашел соотечественника и брата-масона — ученого и почтенного фельдмаршала Брюса, поддержка которого, его влияние, советы, большой опыт и глубокое знание русских людей и обстоятельств были необычайно полезными молодому шотландцу. Кейт многих склонил к масонству, несмотря на то, что царствование Анны и режим Бирена не благоприятствовали учреждению регулярной ложи; но Кейт упорствовал в организации ложи вплоть

до регентства принцессы Брауншвейгской, столь доброй и кроткой. Только в 1741 году великая английская ложа присудила Кейту на своем торжественном заседании титул и полномочия гроссмейстера в России.

Лицемер и интриган, герцог де Лириа нисколько не сомневался, что, способствуя проникновению Кейта в Россию, он открывал в нашу страну доступ франкмасонству, столь ненавистному нашим ханжам, обскурантам и приверженцам прошлых заблуждений.

…Франкмасоны существовали во многих странах; но была только одна постоянно действующая ложа, это ложа Херидом в Килвиннинге в Шотландии, происхождение которой теряется во тьме веков и основание которой знающие люди относят к XII веку и приписывают шотландскому королю Роберту Брюсу (эта ложа была переведена в 1744 году в Эдинбург, а в 1807 году она слилась с великой шотландской ложей Святого Иоанна).

Отмена Нантского эдикта *(о веротерпимости — С. В.)* ***и постыдные преследования, за этим последовавшие, наполнили печалью сердца всех порядочных людей Европы, и в эту самую эпоху славная и удивительная Английская революция 1688 года заставила оценить, по контрасту, огромные благодеяния гражданской и политической свободы. Через четверть века после 1688 года пришествие немецкого Ганноверского дома на британский трон привлекло в Англию значительное число немцев; многие из них, объединившись с англичанами, шотландцами, ирландскими протестантами, реорганизовали франкмасонство на более широкой основе, лучше отвечавшей духу времени, придав ему еще более сильный импульс в сторону чувства всеобщей терпимости, милосердия и братства, то есть цели этого великого установления. Первое заседание великой ложи Англии состоялось 24 июня 1717 года, а заседание великой ложи Ирландии — в 1722 году.***

… в 1741 году Кейт организовал масонскую ложу в России…

…Порядочность Кейта не позволяла ему подбирать колоски на поле лихоимцев, на котором столь откровенно кормилось большинство штаб-офицеров той поры. Его доходы были весьма посредственными. Канцлер Бестужев, который терпеть не мог Кейта, препятствовал своими интригами тому, чтобы заслуги этого генерала закономерно вознаграждались дарением земель. Старый фельдмаршал Долгоруков, президент Военной коллегии, крестный императрицы, гнушался всеми без исключения иностранцами. Кейт ходатайствовал о приеме на российскую службу своего старшего брата, милорда-маршала, с положением, соответствующим человеку его ранга; ему было грубо и сухо отказано; Кейт узнал, что императрица Елизавета сказала: "На кой черт нам этот марешаль?" — в результате тот принял предложения прусского короля. Он поступил в прусскую службу в чине генерала от инфантерии, вскоре был назначен губернатором Берлина и произведен в фельдмаршалы. В 1758 году, в битве при Гохкихене *(против русских — С. В.)****, он был сражен ядром, и его смерть вызвала всеобщую печаль.***

…По отъезде из России достопочтенного Кейта русское франкмасонство нашло *(в 1749 году — С. В.)* ***своего покровителя в лице молодого человека, влияние которого при дворе продолжалось до самой смерти Елизаветы, — человека, который сумел своими достоинствами и выдающимися заслугами, оказанными делу Просвещения, возвысить и даже облагородить должность не слишком достойную саму по себе — любовника императрицы, по правде говоря еще красивой, но все же старше его на целых 18 лет. Этот молодой человек, прославленный Иван Иванович Шувалов, основатель Московского университета, друг Ломоносова, своей любовью к человечеству, ко благу себе подобных, к Просвещению,***

а также своим редким бескорыстием вполне достоин быть помещенным в первые ряды франкмасонства, просвещенным защитником которого он был в России».

Шуваловы в русской истории появились как бы ниоткуда: бесперспективные мелкие дворяне, братья Александр и Петр Ивановичи, служившие при дворе бесперспективной Елизаветы Петровны. Их возвысил дворцовый переворот 1741 года, свершившийся по воле и на деньги прусского короля: вместе с безродными Алексеем Разумовским, с которым Елизавета Петровна тайно обвенчалась в 1744 году, столь же безродными (по оценке П. В. Долгорукова) братьями Воронцовыми (о них ниже) были возвышены и безродные братья Шуваловы. Следующий их шаг по карьерной лестнице определил брачный союз Петра Ивановича с любимой подругой императрицы Елизаветы Петровны, Маврой Егоровной Шепелевой (это, конечно же, был брак по расчету, так как, по словам П. В. Долгорукова, она была «довольно отвратительной»). Затем Александр Иванович возглавит Тайную канцелярию.

Дочь Александра Ивановича Шувалова — графиня Екатерина Александровна Головкина, жена Гавриила Ивановича Головкина, внука канцлера

Племянник Шуваловых — Иван Иванович — в 1749 году станет не без помощи дядьев любовником императрицы, что и позволит создать при дворе перспективную шуваловскую (все ту же пропрусскую) партию, ориентированную на наследника престола Петра Федоровича, противостоящую партии канцлера Бестужева, ориентированной на Священную Римскую империю (Австрию) и Екатерину Алексеевну, жену царевича, как будущую императрицу Екатерину II.

Иван Иванович Шувалов

В 1759 году партии Шувалова удалось отправить канцлера в ссылку. В специально созданную следственную комиссию вошли следующие лица: князь Никита Юрьевич Трубецкой, генерал-фельдмаршал Александр Борисович Бутурлин и Александр Иванович Шувалов.

Вот такой образовался политический клубок, который мы попытаемся распутать.

Членом прусской масонской ложи «Молчаливость», организованной Кейтом и состоявшей уже из природных русских аристократов, был глава внешнеполитического ведомства России граф Михаил Илларионович Воронцов, а возглавлял ложу служивший прежде в Измайловском гвардейском полку его родной брат — граф Роман Илларионович Воронцов, отец княгини Екатерины Дашковой.

Князь Петр Владимирович Долгоруков, один из самых известных знатоков истории русского дворянства, рассказывает историю восхождения на политический Олимп членов этой семьи: ***«Во второй половине XVIII века возникает некий стрелецкий полковник Дмитрий Лукьянович Воронцов и два его кузена, оба сотники стрелецких войск: Елизар Никитич и его брат, Гавриил; этот последний был убит в 1678 году при осаде Чигирина. Каково было их происхождение? Откуда они появились? Согласно преданию, их дед, простой крестьянин из деревни Воронцово, взял себе это имя. Младший из четырех сыновей Гавриилы, Илларион, ставший офицером в войсках Петра I, женился на девице Масловой, от которой у него было три дочери и трое сыновей — Роман, Михаил и Иван. Роман женился на Марфе Ивановне Сурминой, горничной великой княжны Елизаветы, и это он привел ко двору великой княжны своего второго брата Михаила, бывшего в чине камер-юнкера. Михаил, человек ума недалекого, но коварный и лукавый, а к тому же изрядной внешности, был одним из многочисленных случайных любовников Елизаветы. Он сопровождал ее в казармы в ночь ее восшествия на***

престол; если бы этот заговор провалился, то ночное предприятие получило бы имя бунта; Воронцов и его соумышленники были бы биты кнутом и сосланы в каторжные работы в Сибирь; но предприятие преуспело и было увенчано именем революции, а Воронцов вскоре стал большим вельможей. В тот же день, 25 ноября, он был пожалован в камергеры; а 31 декабря произведен в чин генерал-лейтенанта. В первые недели 1742 года он женился на княжне Анне Скавронской, кузине императрицы; в день коронования императрицы, 25 апреля, его жена была пожалована в статс-дамы; сам он получил ленту ордена Св. Александра Невского, так же как и его семидесятилетний, уже удалившийся со службы отец, которому императрица пожаловала в этот день чин действительного статского советника, а через короткое время после этого — и тайного советника (этот старец умер в 1750 году, в возрасте 76 лет).

Графиня Анна Карловна Воронцова (урождённая графиня Скавронская) — жена канцлера графа Михаила Илларионовича Воронцова, двоюродная сестра императрицы Елизаветы Петровны, статс-дама

В 1744 году Михаил Воронцов был пожалован графом Священной Римской империи, и по этому случаю в его графский диплом ввели ложную генеалогию, связывающую его со старинными Воронцовыми, угасшими в 1587 году…

В течение того же 1744 года Михаил Воронцов, в то время всего лишь тридцатилетний, был пожалован в действительные тайные советники и вице-канцлеры России, а после падения Бестужева в 1758 году он был назначен канцлером империи. …Этот сомнительный канцлер умер в 1767 году, в возрасте 53 лет, причем на протяжении всего долгого времени он был на жалованье Англии, Франции и Австрии. Это был человек из самых продажных, столь же презренный, как и его старший брат Роман…

Великий канцлер Михаил Илларионович Воронцов

У канцлера графа Воронцова не было мужского потомства; его единственная дочь, одна из самых развратных женщин своего времени, вышла замуж за графа Александра Строганова *(Александр Сергеевич Строганов, масон, а его сын, Павел Александрович — в молодости якобинец — С. В.)****. Пользуясь тем обстоятельством, что во время Семилетней войны Венский двор нуждался в поддержании союза с Россией, граф Александр добился в 1760 году графских дипломов для обоих братьев своей жены, Романа и Ивана. В эти дипломы также была включена эта ложная генеалогия, столь дорогая сердцу Воронцовых».***

Граф Александр Сергеевич Строганов

В этой масонской ложе состояла практически вся семья Воронцовых, включая графа Александра Романовича Воронцова, будущего министра иностранных дел (то есть тоже канцлера при Александре I, а его протеже был знаменитый Александр Радищев, с которым позже они входили в ложу «Урания»), родного брата княгини Екатерины Романовой Дашковой, участницы дворцового переворота 1761 года, ближайшей подруги императрицы Екатерины II, муж которой — князь Михаил Иванович Дашков — также был масоном и состоял в этой ложе.

Граф Александр Романович Воронцов

Князь Михаил Иванович Дашков

Екатерина II не доверяла масонам, хотя и вынуждена была вести с ними свою политическую игру. Поэтому, доверив Дашковой быть своим представителем среди придворной аристократии, Екатерина не включила в свое правительство НИКОГО из рекомендованных ею людей и переведя ее саму сразу после переворота на второстепенные политические роли, хотя, говорят, Екатерина Романовна требовала для себя чин полковника гвардии. Вспомним при этом, что фавориткой императора Петра III была Елизавета Романовна… Воронцова.

Екатерина Романовна Дашкова (Воронцова),
фаворитка императрицы Екатерины II

Елизавета Романовна Воронцова,
фаворитка императора Петра III

Мария Романовна Воронцова,
жена Петра Александровича Бутурлина

В ложе «Урания» состояли и дети коллег руководителя Тайной канцелярии А. И. Шувалова по следственной комиссии:

Петр Александрович Бутурлин

Сын генерал-фельдмаршала Александра Борисовича Бутурлина, Пётр Бутурлин, который с 1758 года был женат на фрейлине — графине Марии Романовне Воронцовой (их сын, Григорий Петрович, крестник императрицы Екатерины II, после ранней смерти родителей будет воспитываться в семье Александра Романовича Воронцова, станет впоследствии директором Эрмитажа, а женится на своей троюродной сестре Анне Артемьевне… Воронцовой, ***«благодаря своему дяде Александру Романовичу с юных лет увлекался передовыми воззрениями эпохи Просвещения, был страстным поклонником Вольтера и Руссо».***

Анна Артемьевна Воронцова

Один из многочисленных сыновей князя Никиты Юрьевича Трубецкого, Сергей Трубецкой, матерью которого была графиня Анастасия Гавриловна Головкина, дочь петровского канцлера и родная сестра Анны Гавриловны Ягужинской — той самой, которая после второго брака стала Бестужевой и проходила подследственной по делу Лопухиных, организованного Лестоком. Ее сослали по суду в Якутск, где она и умерла в 1751 году. Кстати, потом именно А. И. Шувалов, дочь которого выйдет замуж за внука канцлера — Гавриила Ивановича Головкина — будет вести в 1748 году дело Лестока (и тот чуть было не потеряет голову), а в 1756 году — «выявлять» членов масонской ложи по списку, подготовленному крестником царя Петра I, сыном действительного статского советника Олсуфьева, именем которого завершается долгоруковский перечень чиновников Российской империи высших рангов.

Интересно, что все тот же П. В. Долгоруков, столь высоко и поэтично отзывавшийся о франкмасонах России, дает самую уничижительную характеристику главе первой русской масонской ложи, в которой, по всей видимости, первоначально и состоял боготворимый князем Долгоруковым Иван Иванович Шувалов:

Граф Роман Илларионович Воронцов

«Граф Роман, умерший в 1783 году в возрасте 76 лет, был человеком с достоинствами, но одновременно самым угодливым из придворных и самым бесстыдным из лихоимцев. Во втором томе моих "Записок" я расскажу, как при Петре III он вверг в распутство свою собственную дочь *(это, вероятно, было в правилах масонов — вспомнить женитьбу Петра Шувалова на "отвратительной" фрейлине Шепелевой, а также любовные игры Ивана Ивановича со старушкой Елизаветой Петровной — С. В.)****. Он так воровал в доверенных ему правлениях, что заслужил прозвище Роман — Большой карман. <…> Лихоимству, кражам и подлостям этого человека, как равно и его брата канцлера, обязана княжеская ветвь Воронцовых своими огромными богатствами».***

Екатерина II, обязанная Дашковой своим восхождением на трон, тем не менее, высказывала весьма отрицательное мнение о ее отце в своих «Записках»: ***«Гипократ, каких не бывало, вот кто продавался первому покупщику; не было [иностранного] двора, который бы не содержал его на жаловании»***.

При Анне Иоанновне немецкой партии, к которой примкнули многие русские аристократы, не поддержавшие «верховников» — членов Верховного тайного совета, попытавшихся ограничить самодержавие, жилось весьма привольно, поэтому деятельность Кейта, занимавшегося в те годы больше «кадровыми» вопросами (формированием преподавательского состава Сухопутного шляхетского корпуса), была незаметна. Но всякое «хорошее» когда-нибудь заканчивается. Наступил 1740 год:

«…16 октября Императрица Анна Иоанновна подписала указ о назначении Бирона регентом, а 17-го скончалась. Этим актом национальное унижение русских было доведено до последних пределов, в России могло вспыхнуть восстание, несмотря на всю покорность народа. С целью

прекращения начинающихся волнений и предупреждения взрыва создается диктатура Бирона с его системой террора.

19 октября выходит указ Императора Иоанна VI, в котором предписывалось Бирона титуловать "Его Высочество, регент Российской империи, герцог Курляндский, Лифляндский и Семигальский".

Бирон сделался полновластным и неограниченным правителем России. К счастью, это продолжалось недолго. Фельдмаршал Миних и гвардия прекратили позорящее Россию правительство. Правительницей была назначена Анна Леопольдовна, начались ссоры между немцами. Остерман был недоволен, что Миних стал первым министром и главным руководителем иностранными делами. Недовольны были этим возвышением и другие немцы.

Плелась французская интрига. Как ранее господство немцев было подготовлено усобицей русских, так теперь падение немецкого господства подготовляется раздором, усобицей между немцами, которые губят друг друга в борьбе за власть. Бирон свергнут Минихом; под Миниха подкопался Остерман. Против Остермана — русский народ. Головкин, фаворит Анны Леопольдовны, ведет интригу против Остермана. Около Анны Леопольдовны вновь саксонский посланник граф Линар, в котором видят нового Бирона.

…Растет недовольство. Зреет, как спелый плод, очередной государственный переворот.

Французский агент Лалли в записке своей о положении России, поданной кардиналу Флери, говорил: "Россия подвержена столь быстрым и столь чрезвычайным переворотам, что выгоды Франции требуют необходимо иметь лицо, которое бы готово было извлечь из того выгоды для своего государя".

Таким лицом был маркиз Шетарди, прибывший в Россию для того, чтобы произвести глубокую разведку о состоянии

умов русского общества и в благоприятный момент освободить Россию из-под немецкого влияния, с тем чтобы подчинить ее влиянию французскому. Дело решили гвардия и французское золото. Преображенцы постояли за себя. Дочь Петра I Елизавета стала императрицей. По вступлении на престол Елизаветы выявилось народное движение, направленное против иностранцев, утвердившихся в два последние царствования. Низы ждали изгнания иностранцев из России. Но ничего, кроме уличных драк с иноземцами, не произошло.

Начинается реакция против господства иностранцев, презрительно относившихся ко всему русскому, и слабый поворот к национальному режиму. Елизавета в истинном смысле русская женщина. Умная, живая, приветливая и обходительная, она стала любимицей народа. Она получила свои черты от тесного общения с народом. Еще цесаревной она выражала свои симпатии Москве и русскому быту. С местной молодежью царевна слушала старые русские песни, пела и плясала, водила хороводы, на святках гадала, одевалась в русское платье. В дочери Петра, не любившего Москвы и старых порядков и отрекшегося от них, оживает образ прежней московской царевны.

За 20 лет правления Елизаветы Россия отдохнула от своей прежней тяготы, и русская церковь узнала спокойные дни. Елизавета была истинно православной женщиной. Это была искренняя последовательница старомосковского благочестия. Она выстаивала долгие службы, посты соблюдала во всей прежней их строгости, ходила пешком на богомолье, особенно известны ее выходы на богомолье в Троицкую лавру, которые напоминали по их пышности и по значительности богомольные походы ее деда и прадеда, царей Алексея и Михаила» *(Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство. От Петра Первого до наших дней. М., 2008)***.**

Король Пруссии Фридрих II Великий

«За спиной заговорщиков Шетарди и И. Лестока, организовавших заговор с целью захвата власти, стояли Франция, Швеция и Пруссия, но душою его был прусский король Фридрих II, который щедро оплачивал и Шетарди, и Лестока. Цель Фридриха — способствовать отстранению от русского престола Правительницы, которая *(естественно, она ведь была герцогиней Брауншвейгской и приходилась кровной родней царствующему Дому Священной Римской империи — С. В.)* ***придерживалась враждебной Пруссии австрийской ориентации, а также в перспективе провести на русский престол благоговевшего перед ним с детства племянника, голштинского герцога, сына дочери***

Петра I. Как известно, этот план удался, хотя история и внесла свои коррективы…

…Фридриху не удалось сделать Елизавету орудием в своих руках. Более того, Елизавета поняла действительные цели Лестока как секретного двойного агента одновременно и Пруссии, и Франции. В 1745 году русские спецслужбы перехватили тайную переписку Лестока и Шетарди: последний был выдворен из России, а Лесток потерял прежнее влияние. В 1748 году снова были перехвачены письма Лестока и заместителя канцлера М. И. Воронцова к прусскому королю-масону Фридриху, из которых следовало, что оба они регулярно получали деньги от прусского короля за некие тайные услуги. Тесно связанные с масонскими ложами Воронцов и Лесток были наказаны: Воронцов на время отстранен от государственной деятельности, а Лесток арестован, пытан в Тайной канцелярии, приговорен к смерти как политический преступник, но помилован и сослан в Углич, а затем в Устюг Великий» *(О. Платонов. Терновый венец России. М., 2000)***.**

Но это было потом, спустя семь лет после дворцового переворота, а до этого было так называемое «Лопухинское дело», организованное Лестоком, чтобы утвердить на должности главы внешнеполитического ведомства России своего человека — будущего великого канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, который хитро подыгрывал обеим сторонам.

Кто же он был таков, еще один всесильный иностранец при царском дворе?

Иоганн Герман Лесток, оказывается, был по молодости ближайшим другом Ягужинского.

И что же? ***«Едва освоившись с краем, который принял его как родного, он уже отворачивался от него и сближался с его врагами или же с теми, кто приезжал в Россию для того, чтобы стать ее врагом»*** *(П. В. Долгоруков)***.**

Иоганн Герман Лесток

И здесь нам нужно сделать необходимое отступление.

Вторгшиеся с подачи царя Петра Алексеевича и императрицы Анны Иоанновны в Россию иностранные наемники, многие из которых были профессиональными разведчиками, понимали, что только хорошо налаженная шпионская сеть может позволить не только собирать объективную и важную информацию о внутренней и внешней политике России, но, главное, влиять и на то, и на другое.

Измайловский и Конногвардейский полки — были, безусловно, кузницей масонских кадров, но этого было мало.

И вот тогда — во времена все той же Анны Иоанновны, которую весьма мало волновали вопросы российского образования, возникает проект о создании Шляхетского (кадетского) сухопутного корпуса.

А инициатором этого проекта выступает родственник первого российского масона, бывший при Петре I генерал-прокурором Павел Ягужинский, который в свое время оказал Анне Иоанновне большую услугу при ее восшествии на престол, благодаря которому ей и удалось справиться с «верховниками». И Анна Иоанновна благословила новую затею Ягужинского.

Шляхетский корпус блестяще справился с задачей, которую ставили перед собой масоны, готовившие русских «вольтерьянцев»: «***Кадетский шляхетский корпус нередко называли "рассадником великих людей". Из его стен вышли фельдмаршалы П. А. Румянцев и М. Ф. Каменский, писатели А. П. Сумароков и М. М. Херасков, первый русский актер Ф. Волков, историк И. П. Елагин, герои Отечественной войны 1812 г. генералы Д. С. Дохтуров, Я. П. Кульнев, И. С. Дорохов и др.***

Особое место занял Сухопутный шляхетский кадетский корпус в истории развития русской литературы и театра. Его воспитанники объединились в "Общество любителей русской словесности", где читали свои стихи, сочинения и переводы. Трагедия А. П. Сумарокова "Хорев" была сыграна ими на сцене в 1749 г., а уже 1 января следующего года во дворце императрицы Елизаветы Петровны. В главных ролях выступали П. И. Мелиссино (будущий генерал от артиллерии, директор Артиллерийского и инженерного кадетского корпуса), П. С. Свистунов (впоследствии действительный тайный советник), Н. А. Бекетов (будущий генерал-поручик), кадет Ф. Волков и сам А. П. Сумароков. Спектакль неоднократно повторялся и в корпусе, и при дворе. Вскоре по Высочайшему повелению был учрежден Русский театр во главе с директором А. П. Сумароковым».

Первой женой Ягужинского была Анна Федоровна Хитрово, но, возвысившись при царском дворе, он избавился

от нее: «***…Петр I приказал запереть г-жу Ягужинскую в монастырь и безо всяких формальностей развода, без обращения в Синод через год он женил своего фаворита на графине Анне Головкиной, дочери канцлера***» *(П. В. Долгоруков)*.

Одна из дочерей Ягужинского была женой того самого графа Головина, который представлял в России интересы Пруссии и в одной масонской ложе с которым состояли братья Чернышевы. Им, в отличие от Головина, не пришлось держать ответа перед незаконнорожденной дочерью Петра I.

Почему?

Потому что они оба были такими же незаконнорожденными сыновьями императора. Впрочем, как и будущий фельдмаршал масон Румянцев, который также был родным сыном Петра.

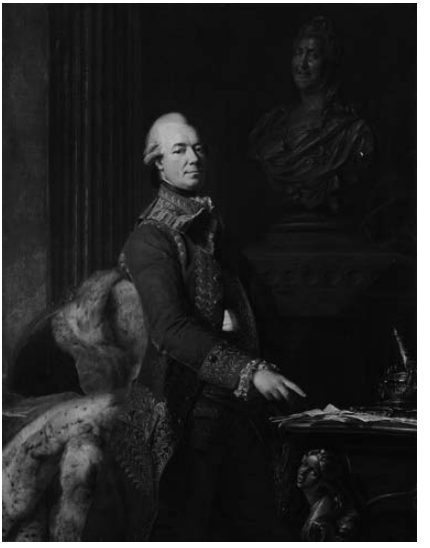
«Как и Румянцев, Григорий Петрович, первый граф Чернышев был обязан своими чинами, богатством и титулами тому факту, что Петр I решил его женить на одной из своих любовниц. <…> Ему было 40 лет, когда царь предложил ему жениться на одной из своих любовниц, юной особе 17 лет, красивой, умной, из старинной семьи, но развратной и до крайности циничной, но жениться с условием, что царь будет продолжать отношения с этой дамой *(Авдотьей Ивановной Ржевской, дочерью "княгини-игуменьи" Всепьянейшего собора Дарьи Ржевской — С. В.)***. Чернышев согласился; он женился, был произведен в генерал-майоры и получил четыре тысячи душ крепостных. Один за другим родилось четверо дочерей и трое сыновей — Петр, Григорий и Захар (четвертый, Иван, дед достойного и несчастного декабриста графа Чернышева, родился через десять месяцев после смерти Петра I, и нам неизвестно его происхождение). По рождении каждого ребенка Чернышеву дарились новые земли».**

Кстати, очень любопытные подробности свадьбы оставил нам сам Чернышев: ***«По взятии Выборха и по прибытии оттуда в Питербурх, в 1710 году, [я] женился (38-ми лет), взял Иванову дочь Ивановича Ржевского, девицу Авдотью; венчали в крепости, в деревянной церкви, во имя святых апостолов Петра и Павла; от церкви ехали в государеве буере, кой называется «Фаворит», а прочие присутствующее при том особы в других буерах, вниз Невою, на Васильевской остров, в дом его светлости генерала-фельдмаршала князя Александра Даниловича Меншикова. И во оном доме был стол; а после стола, из дому его светлости, девицы государыни царевны Екатерина Иоанновна, Анна Иоанновна, отцами: светлейший князь Александр Данилович Меншиков, генерал-адмирал граф Федор Матвеевич Апраксин, другою матерью светлейшая княгиня, Дарья Михайловна Меншикова, фоншнейдор Павел Иванович Ягужинской, Шафиров; из морских и сухопутных офицеров 12 человек; братья были: канцлер граф Гаврила Иванович Головкин, от гвардии майор князь Василий Володимирович Долгоруков; сестры: Домна Андреевна Головкина*** *(жена канцлера — С. В.),* ***Сара Ивановна Брюсова*** *(то есть жена Якова Брюса — С. В.)».*

А вот и подробности о сыновьях-масонах: ***«…граф Петр <…> был русским посланником поочередно в Копенгагене, в Берлине, в Лондоне и в Париже; это был умный и талантливый человек, но безмерно спесивый, необычайно тщеславный и невыносимо высокомерный; его никто не любил. Совсем другим был его брат, знаменитый фельдмаршал граф Захар, который очень походил на Петра I, не фигурой, потому что был маленького роста, но чертами лица; у него был даже тот же тик, что и у грозного императора, их отца».***

Граф Петр Григорьевич Чернышев

Граф Захар Григорьевич Чернышев

Иван Григорьевич Чернышев

Что толкало прямых потомков Петра Великого на связь с тайными шпионскими организациями?

Вероятно, неудовлетворенная жажда власти, которая влилась в них вместе с императорской кровью. Они были богатыми, но не всесильными; в больших чинах, но не на первых ролях…

В числе тех, кого назвал масонами Головин, — Кирилл Разумовский. Его брат, Алексей Григорьевич Разумовский, в 1742 году стал любовником, а в 1744 — тайным мужем императрицы Елизаветы. Когда же успел вступить в Орден его младший брат, если он был в 1743 году отправлен учиться за границу, будучи неграмотным четырнадцатилетним мальчишкой, стал студентом Кенигсбергского (учился вместе с Иммануилом Кантом, вот и набрался мудрости, жил у великого Эйлера, который учил его математике), Берлинского и Гёттингенского («лекции посещал инкогнито»?) университетов, но вернулся домой уже через два года (совершив

при этом еще путешествие по Италии и Франции), пройдя «полный курс обучения» и получив (в восемнадцать лет и за неизвестно какие научные заслуги) должность президента Российской (Санкт-Петербургской) Академии наук, в которой пребывал всю оставшуюся жизнь, снискав себе славу человека, поддержавшего в русской науке Михаила Васильевича Ломоносова.

Жуть берет, когда вчитываешься в то, о чем сам пишешь.

Кирилл Григорьевич Разумовский

Но не все так безобидно и безоблачно. За границу Кирилл Разумовский был отправлен не один. С ним следовал сопровождающий — еще один гений века Просвещения, когда за два года обучения можно было стать кем угодно, — Григорий Николаевич Теплов, ***«русский философ-энциклопедист, писатель, поэт, переводчик, композитор, живописец и государственный деятель»***, получивший в 1733–1736 гг. образование в той же Пруссии, откуда прибыл в Россию и масон Разумовский. Вы думаете, я перечислил все его заслуги? Куда там: ***«Сенатор, действительный тайный советник, противник Петра III, ближайший сподвижник Екатерины Великой, близкий друг и наставник графа Кирилла Разумовского, глава гетманской канцелярии в Малороссии с 1741 года и фактический инициатор её упразднения. Действительный член Академии наук и художеств, адъюнкт по ботанике (с 1742 года), почётный член Императорской Академии наук и художеств (с 1747), фактический руководитель Академии с 1746 по 1762 год. Создатель устава Московского университета».***

Разумовские был сыновьями казака Григория Розума с Черниговщины, один из которых — старший Алексей — обладал прекрасным голосом (почему и попал в придворную хоровую капеллу) и замечательными мужскими достоинствами, почему обратил на себя всеядный взор царевны Елизаветы Петровны: ***«Елизавета отнюдь не отличалась постоянством в плотских утехах: она любила разнообразие и никогда себе в этом не отказывала; но ее сердце безраздельно принадлежало Разумовскому до того самого момента, когда, позднее, ее абсолютным повелителем стал Иван Шувалов»***.

Елизавета не жалела ничего для безродного Кирилла Разумовского, потому что безумно любила его брата.

Официальным отцом другого русского ученого — Теплова — считается некий истопник.

Но настоящего «истопника» звали Феофаном — точнее, Феофаном Прокоповичем, о котором его коллеги (например, протоиерей Георгий Флоровский) отзывались следующим образом: ***«Феофан Прокопович был человек жуткий. Даже в наружности его было что-то зловещее. Это был типический наемник и авантюрист, — таких ученых наемников тогда много бывало на Западе. Феофан кажется неискренним даже тогда, когда он поверяет свои заветные грезы, когда высказывает свои действительные взгляды. Он пишет всегда точно проданным пером. Во всем его душевном складе чувствуется нечестность. Вернее назвать его дельцом, не деятелем. Один из современных историков остроумно назвал его "агентом Петровской реформы"»***.

Феофан Прокопович

«Не было почти рода писательства, к которому не был бы причастен Феофан. Богослов, проповедник, канонист, юрист, историк, поэт совмещались в нём с разною степенью дарования, но, во всяком случае, в необыкновенном сочетании. Таких разносторонних и плодовитых талантов мало можно встретить среди наших деятелей XVIII века. Взятая в целом личность Феофана Прокоповича всегда останется одной из центральных фигур русской истории XVIII столетия».

Еще бы — получив образование в Риме, в греко-униатской школе, он принял православие, которое никогда не исповедовал, будучи, по мнению самого Петра I, скорее лютеранином, за что царь назначил его сначала ректором Киевской духовной академии, профессором теологии, затем епископом Псковским и Нарвским, членом правительственного Синода и главным реформатором русской православной церкви.

«Достигнув осуществления всех своих честолюбивых замыслов и желаний, став полновластным господином русского духовенства, поверженного к его ногам, ссылая, отравляя, безнаказанно тираня своих врагов, Феофан умер в Петербурге, 8 сентября 1736 года, в возрасте 55 лет. Его конец был беспокойным и тяжелым: надвигающаяся вечность его ужасала. На смертном ложе, поднеся руку ко лбу, он воскликнул: «О, голова, голова, разума упивься, где приклонишься?» *(П. В. Долгоруков).*

И о Теплове: ***«В то время как Феофан занимал пост псковского архиепископа, он взял себе в любовницы жену одного из истопников епископской обители; от этой женщины у него был сын, названный Григорием Николаевичем Тепловым; он стал одним из самых умных, самых образованных и в то же время самых пройдошистых людей своей эпохи. Он был воспитателем фельдмаршала-гетмана Разумовского и сенатором в царствование Екатерины II»*** *(П. В. Долгоруков)***.**

Секрет, думается, очень прост: папа способствовал посвящению сына в прусский сатанинский Орден, и Теплов с молодым Разумовским только повторяли уже знакомый маршрут, чтобы исполнить волю хозяина — прусского короля — и обставить со всех сторон русский трон своими — посвященными и просвещенными — людьми.

Поэтому первый состав русских масонов — это якобиты, нашедшие пристанище в России и создавшие первое «осиное гнездо».

Второй состав — это русские «выкресты», изменившие и своей вере, и своей Отчизне.

Внук одного из первых русских масонов, Ивана Чернышева (правнук царя Петра I), Захар Григорьевич Чернышев за участие в декабрьском восстании был сослан на Нерчинские рудники, потом отбывал ссылку в Якутске, был послан солдатом на Кавказ, где был тяжело ранен и заслужил царское прощение. Но это преамбула. Главное в другом: в 1834 году он женился. Его супругой была дочь сенатора Теплова, правнучка Феофана Прокоповича. Вот как тесен мир масонов…

Люди, называвшие себя вольными каменщиками, на самом деле стремились к разрушению — разрушению самодержавия, православия, государства под лозунгами свободы личности, всеобщего равенства и братства. Теперь, когда мы знаем истинную цену всем этим фальшивым лозунгам, то вряд ли с тем же щенячьим пионерским восторгом, как прежде, будем разделять взгляды масонов (декабристов, революционеров всех мастей, а тем более большевиков) на свободу личности как первооснову мироздания, которой нужно добиваться ценою кровавых революций и гражданских войн.

Но на заре формирования новой революционной идеологии тайные масонские общества вносили свежую струю в затхлую придворную, да и вообще повседневную, жизнь, наполняя ее романтическим ароматом и рисуя в воображении героические былинные картины. А в итоге российская

повседневность (особенно если ее можно было сравнить с заграничной, наполненной культом всевозможных наслаждений) становилась еще более унылой, серой и постылой. Как при Советской власти… (Правда, потом, когда годы Советской власти уже остались только в памяти, почему-то начали рождаться такие вот прибаутки: «Когда мы были пионерами, нам говорили о том, как хорошо будет жить в будущем, а сейчас, когда прошли пионерские годы, я вспоминаю, как хорошо мы жили, когда были пионерами»). Все относительно в этом мире, в зависимости от того, какие истины становятся ценными, а какие ценности — истинными.

Русская свободомыслящая интеллигенция рождалась в условиях тайных масонских лож, прививая русскому обществу западноевропейские (так называемые общечеловеческие!) идеалы, и теряя (уничтожая!) идеалы национальные, что, как правило, приводило к социальным катастрофам — опричнина, Великая Смута, Февральская и Октябрьская революции, крах СССР…

А вот и итог. ***«В 1756 году руководитель Тайной канцелярии А. И. Шувалов приносит царице показания Олсуфьева о прусской масонской ложе «Молчаливость» в Петербурге, в которой числилось 35 представителей лучших княжеских и дворянских родов, а также лучшие представители русской интеллигенции первой волны: драматург Александр Сумароков, историки Михаил Щербатов, Иван Болтин, Федор Дмитриев-Мамонов…».***

Исследуя этот список, мы обнаруживаем, что этот тайный масонский политический клубок объединяла не только идеология, но и близкие родственные связи, и целью его, как выясняется, была не только и, вероятно, не столько просветительская деятельность (которая на самом деле служила мощным идеологическим щитом), сколько влияние на государственное управление и даже захват власти в империи. Из тридцати пяти членов масонской ложи «Молчаливость»

(в которой почему-то были и совершенно случайные люди из круга, далекого от аристократического), созданной братьями Воронцовыми по проекту прусского короля Фридриха, который ставил перед собой задачу расчленения великой России, мы можем выделить в отдельную строку следующих «братьев-масонов», которые и на самом деле приходились друг другу ближними и дальними родственниками: Петра Александровича Бутурлина (женатого на Марии Романовне Воронцовой); Михаила Ивановича Дашкова (женатого на Екатерине Романовне Воронцовой); Сергея Никитича Трубецкого, матерью которого была Анастасия Гавриловна Головкина (его племянник Сергей Петрович Трубецкой, тоже масон, был впоследствии одним из руководителей восстания декабристов).

А также тех, кто был в родстве с первыми лицами империи: Федора Ивановича Дмитриева-Мамонова (дядя которого, Иван Ильич Большой, был женат на царевне Прасковье Иоанновне, сестре императрицы Анны Иоанновны); Сергея Калиниковича Пушкина (родной брат которого — Иван — был женат на дочери светлейшего князя А. Д. Меншикова Татьяне), Федора Сергеевича Голицына (матерью которого была Прасковья Федоровна Головина, а женой — Анна Григорьевна Чернышева, дочь Петра I) и его брата князя Алексея Сергеевича [хотя, по нерасшифрованным инициалам в списке, это мог быть и князь **Алексей Борисович Голицын** (30 июня 1732–9 ноября 1792) — генерал-майор, первый русский мартинист; брат князя Владимира Борисовича Голицына, женатого на Наталье Петровне Чернышевой, дочери Петра Григорьевича, внучке царя Петра. Князья Владимир Борисович и Алексей Борисович Голицыны родились в семье адмирала князя и Екатерины Ивановны Стрешневой, внучки и единственной наследницы первого московского губернатора Тихона Стрешнева, родного отца царя Петра. Отец братьев Голицыных был внуком князя Б. А. Голицына,

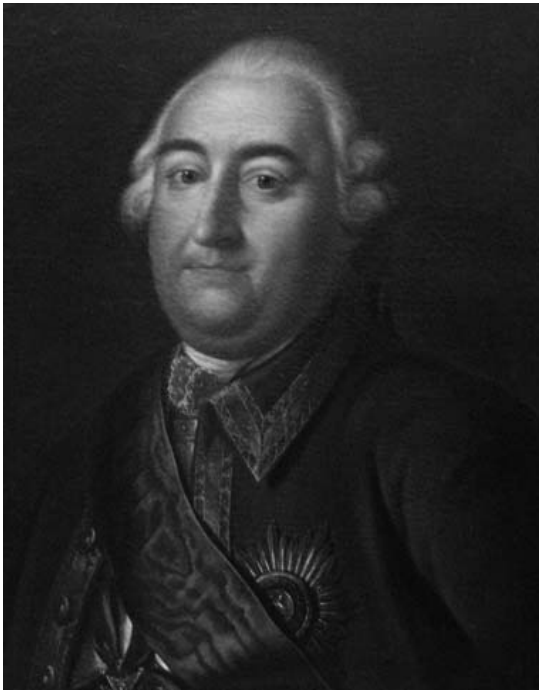
дядьки Петра I, а мать приходилась племянницей знаменитому князю Вас. Лук. Долгорукому, казненному Анной Иоанновной за попытку незаконно овладеть российским троном].

У самого Ягужинского было большое семейство от двух его жен. Хитрово родила ему Екатерину, Наталью и Прасковью. Наталья, как мы знаем, стала Головиной. Екатерина — Лопухиной (замужем за Василием Абрамовичем Лопухиным, племянником царицы Евдокии Лопухиной, первой жены царя Петра I). Прасковья — княгиней Гагариной (ее муж князь Сергей Васильевич, впоследствии сенатор, начинал свою придворную карьеру с того, что был камер-юнкером при дворе правительницы Анны Леопольдовны, а 10 марта 1742 года назначен камергером к герцогу Голштинскому Петру-Ульриху, вскоре объявленному наследником русского престола).

Граф Павел Иванович Ягужинский

Вторая жена Ягужинского — графиня Головкина — родила Сергея Павловича, который в первом браке был женат на Анастасии Ивановне Шуваловой (родной сестре Ивана Ивановича Шувалова, фаворита императрицы Елизаветы Петровны, основателя Московского университета и Академии художеств, масона), Марию Павловну Ефимовскую (породнившуюся с прибалтийской родней императрицы Екатерины I) и Анну Павловну — супругу графа Петра Федоровича Апраксина, родного брата фельдмаршала, масона Степана Федоровича, о прямой предательской деятельности которого на этом посту в период Семилетней войны имеются серьезные доказательства:

Генерал-фельдмаршал Степан Федорович Апраксин

«Страшным преступлением масонов против России были их интриги во время Семилетней войны. Я, конечно, далек от мысли сводить все перипетии этой войны к масонским интригам, но главное налицо — совершенно очевидно имел место факт предательства, а инфраструктурой этого предательства послужило масонство, закулисные махинации которого перечеркнули славные победы русских войск.

Ко времени Семилетней войны германский император, король прусский, герцог Брауншвейгский, Гольштейн-Бекский и некоторые другие владетельные особы были руководителями немецких масонских лож. Соответственно к масонским ложам принадлежали и дворы этих особ, и главные политические и военные деятели. Как свидетельствуют архивы, все эти люди по своим масонским каналам были тесно связаны с молодым русским масонством и всячески опекали его. Сложилась система неформальных связей, которая для многих русских масонов становилась предпочтительнее, чем служение Родине и ее интересам.

Прослеживая эти связи, прежде всего следует отметить, что наследник русского престола, будущий император Петр III, был членом немецкой масонской ложи и горячим поклонником ее гроссмейстера, прусского короля Фридриха II.

Большое количество масонов подвизалось в штабе и среди ведущих военачальников, направленных в Восточную Пруссию для борьбы с Фридрихом II, и прежде всего в окружении фельдмаршала Апраксина, а позднее и главнокомандующего масона В. В. Фермера: генералы братья Ливены, П. И. Панин, З. Г. Чернышев, волонтеры князь Н. В. Репнин, граф Я. А. Брюс, граф Апраксин и др. Усилилось влияние масонства и в окружении самой императрицы. В частности, с 1758 года великим канцлером России

становится масон М. И. Воронцов, родной брат руководителя масонской ложи "Молчаливость".

Достаточно сказать, что в разгар Семилетней войны в Восточной Пруссии в Кенигсберге действовала ложа "Три Короны", возглавляемая прусским чиновником Шредером. В эту ложу входили многие русские офицеры, воевавшие в Восточной Пруссии. Изменнический характер этой ложи состоял хотя бы в том, что она подчинялась Великой Ложе "Трех Глобусов", Великим Мастером которой был прусский король Фридрих II.

19 августа 1757 года у Гросс-Егерсдорфа произошло первое крупное сражение между русскими войсками, которыми командовал фельдмаршал Апраксин, и прусской армией. В результате упорных боев русские вынудили пруссаков к беспорядочному бегству. Прусская армия была разгромлена, потеряв семь с половиной тысяч убитыми и ранеными. Для русских появилась возможность беспрепятственного продвижения в глубь Пруссии на Кенигсберг. Однако главнокомандующий Апраксин остановил преследование разбитой прусской армии, а затем приказал своим войскам отойти в Литву и Курляндию, безосновательно ссылаясь на недостаток продовольствия и распространение болезней в русских войсках.

Среди русских офицеров все это вызвало волну негодования. Вот что пишет участник этой битвы А. Т. Болотов: "Молва носилась тогда в армии, что многие будто и представляли, что учинить за неприятелем погоню и стараться его разбить до основания; так же будто советовали фельдмаршалу и со всею армиею, не медля ничего, следовать за бегущим неприятелем. Но господином Ливеном *(масоном — О. П.),* ***от которого советов все наиболее зависело и которому, как мы после уже узнали, весьма неприятно было уже и то, что нам… удалось победить неприятеля, сказано будто при сем случае было, что 'на***

один день два праздника не бывает, но довольно и того, что мы и победили"".

"Фельдмаршал наш, — писал в другом месте Болотов, — в донесении своем ко двору о сем происшествии, старался колики можно скрыть и утаить свою непростительную погрешность <…> Превозносил храбрость и отважность пруссаков до небес и утаивал совершенно то обстоятельство, что из армии нашей и четвертой доли не было в действительном деле, а что все дело кончили не более как полков пятнадцать, прочие же все стояли, поджав руки и без всякого дела за лесом.

<…> Старался все заглушить приписыванием непомерных похвал бывшим при сражении волонтерам князю Репнину, графу Брюсу, графу Апраксину, капитану Болтингу *(все имена масонов — О. П.)* ***<…> За предательское поведение фельдмаршал Апраксин был арестован и предан суду. Новый главнокомандующий немедля двинул войска в Германию. 11 января 1758 года был взят Кенигсберг, его власти и жители присягнули Елизавете. К концу января вся Восточная Пруссия находилась в руках русских войск.***

Но и в этой кампании проявлялось вмешательство масонов. При взятии Кенигсберга масонская ложа 'Три Короны' обратилась по масонским каналам к русскому командованию с ходатайством пощадить их город и не разрушать его как военную крепость. Ходатайство было удовлетворено.

Несмотря на масонские интриги и недоброжелательную политику западноевропейских держав, русские войска наголову разгромили пруссаков и в сентябре 1760 года вошли в столицу Пруссии Берлин. Однако вскоре они были отозваны оттуда, в связи с чем кампания 1760 года оказалась как бы безрезультатной. Отряд войск, занявших Берлин, возглавлял тогда, в частности, старый масон З. Г. Чернышев. Возможно, это также может послужить

ответом на вопрос, почему русские покинули Берлин”» *(О. Платонов. Терновый венец России. М., 2000)***.**

Но все это произойдет уже к концу царствования императрицы Елизаветы Петровны, когда масонское лобби России займет все ключевые позиции в государстве и совершит очередной государственный переворот, возведя на российский трон императрицу Екатерину II и физически уничтожив законного императора Петра III Федоровича.

Гавриил Головкин, отец второй жены Павла Ягужинского, был первым в отечественной истории канцлером Российской империи (с 1717 года — президент Коллегии иностранных дел). О его моральном облике сообщает родной внук, граф Федор: ***«В повторявшихся часто оргиях Петра I его великий канцлер играл большую роль. Об этой части истории трудно говорить, не нарушая приличия, но она слишком интересна, чтобы совсем обойти ее молчанием. Регламент этих оргий требовал, чтобы вокруг стола проносили живое изображение бога садов, и никто из вельмож не оказался более подходящим для этого, как мой прадед. В тот момент, когда процессия трогалась с места, две дамы, из коих одна всегда была г-жа Чернышева, мать двух фельдмаршалов, брали обеими руками большое золотое блюдо, на которое великий канцлер клал необходимые атрибуты богатства, после чего начиналось шествие с пением подходящих к случаю гимнов и возлиянием меда»***.

Головкин оказал необходимое содействие Анне Иоанновне при восшествии ее на трон: ***«Родившись сыном бедного дворянина, владевшего в Алексинском уезде всего пятью семействами крепостных, Головкин достиг графского достоинства двух империй и сделался владельцем 25 000 крестьян»***, — резюмирует головокружительную карьеру петровского канцлера П. В. Долгоруков.

И если уж канцлер Головкин сумел сделать головокружительную карьеру своему зятю Ягужинскому, то для родного

сына он постарался еще больше: «***Любимец своего отца, — вспоминал о дяде Ф. Г. Головкин, — очень красивый и прекрасно воспитанный, младший из трех братьев, Михаил имел быстрый и блестящий успех. Назначенный в молодые годы посланником в Берлине и в Париже, он скоро вернулся оттуда, чтобы занять место вице-канцлера или министра иностранных дел под руководством отца. Его женили на Екатерине, последней представительнице древнего рода Ромодановских и двоюродной сестре по своей матери, великой княжны, а впоследствии императрицы, Анны. Ее отец был известен под названием "князя-кесаря", потому что он занимал трон каждый раз, когда Петр I жаловал самому себе чины и награды, которые он, по его мнению, заслужил перед государством***».

Но взлет его политической карьеры пришелся на правление Анны Леопольдовны, когда он принял должность вице-канцлера империи и предложил правительнице заточить царевну Елизавету в монастырь.

За это он и поплатился головой: его должны были обезглавить, но на эшафоте смертную казнь заменили ссылкой в Якутию, где он через 13 лет и умер. Жена, урожденная княгиня Ромодановская, дочь «папы-кесаря», добровольно последовала в ссылку за мужем, за что была лишена всего своего имущества и возвратилась в Россию после смерти мужа, уже при Екатерине II, привезя его прах в Россию.

Павел Ягужинский умер в 1736 году, поэтому его не коснулись новые политические перипетии, жертвами которых оказались его ближайшие родственники. Вот, в частности, как сложилась дальнейшая судьба его собственной жены: ***«Вдова графа Ягужинского, урожденная княжна Анна Головкина, была одной из самых умных и приятных женщин своего времени. Внешне некрасивая, отмеченная оспой, она была статной, высокой, щегольски одевалась и блистала изящными манерами; она была знатной дамой с ног***

до головы. Ссылка ее брата, графа Михаила Головкина, которого, как и его добродетельную жену, она нежно любила, разбила ей сердце; надеясь быть полезной брату и невестке, в 1742 году она вышла замуж за графа Михаила Бестужева-Рюмина, старшего брата канцлера, большого придворного интригана» *(П. В. Долгоруков)**.***

И попала таким образом в самый эпицентр политической борьбы.

Мы в данном случае несколько нарушаем хронологию событий, связанных с дворцовыми заговорами российских масонов, так как первоначально следует дело камчатских ссыльных Квашнина-Ивашкина с его подельниками Турчаниновым и Сновидовым, которое открывало эру правления Елизаветы Петровны и происходило в 1742 году.

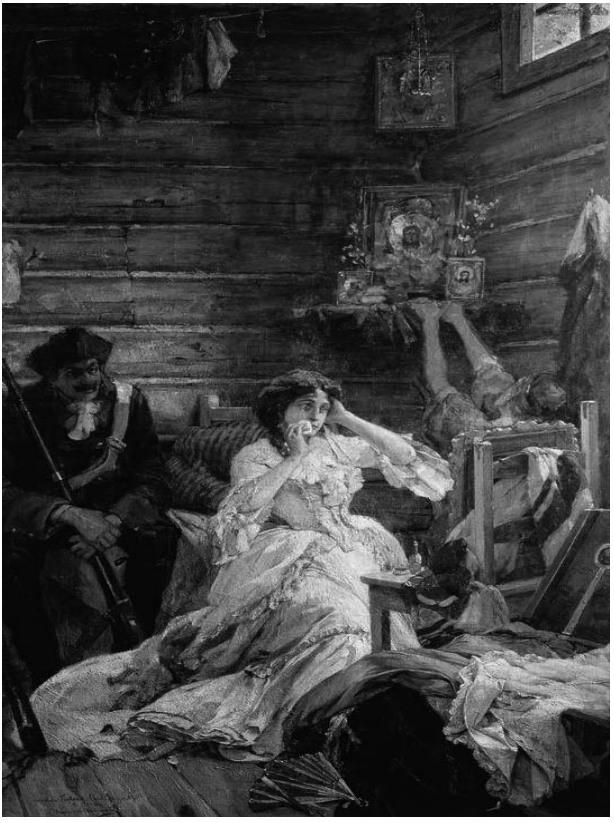
Царица Евдокия Лопухина

И для этого есть особые причины, корни которых уходят в далекое прошлое, в самое начало XVIII столетия, когда царь Петр I, сгорая страстью по проживающей в Немецкой слободе Анне Монс, которую в качестве своей собственной любовницы грамотно подложил под царя (который был большой любитель чужих любовниц) его ближайший друг и соратник Лефорт, и желая быть только с ней, обрекает на заточение в монастырь свою законную жену Евдокию Лопухину, мать своего сына, царевича Алексея Петровича. Почти десять лет своей жизни провел царь с «Кукуйской царицей» и даже собрался на ней жениться, как случилось непредвиденное: 11 апреля 1703 года после обильного традиционного возлияния по случаю ремонта царской яхты утонул в Неве саксонский посланник Ф. Кенигсек. Утонул, вероятно, не случайно (Анну Монс ненавидел князь Меншиков): в его бумагах (которые каким-то образом сразу же оказались у князя, хотя сам труп был обнаружен только осенью) были найдены любовные письма от Анны и ее медальон. Этот роман, оказывается, длился уже пять лет. Случайного здесь, конечно же мало: чужих любовниц шпионы использовали в своих целях всюду и всегда, и саксонский посланник не был исключением из этих правил.

Анна Монс. Неизвестный художник. Предполагаемый портрет.

Петр I не казнил Анну, хотя и отдалил ее от себя навсегда и отдал под надзор князя Ромодановского, главы Преображенского приказа. Он казнил единственную свою любовницу — Гамильтон, но вовсе даже не за измену, которая имела место быть, а за то, что мадемуазель Гамильтон посмела избавиться от плода, который был результатом любовной связи с монархом.

Павел Сведомский. Мария Гамильтон перед казнью. 1904. Омский областной музей изобразительных искусств им. М. А. Врубеля

«Кукуйская царица» хотя и переживала опалу, но и в этой своей роли не прекращала интересовать спецслужбы иностранных государств. Неожиданно уже в 1704 году на ней возжелал жениться прусский посланник Георг-Иоанн фон Кейзерлинг, но дело кончилось скандалом, о котором сам посланник позже докладывал своему королю (сильно, как мне кажется, при этом привирая о своем собственном геройстве):

Ваше королевское величество соблаговолит припомнить то, что почти всюду рассказывали в искажённом виде обо мне и некоей девице Монс, из Москвы — говорят, что она любовница царя. <…> Когда же я обратился к царю с моей просьбой, царь, лукавым образом предупреждённый князем Меншиковым, отвечал сам, что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то он ни о ней, ни о её родственниках ничего ни слышать, ни знать не хочет. Я возражал с подобающим смирением, что его царское величество напрасно негодует на девицу Монс и на меня, что если она виновата, то лишь в том, что, по совету самого же князя Меншикова, обратилась к его посредничеству, исходатайствовать у его царского величества всемилостивейшее разрешение на бракосочетание со мной; но ни она, ни я, мы никогда не осмелились бы предпринять что-либо противное желанию его царского величества, что я готов подтвердить моей честью и жизнью. Князь Меншиков вдруг неожиданно выразил своё мнение, что девица Монс действительно подлая, публичная женщина, с которой он сам развратничал столько же, сколько и я. <…> Тут я, вероятно, выхватил бы свою шпагу, но у меня её отняли незаметно в толпе, а также удалили мою прислугу; это меня взбесило и послужило поводом к сильнейшей перебранке с князем Меншиковым. <…> Затем вошёл его царское величество; за ним

посылал князь Меншиков. Оба они, несмотря на то, что Шафиров бросился к ним и именем Бога умолял не оскорблять меня, напали с самыми жёсткими словами и вытолкнули меня не только из комнаты, но даже вниз по лестнице, через всю площадь (Люблин, 1707 года, 11-го июля н. ст.).

Был международный скандал. Перед посланником не только извинились, но и казнили двух замешанных в скандале гвардейцев. Фон Кейзерлинг женился на Анне Монс, но как-то очень быстро, буквально через несколько месяцев после этого, умер. Ненадолго пережила его и «молодая» жена — в 1714 году она умерла от скоротечной чахотки.

Казалось бы, можно поставить точку в этой грязной истории. Но, оказывается, на самом деле история только еще начиналась.

Старшая сестра Анны, Матрена (Модеста) Монс успела удачно выскочить замуж в период политического взлета сестры в 1699 году — ее избранником (по воле самого царя Петра) был потомок лифляндских дворян фон Балкен, который на русской службе стал генералом Фридрихом Балком («любимым полковым командиром царя»), а его жена соответственно — «Балчихой». Но за пособничество любовной связи сестры с саксонским посланником Матрена была на три года посажена в тюрьму. А еще через несколько лет она настолько сблизилась с будущей императрицей Екатериной, что заслужила не только прощение, но приобрела заново и расположение царя, который определил ее ко двору Екатерины в качестве статс-дамы, а ее детей — Петра и Якова — сделал камер-юнкерами императрицы.

А распорядилась она всем этим совершенно по-своему, сделав любовником еще не вдовствующей императрицы своего родного брата — Вильяма, который настолько хорошо пристроился при императрице, что завел даже собственного секретаря Егора Столетова, который брался решать через фаворита любые государственные назначения.

Вильям Монс был принят на русскую службу по протекции прусского посланника, своего нового родственника — фон Кейзерлинга. В 1707 году, после известного скандала, Кейзерлингу не стали отказывать в такой мелочи, как определение на службу Вильяма Монса. Но в 1711 году он уже лейтенант лейб-гвардии Преображенского полка и адъютант Петра I. А в 1716 — камер-лакей императрицы Екатерины Алексеевны, управляющий всеми ее делами, в том числе и постельными.

Вильям Монс

Я думаю, что прусские спецслужбы приложили к этому свою руку — и семья Монс-Балк снова прочно укреплялась при троне.

А погубила фаворита жадность. Жадность даже не его самого, а доверенных его лиц — секретаря Егора Столетова и шута императора Ивана Балакирева, которые брали сумасшедшие взятки со всех, кто хотел заручиться поддержкой будущей самодержицы и ее фаворита, с нетерпением ожидая кончины самого Петра I.

За эту жадность, названную в приговоре «экономическими преступлениями», чтобы оправдаться в общественном мнении и не выглядеть рогоносцем (хотя это было для всех очевидным), царь велел отрубить Вильяму Монсу голову. Этого ему показалось мало — и он привез свою супругу на место казни, чтобы полюбоваться произведенным эффектом. Отрубленную голову Монса вместе с головой казненной Марии Гамильтон Петр хранил в банке со спиртом в Кунсткамере. Царь оказался настолько взбешен этой изменой, что был на грани расторжения брака и лишения Екатерины короны. Но его сумели отговорить.

Зло было вымещено на Балкше — ее наказали кнутом и сослали «навечно» в Тобольск. Были разжалованы из дворовых чинов ее дети и сосланы в армию. Наказаны кнутом и сосланы Столетов и Балакирев.

Но шел 1724 год. До смерти Петра оставались считанные дни.

«…теперь она желала смерти человека, который вытащил ее из грязи и возвел на трон: она пребывала в опасении, что возобладай Петр над своей болезнью и останься он жив, то после замужества своих дочерей он мог бы сослать ее в монастырь; к тому же после истории с Монсом ее личная жизнь стала невыносимой… Меншиков, ее старый покровитель, оставался самым верным другом и советником, но и он тоже впал в немилость; так что

стали поговаривать о его неминуемом падении. Таким образом, и Екатерина, и Меншиков, оба считали дни до кончины своего благодетеля и всеми помыслами призывали его скорую смерть. <…> Во время болезни и Екатерина и Меншиков остерегались говорить ему о серьезности его состояния *(зная, что Петр не любил принимать лекарств — С. В.)* ***и побуждали скрывать свое недомогание. Они не подпускали к смертному одру никого, кроме своих сторонников. Только за несколько часов до смерти Петр осознал неизбежность близкого конца. Он послал за царевной Анной, но еще до того, как она пришла, потерял дар речи. Когда Анна вошла, он указал ей на аспидную доску, находившуюся в изголовье. Она схватила доску и приготовилась записать последнюю волю отца, но у него хватило сил пробормотать: "Я все оставляю…", как он потерял сознание и началась агония… Меншиков окружил дворец войсками и пушками, и Екатерина взошла на трон…»*** *(П. В. Долгоруков).*

Модесту-Матрену Балк Екатерина успела вернуть с полпути, но прожила она уже недолго.

Поэтому следующую страницу в этой истории открывает уже второе поколение потомков цирюльника Монс.

Его внучка — Наталья Федоровна Балк — стала членом семьи Лопухиных еще до известного в истории дела царевича Алексея Петровича и его матери Евдокии Лопухиной по инициативе самого Петра I, когда двоюродный брат царицы — Степан Васильевич Лопухин — ходил еще в любимцах царя.

А вот последующая интерпретация судеб людей, которые должны были бы ненавидеть друг друга:

«Вернувшись в Россию еще совсем юной (до 1718 г.), она вышла замуж за Степана Васильевича Лопухина, человека во многом для нее подходящего и не склонного стеснять свою жену. Она сохранила свою лютеранскую веру, язык, привязанность ко всему немецкому, старые семейные и дружеские связи и даже известную свободу в обращении с приятелями, стяжавшую ей репутацию неверной жены. В XVIII столетии супружеская верность была далеко не распространенной добродетелью, и семья, в которой она отсутствовала, часто оказывалась прочно связанной либо сословными и служебными интересами, либо расчетом, либо политическими партийными соображениями. В этом смысле семья Лопухина являлась союзом, где соединился представитель старинной русской знати с выскочкой из пришлой немецкой семьи, влиятельной при дворе в целях преуспеяния при нем. Впрочем, вскоре их объединило общее чувство ненависти к Петровскому правительству. Сначала не поздоровилось Лопухиным. Родственники опальной царицы вообще были не в милости и не в чести. Замыслы и поведение царевича Алексея, следствие и суд над ним, его сторонниками и родными ослабили значение Лопухиных еще более, но все же оставались лица, думавшие, что когда-нибудь и на стороне теперь опальной семьи будет сила и влияние. В 1719 году семью Степана Лопухина постигло личное несчастье. Его торжествующий вид и смех во время богослужения по случаю смерти царевича Петра Петровича был причиной ссылки его с женой и детьми в Кольский

острог. Суровой зимой (в январе-феврале 1720 г.), без всякого промедления, с малолетними детьми пришлось Наталье Федоровне скакать за мужем по пустыням нашего севера до далекой Колы, а в ней влачить день за днем жалкое бесправное существование политически ссыльной, которую предписывалось, как это подчеркнуто в указе Степану Лопухину, содержать так, "как и прочих таковых ссыльных людей". Наталия Федоровна видела унижение мужа, которого дважды "били нещадно батоги", притеснения и лихоимство сторожей. В ужасной обстановке и сам муж ее пил, буянил и ссорился с жителями острога и с местными властями, вызывая общую вражду и нелюбовь. Было место и для зависти, так как Лопухины сохранили свое имущество и могли жить даже в ссылке, материально ни в чем не нуждаясь, конечно, насколько это позволялось Кольским захолустьем. К их счастью, ссылка тянулась не долго. Монсы и Балки помогли Лопухину выбраться сначала в его деревни, а потом и в Москву, средоточие всех пострадавших и потерпевших неудачу в Петербурге. В 1723 году Лопухин находил смелость ходатайствовать за своих родных перед Вилимом Монсом. При Екатерине I пошатнувшееся было от расправы Петра положение новых людей опять окрепло: братья Балки были в фаворе и силе, а за них держались и Лопухины. Еще более благоприятны были для них вступление на престол Петра II и возвышение всех его родственников, к которым причислялась и семья Степана Лопухина. Сенатским указом от 21 июля 1727 г. его вернули из ссылки в Петербург. Император не только допустил Лопухиных ко двору, но возвел Степана Васильевича в звание камергера. Недавно опальную и обездоленную семью ожидали ласки и милости. Счастье, впрочем, вернулось ненадолго. Молодой император умер, и Лопухиным пришлось принять участие в глухой борьбе между наследниками Петра и Иоанна. Впрочем, направление было ими уже

давно избрано: Монсы, Балки и т. п. естественно влекли их к Левенвольде, Остерману и т. п. Еще юношеская приближенность Наталии Федоровны к царевне Екатерине Иоанновне и гонения, вынесенные ей от Петра, делали для нее Анну Иоанновну самым желательным кандидатом из всех существовавших, и, должно быть, она много постаралась в ее пользу, особенно в дни утверждения императрицы в самодержавии. В числе первых лиц, получивших милости от нового правительства, видим и Лопухину. 6 марта единовременно с А. Ягужинской она удостаивается чести быть возведенной в статс-дамы императрицы. Впрочем, в начале этого царствования семья Лопухиных теряется в толпе придворной знати Анны Иоанновны; но с течением времени картина меняется, и в конце царствования Лопухины делаются сильны и влиятельны. В этой счастливой перемене преимущественное значение имела Наталья Федоровна, которая и по симпатиям, и по родству принадлежала к немецкой партии, поддерживавшей, сообразно обстоятельствам, то Миниха, то Остермана, но неуклонно соблюдавшей личные интересы. В особенно близких и сердечных отношениях была она с графом Карлом Рейнгардтом Левенвольде, известным в русских источниках под именем Левольда. Благоволение немцев и умелое лавирование среди их же счетов дали Лопухину возможность получить должность кригскомиссара по морской части (указ Сената 11 сентября 1740 г.) в ранге вице-адмирала и с правом присутствования в Адмиралтейств-коллегии (указ 2 октября 1740 г.). Лопухин делается "персоной", и вместе с тем жена его становится влиятельной особой, статс-дамой, патронессой, у которой многие заискивают. Уже в эту пору XVIII ст. женщины часто вмешивались или непосредственно личным влиянием, или через посредство близких к ним почему-либо лиц в дела государственные, особенно внешние, и Лопухина

хотела быть такой дамой. Конечно, для нее главное было личное преуспеяние, но если помогали ей, то, надо думать, и от нее ждали того же; и не только ждали, но порой и получали: она была членом немецкой партии, она прятала и хранила вещи впавшего в немилость и сосланного Левенвольде, она близко сошлась с имперским послом маркизом Ботта-д'Адорно, искавшим лиц, у которых можно было разведать что-либо для осведомления своего двора о делах России. Вряд ли Лопухина могла быть кому бы то ни было солидной поддержкой в серьезных предприятиях, вряд ли даже могла дать нужное и полезное сообщение о чем-либо важном для иноземного посла, но и немецкие интриганы из русских подданных и такие же иностранные подданные могли быть осведомлены о многих делах даже государственной жизни, уже не говоря об интересовавших их подробностях придворной, благодаря болтливости и неосмотрительности этой словоохотливой и ничем не связанной с интересами России жены русского вельможи, и в общем стремлении партия Лопухина могла быть и полезной, и ценной, и даже незаменимым сотрудником» *(Фурсенко В. Лопухина, Наталья Федоровна // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1914. Т. 10)***.**

Лопухиных, скорее всего, разыграли в темную, как позже это случится с фельдмаршалом Степаном Апраксиным.

У Елизаветы Петровны были личные причины ненавидеть Наталью Федоровну — за слухи о том, что настоящим отцом Елизаветы Петровны был Вильям Монс.

А ближайшей подругой Лопухиной, как известно, была жена брата канцлера Бестужева, который представлял для русской партии прусского короля Фридриха самую страшную опасность.

И масоны, конечно же, не посмотрели на то, что жена брата канцлера была и их собственной родней: только власть представляла в их глазах истинную ценность, ради которой

можно было пойти на все — и на любую низость, и на любую подлость. Кровное родство было только политическим средством для достижения главной цели, а вовсе даже не духовным единством, не духовным родством.

А ситуация складывалась следующим образом, как сообщает «Русский биографический словарь»: оказавшись после падения Анны Леопольдовны в политической изоляции, ***«на всякий случай Лопухины отправились на поклон к «богу всех немцев на Руси» — к Лестоку: прием был по внешности любезный, но по существу более чем сухой, и не лучше Лестока отнеслись к людям в немилости и другие вельможи. Путь заискиваний у новой власти оказывался непроходимым, и после окончательного переселения Степана Лопухина в Москву и он, и жена его (оставшаяся с сыном Иваном в Петербурге) начинают удаляться от двора и занимать опасное положение лиц, враждебных существующему правительству. Их отношение к нему, ядовитые замечания о характере жизни и двора Елизаветы, ее министров и приближенных обращают на себя внимание зорких наблюдателей русской жизни, и когда одному из них, французскому уполномоченному в делах Д'Аллиону, удалось увидеть на свадьбе гр. Ягужинской с М. П. Бестужевым сборище этой оппозиции императрицы, в его голове явилась комбинация интриги, приведшая к возникновению дела о злоумышлении Ботты-Лопухиной. Корни этого дела, погубившего Лопухину, ее семью и массу собственно ни к какому преступлению не причастных людей, находятся и среди придворных отношений, и в счетах дипломатов между собой, и в происках держав, желавших свалить ненавистного многим из них вице-канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина. Русский вице-канцлер был особенно неудобен и нежелателен для Франции и Пруссии. Его политическая деятельность, направленная к умалению влияния Франции в Турции и Швеции и к сокращению сил***

«скоропостижного» прусского короля, с каждым месяцем становилась определеннее и решительнее. Ни уговоры, ни интриги, ни подкупы не помогали: вице-канцлер на уступки не шел — приходилось его убрать прочь от власти путем хотя бы преступления. Но в XVIII веке предпочитали всему хорошую придворную интригу; при русском дворе в интриганах недостатка не было, а так как ловкость и чистота поведения самого Бестужева делали невозможным прямое нападение на него, то нужно было найти лиц, связанных с ним какими-либо узами, и через них добраться до ненавистного и могущественного врага. Этими лицами — жертвами политической интриги — и стали Лопухины и Ягужинская. Поймать их в "преступлении" не было трудно. Вряд ли для кого из мало-мальски знакомых с ними людей было тайной их недовольство новыми порядками, их сожаление к павшей правительнице и благожелательство ко всем окружавшим ее лицам. Хорошо знали и все те злые словечки и скандальные анекдоты, которые рассказывались в этом враждебно настроенном кругу об императрице и ее любимцах; а порассказать было что. Все же это, в житейском обиходе принимаемое за пустую болтовню, злую светскую сплетню, в серьезном судебном разбирательстве сразу обращалось в тяжкое государственное преступление — поношение Высочайшей Особы Государя и злоумышление против Верховной Власти.

Международная организация, поставившая себе целью низложить Бестужева и работавшая для этого при всех крупных европейских дворах, в июне нашла, как ей казалось, зацепку, ухватившись за которую, можно было "кувыркнуть", по выражению Фридриха, братьев Бестужевых. В июне 1743 года в Берлине появился цесарский министр маркиз Антон Отто Ботта-д'Адорно, дважды проживавший до того в России (с 1739 по 1742 год). По его уверениям, правительство добродушной и мягкосердечной Елизаветы

Петровны не могло прочно установиться в России и вскоре должно было смениться партией Иоанна, сторонники которого рассчитывали вполне насладиться властью за время долгого регентства, установленного ими по случаю малолетства императора. К россказням Ботты прислушивались. Он уверял, что у него в России много друзей, знатоков края, и все они ждут несомненно торжества партизанов Брауншвейгской фамилии. Французский министр в Берлине маркиз Валори не только слушал все это, но и замечал. Замечания же свои в том же июне 1743 г. переслал в Петербург и посоветовал проживавшему там уполномоченному в делах Франции, Д'Аллиону, принять к сведению россказни Ботты. Сопоставив их со своими наблюдениями на свадьбе гр. Ягужинской и поделившись мыслями с Лестоком, д'Аллион и его друг были вполне подготовлены придать лопухинскому делу соответственный характер государственного преступления. В этом к ним всецело примыкал прусский посланник в России барон Мардефельд. Они довольно быстро сообразили, что друзья Ботты, о которых он так смело болтал в Берлине — его российские знакомые, которых он посещал, проживая в Петербурге и Москве; при господствовавшей же тогда системе внимательно наблюдать за всеми, кого посещали иностранные министры, легко было узнать, что в числе немногих домов, где бывал Ботта, находились Лопухины и Ягужинская».

А далее нужен был только повод. И таким образом мы знакомимся с нашим главным героем — подполковником Иваном Степановичем Лопухиным, благодаря которому чуть было не удался первый акт новой российской трагедии — низложение канцлера Бестужева:

«Лопухинское дело началось изветом: к Лестоку явился его клиент и креатура — курляндец, поручик кирасирского полка Яков Бергер и заявил, что знает некоторые важные

дела, касающиеся Высочайшей персоны императрицы и государства. Расспросив доносчика, Лесток нашел возможным дать делу дальнейший ход. Есть подозрения, что Бергер, а позднее другой доносчик в том же процессе, майор Фалькенберг действовали не по собственному почину, а были заранее подговорены и соответственно подготовлены Лестоком с его присными. Они должны были подпоить Ивана Лопухина и путем ряда ловких вопросов вынудить у него нужные им признания. Даже по допросным речам видно, что если не первый разговор Лопухина с Бергером, то второй, во всяком случае, был умышленно им вызван. По другой версии Бергер явился к Лестоку с изветом на Ивана Лопухина, желая избежать назначения в Соликамск. Его посылали туда в качестве начальника караула к ссыльному приятелю Натальи Федоровны — гр. Левенвольде, и она имела неосторожность передать Бергеру через сына для Левенвольде поклон, уверение в неизменной верности и совет не отчаиваться, но твердо надеяться на лучшее будущее. Кроме того, Иван Лопухин, надеясь через Бергера вступить в какие-либо сношения с Левенвольде, ухаживал за ним и угощал его. Но молодому кирасирскому поручику, любившему веселую столичную жизнь и желавшему делать карьеру, вовсе не улыбался Соликамск и его радости, поэтому он решился, донеся на Лопухина, одним ударом избежать нежелательной командировки и подвинуться по службе. Ему не стоило большого труда устроить так, чтобы услышать от подвыпившего и обиженного собеседника то, на что он рассчитывал и что, кроме Лопухина, говорили между собою шепотком очень и очень многие среди обитателей обеих столиц. По мнению Лопухина, при Елизавете жилось не так весело, как прежде, а особенно порядочным, достойным людям. Вот каналья Сиверс и Лялин благодушествуют: произведены в чины и только за одно скверное дело. Елизавета Петровна ездит в Царское Село, напивается пьяной, любит английское пиво и для того

берет с собою непотребных людей. Ей и наследницею быть не надлежало потому, "что-де она незаконнорожденная", и потом, по словам Бергера, Лопухин, ссылаясь на свидетельство фельдмаршала князя Долгорукова, рассказывал, что "в то время, как Император Петр Второй скончался, хотя б-де и надлежало Ее Величеству к наследству допустить, да как Ее брюхатую избрать". Эта часть доноса составлена была явно в расчете лично задеть очень чувствительную к нападкам Елизавету Петровну. Надо отдать справедливость обвинителю в умении и ловкости: по резкости и по меткости выражений он мог рассчитывать на полный успех. Не менее удачно составлена и вторая часть, бившая тоже по больному месту — о Брауншвейгской фамилии, причинявшей так много волнений, тревог и огорчений правительству и самой императрице. Начиналась она с намека на склонность караульщиков принца Иоанна взять его сторону, затем переходила к поношению лейб-компании, "что-де ей с тремястами каналиею своею лейб-кампании делать; прежде-де караул был и крепче, да сделали, а ныне-де, как не можно перемене сделаться… будет-де чрез несколько месяцев перемена". Лопухин был оттого в ней так твердо уверен, что его отец писал Наталье Федоровне, чтобы сын чуждался двора и не искал у государыни милости. По той же причине — ожидания смены правительства — и она, сама Лопухина, не ездила ко двору и не сближалась с новыми вельможами. Эту нерасположенность к императрице и ее близким Лопухин, по наставлениям матери, считал явлением общим для всей родовой старой знати и говорил, что "бóльшие все Ее не любят, за то, что Ее Величество больше любят простой народ, и для того, что и сама просто живет". Выслушав разглагольствования Лопухина 17-го июля и сообщив о них Лестоку, Бергер решил придать своему изветy больше силы, начав соответственный разговор при каком-либо благонадежном свидетеле, а чтобы приучить Лопухина относиться

к нему с доверием и без стеснения говорить об излюбленном предмете, он в несколько приемов при разных случаях заговаривал с ним на эту тему. 22-го июля был особенно удачный день. Лопухин в присутствии Фалькенберга разболтался вовсю сначала у себя на квартире, а потом и у Бергера. Говорил, что плохо быть под бабьим правлением, насмехался над составом правительства: два-де фельдмаршала и оба глупы. Фалькенберг дополнил показания Бергера и оттенил отзывы его насчет современных министров. Лопухин, по его словам, говорил: "управители-де государственные нынешние все негодные, не так, как прежние были Остерман и Левольд; только-де господин Лесток проворная каналья". При упоминаниях о "принце Иоанне" Лопухин титуловал его императором и выражал уверенность, что ему будет "король прусский помогать, а наши-де за ружье не примутся". С предательским коварством Фалькенберг спросил его, скоро ли совершится перемена, и просил Лопухина вспомнить его, когда он будет в силе. Разболтавшийся и подвыпивший человек уверял, что падение нежелательного ему правительства близко, и обещал собеседникам свое покровительство. Фалькенберг вдобавок справился: нет ли кого побольше, к кому бы заранее забежать, "и на то он Лопухин ничего не объявил, только плечами пожался. Он же говорил, что маркиз де Ботта принцу Иоанну верный слуга и доброжелатель". Лесток, выслушав в частной беседе показания Бергера и Фалькенберга, повез их с собою во дворец, где они в присутствии императрицы повторили свой донос, и Елизавета дала Лестоку разрешение начать аресты и розыск над обвиняемыми. Впрочем, он был несколько отсрочен, так как приготовления к выполнению поручения императрицы, руководимые Лестоком, приняли грандиозный характер. С 21-го июня по городу заходили военные отряды, улицы опустели, и столица притихла, несмотря на то, что императрица, вопреки обыкновению, не поехала в Петергоф, а осталась

в Петербурге. Мало кто знал и догадывался, что скрывается за этими грозными приготовлениями. 21-го июня 1743 г. императрица за собственноручной подписью дала указ генералу Ушакову, князю Трубецкому и Лестоку допросить Бергера и Фалькенберга, дать им подписать запись их показаний "и по тому исследовать, и, несмотря на персону, в комиссию свою забирать и следовать, и что по следствию явится, доносить нам; а для произведения того дела указали мы с вами быть от Кабинета нашего статскому советнику Демидову". Состав комиссии образовался из начальника Тайной канцелярии, генерал-прокурора Сената, советника Кабинета Ее Величества и "конфидента" — Лестока, попавшего в состав этого чрезвычайного суда вовсе не в силу служебного своего положения — лейб-медика и главного директора Медицинской канцелярии, а только по личному желанию императрицы и по интригам тех, кто через его посредство надеялся свалить Бестужева. В состав этой комиссии должен был попасть и барон Черкасов, но он верно определил фальшь и деланность всего предприятия и сумел уклониться от участия в суде над вымышленными заговорщиками. Душой и руководителем дела для пострадавших от него остались Лесток и Трубецкой. Ушаков занимал в нем место, так сказать, по обязанности службы в качестве начальника Тайной канцелярии, а Демидов был посредником для постоянного осведомления государыни о ходе процесса. Только 25 июля в 4 часа утра Лесток нашел возможным представить указ императрицы в Тайной канцелярии, и в пятом часу утра в Лопухинский дом явились Ушаков с Трубецким в сопровождении гвардии Преображенского полка капитана Протасова. Иван Лопухин был арестован и увезен в Тайную канцелярию, Наталья Лопухина оставлена дома за караулом. Их письма и вещи были опечатаны. Тотчас же по городу разнеслись слухи о происшествии и объяснили причину передвижения военных отрядов и все грозные приготовления

предшествующих дней. Начало дела никого не успокоило. Все знали, что правительство, напуганное предшествовавшими заговорами Ивашкина и Гурчанинова, проявит крайнюю ретивость в исследовании третьего, чтобы навсегда отбить охоту у злоумышленников. Боялись, что повторятся Бироновские дни: по улицам в сопровождении конвойных зашагают "языки" и по их указаниям будут хватать встречных знакомых узника. Но эти предположения шли мимо истинных целей заговорщиков Лопухинского дела. Они направляли свои усилия к уловлению Бестужевых и в этом намерении вставили в текст указа слова: "несмотря на персону, в комиссию свою забирать и следовать"; персоны были — вице-канцлер Бестужев и брат его, обер-гофмаршал. Поэтому и все судопроизводство направилось к отысканию связи между заранее признанными виновными Лопухиными и Бестужевыми. Искали лиц, которые могли бы оговорить Бестужевых и дать возможность схватить хотя бы одного из них. Ивана Лопухина по привозе в Тайную канцелярию немедленно подвергли допросу. Его допрашивали о намерении низвергнуть с престола императрицу Елизавету и возвести на него принца Иоанна, о сведениях его, Лопухина, насчет караула при Брауншвейгской фамилии. Отвечал он, как и было на самом деле, что никаких враждебных Елизавете намерений не имел и ничего не затевал, о гарнизоне же ничего не знает. Относительно злословия против императрицы, ее министров и придворных сознался. Рассказал, что к отцу его ездят князь Иван Путятин и Михайло Аргамаков, но не для каких-либо замыслов, а для забавы, в остальных же обвинениях заперся и лишь на вопрос, отчего он не доносил на преступные разговоры с ним Бергера и Фалькенберга, ответил "на оное никакого оправдания приносить не имею и в том винюсь"; сознался и в нарушении данной им императрице присяге. После допроса Лопухину дали очную ставку с доносчиками, и ему пришлось целиком подтвердить их показание.

Почва для пыток была расчищена: судьи имели основание подозревать со стороны обвиняемого скрытность и желание обмануть их. 26-го июля доносчиков отпустили, взяв с них подписку под угрозой смертной казни не разглашать о деле, и в тот же день посланы указы в Москву камергеру А. И. Шувалову и А. Б. Бутурлину с приказом арестовать С. Лопухина со всеми его письмами и бумагами и прислать в Петербург, также поступить с кн. И. Путятиным и М. Аргамаковым. Ивана Лопухина привели для второго допроса и, напугав всякого рода окриками и угрозами, получили от него важные по сути дела показания. К его матери в Москве приезжал маркиз де Ботта и говорил, что не прежде будет спокоен, пока не поможет принцессе (Анне Леопольдовне), и что прусский король будет также помогать, о чем он (Ботта) будет стараться. Эти слова сообщила Лопухину его мать, когда у нее была Анна Гавриловна Бестужева, которая при этом заметила: "где это де Ботте сделать?" Подумав же, прибавила: "а может статься". Легко себе представить, как оживились и обрадовались следователи, услышав фамилию Бестужевой и ее слова, дававшие основание привлечь ее к делу; когда же на вопрос Иван Лопухин сказал, что к Наталье Федоровне ездят в гости не только Анна Гавриловна, но и Михаил Петрович, они считали свою задачу выполненной: Бестужевы попались, Лесток со свойственной ему живостью уже вообразил себе их казнь и рассказывал друзьям о колесовании Алексея Петровича и эшафоте для обезглавления Михаила Петровича, при крайнем снисхождении императрицы, он все же считал Сибирь слишком легким наказанием для таких злодеев. С целью поскорее нанести этот удар, тотчас же после признаний Ивана Лопухина, следователи отправились на дом к арестованной Наталье Федоровне и стали ее допрашивать. Она созналась, что к ней езживал Ботта и говаривал с нею об участи Брауншвейгской фамилии и намерении ей помочь, на что она, Лопухина,

из сожаления к принцессе, желая ей свободы и пропуска на родину, умоляла деБотту "не заваривать каши и не делать в России беспокойств", а просила, чтобы он и его сторонники "старались бы только принцессу освободить и отпустить ее к деверю". С такой точкой зрения Ботта не соглашался и твердил, что будет стремиться, чтобы принцессе быть по-прежнему на Российском престоле. По-видимому, лавры Шетарди не давали ему покоя. Лопухина его не поддерживала, но по поводу его слов беседовала с Анной Бестужевой, без какого-либо умысла или намерения действовать, а только для разговора. Да и вообще Лопухина отрицала существование какой-либо русской партии или даже кружка, поставившего себе целью противоправительственную деятельность. Она старалась все свалить на Ботту. Насчет же причин ее расположения к принцессе и недовольства императрицей, Лопухина сослалась на милости первой и на обиды со стороны второй: отнятие деревни, отставку мужа и понижение по службе сына — он больше не камер-юнкер. Что касается мужа, то он ни в каком разговоре не участвовал и вообще чужд всего дела. Экстракты из допросов Ивана и Натальи Лопухиных были отвезены Демидовым императрице, и она приказала графиню Анну Бестужеву арестовать и допрашивать, а мужу ее, графу Михайле Бестужеву объявить ее Императорского Величества указ, чтобы он со двора до указа не выезжал, а письма их запечатать. Бестужева с дочерью были заключены в бывшем дворце Елизаветы близ Марсова поля, а сам Бестужев должен был оставаться в своем приморском дворе безотлучно. Дочь Бестужевой Настасья Ягужинская подтвердила разговор Лопухиных о правительнице в смысле благожелательств и неодобрения существующего правительства. Показания самой Бестужевой были осторожны и неопределенны. Она сознавалась в разговоре с Н. Лопухиной, но отклонила какую бы то ни было причастность к делу М. П. Бестужева.

Следователи относились к ней предупредительно и говорили "Вы" — она была родственницей очень сильных людей. Вечером того же богатого допросами 26-го июля последовал указ: "Ивана Лопухина, мать его Наталью и графиню Анну Бестужеву отослать под караул в крепость". Смысл указа был очень грозен. При упоминании о крепости бледнели очень храбрые из арестованных, об ужасах ее ходили самые фантастические легенды, и мало кто из попавших туда возвращался в среду живых людей. Путь из нее обычно шел к месту казни на площади или же в такие места Сибири, куда ворон костей не заносил. 27-го следователи допрашивали в крепости Анну Бестужеву о ее разговорах с Лопухиной и о замыслах Ботты, но она не испугалась застенка и, несмотря на увещания, ничего сверх ранее ею показанного не прибавила. От Ботты ничего не слыхала, с Натальею Лопухиной и ни с кем о таких делах разговоров у нее не бывало, и ничего о них она не знает. Зато Лопухина стала разговорчивее. Оказалось, что Ботта и при муже ее поговаривал о принцессе, повел себя очень скрытно и на их выспрашивания отвечал: "чтобы я еще вам русским об этом сказал", а более настойчивую Наталью Федоровну даже выбранил. Об этих разговорах она беседовала и с Бестужевой. Когда следователи дошли до Ивана Лопухина, то его для вящего устрашения привели к дыбе, и он там начисто подтвердил все, о чем доносил Бергер и Фалькенберг, вплоть до усердного желания быть принцессе Анне и ее сыну на престоле и титулования Иоанна императором. Но так как он решительно не мог указать, когда и с кем хотел выполнить свое злое намерение, то ему предложили немедленно его раскрыть под угрозой жестокой пытки. Напрасно уверял Лопухин, что больше раскрывать ему нечего, напрасно указывал на лиц, имевших неосторожность в разговорах с ним сочувствовать его обиде за понижение, Лилиенфельдов, Зыбина, Мошкова, Камынина, Ржевского; его раздели и подвели к орудиям пытки, и он в страхе

повторил свои показания, приплетая новые подробности: поносительные слова об императрице слышал от родителей; от матери слышал о принцессе Анне, о замыслах Ботты, она же много и часто говорила о том и с Бестужевой; Ботту они хвалили, называли умным… он обещал не жалеть денег, чтобы освободить министров Анны Леопольдовны Остермана, Левенвольде и Головкина; Бестужева говаривала Лопухиной: "Ох, Натальюшка, Ботта и страшен, а иногда и увеселит". 28-го июля дана была очная ставка Наталье Лопухиной с сыном и Бестужевой. 29-го последовал указ о розыске над Иваном Лопухиным: добавочные допросы и очные ставки с лицами, оговоренными Лопухиными, вроде Зыбина, Лилиенфельдов и многих других, были подготовкой к пытке. В ожидании ее разбирались письма, отобранные разновременно у подсудимых. Найдено было среди них четыре, признанных за подозрительные. Два из бумаг Бестужевой, два — от Колычева Камынину, родственнику А. П. Бестужева. По рассмотрении их и допросе оказалось, что к Бестужевой писал М. П. Бестужев и касались письма ходатайств за брата ее — А. Головкина и о деревнях его. Колычев жаловался Камынину на тоску и скуку гарнизонной службы. 7 августа Трубецкому и Лестоку повелено было отобрать портреты императрицы у Лопухиной и Бестужевой, а алмазные вещи их опечатать. 8 августа допросили привезенного из Москвы Путятина. Его показания подтвердили донос Бергера. 10 августа почтмейстеру Ашу приказали задерживать и отсылать в комиссию письма на имя гр. М. Бестужева, его жены, Настасьи Ягужинской, Степана, Наталии и Ивана Лопухиных, камергеров Петра и Якова Балк, а также адресованные Лилиенфельду и князю Гагарину с их женами, гвардии офицерам: Ивану Мошкову, подпоручику Нилу Акинфиеву, адъютанту Степану Колычеву, князю Ивану Путятину, Михаилу Аргамакову, вице-ротмистру Лилиенфельду, обер-штер-кригскомиссару Александру Зыбину

и дворянину Николаю Ржевскому. 10 августа следователи обнаружили, что Иван Лопухин у присяги при вступлении на престол Елизаветы не присутствовал, думая, как он заявил, "что присяга одна и была уже им принесена по вступлении на службу". 11-го августа приступили к истязаниям, подняли Ивана Лопухина на дыбу и дали 9 ударов кнута. По указу императрицы его спрашивали, что умышлял он против государыни и наследника, кто были его "согласники" в поношении императрицы и "кто был с ним в намерении к измене". Нового ничего не узнали: Лопухин и так сказал все, что мог. После пытки дали очную ставку с матерью. 14-го августа допрашивали Степана Лопухина, не добавившего ничего нового к показаниям сына и жены; 17-го пытали его, продержали на дыбе 10 минут, Наталью Федоровну и Бестужеву подняли на виску. Лопухина продолжала выгораживать мужа и утверждала, что все ее разговоры с Боттою шли на немецком языке, которого он не понимал. 18-го августа комиссия представила императрице доклад о ходе дела. Наталья Лопухина оговорила в сочувствии ей кн. К. Черкасскую, гр. П. Салтыкову и М. Наумову. Степан Лопухин показал о непристойных словах своих насчет рождения Елизаветы и положения ее в год избрания на престол Анны Иоанновны. Затем комиссия спрашивала решений императрицы, вносить ли в генеральный экстракт к рассмотрению и решению дела показания и поступки Настасьи Ягужинской, Бергера, Фалькенберга, кн. Сергея Гагарина с женою и адъютанта Камынина. На кн. Гагарина показала Софья Лилиенфельд. При них Ботта говорил с сожалением о принцессе, что она всегда неосторожно жила, слушалась фрейлины Юлии (Менгден) и через то правление свое потеряла. Присутствующие с ним согласились: "совершенная-де правда, и сама она пропала и их погубила и в подозрение Вашему Величеству привела". Бранили придворных; об императрице говорили: "непорядочно и просто живет, всюду и непрестанно ездит и бегает".

Гагарин с женой отрицали свое присутствие при подобных разговорах, и следователи не дали им очной ставки с Лилиенфельд вследствие ее болезненного состояния: она была беременна. Против этого места доклада Елизавета собственноручно приписала: "Сие дело мне пришло в память. Когда оная Лилиенфельтова жена показала на Гагарина и жену его, то надлежит их в крепость всех взять и очную ставкою производить, несмотря на ее болезнь. Понеже коли они государево здоровье пренебрегали, то плутов и наипаче жалеть не для чего. Лучше чтоб и век их не слыхать, нежели еще от них плодов ждать". Затем императрица повелела оставить без следствия упоминания подсудимых о фельдмаршале Долгоруком до нового указа о гр. Салтыковой, кн. Черкасской и Наумовой. Бергера и Фалькенберга освободить от дела, а Ягужинской вписать в экстракт, Камынина вернуть в полк по-прежнему, о кн. Гагарине с женою не вписывать. Показания его и очная ставка с Лилиенфельд выяснили его непричастность к разговорам с Боттою и даже непонимание немецкого языка, на котором они происходили. Очная ставка Лопухиной с Лилиенфельд подтвердили их показания. Противоречий не было. По-видимому, императрица в глубине души понимала всю слабость и шаткость данных показаний и настаивала на пытке в надежде получить сведения более определенные и прочные, поэтому сверху на полях доклада пометила: "А что они запирались и в том верить нельзя, понеже, может быть, они в той надежде были, что только спросят, а ничего не сделают, то для того и не хотели признаться".

Вечером 18-го августа последовал указ о предании суду Ивана Лопухина, его матери Наталии, отца Степана, графини Анны Бестужевой и других. Для этого составлено было особое собрание: из главнейших членов Синода, всех сенаторов с генерал-прокурором во главе и с добавлением генерал-фельдмаршала принца Гессен-Гомбургского, д. т. с.

Лестока и гофмаршала Шепелева; из девяти персон в ранге генерал-лейтенантов, девятнадцати — генерал-майорского и четырех ранга гвардии майоров. Это многолюдное судилище собралось 19-го августа в восьмом часу утра в здании Сената, в девятом началось слушание экстракта и после обсуждения его в четыре часа дня заключили сентенцию: согласно ей, все причастные и внесенные в экстракт лица, как сознавшиеся в преступлении против государевой персоны и прочих касающихся к бунту и измене делах, приговорены к смертной казни: Степан, Иван и Наталья Лопухины и Анна Бестужева к урезанию языка и колесованию, Мошков и кн. Путятин к четвертованию, Зыбин и София Лилиенфельд к обезглавлению — последние четыре за дружбу с Лопухиными, сочувствие их речам и недоношение их замыслов правительству. 29-го августа последовала высочайшая резолюция на сентенцию особого собрания для суда над Лопухиными и их сообщниками. Императрица решила смягчить его приговор. Она признала достаточными следующие наказания: Степана, Ивана и Наталью Лопухиных и Анну Бестужеву высечь кнутом и, урезав язык, послать в ссылку. Ив. Мошкова и кн. И. Путятина высечь кнутом же, а А. Зыбина плетьми и послать их в ссылку же; С. Лилиенфельд до родов наказания не чинить, а объявить, что ее высекут плетьми и сошлют. Имения преступников конфисковать. Остальные преступники наказаны по сентенции суда, только Ржевский записан в матросы, а Н. Ягужинская оставлена под домашним арестом. 29-го же числа Сенат подписал манифест о винах и наказаниях преступников и дал указ полицмейстерской канцелярии оповестить население столицы о том, что 31 августа на Васильевском Острове, перед зданиями коллегий, в десятом часу утра будет чинена экзекуция над некоторыми персонами за важные их вины. Для этой цели на Коллежской площади выстроили эшафот; в 11 часов дня, назначенного для экзекуции, при многочисленном

стечении народа началась казнь. Первым был подвергнут варварскому наказанию Степан Лопухин, затем Наталья Федоровна, Иван Лопухин, Анна Бестужева и т. д. Наталья Лопухина пробовала сопротивляться палачам, но этим лишь усугубила их жестокость. Ее избили до полусмерти и вырезали у нее большую часть языка.

Манифест о решении Лопухинского дела был отпечатан в большом количестве экземпляров и разослан Сенатом и Синодом по всем населенным областям и весям России. После казни подвергшиеся ей увезены были в деревню за десять верст от Петербурга и оставлены там для прощания с родными. Первого сентября наказанные преступники были уже в пути к месту их ссылки. В виде особого милосердия им разрешили взять с собою несколько перемен одежды, белья, обуви и даже сослали вместе с ними четверо слуг; на содержание каждого из них выдавалось по 1 рублю в день, а для слуг — по 10 копеек. Ссыльные отправлялись в Селенгинск под наблюдение тамошнего коменданта бригадира Якоби: он должен был получать распоряжения от Сената и рапортовать ему обо всем.

Лопухинское дело, возникшее при участии иноземного вмешательства, привлекло к себе внимание европейских дворов, как при начале его, так и по разрешении. 31-го июля французский уполномоченный в делах д'Аллион доносил своему правительству, что наконец-то он испытывает удовлетворение в затеянном деле, так как ему удалось погубить или, по меньшей мере, свалить Бестужевых. Он уверял, что через посредство Брюммера и Лестока он довел до сведения императрицы письмо Валори из Берлина насчет Ботты. Елизавета собралась уже послать при помощи своих любимцев особо уполномоченное лицо в Берлин для разведывания разглашений Ботты, как Лесток открыл Лопухинские замыслы. Француз без обиняков аттестует их своему правительству, как вполне подготовленный заговор против

императрицы и великого князя наследника в пользу принца Ивана. Следствию намерены были придать такой характер, будто бы этот замысел исходил от двора Марии-Терезии с ведома и попущения Бестужевых. Действиями и словами Лестока и Трубецкого руководил якобы Брюммер. Он намеревался побудить Елизавету потребовать от королевы венгерской полного удовлетворения за поступки ее министра, а от прусского короля — дружеской услуги в виде немедленного удаления Ботты от его двора. Если ликовали французы, то тем больше имел оснований быть вне себя от восторга Фридрих II. Положение его дел было таково, что ему нужно было иметь гарантию в доброжелательном настроении России. Он готов был подкупить Бестужевых, уплатив им сумму, превышающую всякую из предложенных им державами-соперницами, готов был на все, чтобы погубить их, если они станут против его планов, и вдруг в начале августа 1743 г. он получает письмо Лестока, в котором тот уведомляет его от имени императрицы о деле Лопухиных и Ботты. О возникновении его Мардефельд известил своего короля еще 25 июля. Эти новости и значение, которое придал им Фридрих II, побудили его немедленно написать Мардефельду несколько писем с наставлениями, как воспользоваться Лопухинским делом для вящего торжества Пруссии. Фридрих трактовал его, как революцию, т. е. полную перемену политического курса и смену министров. Для полнейшего же торжества своего дела он посылал своим доброжелателям в России новые уверения в благорасположении, а самой императрице изъяснения в дружбе, ненависти к Ботте и его друзьям и выражения презрения к их россказням и предприятиям. Для доказательства же своего внимания к интересам Елизаветы он препроводил ей ряд советов, как оградить свой престол от покушений в пользу Брауншвейгской фамилии. Но Фридриху вскоре пришлось разочароваться. Ему не только не удалось повредить при помощи Лопухинского дела

интересам Австрии и Англии при русском дворе, но еще пришлось выгораживаться от соучастия в замыслах Ботты: в показаниях Ивана Лопухина и Натальи Лопухиной не раз повторяется фраза о том, что Ботта обещал помочь принцу Иоанну при содействии войска прусского короля, и вообще Ботта выражался, по словам подследственных, так, как будто имел от прусского короля какие-то полномочия. Насчет же Австрии и королевы — умалчивал. В этом смысле их показания понимали и Лесток, и Трубецкой, хотя первому из них, пенсионеру Фридриха, очень бы не хотелось этого слышать. Только после многих усилий, немедленного удаления из Берлина Ботты, путем хлопотливой и долгой переписки с Петербургом удалось Фридриху изгладить неприятное впечатление, оставленное этим обстоятельством дела Лопухиных. Еще труднее было уладить осложнения между русскими и двором Марии-Терезии Венгерской. Ботта, по словам д'Аллиона, увяз в этом деле по шею. По настояниям Лестока между дворами началась неприятная деловая переписка. Елизавета обвиняла Ботту в покушении на государственное преступление. Мария-Терезия всячески выгораживала своего министра. В Вену был послан особый экстракт с изложением обвинений австро-венгерского посланника, но королева находила, что не может осудить такую важную и знатную персону, как маркиз Ботта, не считаясь с законами своей страны, на основании обвинений только одной стороны, и желала выслушать его оправдания. Елизавета обиделась не на шутку и заявила, что в этом споре с одной стороны — венгерский посланник, с другой — императрица Всероссийская: "Мы и маркиз де Ботта — кажется, партия не равна"; но дело осложнялось, затягивалось и не известно, чем бы окончилось, если бы не все общеизвестные тяжелые политические обстоятельства, которые делали для Марии-Терезии необходимым самый тесный союз с Россией. Во имя его приходилось идти на все уступки. Ботта был признан

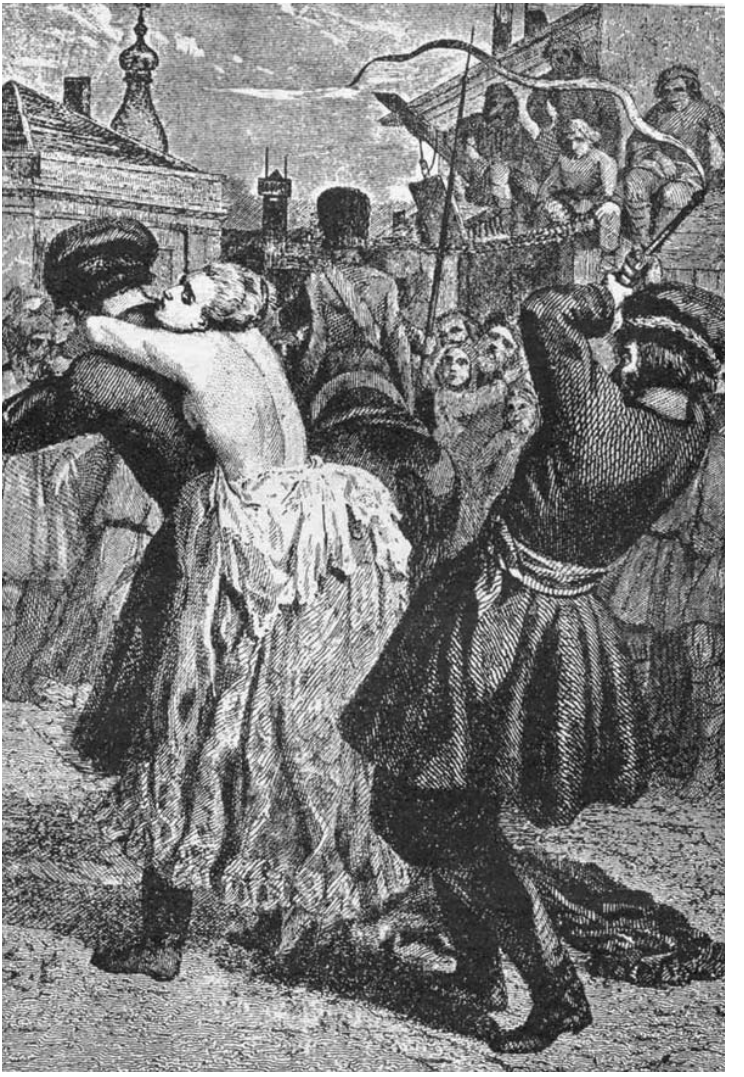
виновным и заключен в крепость Грец. Императрице Елизавете было предоставлено назначить срок его заключения. 17-го августа 1744 г., по распоряжению ее, А. П. Бестужев заявил послу Марии-Терезии, что государыня "все это дело предает забвению". Ботта был освобожден. Много лет спустя, при встрече с гр. С. Р. Воронцовым, вспоминая о своем заключении, Ботта не находил его безвинным и не упрекал уже покойную Елизавету. По всей вероятности, он сознал, что его преступная берлинская болтовня была причиной гибели многих людей, и их страдания мучили его совесть.

Враги Бестужева могли, правда, первое время уверять самих себя и друг друга, что достигли блестящей победы, но очень скоро убедились в ее призрачности. Им удалось добиться ареста Михаила Петровича Бестужева, они внушили императрице временное недоверие к вице-канцлеру, но, когда вскрылась вся ничтожность вины Лопухиных, полная непричастность Бестужевых к их, якобы преступным замыслам, клеветникам пришлось замолчать. Зато наученный этим вице-канцлер насторожился больше прежнего и стал еще внимательнее накапливать материалы для будущего, уже окончательно губительного нападения на своих врагов. В числе их значится и "перлюстрация по делу Ботты", которою он позднее наглядно показал императрице, до какой силы и наглости доходило иностранное вмешательство в русские внутренние дела.

1-го сентября наказанные и измученные участники Лопухинского дела уже были в пути к месту заключения. Наталью Федоровну с мужем везли в Селенгинск. Их сопровождал грубый и пьяный офицер, производивший по пути массу бесчинств, драк и т. п. безобразий, за которые его в пути же сменили и отвезли для суда в Петербург. Томительно долго тянулся путь до Селенгинска. Осенняя распутица делала дороги почти непроезжими. Суровая инструкция мешала возможности как бы то ни было облегчить тягость пути.

Только к январю 1744 г. прибыли сосланные к месту своего постоянного заключения и были "поселены на особливой определенной квартире под неослабным караулом". Начальником его назначили прапорщика Якутского полка Алексея Ангусаева, по-видимому, доброго и честного человека. Впрочем, вряд ли у него и было много причин для проявления злобы против заключенных. Тяжелая обстановка следствия, суда, наказания и ссылки для пожилых и утомленных жизнью Лопухиных была очень тяжела и сломила их. Ежемесячные рапорты Ангусаева с 13-го января 1744 и по 1750 гг. слово в слово тожественны: арестанты со служителями состоят в добром здравии… 1-го мая 1748 г. он прибавил: "токмо из помянутых арестантов Степан Лопухин сего года марта 1-го числа и по нижеписанное число (1-ое мая) одержим болезнию ножною". 6-го июля 1748 г. Лопухин от этой болезни умер, а Наталья Федоровна со слугами осталась под тем же караулом. В 1750 г. скончался Ангусаев. Его сменил безграмотный и грубый С. Черепанов, вскоре смещенный "за болезнью и несостоянием". Это "несостояние" выразилось в пьянстве, буйстве, "шумстве" и еще каких-то проступках, повлекших за собою следствие и суд над Черепановым. 4-го марта 1753 г. Наталья Федоровна заявила желание отдать одного из своих крепостных за непослушание в солдаты, но Сенат, до которого довели о ее желании, ей в этом отказал, а приговорил бить слугу батогами. Впрочем, ко времени прибытия сенатского указа, Лопухина уже простила слугу и оставила его при себе без наказания. В июле 1755 г. начальником караула назначили сержанта Расхвалова. 12-го сентября 1756 г. Наталья Федоровна заявила ему о своем намерении перейти в православие. Трудно судить, что побудило ее к этому, но весьма вероятно, что ею руководила жажда религиозного утешения. В Селенгинске она была лишена возможности посещать протестантскую церковь и встречаться

с пастором за отсутствием того и другого. Переход в православие вводил ее в число прихожан Селенгинска. Сержант Расхвалов послал ее ходатайство бригадиру Якоби, а тот отправил его в Сенат. 17-го декабря 1756 г. императрица лично в Сенате выслушала доношение Якоби и, разрешив Лопухиной принять православие, приказала сообщить Синоду для надлежащего распоряжения. Сенат предлагал Синоду, "когда кто из духовных персон к тому назначен и определен будет, то оному бригадиру и Селенгинскому коменданту Якобию приказать допустить, токмо притом с крайним смотрением и наблюдением, дабы от нее никаких посторонних речей употребляемо, также иногда каких писем сообщено не было". Указ этот дошел до Якоби только 2-го июля 1757 г. 21-го июля в полковой церкви Якутского полка произошло само крещение. Таинство совершал полковой священник Яков Федоров; из посторонних никто не был допущен. Присутствовали поручик Власов, находящийся при исполнении у Якоби секретных дел, и караульный при Лопухиной, сержант Свирский. Единовременно с Натальею Федоровой приняла православие ее служанка. При крещении Лопухиной оставлено ее прежнее имя — Наталия. Указом 20 января 1761 г. Петр III предписал Наталью Лопухину из ссылки возвратить и жить ей в деревнях. Еще более милостиво отнеслась к ней императрица Екатерина II. Указом 22 июля 1762 г. она возвратила ей Гуслицкую волость Московского уезда, принадлежавшую до конфискации Степану Лопухину, и разрешила ей жить в городе Москве. Изнуренная долгой ссылкой, лишениями и тяжестью обратного из Сибири пути Лопухина прожила здесь недолго и умерла 11 марта 1763 г. Она погребена в Москве, в Спасо-Андрониковом монастыре» *(Фурсенко В. Лопухина, Наталья Федоровна // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1914. Т. 10. С. 634–646)***.**

Казнь Н. Ф. Лопухиной

Самую коварную роль в этой истории сыграл шпион Лесток, которого, как змею, пригрела на своей груди императрица Елизавета Петровна

Придворный лекарь Иоганн Лесток, с которым по молодости дружил Павел Ягужинский, стал к этому времени, о котором идет речь в нашем рассказе, тайным (по чину) и ближним (по духу) советником императрицы Елизаветы Петровны.

Это был негодяй, каких поискать: Елизавета Петровна до поры до времени не знала, что именно по доносу Лестока был сослан на Камчатку ее фаворит Алексей Шубин, который перед ссылкой поссорился с придворным медиком; что по доносу Лестока Анна Леопольдовна была предупреждена о готовящемся дворцовом перевороте, которому, по природной своей беспечности, не придала большого значения…

Петр Долгоруков дает ему такую характеристику: ***«Лесток был человеком без стыда и совести; он был способен на любую низость, на любое коварство, на любую гнусность; порочить людей и вредить ближним было для него грехом отпустительным. Он был злым, черствым, злопамятным, его мстительность доходила до жестокости, и в сердце его никогда не закрадывалось сострадание»***.

Теперь же, когда Лесток стал доверенным лицом императрицы, на него сделали ставку сразу несколько иностранных держав. И главной задачей придворного интригана было свержение канцлера Бестужева-Рюмина (альтернативной заготовкой для которого был хорошо уже нам известный будущий великий канцлер Михаил Илларионович Воронцов), который избрал внешний политический курс России, несовместимый с интересами короля Пруссии и его политических союзников во Франции.

«По Европе распространилось много слухов о блестящем положении Лестока при дворе и влиянии его на императрицу, и отчасти слухи эти, как было выше показано,

основывались на истинном положении дел. Первый обратил на них должное внимание "скоропостижный" прусский король Фридрих и предписал своему министру в Петербурге, барону Мардефельду, в письме 12/23 декабря 1741 года обратить внимание на некоего хирурга Лестока, которого ему изображали, как большого интригана и ревностного приверженца Ганноверского дома. По сведениям Фридриха, этот хирург пользовался исключительным расположением императрицы, а по наблюдениям мудрого прусского короля, очень часто при посредстве людей ничтожных по положению совершались большие дела. На ловца и зверь бежит: Лесток с большим удовольствием принял от Мардефельда 15 000 рублей единовременно и согласился, за ежегодный пенсион в 4 000 руб., радеть посильно об интересах Пруссии, очевидно с таким же старанием, как обещал это Франции.

В июне 1742 года на влиятельное положение Лестока обратило внимание и английское правительство.

Глава министерства лорд Картерет писал посланнику в Петербурге, что "королю не безызвестно влияние Лестока, как советника царицы, а так как этот господин по рождению подданный его величества, как курфюрста (Ганноверского), то королю угодно, чтобы вы попытались выведать от него, насколько он помнит свое происхождение и считает себя связанным памятью о нем, и не захочет ли он сказать услугу королю, который в случае утвердительного ответа с его стороны, уполномочивает вас обещать ему пенсию от нашего правительства". Ревностный приверженец Ганноверского дома, получавший уже пенсию от Франции и Пруссии, не отказался получить таковую и от Англии, очевидно надеясь каким-то непонятным образом совместить служение интересам государств, не умеющим их даже примирить, хотя до принятия денег он был настолько далек от благожелательства Англии и казался

открытым другом Франции, что английский посланник счел нужным написать об этом к своему двору. Милостей Лестока искали не только иноземные дипломаты: письма вельмож, живших в России и вне ее, поступали к нему в таком изобилии, что пришлось завести особого секретаря, который их прочитывал, докладывал своему принципалу и отвечал по его указанию» *(Фурсенко В. Лесток, Иоганн Герман // Русский Биографический словарь. Санкт-Петербург, 1914. Т. 10)***.**

Поэтому Лестоку не составило большого труда найти себе единомышленников среди русских царедворцев, объединенных тайными масонскими связями с прусским королем, стоявшим во главе этих лож.

Лестоку хорошо было известно семейство Ягужинского. Вполне возможно, что он, по-дружески, знал и какие-то семейные тайны и, безусловно, был в курсе их семейных политических амбиций, связанный с Брауншвейгским семейством и арестом брата Ягужинской — Головкина.

Исходя из этого расчета ему и нужно было так напугать возможностью нового дворцового заговора новоиспеченную императрицу, чтобы Бестужев-Рюмин безоговорочно слетел со своего поста и приземлился где-нибудь на Камчатке.

И вот какую пакость он придумал.

Елизавета Петровна была незаконной дочерью царя Петра I и простолюдинки (к тому же еще и чужой законной женой, мужу которой до конца дней его платили за молчание государственную пенсию) Мавры Скавронской (в крещении Екатерины). Никаких прав на российский престол она не имела. Все права были у Иоанна Антоновича, малолетнего императора, сына правительницы Анны Леопольдовны, который являлся прямым потомком Дома Романовых по линии царя Иоанна Алексеевича, сводного брата царя Петра.

И представителями интересов этой семьи снова могли выступить Головкины — родственники сосланного в Сибирь вице-канцлера.

А если присовокупить к этому брачный союз Головкиных-Ягужинских с домом Лопухиных, представители которого люто ненавидели (и было за что!) царя Петра и его потомство…

А если еще и посыпать соли на старые душевные раны императрицы, связанные с проклятым в их роду именем Монс, снова оказавшихся при дворе под новой личиной Натальи Федоровны Балк, племянницы Анны и Вилли Монс, любовницы и любовника отца и матери Елизаветы, статс-дамы Анны Иоанновны и Анны Леопольдовны, жены кригс-комиссара Лопухина…

Если еще к тому же «поперчить» этот весь «салат» напоминанием о Рейнхольде Левенвольде, который играл одну из важнейших государственных ролей при правительнице Анне Леопольдовне и был по совместительству любовником госпожи Лопухиной-Балк-Монс…

И преподнести это все императрице от имени представителя рода Лопухиных — сына госпожи Балк, подполковника Ивана Степановича Лопухина, повесы и пьяницы, который всегда был несдержан на язык, за что и был сослан матросом в далекий Охотско-Камчатский край, поведав шпионам Лестока о семейной скорби по Брауншвейгскому семейству и обещании австрийского посланника Ботта возвратить законного императора на российский престол.

21 июля 1743 года дворцовый заговор, о котором написано много книг и даже снят многосерийный фильм «Гардемарины, вперед!», был раскрыт.

Матери Ивана Лопухина, урожденной Балк, как и ее подруге Анне Бестужевой-Ягужинской, урожденной Головкиной, за «разговоры на досуге» отрезали языки и сослали

в Сибирь. По дальним деревням были разосланы и остальные родственники, проходившие по этому делу.

О масонах там ни слова.

Но мы помним, что историю России в XIX столетии писали сами русские масоны (например, историк Елагин был в высшей степени посвящения, масоном был историк Татищев, князь М. М. Щербатов, да и великого Карамзина не миновала «чаша сия»), поэтому в «Лопухинском деле», как и во всех других последующих дворцовых заговорах, масонский «след» был тщательно стерт.

Но он отчетливо виден, если присмотреться внимательнее: отношения России с Австрией, так как в это дело умело замешали австрийского посланника Ботта, были безнадежно испорчены. чего и добивался прусский король Фридрих.

Немилость к Николая Головину, объявленному первым русским масоном и прусским шпионом (принятому в ложу за границей, а не в России), была временной — он некоторое время пожил в Москве, а потом перебрался в столицу, где женился на… Анастасии Степановне Лопухиной, родной сестре Ивана Степановича, который отбывал ссылку в Охотске, где и умер. Она сама также была в период следствия арестована по подозрению в причастности к заговору австрийского посланника Ботты.

Такой супружеский альянс тоже ведь не может быть случайным — масоны как бы компенсировали оставшейся в живых Лопухиной моральный и материальный ущерб.

Но поведение Николая Головина не было исключением из правил того времени. Примерно в это же время (1749 г.) женится на Матрене Павловне Балк (внучке Матрены Монс — родной сестры Анны и Вильяма, племяннице Натальи Лопухиной) Сергей Васильевич Салтыков (которого считают биологическим отцом императора Павла I и который был двоюродным братом Анны Иоанновны): ***«Заподозрив Екатерину в неверности и окончательно возненавидев ее,*** —

писал известный мемуарист и ученый-агроном Андрей Тимофеевич Болотов, — ***Петр Федорович стал обходиться с нею с величайшею холодностию и слюбился напротив того с дочерью графа Воронцова и племянницею тогдашнего великого канцлера, Елисаветою Романовною, прилепясь к ней так, что не скрывал даже ни пред кем непомерной к ней любви своей, которая даже до того его ослепила, что он не восхотел от всех скрыть ненависть свою к супруге и сыну своему и при самом еще вступлении своем на престол сделал ту непростительную погрешность и с благоразумием совсем несогласную неосторожность, что в изданном первом от себя Манифесте не только не назначил сына своего по себе наследником, но не упомянул об нем ни единым словом.***

Не могу изобразить, как удивил и поразил тогда еще сей первый его шаг всех россиян и сколь ко многим негодованиям и разным догадкам и суждениям подал он повод».

Сергей Васильевич Салтыков, племянник царицы Прасковьи Федоровны, двоюродный брат императрицы Анны Иоанновны

На родной сестре Матрены Павловны Салтыковой — Марии Павловне Балк женится в 1746 году бывший фаворит Елизаветы Петровны и ее дальний родственник Семен Кириллович Нарышкин, близкий друг масона Кантемира (русского посланника в Париже) и французского мыслителя Дидро. Никого из них, как видим, вовсе не пугает связь с опальной семьей.

На сестре самого Сергея Салтыкова, в свою очередь, был женат масон Адам Олсуфьев (Адамом его велел называть крестный — царь Петр I, а вообще он Василий), который в 1756 году составил список русских масонов, входивших в ложу «Молчаливость», объединявшую семью великого канцлера Российской империи.

То есть шла своя большая политическая игра, связывающая игроков определенными правилами духовного (идеологического) и кровного (брачного) родства, обусловливающего наследственную преемственность в деятельности тайных обществ, главные цели которых по-прежнему выражали интересы иностранных держав (можно привести пример с первым реальным масоном, который нашел себе пристанище в России и занял вторую строчку в Табели о рангах, — Яковом Брюсом, передавшим по наследству титул и масонское звание своему племяннику Александру Брюсу, на дочке которого был женат Василий Валентинович Мусин-Пушкин, служивший при Коллегии иностранных дел, великий мастер «Великой ложи Астрея», куда входили накануне декабрьских событий 1825 года гвардейские офицеры Грибоедов, Чаадаев, Норов, Бенкендорф, Пестель).

Что же касается дальнейшей судьбы подполковника Ивана Степановича Лопухина, то она оказалась короткой:

«Особая комиссия, разбиравшая дело, признала его виновным в уклонении от присяги императрице Елизавете Петровне и в том, что, слыша от отца и матери неодобрение императрице, с ними соглашался, принимал

участие в советах о вспомогательстве принцессе Анне Леопольдовне и о войне против России в пользу принца Иоанна; слухи о них он распространял, где мог, и приводил к себе в согласие некоторых гвардии офицеров и дворянство; в компаниях заводил по этому поводу разговоры и всегда выражал надежду, что совершится ожидаемая им перемена престолонаследия, радовался ей заранее и других обнадеживал;

Высочайшую персону государыни оскорблял непристойными словами, принцессу прославлял, принца титуловал императором и во время войны за него собирался изменить существующему правительству; министров, генералитет, придворных и лейб-кампанию бранил, поносил и презирал.

Остермана с товарищами, сущих государственных злодеев, восхвалял и все, что к повреждению государева здравия и благополучия, а также и беспокойству государственному касалось, производил.

За все эти вины Ивана Лопухина приговорили к урезанию языка и четвертованию.

Императрица смягчила приговор, и 31-го августа 1743 г. Ивана Лопухина высекли кнутом и, урезав язык, сослали в Охотск.

На содержание ему назначено было в день по 50 коп. и слуга для ухода за ним, с содержанием по 10 коп. в день. С большим трудом добрался И. Лопухин до места ссылки.

На реке Лене ему пришлось зазимовать и ждать половодья.

Еще в пути он, по слабости и попустительству стражи, стал пьянствовать и играть в карты со встречными ссыльными.

По прибытии в Охотск Лопухин попал под надзор прапорщика Новицкого, распоряжавшегося арестантами, как ему нравилось, до октября 1749 г., пока не отдали

его под суд, как «весьма подозрительного в разных противных и непорядочно чиненных им поступках». В июне 1750 г. умер слуга Лопухина, но это мало ухудшило его положение, так как еще с 1746 г. из-за болезни слуги за Лопухиным ходили наемщики из инородцев.

Умер Лопухин в ссылке в конце пятидесятых годов XVIII стол.» *(Фурсенко В. Лопухин, Иван Степанович // Русский биографический словарь. Санкт-Петербург, 1914. Т. 10).*

Но если сам Иван Степанович Лопухин оставил в русской истории весьма призрачный масонский след, то его родственник — Иван Владимирович Лопухин — достиг на этом поприще высот небывалых:

Левицкий Д. Г. Иван Владимирович Лопухин

«Таинственным ареалом мистицизма и оккультных наук окутана личность Ивана Владимировича Лопухина (1756–1816). Теоретик и организатор русского масонства, он стал первым в послепетровское время крупным государственным и общественным деятелем европейского масштаба. Иван Владимирович был едва ли не крупнейшим в свое время русским масоном, видным его идейным теоретиком и организатором масонских лож, Великим Магистром нескольких масонских лож и автором множества произведений, являющихся памятниками русской словесности и философии XVIII века. Он автор трудов: "Искатель премудрости, или Духовный рыцарь", "Нравоучительный катехизис истинных франк-масонов" и "Некоторые черты о внутренней церкви". Кроме того, И. В. Лопухин был сенатором, крупным судебным деятелем, инициатором нескольких законов, смягчавших наказания, служил в Судебном департаменте Правительствующего Сената и статс-секретарем императора Павла I. К этой фактической канве жизни Ивана Владимировича Лопухина нужно добавить следующее: некоторые исследователи духовной и культурной жизни России его времени, указывая на явную связь автора "Путешествия из Петербурга в Москву" А. Н. Радищева с масонскими кругами, где столь видную роль играл Лопухин, усматривали влияния взглядов русских масонов на мировоззрение Радищева и даже на идейную основу его знаменитой разоблачительной книги. Не все согласны с этим, но переписка русских масонов того времени позволяет сделать вывод, что без такого влияния не обошлось. Известный историк культуры профессор Ю. М. Лотман цитирует в одной из своих работ Пушкина: "Радищев попал в общество масонов", и "таинственность их бесед воспламенила его воображение". А когда на Радищева обрушились гнев и кары императрицы Ека-терины II, И. В. Лопухин писал масону

А. М. Кутузову: "Здесь… вообще участниками Радищева почитали всех нас, так называемых каких-то мартинистов". Во всяком случае, вскоре после опалы на Радищева были разгромлены и масонские ложи в Москве. И. В. Лопухин не был тогда арестован и выслан только, как заметила Государыня, из уважения к его заслуженному и престарелому отцу, который жил вместе с Иваном Владимировичем.

Любопытно и другое предположение ученых: многие считают, что весьма близок к лопухинскому масонскому кружку был и Николай Михайлович Карамзин. Приехав в Москву из Симбирска, он почти сразу же поселился в доме масонского "Дружеского общества" в нынешнем Кривоколенном переулке близ Мясницкой. Дом этот до сих пор стоит, и историки Москвы неизменно называют его "Масон-ским домом". Конечно, адрес — лишь один из многих доводов в пользу любопытного предположения. Некоторые идут еще дальше и утверждают, что и знаменитые "Письма русского путешественника" Карамзин написал, вернувшись из большой заграничной поездки, куда московские масоны отправили его на свой счет для ознакомления с европейскими ложами. Надо сказать, что некоторые опубликованные письма И. В. Лопухина дают основания считать, что все было именно так. Если это так, то масонам и лично Ивану Владимировичу Лопухину русская литература обязана одной из лучших своих книг.

Следует подчеркнуть, что Иван Владимирович Лопухин был одним из крупнейших просветителей своего времени. Вместе с известным Н. И. Новиковым он основал в Москве "Типографическую компанию". Это была самая крупная в те годы типография в Первопрестольной столице. За восемь лет существования она выпустила в свет 267 названий самых разных книг — и русских, и зарубежных в пе-реводах, и учебников. Именно в этой типографии,

кстати, были впервые напечатаны на русском языке сочинения Вольтера…» *(Людмила Коншина. Иван Владимирович Лопухин)***.**

Вероятно, во время следствия по делу Лопухиных в России действовало в интересах иностранных государств уже несколько тайных обществ разного типа (англо-шотландского, немецкого, шведского, французского), которые вели друг с другом закулисную борьбу за влияние в высших правительственных сферах, а также за «умы и сердца» граждан.

Показателен в этом отношении Шляхетский корпус, в котором при Елизавете Петровне меняется сам дух: с прусского (каким он был при Анне Иоанновне и Бироне) на французский (при Разумовских и Шуваловых). По словам историка Г. А. Гуковского:

«Нужно было добиться превращения российского помещика в "рыцаря" на западный лад. Кроме наук, кадет обучали не только танцам, но и декламации (в корпусе преподавалось множество наук, и студент мог специализироваться в той или иной области; вообще прохождение курса не было унифицировано). В особенности отчётливо этот салонно-аристократический стиль приобрело корпусное воспитание при Елизавете, когда и в личном составе служащих корпуса произошли последовательные перемены: германское делячески-бюргерское влияние заменилось влиянием французским, которому суждено было сыграть столь большую роль в образовании психики русского дворянского интеллигента. Идеал голландской верфи уступил идеалу Версаля».

Но именно прусская группа масонов осталась в истории, потому что заняла откровенную антиправительственную позицию в связи с тем, что неожиданно для короля Фридриха, который вложил свой (в том числе и «интеллектуальный») капитал в императрицу Елизавету Петровну, та «взбрыкнула» и предпочла Пруссии политический альянс с Австрией.

А выпускниками «прусского периода» в истории Шляхетского корпуса были крупнейшие царедворцы Елизаветинского и Екатерининского времени, оставившие глубочайший след в истории нашего Отечества: ***«30 марта 1732 года вместе с братом Василием (1715–1767) Александр Петрович Сумароков был принят в первый набор Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Вместе с ним учились один из ранних русских поэтов — М. Г. Собакин, известные военные деятели П. А. Румянцев (сын Петра I, масон), князь А. М. Голицын (на сестре которого — Екатерине Михайловне женат П. Румянцев), граф П. И. Панин (брат известного масона Н. И. Панина, воспитателя царевича Павла), поэт-переводчик*** *(масон — С. В.)* ***А. В. Олсуфьев и другие. Классы Корпуса носили торжественное имя "Рыцарской академии"; её создатели поставили задачу воспитания в гуманитарном духе европейской культуры высшего дворянства Российской империи».***

Прусский король и его закулисная «братия» недооценили возможности русского самодержавия: императрица, обязанная Фридриху своим восхождением на Олимп, неожиданно предпочла грубым политическим домогательствам прусской военщины альянс с велеречивой Священной Римской империей и Великобританией, которые украдкой платили ежегодный и изрядный «пенсион» канцлеру Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину.

Как пишут исследователи истории отечественного масонства, ***«уже в 1742 г. масоны-заговорщики, "душой и кошельком" которых был Фридрих II, пытаются низложить императрицу Елизавету, которая в противовес Пруссии была за союз с Австрией, и возвести на престол ее племянника герцога Голштинского»***.

Но в 1742 году их было еще не так много — ведь «Великая Ложа Англии» с великим магистром Кейтом только-только официально открыла свои двери для русских.

Кто же были эти «масоны-заговорщики»?

«Даже ближайшее окружение Елизаветы было масонским. К нему, помимо уже названного вице-канцлера Воронцова, принадлежали гетман Украины Кирилл Разумовский (его любимым адъютантом был будущий Великий мастер российских масонов И. П. Елагин); близкий друг Елизаветы граф И. И. Шувалов (на сестре которого был женат Сергей Ягужинский), а личным секретарем Ивана Ивановича состоял барон Генрих Чуди — один из идеологов немецкого масонства. К этой группе масонов принадлежал и преемник Елизаветы на российском престоле Петр III.

<…> Хотя устранить Елизавету не удалось, подобный план удался позднее, а затем на престол взошла немецкая принцесса Екатерина, чей отец был близок масонам» *(правда, и тут нас ожидает конфуз: трудно понять о каком из отцов идет речь, так как официальный отец Софьи Августы Фредерики Ангальт-Гербстской, князь Кристиан Август, прусский фельдмаршал, ни во внешней, ни во внутренней политике России не играл никакой роли, а вот ее биологический отец — Иван Иванович Бецкой был сыном князя Ивана Юрьевича Трубецкого и братом принцессы Анастасии Ивановны Гессен-Гомбургской, которая, действительно, была очень близка к императрице Елизавете Петровне и имела на нее влияние — С. В.).*

Князья Трубецкие — это совершенно отдельная песня в истории нашего Отечества и истории отечественного масонства.

Начнем с того, что это официальный род национальных предателей России, который после Великой Смуты вынужден был долгие годы провести в политическом изгнании. Князь Юрий Никитич Трубецкой в Смутное время принадлежал к пропольской партии, будучи зятем лидера этой партии, национал-предателя боярина Михаила Глебовича Салтыкова, и в 1611 году бежал с тестем в Польшу. Там он

перешёл в католическую веру под именем Юрия-Вигунда Иеронима. От Салтыковой он имел двух сыновей: бездетного Александра Юрьевича и Петра Юрьевича, камергера польского двора и маршала Стародубского (ум. 1644). Русский род князей Трубецких пресекся на Алексее Никитиче, которому царь Алексей Михайлович пожаловал вновь завоеванную вотчину его предков — город Трубчевск с уездом, и повелел именовать его «державцем Трубчевским». Но увы… наследники повывелись. И тогда старый князь привез в 1657 году в Россию своего племянника, который не только стал боярином, но и женился на сестре Василия Васильевича Голицына, который играл при дворе царя Федора и его сестры правительницы Софьи первейшую государственную роль.

Так Трубецкие вновь возникают на политическом горизонте России и начинают постепенно (по мере естественного процесса размножения) занимать ведущие позиции на политическом Олимпе России и в масонских ложах.

Иван Иванович Бецкой занимал исключительное по значимости место во время правления своей дочери Екатерины II, а его сестра, принцесса Гессен-Гомбургская имела политический вес при дворе Елизаветы.

Но политическое размножение пошло все-таки не по этой линии, а по другой, по линии брата Ивана Юрьевича — Юрия Юрьевича.

Слово князю П. В. Долгорукову:

«Его брат, князь Юрий Юрьевич, был таким же пустым и ничтожным человеком. От своей первой жены, богатой наследницы, княжны Черкасской, отец которой крестился в XVII веке, он имел четырех сыновей. Первый, Никита <…> был родоначальником старшей ветви, второй ветви, к которой принадлежал Сергей Трубецкой, декабрист, и третьей ветви, к которой принадлежал друг знаменитого Новикова, франкмасон Трубецкой *(Николай Никитич, родной брат Сергея Никитича из ложи Воронцовых — С. В.)***.**

<…> У князя Юрия были еще две дочери, удачные браки которых много способствовали упрочению положению семьи: княгиня Черкасская, жена канцлера Черкасского, и графиня, жена фельдмаршала Петра Салтыкова. Овдовев, князь Юрий женился вторым браком на дочери фаворита Петра I, адмирала Ивана Головина; от этого брака у него было два сына…

Обе дочери князя Юрия Трубецкого, а особенно графиня Салтыкова, по натуре своей были хитрые интриганки; они высоко держали голову в свете, но при дворе отлично умели снискать благосклонность людей могущественных. Его сыновья были ни к чему не способными людьми, за исключением старшего, Никиты, отличавшегося выдающимся умом, но бывшего при этом одним из самых отвратительных и ужасных людей, когда-либо существовавших. Для него не было ничего святого: трусливый, жестокий, коварный, к тому же вор, он соглашался на любую подлость, лишь бы только преумножить свое богатство и влияние при дворе. В то время, о котором мы говорим, его жена, дочь канцлера Головкина, на глазах у своего мужа состояла в любовной связи с фаворитом императора, князем Иваном Долгоруковым, который всюду оскорблял Трубецкого и словесно, и прилюдно, в том числе и в его собственном доме.

<…> Князь Никита Трубецкой *(который станет генерал-прокурором империи — С. В.)* ***имел при дворе значительную поддержку. Его интриги в 1730 году, способствовавшие восстановлению самодержавной власти, вместе с покровительством со стороны его тестя, канцлера Головкина, и его невестки, жены князя Михаила Головкина*** *(княжны Ромодановской — С. В.)****, ссылке которой в Сибирь он так много позднее способствовал, принесли ему чин генерал-майора, майора гвардии и чин конногвардейского подпоручика. Овдовев в 1835 году, он уже через несколько***

месяцев вновь женился. Женился он на вдове, Анне Даниловне Херасковой, урожденной княжне Друцкой, любовнице фельдмаршала Миниха, и сделал он это как раз для того, чтобы заручиться поддержкой Миниха.

<…> Став генерал-провиантмейстером в армии Миниха, Трубецкой до того не стеснялся, присваивая казенное, что Миних вынужден был сместить его с занимаемого поста, а позднее, во время судебного процесса, увидав Трубецкого в числе своих судей, он сказал на одном из допросов: «Признаюсь лишь в одном из своих прегрешений: в моей армии был генерал-провиантмейстер, которого я должен был повесить за совершенные им кражи, но я сего не сделал: я говорю о князе Трубецком!» В том же самом, сугубо политическом судилище был замешан шурин этого злодея, граф Михаил Головкин, и Трубецкой выказал себя одним из самых суровых судей; Головкину, Миниху, Остерману и другим, приговоренным к смерти, наказание было смягчено и заменено ссылкой в Сибирь с конфискацией имущества. Через полтора года, чтобы погубить своего врага, канцлера графа Алексея Бестужева, и угодить фавориту Лестоку, Трубецкой стал сначала одним из дознавателей, а затем одним из судей в том ужасном деле, в котором по доносу агентов-провокаторов и по ложному обвинению в воображаемом заговоре (весь проступок сводился к неосторожным словам) была замешана его собственная невестка, жена графа Михаила Бестужева, урожденная Головкина, был замешан и <…> Степан Лопухин <…>, а также были замешаны жена и старший сын Лопухина. Все они были приговорены к колесованию с предварительным вырыванием языка <…>.

<…> Однажды некий капитан Калачев подал Елизавете прошение о возбуждении дела в суде. В прошении говорилось, что князь Трубецкой вовсе «не генерал-прокурор, а генерал-вор». Калачев был препровожден в Тайную канцелярию;

иными словами, выдан Трубецкому, и больше об этом человеке ничего не было известно… Конец его, должно быть, был страшным… Трубецкой умер в Москве в 1768 году, в возрасте 68 лет, его последние дни были ужасны, а агония повергала в трепет всех присутствующих. Его невестка, жена графа Михаила Головкина, урожденная княжна Ромодановская, прекрасная, воистину святая женщина, после смерти мужа вернулась из Сибири в Москву, но понятно, что им не приходилось видеться. Уже лежа на смертном одре, Трубецкой велел передать графине, что не может умереть, не испросив у нее прощения, и что именем Господа Бога он заклинает ее приехать к нему. И графиня приехала. Увидев ее, умирающий вывалился из постели и, стеная, пополз к ней по полу: «Я злодей; я не заслуживаю Божьего прощения; я один из главных виновников вашей ссылки, ваших несчастий, несчастий вашей золовки Бестужевой; я негодяй; но прости меня, молись за меня».

Вот такой клубок совокупляющихся между собой змей представляли из себя первые масонские ложи России. И не мы это придумали. Такой исторический портрет создавал на основе рассказов стариков-аристократов, не только помнящих главные события XVIII столетия, но и активно в них участвовавших, князь Петр Владимирович Долгоруков. У него, конституционного монархиста, в XIX столетии был свой — положительный — взгляд на просветительскую роль франкмасонства в России, как «луч света в темном царстве», но созданные им портреты первых русских масонов и их потомков создают картину, совершенно противоположную этой его оценке: нашему историческому взору открываются не истинные сыны Отечества, а его самые ярые враги…

Слово историку Сергею Соловьеву: «***Дело состояло в следующем: камер-лакей Александр Турчанинов, Преображенского полка прапорщик Петр Ивашкин, Измайловского полка сержант Иван Сновидов составляли заговор с целью захватить и умертвить Елизавету и племянника ее, герцога Голштинского, и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича; они говорили, что Елизавета и сестра ее Анна прижиты вне брака и потому незаконные дочери Петра Великого. Дело тянулось до декабря, когда виновных высекли кнутом и сослали в Сибирь, у Турчанинова вырезавши язык и ноздри, а у двоих товарищей его только ноздри».***

Информации, как видим, очень мало, и из нее трудно что-либо понять.

Следующий источник называется «Из дела о камер-лакее Турчанинове и других лицах, сужденных за намерение лишить престола императрицу Елизавету. 1742 года».

«Камер-лакей Александр Турчанинов, лейб-гвардии полков: Преображенского прапорщик Петр Квашнин, Измайловского сержант Иван Сновидов за нижеследующие вины, а именно: Квашнин во время восшествия императрицы Елисаветы Петровны на всероссийский престол помянутому Турчанинову, будучи во дворце, говорил: “Эдак вы, братцы, сыграли игрушку”. А как Турчанинов сказал: что-де делать, коли сделалось, чем пособить, то Квашнин говорил: надобно-де смотреть того, как бы этому пособить. Квашнин после того в разные времена говорил, что он начал собирать партию и собрал уже пятьсот человек, и с тем Турчаниновым придумал, чтобы тех собранных разделить надвое и ночным временем прийти к дворцу и, захватя караул, войти в покой к ее императорскому величеству, и его императорское высочество умертвить, а другою половиною Турчанинову заарестовать лейб-компанию, а кто из них будет противиться, колоть до смерти, и назначил к тому день и где собираться, и о том хотел того Турчанинова

уведомить. А по прошествии того дня тому Турчанинову он, Квашнин, говорил: с собранною-де партиею он было шел ко дворцу, и навстречу-де попался им вице-сержант Ивинский, и они-де, увидя его, разошлись. По приезде же в Москву он, Квашнин, с тем Турчаниновым о том же злом своем намерении упоминали, и при том он говорил, что-де прошло, тому быть так, а и впредь-де то дело не уйдет, и нами ль или не нами, только-де оное исполнится. А Турчанинов, слыша от Квашнина, на то злое намерение не токмо нигде не доносил, но и тому злому намерению с тем Квашниным имел совет, чтобы оное прямым делом исполнить, хотя б и кроме Квашнина с другими с кем, с чего он, Турчанинов, лейб-гвардии каптенармусу Парскому (который о том злом умысле доносил) говорил такие речи: принц-де Иоанн был настоящий наследник, а государыня-де императрица Елисавета Петровна — не наследница, а сделали-де ее наследницею лейб-компания за винную чарку, и чтоб тот Парский собрал партию человек в триста или и больше, и с тою бы партиею идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а Принца Иоанна возвратить и взвести на престол по-прежнему.

Оный же Турчанинов тому Парскому и капралу Изъединову (кои о том были доносители) говорил: смотрите-де, братцы, как у нас в России благополучие состоит непостоянное и весьма плохое и непорядочное, а не так, как при третьем Иоанне было, и оный-де Иоанн — законный наследник и по наследству царя Иоанна Алексеевича, также первого императора, подлежит быть ему императором, и его-де назначила короноваться императрица Анна Иоанновна еще при животе своем; а лейб-компания сделала императрицею незаконно наследницею, что-де как царевну Анна Петровна, так и государыня императрица Елисавета Петровна первым императором прижиты

с государынею императрицею Екатериною Алексеевною до венца, и для того-де никак не подлежит быть у нас ей императрицею, а надлежит-де быть третьему императору Иоанну, да и императрице-де Екатерине Алексеевне быть на царстве не подлежало же, надлежало быть в То время второму императору, и то-де сделал генерал Ушаков.

Он же, Турчанинов, вымышленно от себя произносил: напечатан-де манифест: что швед возымел войну якобы за то, что принц Иоанн царствовать стал, незаконный наследник, а наследница-де государыня императрица Елисавета Петровна, и то-де оный манифест напечатал французский посол воровски, о чем-де знают и наши министры, и о том-де она, государыня, с тем послом вздумала ездить по Петербургу в одной коляске и лежа на подушках.

Оный же Турчанинов, тех Парского и Изъединова увещевая, говорил, чтоб собрать партию и, разделя на три части, идти к государыне в спальню, и как те Парский и Изъединов спросили: в то-де время государыню императрицу куда девать? То он, Турчанинов, сказал: туда-де ее и его высочество, где он их увидит, заколет, что и исполнить желал он для того, чтоб быть принцу Иоанну императором, а принцессе Анне — правительницею.

Сержант Сновидов вышеозначенному злому умыслу явился сообщником и в разговорах о принцессе Анне, и о муже ее, и о сыне их принце Иоанне помянутому Турчанинову говорил сожалительные слова, а как Турчанинов к тем словам говорил такие слова, что принц Иоанн был настоящий наследник, а государыня императрица Елисавета Петровна не наследница, и чтоб он, Сновидов, собрал партию из гренадеров и солдат, и с тою бы партиею государыню свергнули с престола, то он, Сновидов, говорил, что он для такого дела друзей искать себе будет и кого сыщет, о том ему, Турчанинову, скажет, и после сказывал, что у него партии прибрано человек с шестьдесят.

Он же, Сновидов, многие склонные к тому злому намерению слова употреблял, и тем Турчанинова к тому злому умыслу поощрял и к доносу о том намерения не имел.

С учинением наказания кнутом и с вырезанием у Турчанинова языка и ноздрей сосланы в Сибирь в дальние города; Квашнин — в Вышерецкий острог, Сновидов — в Камчатку и Турчанинов — в Охотский острог».

Авторы книги «Повседневная жизнь Тайной канцелярии» Игорь Курукин и Елена Никулина пытаются найти в этом заговоре некую закономерность:

«…Дела Тайной канцелярии времен Елизаветы показывают, что совершенный гренадерами-преображенцами переворот одобряли не все. "Честь себе заслужили тем, что пришед в ношное время во дворец и напали на сонных с ее императорским величеством", — осуждал их семеновец Алексей Павлов; его сослуживец Максим Судаков называл героев переворота "бунтовщиками и стрельцами". Поручик Копорского полка Яков Панцирев в "вольном дому" в Ораниенбауме плюнул на манифест о восшествии на престол императрицы и объявил ее сторонников изменниками.

Кроме того, события 1741 года открыли одну закономерность российского "переворотства": легкость и безнаказанность захвата власти породили в гвардейско-придворной среде настроения "переиграть" ситуацию: "в случае" оказывались немногие, а обиженных при дележе наград и чинов всегда хватало.

Уже в январе 1742 года Финч отметил ропот в гвардии. Летом этого года преображенский прапорщик Петр Квашнин, камер-лакей Александр Турчанинов и измайловский сержант Иван Сновидов считали возможным собрать "партию человек в триста или и больше, и с тою бы партиею идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возвратить". На вопрос, что делать с императрицей, Турчанинов ответил: "Где он их

увидит — заколет". Известное "дело Лопухиных" выявило подобные настроения и в придворных кругах: подполковник Иван Лопухин летом 1743 года заявлял о скорых "переменах" в правительстве и воцарении опять же "принца Иоанна", при этом перечислял многих недовольных происшедшим переворотом офицеров».

Вот еще одно мнение:

«Из дела камер-лакея Александра Турчанинова и его сообщников — прапорщика-преображенца Петра Квашнина и сержанта-измайловца Ивана Сновидова, арестованных в 1742 году, видно, что, действительно, налицо были преступные "скоп и заговор" с целью свержения и убийства императрицы Елизаветы. Сообщники обсуждали, как "собрать партию", причем Квашнин говорил Турчанинову, что он уже подговорил группу гвардейцев. Сновидов же "сказывал, что у него партии прибрано человек с шестьдесят". Был у них и конкретный план действий: "Собранных разделить надвое и ночным временем придти к дворцу и, захватя караул, войти в покои Ея и. в. и Его императорского высочества *(Петра Федоровича. — Е. А.)* ***умертвить, а другою половиною… заарестовать лейб-компанию, а кто из них будет противиться, — колоть до смерти". Ясно была выражена и конечная цель переворота: "Принца Ивана*** *(свергнутого императора Ивана Антоновича. — Е. А.)* ***возвратить и взвести на престол по-прежнему".***

Считать эти разговоры обычной пьяной болтовней нельзя — среди десяти тысяч гвардейцев было немало недовольных как свержением 25 ноября 1741 года императора Ивана Антоновича и приходом к власти Елизаветы, так и тем, что лейб-компанцы — три сотни гвардейцев, совершивших этот переворот, получили за свой нетрудный "подвиг" невиданные привилегии. Турчанинов, служа лакеем во дворце, знал все входы и выходы из него и мог стать проводником к опочивальне императрицы. А это

было весьма важно — ведь известно, что в ночь на 9 ноября 1740 года подполковник К. Г. Манштейн, вошедший по приказу Б. Х. Миниха с солдатами во дворец, чтобы арестовать регента Бирона, едва не провалил все дело: в поисках опочивальни регента он заблудился в темных дворцовых переходах. Раскрыть заговор Турчанинова позволила только случайность» *(Анисимов Е. В. Русская пытка. Политический сыск в России. Санкт-Петербург, 2004)***.**

ИВАШКИН ЛИБО КВАШНИН

На Камчатке (в том числе и в источниках, связанных с историей Сибири XVIII века) Квашнин известен как Иван Матвеевич Ивашкин, а вот в материалах Тайной канцелярии, которыми оперируют исследователи, пишущие о следственных делах, а самое главное — в правительственном указе — его называют Квашниным.

Кстати, и он сам, когда его привлекли в качестве переводчика для встречи с экипажем экспедиции Джеймса Кука, назвался Квашниным. Историки и краеведы полагали, что он назвался так, чтобы скрыть от иностранцев свое истинное имя, но получается, что было ровным счетом наоборот: он таким образом это — свое истинное — имя им открывал…

И тогда, наконец-то, становятся объяснимыми те характеристики, которые давал этому камчатскому ссыльному декабрист Владимир Иванович Штейнгейль, детство и юность которого прошли на Камчатке, и он из первых уст слышал то, что впоследствии рассказал нам: «В Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеевича; это Ивашкин, крестник Петра Великого. Офицер гвардии Анны Иоанновны, которого она благословляла на брак и которого потом, при восшествии на престол Елизаветы, высекли кнутом с ужасным вырезанием ноздрей. Лет 20 он прожил в Якутске и 40 в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным мучеником. Грешно было бы пройти молчанием анекдот, им рассказанный. Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с удивительною точностию, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностию сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию

Лукичу Долгорукову, взяла его за нос, — «нос был большой, батюшка» — пояснил старец — и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обведя кругом и остановясь против портрета Грозного, она спросила:

— Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

— Знаю, матушка государыня!

— Чей он?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, так знай же и то, что, хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков сбиралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!

Старец знал и последствия.

Этого Матвеевича в следующем году предписано мне было взять и доставить в Охотск. Он был прощен с возвращением чина и с дозволением выехать в Россию. Но ему было уже 96 лет, он ослеп и не захотел расстаться с Камчаткою; через год еще его уже не существовало».

То есть Петр Матвеевич Ивашкин-Квашнин родился примерно в 1707 году. Чтобы стать крестником императора Петра Первого, его родители должны были находиться в самом близком к императору кругу вельмож. Этот круг в значительной степени был очерчен теми лицами царского окружения, которые подписали смертный приговор царевичу Алексею Петровичу. Как известно, их было 128 человек.

Не подписал его лишь один из судей — фельдмаршал Б. П. Шереметев, якобы заявивший царю: «Служить своим государям, а не судить его кровь, моя есть должность». На самом деле, сказавшись смертельно больным, Шереметев не приехал из Москвы. Все остальные приговор подписали безоговорочно.

В том числе и лейб-гвардии прапорщик Дорофей Ивашкин — но где-то в самом конце длинного списка.

Но род Ивашкиных, если Петр Матвеевич действительно из этого рода, вовсе даже не был из захудалых.

Описание герба Ивашкиных

В щите, разделённом перпендикулярно на две части, от нижних углов к середине означено чёрное стропило с двумя на нём серебряными стрелами остриями вверх. Над стропилом в правом голубом поле видна выходящая из облака рука в серебряных латах с саблей; в левом серебряном поле крестообразно положены шпага и копьё, остриями в правую сторону. На середине щита и внизу по сторонам стропила изображены три шестиугольных звезды переменных с полями цветов. Под стропилом в золотом поле идущий по земле направо лев.

Щит увенчан дворянским шлемом и короной со страусовыми перьями. Намёт на щите голубой, подложенный золотом. Щит держат два льва. Герб внесён в Общий гербовник дворянских родов Российской империи, часть 6, 1-е отд., стр. 12.

Патриархом его считают Семена Федоровича Ковылу-Вислова, выехавшего (по сказаниям древних родословцев) из Литвы к великому князю Василию I Дмитриевичу

в Москву. Но дальнейшую службу он нес при великом князе Рязанском — Олеге. Его сын Семен Семенович был боярином великого князя Василия Васильевича, а правнуки — Иван, Юрий и Сидор Яковлевичи были боярами рязанского великого князя Ивана Федоровича.

От Ивана Яковлевича и пошел род Ивашкиных. В XVI и XVII веках многие Ивашкины служили полковыми и городовыми воеводами, стряпчими и стольниками. В Смутное время Максим Денисович Ивашкин служил воеводой в Крапивне и замучен там знаменитым атаманом Заруцким.

Но в круг именитых лиц, хотя бы чуть-чуть приближенных к особам Их Высочеств, вошел только лишь (и отнюдь не на первых ролях) прапорщик лейб-гвардии Дорофей Ивашкин и — через столетие! — обер-полицмейстер Москвы Петр Ивашкин, который принял столицу после французов.

Сведений о Петре Алексеевиче Ивашкине немного: годы жизни 07.05.1762–31.10.1823, генерал-майор (1809). Первый офицерский чин получил в 1795. Будучи полковником л. — гв. Измайловского полка, исполнял должность полицмейстера в Москве. 17.4.1809 назначен московским обер-полицмейстером.

12.12.1809 произведён в генерал-майоры. В 1812 занимался эвакуацией жителей и государственных учреждений из Москвы при приближении неприятеля, а после освобождения города руководил борьбой с мародёрами. 1.6.1813 награждён орденом Св. Владимира 2-й ст. «за оказанную бдительность в сохранении тишины и спокойствия между обывателями Московской столицы во время бытности неприятеля вблизи оной и за деятельность в поспешном восстановлении возможного порядка и устройства в сем городе по изгнании из оного неприятеля». 8.3.1816 из-за болезни снят с должности обер-полицмейстера, а 14 марта определён состоять по армии. Похоронен в Даниловом монастыре в Москве.

Награждён также орденами Св. Анны 1-й ст. с алмазами, Св. Георгия 4-го кл., Св. Иоанна Иерусалимского.

И с этим Ивашкиным также пришлось видеться Владимиру Ивановичу Штейнгейлю, который под руководством главнокомандующего Москвы графа Александра Петровича Тормасова занимался восстановлением сожженной французами столицы. В «Записках» Владимира Штейнгейля о полицмейстере Ивашкине всего одна строка: «Распущенность московской полиции заставила графа Тормасова переменить обер-полицмейстера Ивашкина».

Кстати, полицмейстером Москвы в период ее французской оккупации якобы был небезызвестный для камчатской истории сын бывшего французского посланника в России Лессепс, участник кругосветного плавания Лаперуза, возвращающийся по приказу своего капитана на родину через Россию, начиная с Петропавловского порта и проезжая всю остальную Камчатку, где он также мог, при желании, иметь встречу, как и англичане, со ссыльным переводчиком Квашниным. Но такой встречи не случилось…

И, кстати, еще одна историческая подробность, связанная с организацией порядка в Москве: **с 12 мая 1854 года по 12 января 1858 года должность обер-полицмейстера города исполнял Александр Александрович (Абрамович) Тимашев-Беринг (Беринг, Тимаш-Беринг) (1812–1872)**.

Родился в городе Задонске. Потомок мореплавателя Витуса Беринга. Из дворян Калужской губернии. Получил домашнее образование. Юнкер (1830), корнет (1831) лейб-гвардии Кирасирского полка (до 1839). Участник подавления польского восстания 1830–1831 годов (сражения под Сиядовым, при Рудках, Желтках, штурм Варшавы). Адъютант командира 6-го пехотного корпуса в чине ротмистра с переводом в Оренбургский уланский полк (1839), адъютант командира Отдельного кавказского корпуса (1839–1844), офицер резервного армейского 25-го эскадрона

(1844–1845). Московский следственный пристав, московский полицмейстер (1845), офицер для особых поручений при московском генерал-губернаторе (1849), член Московского попечительского о тюрьмах комитета (1851), московский вице-губернатор (1851–1854). Подполковник (1846), полковник (1847), генерал-майор (1855). Действительный статский советник (1851).

В отставке по болезни (1857). Зачислен в штат Министерства внутренних дел по армейской кавалерии (1866), председатель Комиссии по устройству тюремной части в Москве (1870). В отставке (1872).

Но был, оказывается, еще один из Ивашкиных, которому было уделено императорское внимание: в именном Его Величества в Бозе почивающаго Императора Александра II Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 9 августа 1878 года, изображено: «Снисходя на всеподданнейшее ходатайство нашего генерал-адъютанта, генерала от кавалерий Александра Потапова и во уважение особых его заслуг, Всемилостивейше соизволяем, не в пример другим и в изъятие из действующих узаконений, на усыновление им, Потаповым, нашего флигель-адъютанта полковника лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Модеста Ивашкина, с предоставлением сему последнему именоваться по фамилии «Ивашкиным-Потаповым», пользоваться гербом Потапова и вступить, по смерти его, с правами, законным детям принадлежащими, в наследование всем его благоприобретенным имуществом».

Но Ивашкины — только одна из ветвей некогда могучего боярского древа потомков Семена Федоровича Ковыла-Вислова. Может, нам больше повезет в поиске приближенных к императорским особам по другой линии потомков Ивана Яковлевича — родоначальника Ивашкиных.

Так, например, правнук Ивана Яковлевича, Федор Иванович по прозвищу Сунбул был родоначальник Сунбуловых — рязанских бояр.

Федор Михайлович и его брат Семен Михайлович Сунбуловы служили в опричнине Ивана Грозного (сторожа в Постельничьем приказе), 2 августа 1575 года казнены, вероятно, по решению Земского собора, как участники заговора князя Бориса Тулупова, пытавшегося, по одной из версий, реставрировать опричнину, запрещенную в 1572 году.

«Сын Фёдора Сунбулова, очевидно, хорошо знавший тюркские языки, Михаил Сунбулов (Сумбулов) был неоднократным послом в Казань (под 1530 годом) (ПСРЛ, 34, с. 194) и Ногаи (в 1565–1566 гг.) (ПСРЛ, 29, с. 345, 348)» *(Н. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979).*

В период Смуты Григорий Федорович и Исай Никитич Сунбуловы вошли в историю России.

Вот какова судьба Григория Федоровича: «Ум. 1616. Воевода царей Бориса Годунова и Василия Шуйского. 1.04.1604, будучи 2-м воеводой передового полка, не согласился с назначением 2-м воеводой большого полка А. В. Измайлова. В конце лета 1606 возглавил отряд рязанских дворян в армии кн. И. М. Воротынского, направленной против И. И. Болотникова. После поражения правительственных войск присоединился к восставшим, но под Москвой (15.11.1606) изменил Болотникову. Зимой 1606–07 воевода в Переяславле-Рязанском вместе с П. П. Ляпуновым. Участвовал в осаде Тулы, занятой восставшими. После неудачной попытки свергнуть царя Василия Шуйского в феврале 1609 бежал в Тушинский лагерь. Сопровождал Лжедмитрия II во время его похода на Москву летом 1610. Затем присягнул вместе с другими боярами польскому королевичу Владиславу.

В 1594–97 за ним состояло поместье Замятни Лыкова в с. Носилово Каменского ст. Рязанского у. После его смерти в 1616 д. Минеево Окологородного ст. была дана в дар соборной церкви Успения (Переяславль-Рязанский).

В 1619 его поместье половина д. Носилово на рч. Исье дано кн. Семену Федоровичу Волконскому в вотчину за Московское осадное сиденье».

«*Исай (Исаак) Никитич.* Ум. до 1630. Активный участник Смуты 1604–13. Вместе со своим троюродным братом Григорием Федоровичем присягнул королевичу Владиславу. В 1611 вместе с запорожскими казаками осадил Прокопия Ляпунова в Пронске. Но тому на помощь пришел зарайский воевода кн. Д. М. Пожарский вместе с коломенцами. Запорожцы сразу же отступили, ничего другого не оставалось делать и Исаю С. Освобожденный Ляпунов направился в Рязань. Услышав об этом, С. вместе с черкесами осадил самого Пожарского в Зарайске. Пожарский сделал вылазку, захватил неприятельский острог и в коротком сражении разгромил С. с черкесами. После чего последние бежали на Украину, а С. — в Москву. Весной 1613 отряд под его командованием, посланный на подмогу осажденному Тихвину, был разбит шведами. Возможно этому способствовал местнический спор, который Исай Никитич, будучи всего лишь 3-м воеводой в войсках под Тихвиным, возбудил 24.04.1613 против 2-го воеводы Л. А. Батракова Воронцова-Вельяминова.

В 1594–97 за ним состояло поместье д. Кунаково Ростиславского ст. Рязанского у. В 1630 из его поместья в сц. Зименки, п. Погорелки 130 четв. дано вдове его Ирине на прожиток, а оставшиеся 11 четв. с иными поместьями дано детям его Ивану и Максиму по 5 четв. с осьминой.

Ж.: Ирина. Во 2-м браке (с 1630) за стольником Иваном Никифоровичем Траханиотовым».

Потомки мятежных бояр Сунбуловых впоследствии выше стольников и секунд-майоров не поднялись…

Но дали новую интереснейшую ветвь:

«*Петр Тимофеевич Черной Пушкин;* в 1610 г. жилец; в 1619 г. дворянин Московский; в 1624 г. воевода сторожевого

полка в Пронске; объезжий голова в Москве; в 1625–1628 гг. воевода в Тюмени; ум. 1633 г.

Жена: с 1619 г. *Елена Григорьевна Сунбулова*, дочь Григория Никитича (5-е поколение от московского дворянина Исаака Сунбулова, отца Осипа, деда Никиты и прадеда Григория (отца Елены).

Дети:

Петр Петрович Пушкин; в 1645 г. рында; в 1646 г. есаул в большом полку в Белгороде; в 1652 г. стольник; в 1659 г. на службе у засек; в 1660 г. дворянин Московский, товарищ воеводы в Туле; ум. в 1661 г., погребён под галереей собора Вознесения в Варсонофьевом девичьем монастыре в Москве.

1 Жена: Пелагея Фёдоровна Феофилатьева;

2 Жена: Анастасия Афанасьева Желябужская, ум. после 1680 г. (дочь Афанасия Григорьевича); в 1675 г. по указу царя, отдана "под крепкое начальство"» *(Род и предки Пушкина. М., 1995. С. 408, 412).*

Но поиски знатных родичей из династии потомков Ковылы-Вислова на этом не завершаются. Вот что сообщают исследователи. Интересно, что весь род Ковылы отказался от фамилии Ковыла: Сидор стал Сидоровым, Тутыха — Тутыхиным, Ивашка — Ивашкиным, Сунбул — Сунбуловым, Чулок — Чулковым.

Даниил Чулков был в числе самых выдающихся полководцев XVI столетия. Более того, писатель-историк Дмитрий Володихин на основании писем князя Андрея Курбского пишет о воеводе:

«Среди перечисленных Курбским людей можно выделить две группы военачальников: те, кого беглый князь называет людьми "благородными", "мужественными", "искусными", опытными и т. п.; а также тех, за кем, по его мнению, числятся особые военные заслуги, — иными словами, настоящих полководцев.

Вот эти две группы:

Князь Владимир Константинович Курлятев, князь Александр Иванович Ярославов, князь Иван Иванович Турунтай Пронский, князь Михаил Матвеевич Лыков, князь Федор Матвеевич Булгаков, Василий Васильевич Разладин-Квашнин, Дмитрий Ильич Шафериков-Пушкин, Крик Зуков Тыртов, Замятия Иванович Сабуров, Данила Григорьевич Чулков, род Колычевых, род Заболоцких, род Кашкаровых, род Сабуровых-Долгово…».

Обратим внимание на то, что обе фамилии — Квашнины и Ивашкины — в списке самых благородных — и в прямом и в переносном смыслах — людей того непростого времени.

Но Дмитрий Володихин и в этой — первой по значению — группе выделяет еще нескольких воевод: «Что касается первой группы, то там придется выделить еще нескольких опытных военачальников, значение которых Курбским даже несколько преуменьшено. Это прежде всего Иван Петрович Федоров, князь Владимир Константинович Курлятев, князь Александр Иванович Ярославов, князь Иван Иванович Турунтай Пронский, Замятия Иванович Сабуров, Василий Васильевич Разладин-Квашнин, Дмитрий Ильич Шафериков Пушкин, Данила Григорьевич Чулков».

Но судьба Чулкова была предрешена: «Андрей Михайлович *(Курбский — С. В.)* поместил в «Истории о великом князе Московском» список казненных аристократов, отметив, в частности, кто из них славился как талантливый полководец или хотя бы имел опыт и авторитет в военном деле.

Вот реестр Курбского:

… Данила [Григорьевич] Чулков-[Ивашкин] — убит.

К счастью, князь Курбский, который следил за московскими событиями из далекой Литвы, где он получил за свой побег из Московского царства вотчину и приличную должность, ошибался, основываясь в своих «записках» в том числе и на ложных или, точнее, непроверенных, слухах.

Данила Григорьевич Чулков-Ивашкин вышел живым из той опричной мясорубки и продолжал служить русским царям».

Вот, что сообщает о нем Википедия:

«Происходил из рода рязанских бояр. Принимал участие в завоевании Астрахани. В 1554 году он вместе с князем Алексеем Вяземским "астраханских людей искал и добывал выше Черного острова", поход закончился скорым покорением Астрахани. В 1556 году Чулков с отрядом поплыл по р. Дону для наблюдений над Крымом, возле города Азов он встретил 200 крымцев и разбил их.

По некоторым источникам, Чулков был послан русским правительством из Москвы в 1586 году в отряде Василия Сукина и Ивана Мясного, которые в следующем году поставили над реками Турой и Тюменкой город Тюмень, на том месте, где был прежде туземный город Чинги-Тура. Оттуда уже посланный Василием Сукиным письменный голова Данила Чулков прошел к устью реки Тобол, впадающей в Иртыш, и здесь поставил острог, названный им Тобольским.

По другим же источникам, Данила Чулков "прибыл в Сибирь с новою ратью в пятьсот человек" в 1587 году и летом при слиянии Иртыша с Тоболом заложил городок Тобольск. В начале июня острог был готов. 4 июня освятили первую острожную церковь, названную Троицкой.

В 1588 году Чулков был воеводой во вновь основанном им городе, в котором он, кроме обычных построек "острога", построил две церкви. Ему же удалось, заманив к себе в гости, взять в плен татарского князя Сейдяка (последний представитель тайбугинов Сейд Ахмед) с султаном кайсацкой орды (будущий касимовский хан Ураз-Мухаммед) и Мурзой-Карачой (по одной из гипотез, речь о представителе племени жалайыр, известном казахском историке и писателе Кадыргали Жалаири), которые были им

отправлены в Москву. Этим он утвердил пошатнувшееся после смерти Ермака господство русских, так как татары, напуганные пленом своего князя, откочевали вглубь степей, бросив свой главный город Искер.

Небольсин писал:

“Чулкову мы обязаны конечным прекращением главных и важных смут в Сибири и доставлением царю неотъемлемого и крепкого права назвать всю до-иртышскую страну <…> достоянием России”.

Должность тобольского воеводы Чулков занимал до 1589 года, дальнейшая судьба его неизвестна. В 7098 (1590) г. на место письменною головы Данилы Чулкова в Тобольск прибыл воевода князь Владимир Васильевич Кольцов-Масальский».

1623 г. февраля 27. — Грамота царя Михаила Федоровича в Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о назначении Гаврилы Иванова за его службу атаманом тюменских конных казаков.

От царя и великого князя Михаила Феодоровича всея Руси в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим князю Михаилу Борисовичу Долгорукову да Юрью Анфиногеновичу Редрикову. Бил нам челом Тюменского города конной казак Гаврилко Иванов и сказал: служил де он блаженные памяти государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Руси, и царю Борису Федоровичу всея Руси, и царю Василью Ивановичу всея Руси и нам, великому государю, в Сибири 42 года; а прежде того он служил нам на поле 20 лет у Ермака в станице и с иными атаманы. И как с Ермаком Сибирь взяли, и Кучюма царя с куреня збили, а царство Сибирское нам взяли, и мурз и татар розорили, и он де был посылай с Ондреем с Воейковым на нашу службу на тово же Кучюма царя, и божиею де милостию и нашим счастием тово царя Кучюма на Обе реке погромили и его

убили, и жены его и дети взяли. Да его же де посылал на Алея царя боярин наши воевода Матвей Михайлович Годунов с воеводою с Назарьем Изъединовым, и того де Алея царя взяли и жон и детей поймали. Да он же де в Сибири ставил Томской город при воеводе Гавриле Писемском; да он же де ставил город Тюмень при воеводе Василье Сукине; да он же де посылай был в Кузнецы для нашего ясаку, и первой де ясак взяли; да он же де Тобольской город ставил при воеводе Даниле Чюлкове; да он же де Тарской город ставил при воеводе при князе Ондрее Елецком; да он же де ставил Пелымской город при воеводе при князе Петре Горчакове; да ево же де посылал на нашу службу боярин наш и воевода Матвей Михайлович Годунов головством на калмацких людей, и они де колмацких людей погромили, и жон и детей в полон взяли. А ныне де на Тюмени у них у конных казаков атамана нет. И нам бы его пожаловати, велети ему быти в Тюменском городе у конных казаков в атаманах на Степанове место Онтропьева, а Степан де ныне служит на Тюмени в детех боярских. И как к вам ся наша грамота придет, а то будет Степана Онтропьева место порожжо, атамана на его место у конных казаков нет, и вы б Гаврилку Иванову за те его многие службы велели в Тюменском городе быти у Тюменских у конных казаков в атаманах. Писан на Москве 7131-го февраля в 27 день.

Подлинная грамота за приписью дияка Ивана Болотникова. *(Архив Акад. Наук. Ф. 21. Оп. 4. № 8. Лл. 79 об. —80, № 64. Напеч. в РИБ, т. II, стб. 400–402, № 130).*

Данила Григорьевич Чулков навечно вошел в историю нашего государства как основатель будущей столицы Сибири — Тобольска, став и первым его воеводой. Вот, что пишут о нем тобольские краеведы.

ОСНОВАТЕЛЬ ТОБОЛЬСКА

ПИСЬМЕННЫЙ ГОЛОВА ДАНИЛА ЧУЛКОВ В ИЮНЕ 1587 ГОДА ВМЕСТЕ С ОТРЯДОМ СЛУЖИЛЫХ СТРЕЛЬЦОВ ПОСТАВИЛ ДЕРЕВЯННЫЙ ОСТРОГ НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ ПРИ СЛИЯНИИ РЕК ТОБОЛ И ИРТЫШ. ОН ПО ПРАВУ СЧИТАЕТСЯ ОСНОВАТЕЛЕМ ТОБОЛЬСКА. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, САМА ЛИЧНОСТЬ И СУДЬБА ПЕРВОСТРОИТЕЛЯ СТОЛИЦЫ СИБИРИ МАЛОИЗВЕСТНА ШИРОКОЙ ЧИТАЮЩЕЙ ПУБЛИКЕ.

Существует несколько ветвей дворянского рода Чулковых. Первая берет начало от германского выходца Радши (XII век) *(это ветвь пушкинских однородцев, опричников — С. В.)****. Другая ветвь Чулковых ведет свою историю от выехавшего из Литвы к великому князю Василию Дмитриевичу и потом перешедшего на службу к великому князю Олегу Рязанскому Семена Федоровича Ковылы-Кислого, праправнук которого Григорий Иванович***

получил прозвище Чулок, а от него и сын Григория Ивановича — Данило, письменный голова, основатель Тобольска и первый его воевода (1590) — стал именоваться Чулковым.

Данила Григорьевич Чулков — воевода русского царя Ивана Васильевича Грозного, воин и государев человек, продолжатель дела покорителя Сибири Ермака. Принимал участие в войне с астраханскими и крымскими татарами. В 1554 году Чулков вместе с князем Алексеем Вяземским астраханских людей искал и языков добывал выше Черного острова; поход окончился скорым покорением Астрахани. В 1556 году Чулков с отрядом поплыл по Дону для наблюдений над Крымом. Возле Азова он встретил 200 крымцев и разбил их. Ивану Грозному Чулков писал, что Девлет-Гирей собирался на Москву, но, узнав, что русские ждут его, вернулся назад.

В 1585 году русское правительство послало письменного голову Данилу Чулкова, который служил в Ряжске, вместе с воеводами Василием Сукиным и Иваном Мясным в Сибирь. Через год ими была поставлена над рекой Турой на месте прежнего татарского городища Чимги-Тура деревянная крепость Тюмень. В 1587 году Москва посылает Чулкова во главе полутысячного войска к устью реки Тобол, впадающей в Иртыш, чтобы заложить там новый острог. Летописец отмечал: «…лета 7095 (1587) при царе Феодоре Иоанновиче указ воеводе Даниле Чулкову <…> прислано 500 человек поставити град Тоболеск».

Отряд Чулкова спустился по Туре и Тоболу в Иртыш и пристал к правому берегу у устья небольшой речки, которую потом назовут Курдюмкою. Там Данила Григорьевич и присланные с ним строители тщательно обследовали местность и заложили острог на высоком восточном берегу Иртыша, против устья Тобола. В «Повести летописной» отмечено: «…обрете место на той реке Иртише

усть речки Курдюмки против мало пониже устья реки Тоболу, яко единые версты, на велице горе и красно велми, а под горою <…> Богом строенное место, плавающим же защита ту бури и пристанище тихо и спокойно. И на сем же прекрасном месте поставиша град и нарекоша имя ему Тоболеск реки ради Тоболы <…> И паче же сей Тоболеск вместо царствующего града Старой Сибири именовася и прослыся начальным градом».

«Здесь будем град новой ставить», — отдал приказ письменный голова Данила Чулков. А град строить начали

на высоком мысу в день Троицы. Отсюда и первое название появилось — мыс Троицкий. А свершилась закладка нового града в день 3 июня 1587 года. И назвали его Тоболеск.

В Румянцевском летописце «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии» записано немного: «…прииде воевода с Москвы Данила Чулков. И дошед реки Ирыша, и ту поставиша град Тоболеск…». В «Книге записной» («Сколько в Сибири, в Тобольску и во всех сибирских городах и острогах <…> в котором году и кто имяны бояр, и окольничьих, и столников, и дворян на воеводствах бывали») в 1687 году точно указывается место сооружения первого тобольского города. Он был построен «на том ж месте и мысу, где ныне колокольня Софийская». Следовательно, первый город стоял рядом с нынешним Софийско-Успенским кафедральным собором.

Есть еще одна интересная деталь в «Книге записной». В летописи сказано, что «город первой был срублен из судового лодейного лесу небольшой и острогом и нос збиран». Из этой записи следует, что вокруг первого поселения на восточной части Троицкого мыса был поставлен острог из досок от лодок, на которых приплыли русские воины. Первые строители тобольской крепости поднимались на Троицкий мыс по логу, разделяющему два бугра Троицкого мыса. По логу носили пожитки от реки в град. По нему доставили наверх и доски от разобранных стругов. А из «досок лодейных» сделали первый тобольский острог. Но этих досок не хватило для полного ограждения вокруг всех изб. Поэтому острог сделали небольшой и поставили его в виде «носа». Так на краю холма появилось первое русское укрепление на Иртыше и первая церковь, освященная в честь Святой Троицы.

Мудрыми замечено: города никогда не возникают случайно и на случайных местах. Издавна Тобольск отмечали как место, которое будто специально замыслил Творец

мира. Про него говорили: «Божественного замысла город», «Подобен сибирский град Тоболеск ангелу…», «Картинный город». Предание гласит о том, будто люди Чулкова, причалив к правому берегу Иртыша, узрели высокий неприступный холм и решили, что для возведения крепости «тут Богом строенное место». Воевода Чулков мог видеть всю округу с вершины Алафеевской горы, где началось строительство острога…

Алафеевская гора с древних времен считалась священным местом. На ней не раз являлся местным жителям белый город в блеске золотых и серебряных искр, спускаясь с небес на землю в виде огненного столба. Есиповская летопись напоминает о Божественном произволении, по которому воевода Данила Чулков место под будущий город выбрал: «Благоволением Бога Отца и Сына и Святого Духа прииде воевода на ту гору превеликую, зряше место то зело лестно. И повелел воевода град созидати. И нарече град Тоболеск, и даде старейшенство великому граду».

Против строительства новой крепости выступил князь Сейдяк, считавший себя повелителем Сибири. Поглощенный борьбой с Кучумом, Сеид-хан старался избегать столкновений с русскими. Когда воеводы в 1587 году появились у самых стен ханской столицы, Сеид-хан попытался завязать переговоры с ними. Чулков пригласил хана и Карачу в острожек на пир.

Хан согласился, но принял меры предосторожности. Он отправился в гости в сопровождении нескольких сот отборных воинов. Голова Чулков располагал куда меньшими силами. Когда гости явились к воротам Тобольска, Чулков согласился впустить в крепость не более ста человек и предложил им снять оружие перед тем, как сесть за пиршеский стол. Карача был человеком крайне осторожным, но, видя малочисленность русских, согласился на все их условия.

Когда Сеид-хан, Карача и свита заняли места за столом, они столкнулись лицом к лицу с Ермаковыми казаками. Едва ли можно предположить, будто Чулков сознательно заманил хана в западню. Скорее всего, события развивались под влиянием стихийных сил.

Казаки не простили Караче вероломного убийства Ивана Кольцо и других своих соратников. Они бросились на Карачу и связали его вместе с ханом. Ханская охрана была перебита. Однако самое трудное было впереди. Гвардия хана — 400 воинов — стояла во всеоружии подле ворот острожка. В упорном, кровопролитном бою казаки

разгромили противника, обладавшего большим численным перевесом. Но они заплатили дорогой ценой за свою победу. В бою погиб «великий атаман» Матвей Мещеряк, возглавивший экспедицию после гибели Ермака. Сеид-хан был увезен в Москву и там определен на царскую службу. Татары, напуганные пленением своих вождей, спешно откочевали в глубь степей, бросив свою столицу Искер на произвол судьбы.

Таким образом, вся Сибирь до Иртыша и к северу по берегу Оби оказалась в руках московских государей. Тобольск стал вторым русским городом в Сибири. Символическим

актом, означавшим передачу власти над Сибирью от старой ханской столицы Кашлыка Тобольску, стало пленение воеводой Чулковым в Тобольске последнего сибирского царя Ораз-Мухаммеда.

В 1588 году Данила Чулков служил воеводой в основанном им городке, в котором построил две церкви. Согласно Есиповской летописи, он выполнял обязанности воеводы. В 1590 году ему на смену в Тобольск прибыл князь Масальский-Кольцов. Но известно, что до 1596 года Данила Григорьевич Чулков оставался в Тобольске. Если при Чулкове Тобольск подчинялся Тюмени, то при Масальском-Кольцове Тобольск стал самостоятельным, главным городом в Сибири. Через сто лет после промыслительного и дерзкого шага, предпринятого командой Данилы Григорьевича Чулкова, Тобольск станет главным городом Сибири, ее первой столицей.

Судьба самого воеводы Данилы Чулкова после Тобольска неизвестна.

Виктор Горохов
Источник иллюстраций:
«Летопись Сибирская» С. У. Ремезова

Известно, что у Данилы Григорьевича было два сына — Филипп и Федор, о судьбе которых рассказывают краеведы из Москвы:

ВОЕВОДЫ ДОМОДЕДОВСКОЙ ЗЕМЛИ XVI–XVII ВЕКОВ

С домодедовской землей своей жизнью и своим служением были связаны родовые династии Колычевых, Телепневых *(из рода князей Оболенских — С. В)* и Чулковых, из которых вышли многие московские вое-воды.

Отдельные представители из рода Колычевых владели селом Колычево, расположенным на берегу реки Пахры, из рода Телепневых — селом Битягово, расположенным на берегу Рожайи, а из рода Чулковых служили на сторожевой заставе, бывшей на месте современной деревни Заборье. Деревня Заборье существовала до татарского нашествия крымского хана Девлет-Гирея. В 1571–1572 годах Заборье было разорено и превратилось в пустошь. Возрождение деревни началось вновь спустя почти целый век.

Все поселения Южного Подмосковья подвергались бесконечным нашествиям и набегам. С 1539 по 1552 год шла непрерывная борьба русских с татарами, набегавшими на Москву. Походы русских войск на Казань в 1548–1549 годах были безуспешны, и только походы 1552 года принесли победу.

Колычевы происходили из знатного и древнего боярского рода. Родоначальником Колычевых был Федор

Александрович Колычев *(из рода Кобылиных, из которого вышли Шереметевы и Романовы — С. В.)*, живший в конце XIV века. Вотчина Колычевых — село Колычево — на домодедовской земле впервые упоминается в 1406 году в духовной грамоте великого князя Василия Дмитриевича. Уже в то врем село принадлежало Колычевым, которые владели и жили в нем в течение нескольких последующих поколений.

Во время правления Елены Глинской Колычевы держались стороны князя Андрея (брата великого князя Василия), и трое из них с падением князя Андрея были казнены.

Известно, что митрополит Филипп (в миру Федор Степанович Колычев), происходивший из младшей ветви рода Колычевых, в молодые годы служил в ратных войсках. Родовые вотчины в Подмосковье принадлежали старшим ветвям рода Колычевых, а митрополит Филипп родился в поместье на Новгородской земле — в Деревской пятине — 11 февраля 1507 года.

Дядя митрополита Иван Умной-Колычев, служивший у опального князя Андрея Старицкого и сохранивший ему верность, попал в тюрьму. А его троюродные братья, Андрей Иванович и Гаврила Владимирович за отъезд к Старицкому были казнены.

Федору в 1537 году пришлось бежать на Онежское озеро, а затем на Соловецкие острова. В тридцатилетнем возрасте Федор Колычев удалился от мира, постригся в Соловецком монастыре с именем Филипп и через 10 лет во время царствования Иоанна Грозного стал игуменом Соловецкой обители.

Игумен Филипп вел монастырское хозяйство расчетливо, твердо руководил обителью, осуществил много построек. Соловецкий монастырь стал центром духовного развития, переписывались сочинения писателей XVI века. В их числе были Иосиф Волоцкий, Вассиан Патрикеев, Максим Грек, позднее Андрей Курбский.

Филиппа Колычева царь Иоанн Грозный видел, будучи еще мальчиком, и, когда встал вопрос о назначении митрополита,

царь выбрал Филиппа. Игумен Филипп прибыл в столицу, явился к царю и, узнав о причине вызова, сказал ему: «Я повинуюсь твоей воле, но оставь опричнину, иначе мне быть митрополитом невозможно…»

Филипп после долгого раздумья, наконец согласился. Неизвестно, что было поводом к этой уступке. Филипп был поставлен митрополитом 25 июля 1566 года. Став московским митрополитом, Филипп увещевал царя Иоанна Грозного, и на некоторое время царь действительно воздерживался от своей кровожадности.

Митрополит не требовал уже больше уничтожения опричнины, но не молчал, являлся к царю ходатаем за опальных. Царь оправдывался, говоря, что кругом его тайные враги. Вскоре царь невзлюбил настойчивого митрополита и не стал допускать его к себе. Однажды, когда царь Иоанн Грозный подошел под благословение, митрополит Филипп не благословил его. События развивались быстро. Митрополит Филипп был низложен и оказался в заточении в Отрочь-монастыре. По царскому приказу на него надели колодки и кандалы. Царь в назидание казнил племянника митрополита Ивана Борисовича Колычева. По царскому приказу в 1569 году в Отрочь-монастырь прибыл Малюта Скуратов и там собственноручно задушил митрополита, при этом монахам объявил, что Филипп умер.

В царствование Алексея Михайловича Романова в 1652 году митрополит Филипп был причислен к лику святых.

В царствование Иоанна Грозного в битве при взятии Казани отличился Никита Борисович Колычев. Он был убит 20 октября 1552 года.

В 1781 году императрица Екатерина II удостоила село Колычево «имени прав и преимуществ города» под названием Никитск в честь героя Казанской войны Никиты Борисовича Колычева.

При царе Борисе Годунове опала на Колычевых снова повторилась, некоторые из Колычевых поплатились своей жизнью.

Телепневы в истории России известны с XV века. В 1492 году записано: «Того же лета месяца августа послал князь великий Иван Васильевич воеводу своего князя Федора Телепнева-Оболенского с силою ратною на город Мченск…» В 1518 году было известно о князе Федоре Васильевиче Оболенском-Лопате и князе Иване Федоровиче Оболенском (Телепневе).

В 1530 году в истории зафиксировано: «…в передовом полку князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенский да Чулок-Засекин…» А тремя годами позже, в 1533 году: «…тогда воеводы по указу великого государя послали за реку (Оку!) воеводу князя Ивана Федоровича Оболенского-Овчину, много татар побили и к великому князю прислали в Коломенское». В 1535 году «наместник стародубский князь Федор Васильевич Телепнев вышел из града, с литовскими людьми бился и многих побил…»

Телепневы в документах XVI века писались: Телепнев-Оболенский, Телепнев-Овчина, Оболенский-Лопата-Телепнев (Лопатин), Оболенский-Овчина-Телепнев.

Н. М. Карамзин писал, что главными вельможами в России в 30-х годах XVI века были Глинский и Телепнев: «…старец Михаил Глинский и конюший боярин князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский, юный летами и подозреваемый в сердечной связи с Еленою». Глинский, как пишут, «смело и твердо говорил племяннице о стыде разврата всегда гнусного, еще гнуснейшего на троне, где народ ищет добродетели…»

Н. И. Костомаров сообщает, что «Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, которому совершенно отдалась Елена Глинская, вдова великого князя Василия, был человеком крутого нрава, не останавливался ни перед какими злодеяниями.

Брата покойного великого князя Юрия засадили в тюрьму и уморили голодом. Другой брат, Андрей, испугавшись той же участи, убежал, но был схвачен и задушен».

Михаил Глинский, дядя Елены Глинской, был обвинен в нелепом замысле овладения государством, посажен в тюрьму и уморен голодом.

«Во внешних же делах Телепнев, — по Костомарову, — поддерживал достоинство Московского государства. Открывшаяся, по истечении перемирия, война с Литвою ведена была счастливо и окончилась в 1537 году новым перемирием на пять лет с уступкою Москве двух крепостей: Себежа и Заволочья, построенных на Литовской земле. Татарские нападения были отражены. Такие успехи еще более возвышали любимца Елены, но это возвышение ускорило его гибель. Враги отравили Елену 3 апреля 1538 года».

К власти в 1538 году пришел боярин Василий Шуйский, при нем Ивана Телепнева уморили голодом, как он сам уморил Глинского.

О воеводе Даниле Чулкове, жившем и служившем в России в XVI веке в царствование Иоанна Грозного, писали все знаменитые историки: В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев. Личность воеводы Данилы Чулкова примечательна: был близким человеком к царю Иоанну Грозному, участвовал и руководил войсками во многих главных сражениях своего века, одерживал блестящие победы и явился основателем города Тобольска — столицы Сибири.

Для истории год рождения Данилы Чулкова остался неизвестным, но первое упоминание о воеводе известно — 1554 год, когда царю Иоанну Грозному было 24 года. Предположительно Данила Чулков родился в начале 20-х годов (1520–1525). Род Чулковых вел свою родословную от легендарного Ратши (это другой род, как мы отмечали уже выше — С. В.). Герой из дружины Александра Невского, Гаврила Алексич был правнуком Ратши, а внуком Гаврилы

Алексича был Григорий Пушка, прямой предок А. С. Пушкина. «Между тем родословное древо Ратшичей помимо ствола Пушкиных включает и другие ветви, давшие России крупных полководцев, дипломатов, общественных деятелей, инженеров, юристов, писателей и поэтов. Среди них — родовые династии Курчавых, Рожновых, Товарковых, Хромых, Чоботовых, Свибловых, Бутурлиных, Давыдовых, Желебиных, Чулковых, Челядниных, Мусиных-Пушкиных и Бобрищевых-Пушкиных» *(И. А. Ратшич. Дворянство по делам // Русский вестник. 1992. № 11)*.

В истории России в начале XVI века был известен, — как писал Татищев, — воевода князь Иван Михайлович Чулок-Засекин (Засекин-Чулков).

Во второй половине XVI века, в царствование Иоанна Грозного, важную роль в России играл воевода Данила Чулков. Историки называли его «стрелецкий голова», «письменная голова», «казачий атаман».

На рубеже XVI–XVII веков воеводами были: Чулков, Корнил (Гавриил) и Чулков Федор (сын Данилы Чулкова). Они отличились во время смуты при изгнании поляков из России.

Проследим за судьбой воевод по историческим записям.

В 1524 году великий государь сентября в 15-й день «возвратился из Новаграда с братиею на Москву, послав рать к Казани…» В этой рати были «Василий Андреевич Шереметев да Федор Семенов, сын Колычев, а в правой руке князь Петр Иванович Репин да Дмитрий Бутурлин; а в левой руке князь Иван Федорович Овчина да князь Андрей Кропоткин, а в сторожевом полку Иван Васильев, сын Лошакова, да Чулок-Засекин». В тот год (1524) было большое сражение, в котором погибло русских до 25 тысяч, а татар до 42 тысяч.

А в 1530 году «князь великий… послал в Казань рать свою… а в конной рати в большом полку князь Михайла Львович Глинсков, Василий Андреевич Шереметев; в переднем

полку князь Иван Овчина Федорович Телепнев-Оболенский да Чулок-Засекин…»

В этой битве хан Саип-Гирей, видя гибель города, собрал крымских татар в числе 5 тысяч и бежал из города, пробился сквозь русские полки, оставив две тысячи, и только с тремя тысячами бежал в Крым.

В походе воевод великого князя в Литовскую землю в 1535 году были «…а в передовом полку боярину своему конюшему князю Ивану Федоровичу Телепневу да князю Никите Борисовичу Туренину… А из Новаграда Великого и Пскова тако же послал князь великий на Литовскую землю и велел идти на Опочки:… а в левой руке наместнику ж псковскому Дмитрию Семеновичу Воронцову да Федору Семеновичу Колычеву, а в сторожевом полку князю Федору Михайловичу Курбскому да князю Ивану княж Михайлову сыну Ивановича Засекина…»

«И воеводы великого князя Михаил Васильев Горбатый с товарищи начали воевать королевскую область от Смоленского рубежа…и воевали до Вильни верст на 50, а инда и за 40. Поворотясь же оттеля к Полярным местам, пошли к немецкому рубежу, жгучи, воюючи, секучи и в плен емлючи. И вышли воеводы великого князя на Опочку к Псковской земле — все здравы с великим полоном, а пришли из Литовской земли на Опочку 11 марта, в первый день в 4-ю неделю поста».

В войсках великого князя Василия Ивановича воеводами были Федор Семенович Колычев, Иван Федорович Телепнев-Оболенский да Иван Михайлович Чулок-Засекин. В 1555 году в России была организована впервые регулярная охрана из стрельцов.

В 1566 году из 94 дворян первого ранга на службе в России оказалось только 33 из старых княжеских родов.

В 1539 году татары вторглись на Московскую землю, сын Саип-Гирея Иминь с шайками своих разбойников «грабил

в Коширском уезде по Оке». А в 1541 году десятилетний царь Иоанн «с братом своим, Юрием, молился Всевышнему в Успенском храме пред Владимирскою иконою Богоматери и градом Св. Петра митрополита о спасении Отечества; плакал и вслух народа говорил: "Боже! Ты защитил моего прадеда в нашествие лютого Темир-Аксака: защити и нас, юных, сирых! Не имеем ни отца, ни матери, ни силы в разуме, ни крепости в деснице; а государство требует от нас спасения!"»

При Иоанне Грозном в 1550 году вышел новый «Судебник», который получил название «Вторая русская правда».

В России 1552 год вошел в историю царствования Иоанна Грозного как год взятия Казани.

К войне с Казанью шла большая подготовка: «Уже полки стояли от Коширы до Мурома; Окою, Волгою плыли суда с запасами и пушками к Нижнему Новгороду…

В Коломне ожидали государя новые вести: крымцы шли к Рязани. Иоанн немедленно сделал распоряжение: велел стать большому полку у Колычева…»

В1554 году «пришли воеводы на Переволоку, что к Дону с Волги в 29-й день отпустили наперед себя князя Александра Вяземского да Данилу Чулкова, а с ними детей боярских и атаманов с казаки астраханских людей поискать языков (подобыть) и князь Александр встретился со астороханцы выше Черного острова, а они гребут в укшулях проповедовать про рать царя и великого князя, а в головах из них был Сакмак. И князь Александр на те люди пришел, и Божиим милосердием и царя, и великого князя щастиями тех людей побил наголову. И не ушел от тех ни один человек, а самого Сакмака жива взяли и инных многих и к воеводам встречу тех привели. И языки воеводам, Сакмак с товарищи, сказывали, что их послал Емгурчей-царь про рать московскую проведати, а сам Емгурчей царь стоит ниже города Астрохани 5 верст…

И астороханцы из города побежали, и всесильные Бога помощью, и Его Богоматери, и великих чудотворцев молением, и царя благочестивого, и великого князя Ивана Васильевича вся Русии благородством, и твердыми свирепостью разума его наукам, и его царским щастием воеводы его князь Юрья Иванович Пронский с товарищи Астороханское царство и город взяли, и людей наших разгоняли, и многих побили, а инных живых поймали. И взят город Асторохань июля 2-го на праздник Пречистые Владычице нашея Богородицы Положение честные ризы, иже во Влахерны».

В 1556 году «Данилу Чулкова да Ивана Мальцова послал государь вниз по Дону проведать про крымские вести…», и прислал к государю царю с Поля «Данилко Чулков девяти татаринов крымских, а… на Дону близ Азова 200 человек крымцев и побили их наголову…».

С. М. Соловьев в своей «Истории…» писал об этом событии так: «В Серпухов прислан к царю *(Иоанну Грозному. — Н. Ч.)* гонец от Чулкова, начальника того отряда, который и плыл Доном для вестей, Чулков писал, что встретил близ Азова 200 человек крымцев, побил из наголову и узнал от пленных, что хан в самом селе собрался на Московские украйны…».

В 1557 году снова «на Дон государь послал Данила Чулкова да Ваську Хрущова, да с ними атаманов и казаков, а велел их искать и побити их, и дьяку Ржевскому велел на них послати казаков к Азову, да итти от Азова вверх Доном имать их». А в 1558 году «отпущен в Черкасы, на Казань да на Астрахань судном, и с Черкас им итти ратью мимо Азова. Да со князем Дмитрием же брать отпустил Игнатия Заболоцкого с жильцы, да Ширяя Кабякова с детьми боярскими, да и Данила Чулкова, да Юрья Булгакова… А с казаки велел государь оставить Данила Чулкова да Юрья Булгакова…» (Следует заметить, что село Битягово в начале XVII века находилось во владении за

стремянным конюхом Дмитрием Кузьминым, сыном Булгакова).

Как сложилась дальнейшая судьба воеводы Данилы Чулкова с 1558 года и до 1587 года, в истории освещено весьма слабо, но известно, что в последние годы он служил головой в Ряжске.

В 1584 году умер царь Иоанн Грозный.

На исторической арене воевода Данила Чулков появляется вновь уже в почтенном возрасте, в царствование Бориса Годунова. В 1587 году Разрядный приказ решил послать за Урал письменного голову Данилу Чулкова.

Разрядный приказ решил повторить в Сибири опыт Казанской войны: воеводы добились успеха только тогда, когда построили на Волге крепость Свияжск. Опираясь на эту построенную крепость, воеводам удалось сокрушить Казанское ханство.

Вот тут и понадобился опыт такого мудрого военачальника, каким был воевода Данила Чулков. Чулкову была поставлена задача: построить крепость в непосредственной близости от «Старой Сибири».

Перед отправкой в Сибирь воеводе Чулкову не велено было штурмовать Кашлык. Его войска снабдили всем необходимым для постройки крепости. В Сибирь Данила Чулков привел несколько сот стрельцов. Отряд Данилы Чулкова спустился по Туре и Тоболу на Иртыш и, выбрав место на высоком мысу в 15 верстах от Кашлыка, построил за один сезон деревянный острог-крепость, названный Тобольск. Воевода Чулков не только построил острог, но и укрепил его и воздвиг церковь во имя Живоначальной Троицы в том же, 1587 году.

После изгнания Кучума из Кашлыка в Сибирском ханстве началась междоусобная борьба. Сеид-хан продолжал удерживать столицу ханства, опираясь на поддержку татарских феодалов и правителя казахской орды.

Султан Ураз-Мухамед, племянник казахского хана Теввекеля, постоянно находился при Сеид-хане с воинами.

Серый хан Кучум уповал на поддержку бухарцев, которые помогли ему в былые годы захватить Сибирь, и ждал своего часа.

Сеид-хан, поглощенный борьбой с Кучумом, избегал столкновений с русскими и пытался завязать переговоры с воеводами в 1587 году, когда они появились у стен ханской столицы. Чулков, воспользовавшись благоприятным моментом, пригласил хана и его приближенных в Тобольск на пир. Хан принял приглашение. Однако татары приняли меры предосторожности. В сопровождении Сеид-хана было 500 отборных воинов. Данила Чулков располагал меньшими силами, а потому, когда гости явились к воротам Тобольска, Чулков согласился впустить в крепость не более 100 человек и предложил им снять оружие перед тем, как сесть за пиршеский стол. Карача был человеком крайне осторожным, но, увидев малочисленность русских, согласился на все условия. Когда Сеид-хан, Карача и другие татары заняли места за столом, они столкнулись лицом к лицу с казаками атамана Ермака. Едва ли можно было предположить, будто воевода Чулков сознательно заманил хана в западню. Скорее всего, события развивались под влиянием стихийных сил и предыдущих битв. Казаки не простили Караче вероломного убийства Ивана Кольца и других своих соратников. Они бросились на Карачу и связали его вместе с ханом, а ханская свита была перебита.

Но самое трудное предстояло впереди. У ворот острожка стояли во всеоружии 400 отборных воинов. Началась борьба казаков с противником, обладавшим большим численным перевесом.

В кровопролитном бою погиб «Великий атаман Матвей Мещеряк», возглавлявший казачью экспедицию после

гибели «Великого атамана Ермака». Пленение Сеид-хана было последним большим событием, в котором казаки Ермака участвовали как воины. Сеид-хан был увезен в Москву и определен на царскую службу.

Русское казачество, как организация и военная сила, участвовало во многих военных кампаниях и закладывало новые крепости.

Судьба одного из участников казачьих экспедиций, Гаврилы Иванова, показательна. Он, вернувшись в Сибирь с отрядом воеводы Сукина, ставил крепость «Тюмень» и деревянный Тобольский городок с головой Данилой Чулковым, участвовал в бою с гвардией Сеид-хана, затем ставил Пелымский и Тарский городки и громил Кучума уже на Оби. Гаврила Иванов был назначен атаманом конных казаков в Тюмени и был одним из немногих соратников атамана Ермака, оставшихся в живых.

Начавшаяся вскоре опала на промышленников Строгановых коснулась многих воевод — участников Сибирских походов. Дьяки Разрядного приказа записали в дворянские списки данные о гонениях на сибирских воевод. Василий Сукин оказался «у пристава в опале», его помощник — тюменский воевода Иван Мясной попал под стражу. А основатель Тобольска Данила Чулков, согласно записи, угодил «в тюрьму».

Сибирские воеводы, добившиеся крупных успехов в военном деле и основавшие несколько крепостей, занявшие ханскую столицу Кашлык и пленившие Сеид-хана, пострадали вместе со Строгановыми.

Правительство не могло обойтись без услуг Строгановых, и в 1590–1591 годах Царь Федор пожаловал Никите Григорьевичу Строганову помилование и вернул его вотчины с «городком Орлом, слободою, и с варницами, и с деревянными, и с починками со всеми к ним угодьи владеть по-прежнему…»

Дальнейшая судьба воеводы Данилы Чулкова неизвестна. В годы смуты начала XVII века отличился его сын, воевода Федор Данилович Чулков.

Князь Скопин в 1608 году «послал шведов наперед к Старой Руссе, и они очистили Старую Руссу. Потом был бой у шведов и русских с поляками. В Торопецком уезде, селе Каменках, где поляков побили и, Торопец взяв, оставили воеводу Федора Чулкова…»

А другой воевода, Корнила (Гаврила) Чулков, участвовал в битве за Торжок. «По отправлении шведов к Руссе послал же к Торжку Кормила Чулков с русскими людьми, и оной вскоре Торжок взял и укрепился…» «К Торжку послал Шуйский <…> Гаврилу Чулкова со многими новгородцами. И оный, по невеликом сопротивлении Торжок взяв, укрепился. Во Твери же поляки, уведав оное, послали к Торжку войско, а Шуйский, получа известие, послал в помочь к Чулкову Семена Головина, тако же и Горну велел туда наспех итти… Чулков вышед со всеми людьми в помочь, а Головин с поля подоспел, и поляков с великим уроном отбили, по котором они отступили во Тверь».

Из родовых русских династий Колычевых, Телепневых и Чулковых вышли многие известные воеводы, которые служили на славу Отечества в XVI–XVII веках. Воеводы принимали участие во многих исторических сражениях, строили крепости и церкви.

Воскресить память о них, напомнить читателям о героических страницах Русской истории — такова цель написания очерка.

(Николай Чулков. Из цикла «История края в лицах»).

Интересный материал. Но и из потомков Данилы Григорьевича мы не нашли никого, кто поднялся бы до уровня кумовства с всероссийским императором.

Но поиски корней ссыльного Петра Матвеевича по отчеству приводит нас все к тем же к Ивашкиным — к стольнику (в 1705–1717 гг.) Матвею Кирилловичу, вотчина которого находилась именно в тех краях, где атаман Заруцкий, женившись на Марине Мнишек, бывшей до этого женой двух Лжедмитриев, возжелал возвести ее с «воренком» на царский престол, и расправился с местным воеводой Денисом Ивановичем Ивашкиным. У Матвея Кирилловича числилась в Крапивненском уезде, Засосенском стане деревня Кривцова в 10 дворов, да в Псовском стане этого же уезда деревня Воротынка в 12 дворов.

Невесть какое богатство…

Но имя-отчество — тоже не факт. Бывало, что ссыльным запрещалось называть и свои фамилии, как тому же камчатскому ссыльному Алексею Яковлевичу Шубину, сосланному по личному повелению Анны Иоанновны, без суда и следствия, которого потом с большим трудом отыскали по именному указу в одном из самых дальних сибирских острогов…

Нам же важно не только установить родственные корни Петра Матвеевича, но и понять, какие мотивы взрослого, уже семейного человека лежали в основе его политических замыслов, ценой которых стала его шестидесятилетняя ссылка.

Но вернемся к вопросу, кто же все-таки из родственников Петра Матвеевича мог быть кумом самого императора?

Еще раз посмотрим в список цареубийц: а нет ли там Квашниных?

И в самом начале — сразу вслед за подписями прямых убийц царевича — Меншикова, Апраксина, Долгорукова, Бутурлина, Стрешнева, Мусина-Пушкина, Толстого — следует подпись сенатора Михайлы Самарина.

Конечно, не каждый сегодня знает, что полное написание этой фамилии — Квашнин-Самарин.

39.

ГЕРБЪ РОДА КВАШНИНЫХЪ-САМАРИНЫХЪ.

Въ щитѣ имѣющемъ золотое поле, изображенъ одноглавый Орелъ бѣлый съ распростертыми крыльями, у коего на груди на маломъ щиткѣ голубаго цвѣта, виденъ золотой Крестъ, поставленный на серебреной Подковѣ шипами въ верхъ обращенной. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ шлемомъ съ дворянскою на немъ Короною и тремя страусовыми перьями. Наметъ на щитѣ золотой подложенный голубымъ. Щитъ держатъ два Льва смотрящіе въ стороны съ загнутыми хвостами.

Родъ Квашнинихъ-Самаринихъ происходитъ отъ выѣхавшаго въ 1332-мъ году къ Великому Князю Іоанну Даниловичу

39

Калитѣ изъ Литвы мужа честна Нестера Рабеца. Внукъ сего Нестера, Иванъ Родіоновичъ Квашня имѣлъ правнука Степана Родіоновича Самару. Потомки ихъ Квашнины-Самарины Россійскому Престолу служили въ Боярахъ, Стольниками, Окольничими и въ иныхъ знатныхъ чинахъ, и жалованы были отъ Государей помѣстьями. Все сіе доказывается сверхъ Бархатной книги, родословною Квашнинихъ-Самаринихъ.

Знаменитый русский ученый С. Б. Веселовский подробно изучил историю этого рода. Следуя Государственному родословцу, дед первого Квашнина (Квашни) Нестер выехал из Литвы на службу московскому князю. Новгородская летопись уточняет: «По приглашению великого князя Ивана Даниловича приехал в 1332 г. служить в Москву киевский вельможа Родион Нестерович. Великий князь дал ему боярство и село на реке Всходне, а также в вотчину половину Волока Ламского. В 1337 г. под Переяславлем он разбил рать

тверского боярина Акинфа Великого, а самого его убил».

Акинф Великий, если кто помнит, — прямой предок Александра Сергеевича Пушкина.

В 1332 году Родион Несторович был назначен наместником в московскую часть Волока Ламского и изгнал новгородского наместника, присоединив к Москве и новгородскую часть. В награду получил «село во области круг реки Всходни на пятнадцати верстах», с центром селом Коробовым (будущим Тушиным), где либо он, либо его сын Иван Родионович Квашня (участник Куликовской битвы) основал Спасо-Преображенский монастырь.

Иван Квашня, названный так якобы за «рыхлость» тела, единственный сын Родиона Нестеровича, был боярином великого князя Дмитрия Ивановича и сражался вместе с ним, будучи воеводой Коломенского полка, в Куликовской битве 1380 г. В 1389 году он был свидетелем (участником) составления духовного завещания великого князя Дмитрия Донского и одним из девяти его душеприказчиков — «регентском совете» при малолетнем Василии I. Но уже на следующий год заболел и в Великий пост умер, перед смертью постригшись в монахи под именем Игнатия, и был погребен в монастыре Спаса, в родовом склепе, на реке Всходне.

У него было три сына, в том числе и Василий, отличавшийся также природной фамильной дородностью, получивший прозвище Туша, ставшее затем родовой фамилией бояр Тушиных, — бывших воеводами в Себеже, Ивангороде, Пронске и Костроме. При разделе вотчины после смерти Ивана Квашни в 1390 г. Василий Туша, третий сын, получил побережье реки Москвы с монастырем Спаса — позднее село Тушино, навечно в Смутное время вошедшее в историю России как военная ставка царя Лжедмитрия II.

Четвертый сын Родиона, Степан Самара, брат Квашни, был родоначальником Самариных, которые в конце

XVII в. получили разрешение именоваться Квашнинымиили Самариными, в отличие от рода смоленских Самариных.

Во времена Ивана Грозного одна из Квашниных (Анна Даниловна Квашнина-Фомина) стала женой родственника Романовых (а Романовы — Захарьины, Юрьевы, Яковлевы — были родственниками самого Грозного), князя Василия Сицкого.

Но это была дальняя родня, а главные представителя рода Квашниных — московская нетитулованная знать — были подвергнуты жесточайшим репрессиям.

С. Б. Веселовский писал, что опричниками были казнены следующие представители этого разросшегося к тому времени рода: Иван Петрович Поярков (Рубцов), Семейка Чулков (Рубцов), Иван Федорович Невежин (Жохов) и Василий Васильевич Розладин.

Василий Васильевич Розладин, второй воевода левого полка в Ливонском походе 1558 г., воевода в Раковоре в 1561 г., дворянин первой статьи на Земском соборе 1566 г., был казнен в числе многих участников Земского собора, выразившего резкое неприятие опричнины, вместе с матерью Федосьей.

Севастьян Золотой Григорьевич Квашнин бежал в Литву, впоследствии вернулся и при царе Борисе Годунове служил по Пскову.

Неизвестно, как сложилась судьба Ждана Аваловича Квашнина, который был послом Грозного к императору Рудольфу и к датскому королю Фридриху.

При Романовых, которые не без помощи опричников в Смутное время овладели троном, в числе самых приближенных мы находим Кириака Ивановича Квашнина, который был постельничим у царя Иоанна Алексеевича, а затем стал окольничим. Но это не могло положительно сказаться на карьере — всех, кто был приближен к Милославским, родственникам сводного брата будущего императора Петра

Алексеевича, с которым тот вынужден был делить царский трон, либо казнили, либо сослали в Сибирь, либо отправили с глаз долой в дальние деревни.

«…известно из указа об образовании Сената от 22 февраля 1711 года, что состав Сената был определен в девять человек. Из них двое входили в состав Ближней канцелярии: Стрешнев, начальник разряда, и граф Мусин-Пушкин, начальник монастырского приказа. Остальные семь человек были преимущественно из крупных военных и гражданских чиновников: князь Голицын, архангельский губернатор, впоследствии один из представителей консервативной оппозиции, сторонник царевича Алексея Петровича; князь Волконский, обер-комендант Ярославской провинции; Самарин, кригс-цальмейстер, с 1708 года начальник мундирной канцелярии, привлекался по делу царевича Алексея; Апухтин, генерал-квартирмейстер; Племянников, управляющий казенными парусными заводами; князь М. В. Долгорукий, неграмотный, за которого приговоры Сената подписывал Племянников; Мельницкий, стольник. Обер-секретарь Сената — Щукин, который до образования Сената был прибыльщиком и президентом ижерских канцелярий».

То есть Михаил Самарин был одним из девяти первых сенаторов. Правда, его было попытались замешать в дело о царевиче Алексее и даже взяли под караул, но Петр I в своем письме от 7 марта 1718 года объявил Сенату, что «Петр Матвеевич Апраксин и Михаила Самарин по делам своим (для чего они взяты были к Москве) очистились и для того оные ныне отпущены в Питербурх по прежнему к делам; и для того ныне Михаила Самарину дом велите роспечатать и людей ево велите освободить. А какой был на них извет и чем они оправдались, тому прилагается при сем копия».

У Петра I были основания доверять Михаилу Самарину. Вот что пишет в замечательном «Биографическом словаре» П. Самарин: «Самарин, Михаил Михайлович — род. 2 марта 1659 г., ум. 18-го января 1730 г., из рода Самариных — смольнян, помещенных после разгрома Смоленска в 1611 г. в уездах Ярославском, Вологодском, Костромском и Пошехонском, был старшим из двух сыновей стольника Михаила Федоровича и жены его Анны Ивановны, урожденной Паниной, а по первому мужу Киселевой. Когда ему минуло 13 лет, он был записан в жильцы, а через 4 года уже был пожалован в стряпчие и затем в стольники. До 1708 г. Служба его была главным образом военная. Он принимал участие почти во всех войнах с Турцией и Швецией того времени: в Чигиринском походе кн. В. В. Голицына 1677 г., в обоих крымских походах и в азовском походе1696 г.; в 1700 г., в самом начале Шведской войны, он в чине ротмистра был в отряде Головина под Нарвою, а с 1702 до 1705 г. и с 1707 до 1708 г. находился в армии фельдмаршала Шереметева, причем с 1703 г. состоял его адъютантом. Между этими походами на М. М. были возлагаемы разные поручения: в 1678 и 1679 гг. он находился в свите посольства Бутурлина, отправленного в Польшу и Австрию; в 1684 г. он был послан с важным поручением на Дон: удержать казаков от содействия Польше в войне ее с Турцией и от набегов на терских черкес и астраханских татар.

С 1708 г. начинается самостоятельная и видная служба С. В феврале этого года, в самый разгар шведской войны, Петр Великий учредил новые должности генерал-кригсцалмейстеров, одного для пехоты, а другого для конницы главной действующей армии и, вероятно, по указанию фельдмаршала Шереметева назначил С. генерал-кригсцалмейстером от инфантерии. С 10-го марта до 7-го августа 1708 г. М. М., состоя в этой должности, находился при главной армии Шереметева, но в августе ему было велено отправиться в Москву

и заведовать Мундирной от инфантерии канцелярией. Его обязанность состояла: в покупке материалов, в заготовке и отправке в армию мундиров, белья, обуви и частью амуниции первоначально для 25-ти, а затем для 29-ти пехотных армейских полков главной действующей армии; с 1712 г. он должен был обмундировывать уже все пехотные полки за исключением тех, которые находились в Померании. В занятиях этим делом обнаружились выдающиеся способности М. М.: его ум, энергия и распорядительность. Несмотря на постоянную недостачу в деньгах, С. удалось устроить это дело дешевле, чем было предположено; вследствие этого указом 16-го января 1712 г. было повелено остаточные деньги назначать в пользу солдат, а не на другие расходы. Вероятно, в награду за эту деятельность М. М. был назначен в феврале 1711 г. сенатором, из первых 9. Будучи сенатором, М. М. еще целый год продолжал заведовать Мундирной от инфантерии канцелярией, но с августа 1712 г. ему, вместе с сенатором Племянниковым, была поручена Расправная Палата, учрежденная в то время при Сенате. Эта судебная деятельность М. М. продолжалась менее двух лет. По переезде его из Москвы в Петербург в начале 1714 г. он принимал участие в заседаниях Сената и сверх того, так же, как и другие сенаторы, заведовал с 1714 г. постройкою губернских домов на острове Котлине, а в 1716 г. постройкою одного из 9 новозаложенных кораблей. В конце 1718 г., вследствие перемены в составе Сената, занятия М. М. в Сенате прекратились.

За год перед этим, именным указом от 22-го ноября 1717 г., ему было поручено новое важное дело — надзор за постройкой гаваней на острове Котлине и в Кронштоте. Эта последняя служба М. М. обнимает период времени с 22-го ноября 1717 г. до августа 1726 г., за исключением довольно значительного перерыва в 1718 г., когда он в качестве обвиняемого был привлечен к следствию по делу царевича Алексея, а затем, как сенатор, участвовал в суде над царевичем

и над другими лицами, обвиненными по тому же делу. Работа на о. Котлине, возложенная на С., постепенно расширялась: первоначально ему был поручен надзор за постройкой гаваней, с мая 1719 г. он заведовал работами по устройству канала и доков, а с октября 1720 г. ему было поручено окончить постройку большей части каменных домов, начатую губерниями еще в 1715 г. Всеми этими работами заведовала Канцелярия гаванного, канального и губернских домов строения. С. Был ее начальником и распоряжался хозяйственною частью: при помощи губернских комиссаров он должен был заготовлять материалы для построек, заботиться о рабочих и солдатах, сдавать работы подрядчикам, вести с ними расчеты, надзирать за производством работ, подавать отчеты в произведенных работах и в израсходованных деньгах. Положение М. М. было довольно самостоятельное до 1722 г. В этом году последовал на него донос подрядчика Крекшина в разных злоупотреблениях, и хотя донос оказался несправедливым (найдены были не злоупотребления, а беспорядки), но положение С. изменилось: он продолжал заведовать работами на о. Котлине и в Кронштоте, но уже под главным надзором сперва кн. М. М. Голицына, а затем генерал-майора Дмитриева-Мамонова. В конце сентября 1724 г., когда гавани и губернские дома были уже, по-видимому, окончены, Петр Великий передал устройство канала и доков в заведование Адмиралтейской Коллегии; последняя поручила надзор за работами главному командиру Кронштадта вице-адмиралу Сиверсу и оставила при нем в качестве заведующего работами С. Императрица Екатерина, осмотрев 11-го июля 1725 г. работы, произведенные в Кронштадте, пожаловала С. Чин действительного статского советника. В августе 1726 г., по приказу кн. Меншикова, М. М. уехал в Петербург и должен был там прожить более года, вероятно, вследствие начавшегося в Синоде дела по обвинению, взведенному на него бывшим подрядчиком

Крекшиным и капитаном Аничковым в непочитании икон, мощей и в других "церковных противностях". В конце 1727 г. М. М. выхлопотал себе отпуск из Сената и переселился в Москву, где и провел последние годы своей трудовой жизни, вдали от службы, занимаясь уже исключительно своими личными делами».

То есть сенатору Михаилу Самарину удалось настолько угодить и близко сойтись с императором, что тот вполне реально мог стать крестным отцом одного из появившихся на свет ближайших родственников Самариных-Квашниных…

У Михаила Самарина были и хорошие родственные связи, что имело в те времена огромный политический вес: его сестра — Аксинья — была замужем за окольничим Петром Васильевичем Бутурлиным (из рода Радши), родственником одного из ближайших сподвижников императора на Всешутейном, Всепьянейшем и Сумасброднейшем Соборе — князя-папы Петра Ивановича Бутурлина. Подпись другого Бутурлина — генерал-поручика Ивана Ивановича — стояла чуть выше подписи самого Самарина в приговоре царевичу Алексею — именно благодаря участию этого генерала, как командира лейб-гвардии Преображенского полка, была утверждена на российском троне императрица Екатерина I. Во времена Петра I Иван Иванович сделал головокружительную карьеру, а во времена Екатерины I стал руководителем Тайной канцелярии, но умер в 1738 году в ссылке и в нищете, раздавленный всесильными временщиками Меншиковым и Долгоруковыми.

«Оказавшись на краткий миг в роли «делателя королей», Бутурлин был щедро вознагражден императрицей, которую он, по сути дела, возвел на престол. Отдавая должное его роли в этом событии, Екатерина I поручила ему на похоронах своего покойного супруга нести корону Российской империи, которую он фактически ей доставил. Однако благоденствие его продолжалось недолго — лишь

до конца правления императрицы, когда он вместе со всеми своими коллегами по Тайной канцелярии был втянут П. А. Толстым в заговор против планов А. Д. Меншикова сочетать браком свою дочь с внуком Петра I и возвести его на престол. Когда заговор был раскрыт, Бутурлин по воле светлейшего был лишен всех чинов и знаков отличия и сослан «на безвыездное жительство» в свое дальнее поместье. Не облегчило, но сильно ухудшило его положение последовавшее вскоре падение светлейшего, поскольку получившие доминирующее влияние на сына царевича Алексея князья Долгорукие отняли у него все поместья, пожалованные Петром I, оставив лишь наследственное имение Крутцы во Владимирской губернии, где он провел остаток жизни. Бутурлин был награжден высшими российскими орденами Св. Андрея Первозванного и Св. Александра Невского».

У самого сенатора Михаила Самарина (умер в 1730 г.) были сыновья Николай и Иван. Последний дослужился до полковника. Женат был на Прасковье Васильевне Юшковой (27.11. 1722–14.11. 1782), дочери Василия Алексеевича Юшкова, комнатного стольника царя Ивана Алексеевича, впоследствии ближнего стольника царицы Прасковьи Федоровны (Салтыковой).

При Петре I выпестованы были и другие Самарины, которые по возрасту были ровесниками Петра Матвеевича и могли быть ему ровней и по последующей карьере — не каждый в России был крестником Петра Великого и не каждого благословляла на брак императрица Анна Иоанновна (дочь царя Ивана Алексеевича и боярыни Прасковьи Федоровны Салтыковой, у которого постельничим служил Кириак Иванович Квашнин):

«Квашнин-Самаринъ Петръ Ѳеодоровичъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ, † 19 октября 1815, въ 6 ч. пополуночи, 72 л.

помещ. Президент Юстиц-коллегии, кавалер двух орденов, действ, тайный советник. ~кнж. Анастасия Петровна Салтыкова (1731.11.26–1830.03.24) (С. Брыково Звенигород. у. Моск., въ церковной ограде)

Квашнин-Самаринъ ѳеодоръ Петровичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, р. 14 сентября 1704 † 20 сентября 1770 (С. Брыково Звенигород. у. Моск. въ Богоявленской церкви, имъ построенной; могила «заложена позднѣйшей пристройкой трапезной церкви»; памятникъ вынесенъ изъ церкви). Действительный статский советник. Начал службу пажом царевны Натальи Алексеевны. Служил во флоте. Был прокурором Вотчинной коллегии. С 1755 герольдмейстер. С 1765 возглавлял Главный магистрат в Москве. Сын ПЕТР 1743–1815».

Благодаря родословным книгам нам удалось все-таки найти Матвея Квашнина и его ближайших родственников.

Патриархом этой ветви рода Квашниных был тот самый Степан Родионович Квашнин, который имел прозвище Самара и от кого в дальнейшем пошли Самарины и Квашнины-Самарины.

КВАШНИНЫ-САМАРИНЫ и САМАРИНЫ.

Члены этой фамиліи писались всѣ, до XVII вѣка, *Квашнины-Самаринымн*, но съ половины XVII вѣка нѣкоторые изъ нихъ пишутся просто *Самаринымн*. Въ числѣ владѣльцевъ населенныхъ имѣній, въ 1699 году, ихъ было девятнадцать человѣкъ, изъ коихъ одиннадцать цисались «Самаринымн» а восемь «Квашнинымн-Самаринымн.»

№ № отцовскій.

ОТЪ НЕСТЕРА РЯБЦА КОЛѢНО VI:

1. Степанъ Родіоновичъ Квашнинъ-*самара* (см. предъидущую статью о Квашнинвыхъ).

КОЛѢНО VII:

2. Иванъ Степановичь *старшій* . . . . . 1.
3. Алексѣй Степановичь. . . . . 1.
4. Андрей Степановичь . . . . . 1.
5. Иванъ Степановичь *лысый* . . . . . 1.
6. Григорій Степановичь . . . . . 1.
7. Перфилій Степановичь . . . . . 1.
8. Ѳедоръ Степановичь . . . . . 1.

КОЛѢНО VIII:

9. Василій Ивановичь . . . . . 2.
10. Михайло Ивановичь . . . . . 2.
11. Никита Алексѣевичь *иступъ* . . . . . 3.
12. Александръ Алексѣевичь *винко* . . . . . 3.
13. *Посникъ* Алексѣевичь . . . . . 3.
14. Иванъ Андреевичь *замятня* . . . . . 4.
15. *Застава* Ивановичь. . . . . 5.
16. Григорій Ивановичь . . . . . 5.
17. Степанъ Ивановичь . . . . . 5.

КОЛѢНО IX:

18. Григорій Васильевичь . . . . . 9.
19. Иванъ Никитичь . . . . . 11.
20. Иванъ Александровичь . . . . . 12.
21. Иванъ Ивановичь . . . . . 14.
22. Перфилій Степановичь . . . . . 17.

КОЛѢНО X:

23. Андрей Григорьевичь. . . . . 18.
24. Василій Ивановичь . . . . . 19.
25. Ѳедоръ Ивановичь . . . . . 19.

Происхождение:

№		№ отцовскій.
26.	Степанъ Ивановичь	19.
27.	Семенъ Ивановичь	20.
28.	Богданъ-Митрофанъ Ивановичь	20.
29.	Викула Ивановичь	21.
30.	Петръ Перфильевичь	22.

КОЛѢНО XI:

31.	Василій Андреевичь	23.
32.	Иванъ Васильевичь	24.
33.	Никита Васильевичь	24.

№		№ отцовскій.
34.	Михайло Васильевичь	24.
35.	Данило Васильевичь	24.
36.	Богданъ Ѳедоровичь	25.
37.	Василій Богдановичь	28.
38.	Семенъ Богдановичь	28.
39.	Юрій Викуличь	29.
40.	Иванъ Викуличь	29.
41.	Семенъ Петровичь	30.
	КОЛѢНО XII:	
42.	Левъ Васильевичь	31.
43.	*Смирной* Васильевичь	31.
44.	Павелъ Никитичь	33.
45.	Михайло Никитичь	33.
46.	Андрей Никитичь	33.
47.	Григорій Васильевичь	37.
48.	Ѳедоръ Семеновичь	38.
49.	Богданъ Юрьевичь	39.
50.	Яковъ Ивановичь	40.
51.	Иванъ Ивановичь *куликъ*	40.
52.	Семенъ Семеновичь	41.
53.	Иванъ Семеновичь	41.
54.	Романъ Семеновичь	41.
55.	Василій Семеновичь	41.
56.	Пименъ Семеновичь	41.
	КОЛѢНО XIII:	
57.	Данило Львовичь	42.
58.	Михайло Андреевичь	46.
59.	Петръ Андреевичь	46.
60.	Ѳедоръ Андреевичь	46.
61.	Степанъ Богдановичь	49.
62.	Василій Богдановичь	49.
63.	Тихонъ Яковлевичь	50.
64.	Иванъ Ивановичь	53.
65.	Киріакъ Ивановичь, постельничій	53.
66.	Андрей Васильевичь	55.
67.	Данило Васильевичь	55.
68.	Софроній Пименовичь	56.
69.	Василій Пименовичь	56.
70.	Степанъ Пименовичь	56.

№		№ отцовскій.
	КОЛѢНО XIV:	
71.	Василій [illegible]	[illegible]
72.	Акимъ [illegible]	
73.	Иванъ [illegible]	
74.	Тимофей Тихоновичь.	63.
75.	Василій Тихоновичь.	63.
76.	Алексѣй Кириаковичь.	65.
77.	Михей Андреевичь	66.
78.	Петръ Андреевичь	66.
79.	Ѳедоръ Андреевичь	66.
80.	Никифоръ Софроніевичь.	68.
81.	Прокофій Васильевичь	69.
82.	Филатъ Васильевичь	69.
83.	Назарій Степановичь	70.
84.	Иванъ Степановичь.	70.
85.	Григорій Степановичь	70
	КОЛѢНО XV:	
86.	Богданъ Васильевичь	71.
87.	Иванъ Васильевичь	71.
88.	Лука Васильевичь	71.
89.	Тимофей Васильевичь.	71.
90.	Дмитрій Васильевичь	71.
91.	Петръ Васильевичь.	71.
92.	Михайло Акимовичь Самаринъ, сенаторъ.	72.
93.	Алексѣй Ивановичь.	73.
94.	Кузма Ивановичь.	73.
95.	Иванъ Михѣевичь	77
	КОЛѢНО XVI:	
96.	Алексѣй Ивановичь.	87.
97.	Тимофей Лукичь.	88.
98.	Яковъ Тимофѣевичь.	89.
99.	Матвѣй Тимофѣевичь.	89.
100.	Иванъ Тимофѣевичь.	89.
101.	Григорій Тимофѣевичь	89.
102.	Никита Тимофѣевичь	89.
	Евдокія Михайловна, р. 1713 † 1774; 1) за княземъ Волконскимъ; 2) за дѣйств. тайн. сов. княземъ Иваномъ Васильевичемъ Одоевскимъ	92.
103.	Ѳедоръ Алексѣевичь	93.
104.	Захарій Алексѣевичь	93.

КОЛѢНО XVII:

105. Андрей Никитичъ Самаринъ, сенаторъ † 1775 . . . 102.
106. Петръ Ѳедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ, дѣйств. тайн. сов. и юстицъ-коллегіи президентъ, жен. на графинѣ Анастасіѣ Петровнѣ Салтыковой, р. 26 нояб. 1731† 24 марта 1830. . . . . 103.

КОЛѢНО XVIII:

Елисавета Петровна, за оберъ-шенкомъ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ . . . . . 106.

Степанъ Родіоновичъ Квашнинъ-самара упоминается на свадьбѣ княжны Софіи Іоанновны, дочери Іоанна Великаго, съ княземъ Василіемъ Даниловичемъ Холмскимъ (13 февр. 1500). Изъ внуковъ его: *Василій Ивановичъ* былъ первымъ воеводою седьмаго ертаульнаго полка въ казанскомъ походѣ 1544 года; а *Михайло Ивановичъ* былъ осьмымъ воеводою втораго сторожеваго полка въ томъ же походѣ, и третьимъ воеводою большаго полка въ полоцкомъ походѣ 1551 года. *Василій Богдановичъ Квашнинъ-Самаринъ* (№ 37) былъ воеводою въ Кевролѣ и на Мезени съ 1666 по 1669 годъ. *Кириакъ Ивановичъ Квашнинъ-Самаринъ* былъ постельничимъ Царя Іоанна Алексѣевича. *Петръ Андреевичъ Квашнинъ-Самаринъ* (№ 78) былъ воеводою въ Ярославлѣ въ 1702 году. *Михайло Акимовичъ Самаринъ* былъ однимъ изъ первыхъ осьми сенаторовъ, назначенныхъ Петромъ Великимъ въ это званіе, при учрежденіи сената, въ февралѣ 1711 года. *Андрей Никитичъ Самаринъ* былъ, при Императрицѣ Елисаветѣ, губернаторомъ казанскимъ, а при Екатеринѣ Великой сенаторомъ. *Петръ Ѳедоровичъ Квашнинъ-Самаринъ* былъ, при Екатеринѣ Великой, президентомъ юстицъ-коллегіи, а при Императорѣ Павлѣ дѣйств. тайн. сов. и сенаторомъ. *Александръ Ивановичъ Самаринъ* былъ генералъ-лейтенантомъ при Императорѣ Павлѣ. *Василій Николаевичъ Самаринъ* женатъ былъ на княжнѣ Мещерской (правнукѣ, по своей матери, боярина А. С. Матвѣева); сынъ его, дѣйств. стат. сов. *Ѳедоръ Васильевичъ* (р. 1784 † въ ноябрѣ 1853), человѣкъ замѣчательнаго ума и благороднѣйшихъ качествъ душевныхъ, женатъ былъ на Софіѣ Юрьевнѣ Нелединской-Мелецкой; у нихъ сыновья: 1) Юрій Ѳедоровичъ (р. 1819); 2) Михайло Ѳедоровичъ († 1848); 3) Владиміръ Ѳедоровичъ, 4) Николай Ѳедоровичъ; 5) Дмитрій Ѳедоровичъ; 6) Петръ Ѳедоровичъ, и дочь графиня Марія Ѳедоровна Соллогубъ, вдова графа Льва Александровича. *Василій Максимовичъ Самаринъ* нынѣ генералъ-лейтенантъ и сенаторъ.

Гербъ Квашниныхъ-Самариныхъ (Общій Рос. Гербовникъ, часть II,

И выясняется, что полное имя сенатора Самарина не Михайло Михайлович, а Михайло Акимович.

Его отец — Аким Данилович приходился родным братом Василию Даниловичу Самарину-Квашнину, а его сын Тимофей Васильевич — двоюродным братом сенатора, дети которого — Григорий, Иван, Никита, Яков и… Матвей приходились сенатору внучатыми племянниками. То есть Петр Матвеевич действительно мог быть крестником Петра Великого и иметь большие карьерные перспективы.

Как и двоюродный брат Квашнина — Андрей Никитич Самарин, который при императрице Елизавете Петровне стал губернатором, а при Екатерине II — сенатором.

Или как другой ближайший родственник из того же 17-го родового колена, что и Петр Матвеевич, — Петр Федорович Квашнин-Самарин (1731–1830), который стал при императрице Екатерине II президентом юстиц-коллегии, а при императоре Павле — действительным тайным советником и сенатором.

Подобная судьба ожидала и Петра Матвеевича. Но вмешался роковой случай…

Впрочем, как известно, ничего случайного не бывает. Случай — это всего лишь проявление неизвестной нам закономерности.

И вот, кажется, мы приближаемся к открытию этой закономерности. В XVII и XVIII коленах мы видим знакомые фамилии. Начнем по старшинству:

Петр Федорович Квашнин-Самарин, действительный тайный советник и президент Юстиц-коллегии (как некогда Фик) был женат на графине Анастасии Петровне Салтыковой, матерью которой была княжна Прасковья Юрьевна Трубецкая, из рода известных франкмасонов. А дочь Петра Федоровича вышла замуж за сына Ивана Григорьевича Чернышева, который с братом-фельдмаршалом были в числе самых первых, завербованных в Пруссии, русских масонов.

Поэтому и был переименован Петр Матвеевич Квашнин-Самарин в некоего Ивашкина, чтобы сбить с толку потомков, пытающихся понять события прошлого.

Рокотов Ф. С.
Портрет А. Ю. Квашниной-Самариной
Первая половина 1770-х
Холст, масло
59,5 х 47,2

Портрет Анны Юрьевны Квашниной-Самариной (около 1720–1781) вызывает особый интерес, так как изображенная непосредственно связана с родословной А. С. Пушкина. Квашнина-Самарина приходилась родной сестрой С. Ю. Пушкиной, прабабушке поэта по линии матери. Ее отцом был Ю. А. Ржевский, любимец Петра I, нижегородский вице-губернатор, действительный статский советник. Ее муж, Ф. П. Квашнин-Самарин, прокурор Вотчинной коллегии, с 1761 возглавлял Главный магистрат в Москве, в ведении которого находились и художники. Этот камерный портрет стоит несколько особняком среди других произведений Рокотова 1770-х. Облик пожилой дамы поражает благородством, аристократической сдержанностью и в то же время одухотворенностью. Ее фигура выделяется на светлом фоне темным силуэтом. Колорит портрета почти монохромен. Он строится на богато разработанных оттенках черного и серебристо-серых тонов.

Тропинин В. Ю. Ф. Самарин (известный славянофил)

Генерал-лейтенант Василий Максимович Самарин

СНОВИДОВ

И этот лейб-гвардеец, сержант созданного по повелению Анны Иоанновны лично ей преданного Измайловского полка, как и преображенец прапорщик Квашнин-Ивашкин, был хоть по молодости и не в чинах, но не из захудалого рода. Нам пока не удалось найти Кириака Сновидова (или Снавидова, как писалась эта фамилия в других случаях), но род этот хорошо известен.

Герб рода Снавидовых

В щите, разделенном диагонально к левому нижнему углу на два поля, красное и голубое, изображен ржаный сноп, пременяющий вид свой в красном поле в золото, а в голубом в серебро. Щит увенчан обыкновенным дворянским шлемом с дворянскою на нем короною и тремя павлиньими перьями. Намет на щите голубаго и краснаго, подложенный золотом.

Снавидовы обосновались на псковской земле. Петр Тимофеевич Снавидов получает в 1637 г. от царя Михаила Федоровича с. Ильино.

Богдан Степанович Сновидов в 1686 году именным указом был назначен воеводой в один из псковских пригородов, где потом проживали многочисленные родственники. Этот указ сохранился.

«Лета 7104 г. (1686 г.) августа в 5 день. По указу Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича и Великой Государыни Благоверныя Царевны и Великая Княжны Софии Алексеевны, всея великия и малыя и белыя России Самодержцев — Богдану Петровичу Сновидову. Быти ему на их, Великих Государей, службе, на Красном — воеводою, на Иваново место — Кожевникова.

А приехав на Красное, принят город и городовые и острожные ключи, и по городу и по острогу наряд, и Великих Государей в казне зелье и свинец, и в Съезжей избе Великих Государей всякия указныя грамоты о всяких делех, и приходныя и расходный книги деньгам, и лесу и соли, и красногородским служилым и всяким жилецким людям списки, и всякия дела пересмотреть, переписать, и по книгам Великих Государей денежную казну перечесть, и в житницах хлеб перемерить, а соль перевесить, и по приходным и по расходным книгам в денежных доходех и в хлебных запасех, и в соли Ивана Кожевникова счесть с того числа, как он на Красное приехал. А служилых и всяких жилецких людей по спискам пересмотреть всех на лицо и велеть им быть на Красном всегда. И что по его осмотру на Красном, каких служилых и посацких (жилецких) людей, и хлебных запасов, и соли, и денег, и все ль те хлебные запасы и соль в целости, и впредь они прочны ль, и Богдану то все велеть написать в тетради имянно, и чего против приходу в расходе не будет на лицо, о том б

всем, и о своем проезде на Красное писать к Великим Государем, и о том всему роспись в тетрадех за своею рукою прислать к Москве с нарочным гонцом, в отписку и роспись велеть передать в Новгородском приказе царственныя болшыя печати и государственных великих посольских дел оберегателю, ближнему боярину и наместнику Новгородскому, Князю Василию Васильевичу Голицину с товарищи. А на Красном в Съезжей избе такову ж роспись в тетрадех оставить за своею рукою впредь для спору и росписаться с Иваром Кожевниковым во всем по противням, и его, Ивана, отпустить к Москве. А впредь ему, Богдану, о всяких делах писать во Псков к боярину и воеводе, ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому да к дьяку к Мине Гробову, потому, что в прошлом в 162 году сентября в 15 день, по указу блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексея Михайловича, всея великия и малыя и белыя России Самодержца, и по памяти из Приказу княжества Смоленскаго, велено город Красный и с уездом и того городу жителей, солдат и помещиков, русских людей и иноземцев, и их крестьян, и всяких чинов службою и расправою, и поместными и всякими делами ведать ко Пскову потому, что преж сего Красное с уездом судом и расправою во всяких делах ведомо было ко Пскову ж и старыя писцовыя книги и всякия дела и ныне во Пскове, и солдатам мясные кормы, и на дворовое строение, и на всякие заводы давано изо Псковских доходов, и Великих Государей грамота о том во Псков послана.

И Богдану жить на Красном с великим береженьем — неоплошно, и про всякия литовския вести проведывати накрепко, и буде какая вести проведаетъ, и ему, Богдану, писать во Псков к Боярину и воеводе, ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодоновскому да к дьяку тотчас, с нарочным гонцом. А будет почает приходу воинских людей в Красногороцкой уезд, и уездным людем велеть итить

в осаду в город с женами и с детями, а по большим вестям, по воротам и по башням велетъ поставить наряд и зелье, и ядра раздать, и всякие пушечные запасы к наряду изготовить заранее, и пушкарей, и на город людей к наряду, и по воротам, и по башням, и по стенам служилых и всяких жилецких людей поставить, а однолично про приход воинских людей проведывать всякими мерами накрепко, чтоб воинские люди в Красногороцкий уезд, и к Красному безвестно не пришли и над городом какого дурна не учинили и уезду не разорили. И Великих Государей всяким делом промышлять по тамошнему, а посацких и уездных людей призывать и велеть им селиться, где кто похочет: в посаде и в уезде, и давать новоприхожим посацким людем земли под дворы против иных их братий, а для поселения обнадеживать льготою, и давать новоприхожим льготы на пять лет.

Да Богдану беречь того накрепко, чтоб на Красном на посаде и в слободах и в уезде разбою и татьбы, и смертнаго убойства, и корчмы, и зерни и бл… и ни у кого не было, и учинить о том на посаде и в уезде заказ крепкой. А которые люди учнуть приезжать и приходить на Красное из городов и из уездов, и те бы люди явились ему, Богдану, и записывались в Съезжей избе, а не явясь, и не записався, никто ни у кого на Красном не жил. А кто приезжих и прихожих людей для записки в Съезжей избе объявятся, и тех велеть записывать в книги, распрашивая подлинно сущь и прозвище; кто имянно и какие люди, и откуда, и к кому и для какого дела приехали или пришли, и знатцы на них на Красном есть ли, а буде есть, и про тех приезжих и прихожих людей знатцов распрашивать, и ставить их с очей на очи. А на которых прихожих и приезжих людей знатцов не будет и ему про тех людей сыскивать всякими сыски накрепко. И в воровстве и в лазутчестве, и в измене велеть их давать на крепкие поруки

с записки. А по которым порук не будет и по сыску чаять от них воровства или лазутчества, и по приликам кто доведется до пытки, и тех велеть в воровстве и в лазутчестве пытать, а что в распросе и с пытки учнут говорить и ему о том писать к Великим Государем к Москве и тех людей держать в тюрьме, до Государева указу для того, чтобы из городов для воровства никакие люди на Красное и в Красногороцкой уезд не приходили. А которые люди учнут на кого бить челом Великим Государям о суде, и Богдану тех людей по челобитным судить и сыски всякими сыскивать, и расправу меж ими чинить, до чего доведется, в правду, по Уложению безволокитно. А пошлину в их Великих Государей казну имать по прежнему их Великих Государей указу с рубля по гривне, да пересуду и праваго десятку по семи алтын по две деньги с суда, и те пошлинныя деньги записывать в книги и держать в казне до указу Великих Государей, на раздачу служилым людем, на жалованье.

Да и того беречь и заказ всяким людем учинить на посаде и в слободах: в летние дни всякие люди изб и мылен не топили и ввечеру поздно с огнем не сидели и не ходили. А для хлебнаго печенья и где есть варить, велеть поделать печи на огородех и на полых местех в земле, от хором дале, а к воде ближе, и от ветру велеть печи огородить, чтоб однолично от огня было береженье великое. А конечно, ему, Богдану, жить с великим береженьем неоплошно, и Великих Государей всяким делом промышлять по сему Великих Государей указу и по указным грамотам, смотря по тамошнему делу. И во всяких Великих Государей делах искать прибыли, и Красногороцким служилым, и посацким, и уездным и приезжим всяких чинов людем, для своей корысти, обид и иных никаких налог не делать, и Красногороцких служилых, и посацких, и уездных и всяких жилецких людей от проезжих и ото всяких людей оберегать,

чтоб им обид и продажь и иных никаких налог ни от кого не было. А проезжих торговых и всяких чинов людей на Красном для своей корысти без дела не держать, и на Красногороцких, и на проезжих на служилых, и на посацких, и на уездных и всяких чинов людей не наметываться; и убытков никаких никому не делать и посулов, и поминков ни у кого ни от каких дел не имать, и изделья никакого на себя делать не велеть, а Красногороцких солдат разобрать в статьи по службе, по чинам и по отечеству.

А что в Красногороцком уезде, каких пашенных земель и сенных покосов, и где обыщутся бортныя ухожья и всякая угодья, отдавать на оброк из наддачи, кто больше десть, и тем оброчным угодьям переписныя оброчныя книги, за своею рукою, прислать к Великим Государям к Москве, а другия таковыя же книги держать на Красном, в Съезжей избе, и по тем книгам оброчные денежные и хлебные и всякие доходы сбирать и держать в казне, до указу Великих Государей.

А судом и расправою на Красном служилых и посацких людей и в Красногороцком уезде крестьян и всяких чинов людей выдать ему, Богдану, против прежняго Великих Государей указу, как выдали прежние воеводы.

Да Богдану ж, будучи на Красном, учинить заказ крепкой и бирючем велеть кликать по многие дни, чтоб Красногороцкие солдаты и всяких чинов жилецкие люди в домах у себя корчм и бл… и, и мужиков ведунов, и баб ведуней, и боярских беглых людей, и крестьян не принимали, и пива и меду безъявочно не держали; и вином и табаком не торговали, и по дорогам людей не побивали и не грабили, и татем и разбойникам приезду и станов у них отнюдь не было, и никаким воровством не воровали. А будет Красногороцкие жители учнут каким воровством промышлять и ему, Богдану, про то их воровство сыскивать всякими сыски накрепко, и по сыску указ чинить

по указам Великихъ Государей и по Соборному уложению. А будет ему, Богдану, по которым делам указу чинить будет не мочно, и о том писать во Псков, к боярину и воеводе ко князю Михаилу Григорьевичу Ромодоновскому и к дьяку.

И будучи ему, Богдану, на Красном во всем Великим Государем служить и радеть, и прибыли искать с великим усердством, и за прямую он службу и раденье от Великих Государей взыскан будет и пожалован милостиво.

А буде он, Богдан, будучи на Красном, Великим Государем во всяких делах радеть и прибыли искать и вестей проведывать не учнет, или учнет Великих Государей денежною казною и хлебными запасами и солью корыстоваться, и меж Красногороцких жителей расправы чинить не станет, или им учнет какия обиды и налоги чинить, или заставливать на себя пашню пахать и всякую работу и мастерство делать, или чем к ним для своей бездельной корысти приметываться, и от того себе посулы и поминки с них имать учнет, и в том на него будет Великим Государем челобитье, и за то ему, Богдану, от Великих Государей Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и Великие Государыни благоверныя Царевны и Великия княжны Софии Алексеевны всея великия и малыя и белыя России, Самодержцев быть в опале и в наказаньи безпощады».

В 1711 году в переписной книге псковских пригородов (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8510) находим: «<Старицкой губы>

За Кирилою Богдановым сыном Снавидовым а сельцо что была пустошь Ивановское Покровского попа Григорья Меленка тож на реке Изгодице в нем живет помещик Кирила Снавидов 44 лет жена ево Авдотья Матвеева дочь 21 лет у него 2 сына Федот 17 Сидор 15 лет дочь Агафья 9 лет <…> да в том же сельце Меленки написан по переписной книге 186-го году двор задворного человека <…> за

Романом Бедринским и в прошлом 700-м году ис того двора те задворные люди переведены в Воскресенскую губу в новопоселенную деревню Кренево Красихино тож <…>

За Онтоном Богдановым сыном Снавидовым по переписной книге 186-го году написано за Богданом Петровым сыном Снавидовым в розных губах 6 дворов крестьянских по розделу с братом ево Кирилою Снавидовым сельцо Ильино в нем живет он Антон з женою и з детьми а служит в выборных ротах а жена ево Иринья Июдина 31 лет у них дочь Анна 4 лет мать ево Домна Моисеева 76 лет» *(Лл. 367 об. — 369 об.)*.

Иван Тарасович Снавидов, правнук воеводы, родился в 1770 г., служил сержантом в лейб-гвардии Преображенском полку, а затем майором в Архангелогородском полку. Выйдя в отставку, он продолжал служить заседателем в Псковском дворянском суде, в Опочецком уездном суде судьею, а с 1808 по 1810 годы был предводителем Опочецкого уездного дворянства. В Опочецком уезде ему принадлежали: с. Покровское, с. Климешино, деревни: Заноги, Варыгино, Денисово, Теребицыно, Манухново, Трефаньково, Ястребово, Вашкова, Каленидова, Бабкина, Красихино, Березница, Паршино, Виры, Горы, Диремова, Лышникова, Губанова, Лутугена. А его жене, Прасковье Осиповне, урожденной Ушаковой, деревни: Уткина, Напорткова, Б. и М. Кузмина, Бечерова, Кастеникова, Мижешево, Максимцева, Савина, Ранцова, Агафонова, Быкова, Шаршакова.

У И. Т. Снавидова и его жены были дети: Яков, Николай, Екатерина. Екатерина Ивановна Снавидова, 1811 года рождения, вышла замуж за великолукского и опочецкого помещика Петра Александровича Кастюрина. Земли в Великолукском уезде были пожалованы прапрадеду Петра Александровича — Кондратию Кондратьевичу Кастюрину в 1686 г. П. А. Кастюрин родился в 1791 г. В службу вступил юнкером 20 января 1811 г. в 47-й Егерский полк. В марте

1812 г. был переведен в лейб-гвардии Московский полк. За отличие в сражении при Бородине произведен в подпоручики. Во время войны с Наполеоном участвовал в сражениях при Бородине, Смоленске, в авангарде при Тарутине, М. Ярославце, Красном. В заграничном походе в сражениях при Люцине, Бауцене, в авангарде при Дрездене, Кульме, Лейпциге, под Парижем. Обратно из Парижа добирался через Берлин и Любек на российских кораблях до Кронштадта. В 1819 г. был переведен в 1-й карабинерный полк майором. 3 января 1820 г. вышел в отставку с чином подполковника.

У П. А. Кастюрина и его жены было много детей: Иосиф (Осип), Павел, Иван, Владимир, Василий, Яков, Мария, Любовь, Петр и Дарья. Причем часть детей была крещена в Преображенской церк-ви Влицкого погоста, и П. А. Кастюрин значится как великолукский помещик с. Петровского. Павел, Петр и Дарья были крещены в с. Матюшкино, и их отец пишется уже опочецким помещиком.

Видимо к 1840-м годам П. О. Снавидова передает земли, частично проданные, а частично доставшиеся ей после смерти тетки Д. И. Голенищевой-Кутузовой, своей дочери и зятю. Е. И. Кастюрина умерла в 1856 г., ненамного пережив свою мать, умершую двумя годами раньше. Похоронена Е. И. Кастюрина в с. Матюшкино. Правда, надгробная плита на ее могиле грешит неточностью. Екатерина Ивановна — родная внучка А. И. Ушаковой, урожденной Голенищевой-Кутузовой, и внучатая племянница фельдмаршала.

Потомки Кастюриных продолжают владеть с. Матюшкино и дальше. В 1871 г. Яков Петрович Кастюрин на свои средства ремонтирует и обновляет иконостас Никольской церкви.

Кроме Прасковьи Осиповны земли в Опочецком уезде по семейному разделу после смерти О. П. Ушакова достались его сыновьям — Александру и Лариону.

Александру принадлежали с. Кадниково, деревни: Тиханово, Молоково, Глазово, Татаркино, Дианисова, его брату Лариону — с. Стрелицы, деревни: Андроново, Ильмова Гора, Коровкино, Порядино, Мельницы.

Интересна следующая подробность из семейного раздела владений: «…как вышеозначенное сельцо Стрелицы с прилегающими к нему деревнями состоит в одном округе с сельцом Кадниково, доставшемся брату Александру, то одному сельцу Стрелицам навсегда свое местоположение иметь по одну только сторону р. Великой, не распространяя впредь владения на другую, кроме состоящего при сельце Кадникове озера Калеща, в коем ему Лариону и потом-кам его иметь рыбную ловлю…».

Ларион Осипович Ушаков вступил в службу 1 мая 1796 г. в гвардию подпрапорщиком, затем прапорщиком. 1 мая 1799 г. был переведен поручиком в Фаногорийский гренадерский полк. В 1802 г. стал штабс-капитаном. Ушел в отставку 9 января 1805 г. с чином капитана. В 1817–1819 годах был предводителем Опочецкого уездного дворянства. Женат он был на великолукской помещице Александре Петровне Арбузовой, у них дети: Петр, Александр, Николай, Анна, Дарья.

Любопытны следующие факты, относящиеся к Ушаковым. Среди помещиков, свидетельствовавших дворянское происхождение Л. О. Ушакова, были Орест Кастюрин, брат Петра Александровича и Петр Мусоргский, отец композитора. А восприемником при крещении внука Лариона Осиповича — Сергея Николаевича Ушакова в 1856 г. был государь император Александр Николаевич.

Потомки Ушаковых и по сей день живут в Петербурге. Также как в Петербурге, Москве, Канаде и др. местах живут потомки дочерей М. И. Голенищева-Кутузова. Среди них Толстые, Тучковы-Опочинины, Хорваты (потомки Е. М. Кудашевой). Многие из них являются непременными

участниками юбилейных торжеств, конференций, мероприятий, посвященных прославленному их предку.

«Кутузовых почтет потомство,
И им с признательной душой
Всегда отдаст то превосходство
Какое им стяжал герой!».

На псковской земле Сновидовы жили вплоть до Октябрьской революции. Остались упоминания о них и в таких вот документах: «…такие Опочецкие городские деятели, как Кукольки и Селюгин, заботились, видимо, более о благе общественному о принесении посильной пользы родному городу, чем о благе собственному личном. Но были и такие, которые более помышляли о своей пользе, иллюстрацией чего может служить несложная, но поучительная история о покупке городом от г. Сновидова имения Клемешино, расположеннаго у самаго города по ту сторону реки Великой. Вот как рассказывает об этом очевидец и современник событий, Петр Степанович Лобков:

«1840 г. июля … получена городской магистрат от военнаго советника Ивана Терентьевича Снавидова объявление, в коем просит объявить обществу, что он желает продать пустошь Клемешино, лежащую у самого города Опочки и объявил цену в десять тысяч рублей, общество согласно купить пустошь Клемешино с великой охотой, но есть пословица: “не насытится око зрением, а ум богатствам”, богач Яков Порозов, 2-й гильдии купец и почетный гражданин научил и настроил четырех человек: двух 3-й гильдии купцов и двух мещан, которые на бывшем собрании июля… дня начали против общества спорить и отклонять от покупки пустоши, но хотя они о себе и много думали и думают, но самые бедные мещане их доводы и споры без всякаго к ним

уважения опровергли и заставили молчать. Видя Порозов, что его подпора согнулась, начал сам говорить, коснулся до денег, кто поручится за общество в платеже, на что ему сказал купец Петр Екимович Кудрявцев: "я ручаюсь за общество"; все собрание было сим обрадовано и ободрено, самый бедный сапожник говорил против Порозова, и Порозов остался во стыде; дело кончено; все стали согласны купить Клемешино, занять в приказе общественнаго призрения денег, но хитрость и злоба к бедным жителям города Опочки, алчность к богатству, вырвать кусок хлеба изо рту беднаго гражданина, вздумали кто-то из граждан просить у купца, живущаго в 31-й версте от города, в селе Велье, Ивана Ивановича Крестовскаго денег.

Собрание кончилось, послали за Крестовским, августа 5-го дня общество собралось, и купец Крестовский явился, общество спросило с Крестовскаго денег 9 тысяч рублей. Крестовский согласился дать на пять лет без процентов, без поруки, за что в награду Крестовскому написали приговор — не избирать его и семейство в службу.

Но как хитрость злоумышленников превозмогла, в приговоре не написали, что Крестовский живет на собственной своей земле в 31-й версте, от роду ему более 60 лет, служил обществу в разных выборах 15 лет, сын у него один, который служил одно трехлетие ратманом в 1835, и 36 и 37 году, и в своде законов увольняется от службы, но все это было пропущено, послан приговор к г. губернатору, прошло 3 недели, нет ничего, но что ж Яков Минич Порозов? Купил Клемешино и вырвал сильной своею рукой изо рту кусок хлеба в бедных гражданах».

Но уж так случилось, что в дальнейшей российской истории, фамилия Сновидовых оказалась в тени более известных родственников из других фамилий, например, Голенищевых-Кутузовых и Бартеневых: «Родовые перекрестки Бартеневых настолько занимательны и неожиданны, что похожи

на увлекательный роман, где есть место всем человеческим переживаниям и чувствам.

По мужской линии Игорь Александрович Бартенев доводился прапраправнучатым племянником прославленному полководцу Светлейшему Князю Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову-Смоленскому.

О роде Голенищевых-Кутузовых существует обширная литература, освещающая в первую очередь личность и деяния генерал-фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова. Но в рассказе о родственных связях семьи Бартеневых и Кутузовых Михаил Илларионович предстает не только Спасителем Отечества, но и любящим братом, заботливым отцом и человеком, заменившим своим многочисленным племянникам рано умершего отца.

Род Бартеневых на протяжении XVIII–XX вв. пересекся со многими известными дворянскими родами и имеет раскидистое родословное дерево, ветвями которых являются такие роды, как Бедринские, Бибиковы, Коновницыны, Митусовы, Нащокины, Опочинины, Полянские, Рерихи, Снавидовы, Тизенгаузены, Толстые, Ушаковы, Фикельмон, Хитрово, Яхонтовы…».

Уточним: у сестры фельдмаршала, Анны Илларионовны и Осипа Петровича Ушакова было восемь человек детей, шестеро сыновей и две дочери. Так вот Прасковья, 1768 года рождения, была замужем за псковским помещиком Иваном Тарасовичем Снавидовым.

У Ивана Тарасовича и Прасковьи Осиповны было трое детей: два сына — Яков и Николай и дочь Екатерина, вышедшая замуж за Петра Александровича Кастюрина.

А вот и подробности:

Петр Александрович Кастюрин родился в 1791 году, был участником Бородинского сражения, вместе с русскими войсками дошел до Парижа. В 1820 году вышел в отставку в чине подполковника и поселился вместе с семьей

в своем псковском имении Матюшкино, которое досталось ему в качестве приданого за женой, после смерти младшей сестры полководца Дарьи Илларионовны. Рядом с деревней Матюшкино есть деревня Бородино. По преданию, название деревне Бородино Дарья Илларионовна дала в честь исторической битвы, в которой принимал участие ее знаменитый брат. Но это лишь красивая легенда. Название села Бородино встречается еще в 1710 году в «Переписной книге Псковского уезда» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8506).

У Петра Александровича и Екатерины Ивановны было десять человек детей, и все они так или иначе связаны со Псковщиной. Екатерина Ивановна Кастюрина, внучатая племянница фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова, умерла в 1856 году и была похоронена на фамильном кладбище близ Никольской церкви. Ее сын Яков Петрович в 1871 году на свои собственные средства обновил иконостас этого храма.

…Известен еще один из представителей рода Кастюриных — писатель Лев Васильевич Успенский. Он родился 27 января по старому стилю 1900 года в Петербурге в семье инженера-геодезиста. Детство провел в имении Щукино, которое принадлежало его деду Алексею Измайловичу Кастюрину. Мать Льва Успенского, Наталия Алексеевна Кастюрина, отец Василий Васильевич, происходил из разночинной семьи. Дед по линии Успенских был провинциальным банковским бухгалтером.

Успенский участвовал в работе над древнерусским словарем. После книги «Кот в самолете» были написаны две книги по древнегреческой мифологии: «12 подвигов Геракла» и «Золотое руно». Потом обе эти книги вышли под названием «Мифы Древней Греции». В 1939 году Успенский вступил в члены Союза Писателей СССР. В том же году вышел в свет его роман «Пулковский меридиан». С годами Лев Васильевич стал не только крупнейшим ученым-лингвистом, но человеком, обладающим широким кругозором, глубокими

знаниями во многих сферах человеческой деятельности. Он был знатоком археологии и истории Петербурга, географом и землемером, ботаником и фотографом, знатоком античности и поэтом, писателем и переводчиком. Лев Васильевич — участник Великой Отечественной войны.

За мужество при работе военным корреспондентом он был награжден орденом Красной Звезды. После войны много и плодотворно работал. Умер Лев Васильевич Успенский в 1978 году.

Род Ушаковых и Снавидовых за один век дважды породнился. Впервые, когда Прасковья Осиповна Ушакова вышла замуж за Ивана Тарасьевича Снавидова, во второй раз — когда ее внучка Анна была повенчана еще с одним членом большой семьи Снавидовых — Николаем Васильевичем. Внучка Анны и Николая Снавидовых — Юлия Георгиевна Гущина была замужем за Николаем Павловичем Полянским. О том, что Юлия Георгиевна имела родственные связи с родом Голенищевых-Кутузовых, свидетельствует архивная справка, выданная ей Псковским Дворянским собранием и хранящаяся в семье ее потомков в Петербурге.

Николай Павлович Полянский родился в Пскове в 1852 году в семье титулярного советника Павла Ефимовича Полянского, представителя старинного дворянского рода. Мать Евгения Александровна Полянская (урожденная Кинареева) была также из дворян.

Николай Павлович Полянский (1852–1921), действительный статский советник, чиновник по особым поручениям V класса Министерства финансов, первый управляющий Нижегородской Конторой государственного банка. Особо значимым и важным результатом деятельности Н. П. Полянского была постройка нового здания для отделения государственного банка в Нижнем Новгороде. Величественное здание банка в Нижнем Новгороде, спроектированное в древнерусском стиле известным

архитектором В. А. Покровским, было возведено под непосредственным руководством Н. П. Полянского очень быстро — всего за два года.

Следует отметить, что средства на проектирование и строительство здания были заработаны самим нижегородским отделением государственного банка, и из казны не было использовано ни копейки.

Как писал в шутку Н. П. Полянский, «*…этот дом был моим подарком Государственному Банку*».

Торжественное открытие нового здания, приуроченное к празднованию трехсотлетия царствования дома Романовых, состоялось в мае 1913 года в присутствии императора Николая II и членов его семьи.

Несмотря на то, что Николаю Павловичу и Юлии Георгиевне приходилось часто переезжать из города в город по служебной необходимости, своего родового имения Ильино Псковской губернии они не забывали. Вот как описывает Николай Павлович свой приезд в Ильино: «*Отказавшись от Москвы, мы с женой Юлией Георгиевной (урожденной Гущиной) и сыном Алексеем поехали отдохнуть в имение жены Ильино в Опочецком уезде Псковской губернии. Давно мы обирались это сделать, но все как-то не удавалось. <…> Раскопал в старом сарайчике старинную барскую мебель, — и дело устроилось. Ездил заранее в Ильино, чтобы купить и привезти из Опочки хорошие железные кровати с пружинными тюфяками и волосяными наматрасниками, умывальник, самовар, посуду. Медную кухонную посуду нашел в том же сарае в Ильине. Осталось только отремонтировать и отдать полудить. Все это сделал — нанял на целый год столяра для ремонта и обивки мебели — и дело, что называется, вышло одна прелесть. Многие вещи из старой мебели из красного дерева и карельской березы вышли чудо, как хороши.*

<…> В шкапах и комодах <…> я нашел в желтых и из красного дерева с черными углами рамках редкие гравюры. Нашел родственные портреты, писанные масляными красками, и несколько попорченных сыростью картин.

Разумеется, все это сейчас же было развешено по стенам в порядке назначения комнат.

Флигелек из четырех комнат вышел прямо-таки игрушка. С виду неказист, потолки низенькие, но как войдешь в домик, так сразу же невольно перенесешься в обстановку помещичьей жизни сороковых годов и проникаешься к своим предкам чувством глубокого уважения.

Во всем проглядывал у них верный и строго определенный размер жизни. Видно, что люди не только жили, а умели жить и во всем понимали толк. Между одними и другими поколениями проглядывала родственная общность и кровная связь».

Октябрь 17-го разрушил до основания «родственную общность и кровные связи».

Н. П. Полянский, прослуживший в банковской системе 50 лет и внедривший многие новые методы ведения и управления банковским делом, после революции, которую он не принял, был уволен. В 1918 году скончалась его верная и преданная спутница жизни, Юлия Георгиевна. Двое его сыновей Уар и Алексей эмигрировали за границу, где и скончались, сыновья Павел и Иван в начале 30-х годов были репрессированы и погибли в ГУЛАГе, дочь Н. П. Полянского — Евгения долгое время жила в Нижнем Новгороде; ныне в Петербурге живет правнук Н. П. Полянского — Николай Владимирович, благодаря которому увидели свет «Воспоминания», его прадеда.

Н. П. Полянский умер в полном одиночестве в деревне Лукино Нижегородской губернии. Крестовоздвиженский монастырь, у стен которого находилось кладбище, где был

похоронен Николай Павлович, в советское время был разрушен, а кладбище уничтожено. Нет числа затерянным и стертым с лица земли могилам в XX веке, развеяли по ветру «любовь к родному пепелищу, // любовь к Отеческим гробам…».

Не менее интересны родственные связи по линии другой сестры, Анны Осиповны Ушаковой, 1775 года рождения. Как и ее сестра, Прасковья, Анна Осиповна нашла себе мужа на Псковской земле. Ее избранником был Александр Яхонтов, владевший имением Камно неподалеку от Пскова. После оно перешло во владение их сына, Николая Александровича Яхонтова. Во время Отечественной войны 1812 года он был секретарем и переводчиком при фельдмаршале М. И. Голенищеве-Кутузове, который доводился ему двоюродным дедом.

Сын Николая Александровича — Александр окончил Царскосельский Лицей в 1838 году. Александр Николаевич, как и все выпускники Лицея, почитал служение обществу священным долгом: будь то дела псковского земства или литературный труд. Первые пробы пера А. Н. Яхонтова относятся к периоду пребывания в Лицее, где все еще витал поэтический Гений А. С. Пушкина. В семье Яхонтовых сохранилось воспоминание о посещении их имения Александром Сергеевичем. Саше Яхонтову в то время было всего 6 лет, но приезд к ним Пушкина он запомнил на всю жизнь, и осененный встречей с поэтом, другого жизненного пути, кроме как служение поэзии, он уже себе не представлял. Внучка Александра Николаевича, А. Н. Высоцкая-Яхонтова передает семейное предание: «*...Пушкин долго гулял с Н. А. Яхонтовым в саду по той самой аллее, дорожка которой сохраняется и по сей день. Потом они сидели и беседовали в беседке. К ним подбежал маленький Саша… Пушкин подхватил его на руки и шутливо спросил, кем он*

хочет быть. Саша ответил "поэтом". И еще он прочитал удивленному поэту его, пушкинское стихотворение».

По свидетельству историка Н. Ф. Окулича-Казарина, великий поэт отдыхал «под старой липой» — и эта липа, и весь парк погибли в годы Великой Отечественной войны.

Литературными критиками высоко оценивались заслуги Яхонтова-переводчика, такие произведения, как драма И. В. Гете «Торквато Тассо», «Ифигения в Тавриде», переводы трагедий Г. Э. Лессинга «Эмиля Галотти», а также ряда стихотворений Ф. Шиллера, Г. Гейне, А. Мицкевича.

Недалеко от Пскова, в Камно, на погосте, около старинной Георгиевской церкви, лежат несколько тяжелых могильных плит. Под ними покоятся останки членов семьи Яхонтовых. На одной из них высечены имя Александра Николаевича Яхонтова и даты его жизни: 1820–1890.

Неведомыми нитями судьбы оказались связаны потомки Александра Николаевича Яхонтова и потомки Александра Сергеевича Пушкина в прошлом XX веке.

После революции тысячи славных русских родов оказалось вынужденными изгнанниками. И среди них потомки А. Н. Яхонтова и А. С. Пушкина.

Внук Александра Николаевича Яхонтова в 1918 году покинул Россию, попал в Сербию, где женился, а в 1925 году у них в Белграде родился сын, названный по семейной традиции Александром. Александр окончил в Белграде архитектурный факультет университета, работал в Югославии, затем переселился в Париж. В 1968 году он вместе с семьей эмигрировал в США, где вот уже 40 лет живет в небольшом городке на юге Калифорнии в Лонг-Бич. Человек он неутомимый и деятельный. Он является Президентом Общества Русско-сербской дружбы, Президентом городов побратимов Сочи–Лонг Бич. Он горячо ратовал и поддерживал проведение зимней Олимпиады в Сочи-2014, как и его сыновья, Андрей и Николай,

побывавшие в этом городе еще до решения Олимпийского комитета.

Но главное жизненное кредо Александра Яхонтова — это сохранение родного языка на далеком континенте. Вместе с профессором русского языка университета Лос-Анджелеса Харольдом Шефски, Александр Александрович Яхонтов явился инициатором и организатором проведения Пушкинских фестивалей в Лонг-Бич, в программу которых входят спектакли, выставки, фильмы, литературные вечера. Любовь к поэзии Пушкина у А. А. Яхонтова не случайна. Для него Пушкин и Отечество — это синонимы, ведь для миллионов русских эмигрантов имя Пушкина стало символом духовного единения нации. На его произведениях, сказках, поэмах, прозе учился он русскому языку, а, следовательно, и всей русской культуре. К тому же причудливые родовые сплетения породнили Яхонтовых с родом Пушкиных. Дед А. А. Яхонтова был близким другом внука А. С. Пушкина — Николая Александровича. Они вместе учились на юридическом факультете Московского Лицея. Благодаря этой дружбе Николай Пушкин познакомился с Надеждой Петунниковой, сестрой жены деда Александра Александровича Яхонтова. Встреча Николая Пушкина и Надежды Петунниковой закончилась свадьбой, в результате которой род Яхонтовых-Петунниковых породнился с родом А. С. Пушкина. Живущий ныне в Брюсселе праправнук Александра Сергеевича Пушкина — Александр Александрович доводится троюродным братом живущему в Лонг-Бич А. А. Яхонтову. И хоть их разделяет океан и тысячи миль, для них — это не преграда, когда речь идет о памяти великого поэта Земли Русской, нашедшего свое успокоение на древней псковской земле. Земле, породнившей и соединившей в единое родовое кольцо Голенищевых-Кутузовых-Ушаковых-Снавидовых-Полянских-Яхонтовых-Бартеневых.

Но вернемся к нашим заговорщикам. Историк Сергей Соловьев посвятил этому заговору всего один абзац в своем объемном труде:

«Но в то время, когда заботились о безопасности жителей Москвы, вдруг разнесся слух, что императрица небезопасна во дворце своем. Слух подтвердился, когда 15 июля, в день освящения церкви в московской академии, ректор Кирилл Флоринский в проповеди своей сделал выходку против внутренних врагов Елисаветы. Проповедь была на текст: "Не творите дому Отца моего дому купленного"; оратор представил Россию в виде храма, созданного Петром Великим, по смерти которого в этом храме некоторые завели торговлю. Торговля не прекратилась и по восшествии на престол дочери Петра: "Как же ужасно и подумать, — говорил оратор, — яко осмимесячию не претекшу, егда провозсия на престоле отчи венценосица Елисавет, и уже на ино торжники прелагаются. Странная весть: давно ли вожделенная — и уже ненавидима Елисавет; давно ли в сердцах и в устнех сладка — и уже горька Елисавет; давно ли оживотворившая нас, уже опасна жизнь ей посреде дому; давно ли обрадовавшая нас — и уже в слезах опечаляема посреде дому; давно ли матерь (и еще всемилостивейшая, яко и истинно есть) — и уже тяжка и немилосердна. О непостоянство злоковарных торжников!.. Но ащи тыи, злобою воспящаеми, о благостыне ее величества немотствуют, то поне вы, прежде расточеннии и заточеннии, ныне же всегда бедствующим сострадущие, матере Елисаветы милостию возвращеннии и уже мнози собраннии от Сибири, Иркута, Камчадала, от многих трудно и именуемых стран и от подземленных недр мертвецы прежде живые: поне вы со мною признайте, что не иной ради причины лукавым торжником государства Елисавет ненавидима, горька, тяжестна кажется и не матерь, яко и благая отеческая расточенная собирая, узаконенное отцом возобновляя и вас, бедствовавших, возвращая, —

словом, вся отеческая в первобытное состояние приводя, не попущает долее злодеям, да дом отеческ и ее величества наследный соделывают домом купли и вертепом разбойническим… Что же, ваше императорское величество, долго терпите, и на торжницех государства, сие есть чудное премудрые экономии вашего величества дело, по разуму притчи Христом реченные: оставите купно обоя расти до жатвы, да не како восторгая плевелы, восторгнете купно с ними и пшеницу".

Дело состояло в следующем: камер-лакей Александр Турчанинов, Преображенского полка прапорщик Петр Ивашкин, Измайловского полка сержант Иван Сновидов составляли заговор с целью захватить и умертвить Елисавету и племянника ее, герцога Голштинского, и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича; они говорили, что Елисавета и сестра ее Анна прижиты вне брака и потому незаконные дочери Петра Великого. Дело тянулось до декабря, когда виновных высекли кнутом и сослали в Сибирь, у Турчанинова вырезавши язык и ноздри, а у двоих товарищей его только ноздри».

ТУРЧАНИНОВ

Нам пока неизвестно, какого роду-племени был наш герой — Александр Дмитриевич Турчанинов, камер-лакей Анны Леопольдовны, матери императора Иоанна IV Антоновича, всероссийский престол которому завещала Анна Иоанновна.

Впрочем, отчество нам может ни о чем не говорить. Вот пример: во время походов Миниха и Ласси маленький турчонок был взят русскими в плен и привезен в Петербург к Анне Иоанновне, которая его крестила. «…между другими пленниками иного знатного чиновника не было, кроме Осман-бея, сына погибшего паши герцеговинского. Сей, имея от роду не больше 13 лет, командовал уже 3000 человек босняков. Приятный его вид и веселый нрав побудили отца моего взять его к себе, по возвращении своем в Санкт-Петербург представить императрице, которая по перекрещении в христианский закон возвысила его в дворянское достоинство с проименованием воина и, пожаловав ему земли, определила пажом ко двору» (Записки графа Эрнста Миниха).

Елисавета Петровна отдала этого Турчанинова в услужение наследнику своему, и он сделался «Кутайсовым» при Петре III (в свое время турчонок Кутайсов при Петре I стал крупным государственным деятелем).

22 января 1762 года А. А. Турчанинов был возведён в дворянское достоинство. Господин и государь его не имел времени пожаловать его графом или светлейшим князем, и в день кончины его он назывался только Александром Александровичем Турчаниновым, камердинером полковничьего ранга.

При Екатерине он скрывался, потом на сбереженные деньги купил именьице в Орловской губернии, женился на соседке, девице Сибилевой, также с некоторым достатком.

«Воцарение Павла пробудило давно заснувшие надежды малого числа приверженцев Петра III; в числе их предстал

и г. Турчанинов пред новым императором, который приказал производить ему все содержание, кое получал он при отце его, а сверх того выдать ему оное за все время царствования Екатерины с наросшими процентами и рекамбиями. Составился значительный капитал: дом в Москве, у Пречистенских ворот, дом в Орле, именье в Орловской губернии, селение Степанцы Киевской губернии.

Родные Турчанинова в Лихвине, Калуге, Белеве и Волхове. Кстати, дочь Александра Александровича Турчанинова произвела своим «магнетизмом» неизгладимое впечатление на Александра Сергеевича Пушкина.

Турчанинова Анна Александровна (1774–1848) — поэтесса, печатала стихи в «Приятном и полезном препровождении времени» за 1798 г. и в «Чтениях в Беседе любителей русского слова». Отдельно вышли: «Отрывки из сочинений» (стихи, СПб., 1803); «Натуральная этика или законы нравственности, от созерцания природы непосредственно проистекающие», перевод с латинского, стихами (СПб., 1803); «Lettres philosophiques de Mr. Fontaine et de m-lle Tourtchaninoff» (Пар., 1817). Известность получила в петербургских великосветских кругах как «целительница-магнетизерка». Пушкина интересовало явление «магнетизма» (гипноза); он упоминал о Т. в разговоре с А. А. Фукс. По словам мемуариста, у М. А. Салтыкова Пушкин «много говорил о Турчаниновой, которая тогда удивляла всех своим глазным магнетизмом; он сказывал, что она готовит о том сочинение, но, кажется, оно не являлось в свет» (сент. — окт. 1829) (2). Можно предположить личное знакомство Пушкина с Т. (1. Звенья, V, с. 101–103; 2. Цявловский. Книга, с. 295; 3. Вигель, I, с. 65–69; 4. Голицын, с. 252).

Вполне возможно, что и биография Александра Дмитриевича Турчанинова повторяет биографию Александра Александровича — пленный турчонок, по воле случая оказавшийся при царском престоле, крещен, произведен в камер-лакеи…

Только Александр Александрович и в дальнейшем был обласкан судьбой, несмотря на его опасную близость к таким историческим фигурам, как императоры Петр III и Павел I, принявшие мученическую смерть от цареубийц.

Судьба Александра Дмитриевича была в чем-то схожей — законный император Всероссийский Иван Антонович, которому он служил при Дворе, был свергнут незаконнорожденной дочерью Петра I, которую глава Верховного Тайного Совета князь Голицын, решая судьбу русского престола после неожиданной смерти юного императора Петра II, отклонил как «выблядка» — незаконную по своему рождению дочь императора, рожденную вне брака и потому не имеющую никаких прав на царский престол.

Но если Александру Александровичу Турчанинову в то лихое время, которое последовало за гибелью партий Петра III и Павла I, удалось затаиться, спрятаться, исчезнуть с глаз пришедших к власти императриц, то Александру Дмитриевичу выпал совсем другой жребий — он проговорился вслух о том, что думали в то время практически все, за исключением разве что сторонников Елизаветы Петровны, верноподданные люди России.

...Ивашкина сослали в Якутск. Сновидова — в Нижнекамчатск. Турчанинова — в Большерецкий острог.

Двадцать лет Ивашкин-Квашнин провел в Якутске и за некую невероятную жестокость, о которой упоминает А. Сгибнев, по отношению к инородцам его снова сослали — теперь уже на дальнюю Камчатку.

Здесь они и встретились вновь.

Но только один из них — Турчанинов примкнул к новому — Большерецкому — заговору и бежал с Камчатки, чтобы умереть вольным человеком. Сновидов не был прощен, но он обзавелся здесь семьей, и его потомки живут на Камчатке по сей день. Ивашкину-Квашнину дали свободу, когда она ему была уже не нужна...

В 1748 году в России возникла угроза нового дворцового переворота. Насколько серьезной была эта угроза, попытался разобраться историк Александр Платонович Барсуков, проведя собственное расследование, итоги которого он опубликовал в журнале «Древняя и Новая Россия» № 2 за 1875 год.

ИОСАФАТ БАТУРИН

Эпизод из истории царствования Елисаветы Петровны.

I

К числу бедственных годов, пережитых многострадальною Москвою, бесспорно следует отнести 1748 и 1749 годы Елисаветинского царствования. То была самая суровая пора в истории крепостного права в России. Правительство, в видах обеспечения более правильного платежа податей, принуждено было предпринять, около того времени, ряд мер, очевидно клонившихся к прикреплению податного сословия и расширению пределов господской власти. Так, в 1742 году, повелено было произвести новую всенародную перепись[1]. Главная цель этой меры определялась следующими словами инструкции, данной ревизорам: «дабы ни один без положения не оставался». Таким образом, закон стирал последние признаки личной свободы. Служилый человек должен был записаться в службу за государством, податной — в подушный оклад за всяким, кто только примет его и обяжется платить за него подушную подать. Люди, слывшие до того времени вольными и обязанные теперь непременно приискать себе господина, могли еще по крайней

[1] По счету — вторая. Первая производилась при Петре Великом, в 1719 году.

мере выбирать себе этого господина, по своему желанию, и входить с ним в некоторые условия закрепощения, но вскоре они лишились даже и этой, весьма скромной, льготы. Закон 14 марта 1746 года, предоставивший право иметь крепостных людей одному лишь малочисленному дворянству[2], окончательно стеснил свободных бедняков: они должны были теперь просить уже как милостыни, чтобы кто-нибудь из дворян взял их к себе в вечное рабство, с обязательством платить за них подати, а которые не успевали в этом, тех записывало к кому-либо само правительство, по своему усмотрению, или же ссылало для поселения в Оренбург, а то и в работу на казенные заводы. Крестьяне протестовали против такого неестественного порядка вещей своим обычным способом: они толпами бежали от тягостей крепостного состояния в Астраханские и Оренбургские степи, в Сибирь, в Прибалтийские провинции, в Польшу, Пруссию и даже в бусурманскую Турцию. Из оставшихся дома, одни покорно записывались в вечную и безусловную крепость, другие бежали «для вольных работ» на фабрики, заводы, но там попадали в пущую неволю к фабрикантам; наконец, самые озлобленные — разрывали все связи с обществом и жестоко мстили ему разбоями, достигшими в ту пору до небывалых размеров. Темные закоулки Москвы и окружающие ее слободы всегда представляли гостеприимный и безопасный приют для всяких «вольных, прихожих и гулящих людей». В описываемое время беглые крестьяне и дворовые люди отовсюду стекались в Белокаменную и не замедлили дать знать о своем присутствии рядом поджогов и открытых грабежей, распространявших всеобщую панику. «Все свободные люди, — читаем в частном письме из Москвы от 26 мая 1748 года, — оставя свои домы, въезжают в деревни, кто ж не имеет деревень, все выехали на поле и там живут,

[2] Полн. Собр. Закон. 1746 г. № 9267.

а бедные, кому лошадей нанять нечем, на себе вытаща скарбишки свои, расположились и живут по пустырям, где и спасение от таких пожаров худое, да куда же деться? Копают великие ямы и свои пожитки туда прячут, чего, чаю, от Польского раззорения не бывало… Притом, жары великие и вихри были, ржи засохли, а яровое не всходит»[3]. Как велики были тогдашние бедствия Москвы, можно видеть и из того, что даже в Петербурге признали необходимым расставить гвардейские пикеты около дворцов, на площадях и на улицах, ближайших к московской дороге, «дабы с той стороны никакой злодей вкрасться и такое же зло учинить не мог, понеже всем известно — как сказано в именном указе — какое в Москве, от огненного запаления, как уже явно оказалось, от большей части злодеями чиненного, чрез частые пожары многое раззорение воспоследовало»[4].

В такое-то тревожное время императрица Елисавета Петровна задумала переехать со всем двором, синодом, сенатом и коллегиями в Москву, где и имела пребывание с декабря 1748-го по декабрь 1749 года. Если при этом предполагалось обеспечить порядок в древней столице, то цель эта, кажется, не была достигнута. Несмотря на присутствие двора и высших правительственных учреждений, проживающие в Москве «господские люди не только ночью, но и днем проезжих грабили и убивали»[5], а в Московском уезде «разбойники жгли обывателей в их домах». Весьма знаменательно, что при таких трудных обстоятельствах, императрица, по-видимому, более рассчитывала на силу нравственного примера, нежели на репрессивные меры. Большую часть времени она посвящала молитве и богомольным путешествиям за город, по примеру своего благочестивого деда. Камер-фурьерский

[3] Архив князя Воронцова, кн. IV, стр. 9.

[4] Полн. Собр. Закон. 1748 г. № 9503.

[5] Там же № 9574.

журнал печального 1749 года почти исключительно наполнен записями об этих царских выездах, между которыми особенно замечателен так называемый «Троицкий поход». Это богомольное путешествие в Троице-Сергиеву лавру, совершенное императрицею, по обету, пешком, началось 3-го июня и продолжалось с перерывами до самого Петрова дня. Такое тихое шествие может быть происходило и оттого, что с переездом в Москву императрица беспрестанно заболевала спазмами и коликою, причинявшими ей большие страдания. Пройдя две-три версты «пеша», императрица садилась в карету или останавливалась в попутном селе, а иногда возвращалась назад; потом снова «выступала в поход» и непременно проходила пешком то пространство, которое перед тем проезжала в карете. Вероятно, погода благоприятствовала этому путешествию, потому что не только обед и ужин, но даже и ночлег приготовлялись под открытым небом, на лугу, в раскинутых шатрах. Таким образом, императрица дошла до села Братовщины (в 30-ти верстах от Москвы) лишь 9-го июня. Пробыв здесь две ночи, императрица поспешно возвратилась в столицу, «оставив в оном селе караульных лейб-гвардии офицеров»[6]. Такой неожиданный перерыв путешествия очевидно был вызван каким-нибудь чрезвычайным случаем. И действительно, в то время на одной из самых значительных московских суконных фабрик произошли беспорядки, имевшие, по-видимому, тесную связь с общим крестьянским движением. Рабочие той фабрики вдруг оставили работу и разбрелись по московским харчевням и фортинам, наводя на всех ужас беспощадными грабежами и убийствами. Нужно сказать, что положение фабричных того времени было действительно отчаянное.

[6] Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1749 года, во время пребывания Высочайшего Двора в Москве.

Это был готовый материал для всякой смуты, припасенный самим правительством. Еще в царствование Анны Ивановны содержатель Ярославской полотняной фабрики Иван Затрапезный, полотняной и парусной фабрики — Афанасий Гончаров и друг. фабриканты неоднократно представляли сенату, что «размножению и спокойному содержанию» заведенных ими фабрик препятствует недостаток в мастерах, подмастерьях, учениках и работных людях. Вследствие чего в 1736 году состоялся именной указ, коим повелено было «оставить вечно при фабриках» всех тех, которые обучились на оных какому-нибудь мастерству, а на будущее время «на тех фабриках всяким мастерствам обучать и в мастера производить из детей вышеписанных, отданных им вечно». За тем, «кто из тех вечно отданных к фабрикам сбежит на прежнее жилище или в иные места, там нигде не принимать и не держать, а поймав, приводить и объявлять в городах воеводам, а им учиня наказание, отсылать на те ж фабрики, откуда бежали… А кто из них явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные, о тех самим фабрикантам, по довольном домашнем наказании, объявлять в коммерц-коллегию, откуда, по свидетельству фабрикантскому, ссылать в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтоб другим был страх». Таким образом, те несчастные, которые имели неосторожность научиться мастерству, отдавались с потомством в полную собственность фабриканта. Всех же тех, которые состояли на фабриках «при черных работах, отдать чьи они были, а впредь в те работы нанимать вольных с пашпортами». Тогда же предоставлено было фабрикантам «и впредь покупать на свои мануфактуры и фабрики людей и крестьян токмо без земель и не целыми деревнями»[7]. Как тяжело было жить фабричным рабочим, при таких широких правах фабриканта, красноречивее всяких описаний

[7] Полн. Собр. Закон. 1736 г. № 6858.

свидетельствуют «происшествия на фабриках», подобные тому, которое заставило императрицу Елисавету Петровну прервать свое богомольное шествие к Троице.

12 июня 1749 года содержатель Московской суконной фабрики Ефим Болотин с товарищи подали в мануфактур-коллегию объявление[8] о том, что «записанные при той фабрике, по силе именного указа 1736 года, работные люди, неведомо с каким умыслом, суконное дело оставили и упрямством своим работать не хотят, и за такою их остановкою им никакими мерами сукон выставить и фабрики содержать невозможно»[9]. Фабриканты требовали, чтобы «объявленным работным людям, за их своевольство и непослушание, когда пойманы будут, учинить наказание, малолетним, вместо кнута, плетьми, а немалолетних — десятого кнутом». Коллегия вызвала трех работников из 120 человек, оставшихся на

[8] Полн. Собр. Закон. 1749 г. № 9643.

[9] Московская суконная фабрика Болотина, учрежденная в 1736 году московскими купцами: Еремеевым, Васильковым, Товаровым, Носыревым, Колобовым, Журавлевым и Бабкиным, находилась в Замоскворечье, в приходе Космы и Дамиана в Кадашах, на старом Денежном дворе, называемом Кадашевским (Описание императ. столич. города Москвы, собр. в 1775 г. Рубаном. Спб. MDCCLXXXII, стр. 134). Учредители получили из казны, заимообразно, денежную ссуду, в размере 10 т. рублей, без процентов, с тем, чтобы сумма эта была возвращена в 3 года поставкою мундирных сукон или монетою. В высочайшей привилегии, данной учредителям, между прочим выражено: «повелеваем оную фабрику размножить сильною рукою, а не под видом содержать, чтоб оною от служеб и от постоев быть свободным и в делании мундирных на войска наши сукон тщиться с усердным радением, дабы деланы были самого доброго качества и из доброй шерсти и добротою б час от часу лучше» (Полн. Собр. Зак. 1736 г. № 7060). По уплате ссуды, фабриканты обязались, контрактом, поставлять на войска по 100 т. аршин сукна в год. («История России» С. М. Соловьева. Т. XXIII, М., 1873. С. 28).

фабрике, и спросила их: «чего ради той мануфактуры мастеровые и работные люди многие, оставя суконное дело, с мануфактуры разошлись?». Те отвечали, что не знают, почему «те работные люди собою самовольно более 800 человек[10] сошли и какого ради вымыслу суконное дело оставили и к работе не являются… А они-де, и в том числе отлучившиеся с фабрики, от содержателей заработные деньги получают все сполна, без удержания и работу фабриканты дают беспрерывно». Коллегия дала знать о случившемся происшествии в московскую полицеймейстерскую канцелярию, которая, хотя и была в то время в больших хлопотах по делу знаменитого вора-сыщика Ваньки Каина, однако не замедлила назначить особую команду для поимки беглых фабричных. Начальнику этой команды, капитану Ивану Павлову удалось, наконец, разыскать в разных воровских притонах 381 работника, которых он и возвратил на фабрику 26 июня, но в тот же день содержатели фабрики донесли мануфактур-коллегии, что рабочие, возвращенные полициею, «упрямством своим к работе нейдут и чинятся им противны». Члены коллегии отправились всем собранием на фабрику и «наикрепчайше приказывали» рабочим «вступить в работу», но те единогласно объявили, что «о чинимых им от фабрикантов обидах и непрестанных жестоких наказаниях они подали

[10] Законом было установлено, сколько крестьянских душ могло быть приписано к каждой фабрике. На суконных фабриках пропорция эта определялась по числу станов, полагая на каждый по 42 души; из общего числа работников предписывалось употреблять на действительную фабричную работу 1/5 часть, а прочих иметь у черных работ на принадлежащих фабрикам землях, мельницах и т. п. Таким образом, при суконной фабрике Ефима Болотина, имевшей 170 станов, по штату положено было 7 140 рабочих, из них собственно для фабричного производства только 1 428 человек. Само собою разумеется, что на лицо могло состоять гораздо меньше, сообразно с обстоятельствами и нуждами фабрики.

прошение ее императорскому величеству, и доколе на оное их челобитье указ не воспоследует, по то время в работу не пойдут». Собрание начало усовещивать ослушников и предлагало им объяснить свои нужды и неудовольствия непосредственно самой коллегии, не утруждая императрицы, но фабричные, по исконной народной ненависти к «приказному люду», не желали объясняться с чиновниками и добивались суда царского. Тогда члены коллегии положили наказать «пущих заводчиков»[11], для страха другим, кнутом, но предварительно распорядились развести прочих фабричных в палаты, «дабы при том наказании не учинено было от них какого возмущения». Рабочие не хотели идти в палаты, «однакоже в те палаты и по неволе введены». Но как только начали наказывать первого из «заводчиков» — ткача Терентия Афанасьева, «работные люди из палат великим гвалтом бросились в двери и команду отбили знатно, хотя его, Афанасьева, от наказания избавить». Если бы не капитан Павлов, вовремя подоспевший с своею командою, фабричные «уповательно учинили бы не малые злодейства». Наказание зачинщиков только раздражило их товарищей. Все они, за исключением 20 человек, «объявили, что в работу не пойдут и не пошли и учинились противны». К 30 июню дела Ефима Болотина несколько улучшились. В тот день он донес мануфактур-коллегии, что только 127 человек «в работу упрямством своим не вступают» и что в бегах еще осталось 586 человек. Затем, 7 июля, состоялось сенатское определение, по коему десятого человека из 127 упомянутых работников приказано бить кнутом, а после того, вместе с прежде наказанными коллегиею, «заковав в кандалы, сослать в Рогервик в работу», а остальных ослушников наказать плетьми «и велеть ввесть в палаты и к работе принудить».

[11] Т. е. главных зачинщиков: Терентия Афанасьева, Федора Васильева, Дмитрия Шубина, Сергея Козмина и Дмитрия Перфильева.

По этому определению 8 июля, в день празднования Казанской Божией Матери, на Большом суконном дворе публично наказывали фабричных кнутом и плетьми, заковывали в кандалы и снаряжали в ссылку… Такое явное неуважение к свято-чтимому празднику должно было произвести тяжелое впечатление на жителей столицы. Может быть, оно вызвало даже какие-нибудь новые беспорядки; прямых указаний на это не имеется, но только известно, что через два дня состоялся именной указ о том, «чтобы впредь с сего времени в праздничные и викториальные дни никаких экзекуций никому не чинить»[12].

Между тем еще 21 июня, в самый разгар буйства фабричных, императрица Елисавета Петровна уехала в село Братовщину, для продолжения прерванного путешествия, приказав при этом вел. кн. Петру Федоровичу и вел. княгине, остававшимся до того в Москве, переехать, на время Троицкого похода, в имение Чоглоковых — д. Раево, в 11 верстах от Москвы, по Троицкой дороге. Распоряжение это, без сомнения, имело некоторую связь с ходившими в то время слухами о расстроенном здоровье императрицы и о возможности скорой ее кончины, слухами, породившими столько соблазнительных предположений и догадок о дальнейших судьбах русского престола. Повторение при этом имени Иоанна Антоновича представлялось даже опасным, в виду того возбужденного настроения, в котором находились жители столицы. К тому же и в лице вел. кн. Петра Федоровича всякий видел единственного внука Петра Великого, а, следовательно, имевшего больше державных прав, нежели сама Елисавета Петровна… Все это, конечно, раздражало императрицу и делало ее подозрительною даже к членам своей семьи. Отсылая молодой двор, на время своего отсутствия из столицы, к таким надежным

[12] Полн. Собр. Закон. 1749 г. № 9646.

людям, как Чоглоковы[13], она могла спокойно продолжать свое богомольное путешествие.

После отъезда императрицы московские беспорядки усилились до такой степени, что правительство принуждено было, наконец, прибегнуть к решительным мерам. Именным указом 25 июня повелено было «для искоренения злодеев полицейскую московскую команду усилить солдатами из полевых полков». В скором времени из среды этих самых войск выступил на сцену человек, задумавший было воспользоваться московскою неурядицею для совершения государственного переворота. То был Иосафат Батурин, подпоручик Ширванского пехотного полка.

II

Иосафат Андреевич Батурин принадлежал к старинной дворянской фамилии, получил и соответствующее своему общественному положению образование. Он воспитывался в сухопутном шляхетном кадетском корпусе в одно время с А. П. Сумароковым, А. В. Олсуфьевым и князем Мих. Никит. Волконским, столь известными деятелями Екатерининского царствования, Батурин поступил в корпус в апреле 1732 года и в апреле же 1740 г. выпущен был в армию прапорщиком с следующим аттестатом: «переводит с немецкого на российский язык легких авторов; рисует красками; геометрию и практику окончал; фехтует в контру; немецкую ореографию начинает»[14]. О поведении Батурина умалчивается в аттестате и очень может быть потому, что

[13] Припомним, что Николай Наумович Чоглоков был женат на близкой свойственнице государыни — гр. Марье Симоновне Гендриковой.

[14] Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе Штаб-Обер-Офицерам и Кадетам. СПб., 1761. Ч. I. С. 27.

не представлялось возможным сказать что-нибудь в пользу аттестуемого.

Гораздо позже Екатерина в своих записках охарактеризовала Батурина весьма непривлекательными чертами. По ее словам, это был обремененный долгами игрок, слывший негодяем, но обладавший весьма решительным нравом[15].

Еще в начале царствования Елисаветы Петровны Батурин, служа прапорщиком в Луцком драгунском полку, был приговорен, «по содержанному над ним фергеру и кригсрехту», к смертной казни «за непристойные, противные и неучтивые слова» против своего полковника фон-Экина, а также за ложное сказывание «слова и дела по первому пункту» за тем же полковником и за прапорщиком князем Козловским. Военная коллегия несколько смягчила этот суровый приговор: Батурин был лишен прапорщичьего чина и патента и послан на три года в Сибирь, в казенные работы, с тем, чтобы по прошествии этого срока был определен до выслуги в солдаты. Из Сибири Батурин опять объявил за полковником фон-Экиным и князем Козловским «слово и дело», вследствие чего был вызван в тайную канцелярию, где объяснил, что однажды, в присутствии Экина и князя Козловского, он сказал: «Куда-де как хорошо выстроен в Курляндии дворец бывшего герцога Курляндского! Ежели бы-де можно было перенести его в Москву или в Петербург!». На это полковник Экин, в присутствии князя Козловского, ответил будто бы: «Тот-де дворец затем хорошо выстроен, что государыня Анна Иоанновна любила герцога… да не наше то дело»! Этот оговор не удался. Полковник Экин

[15] Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. С. 87. Екатерина, писавшая свои записки уже после 1780 года, конечно, забыла настоящее имя Батурина, его чин и место служения. Она ошибочно называет его Яковом и капитаном Бутырского полка. Нужно заметить, что Ширванский и Бутырский полки всегда состояли в одной дивизии.

и князь Козловский, допрошенные по этому делу в Сибирской губернской канцелярии, оказались невиновными. Тогда Батурин попробовал очернить Экина другим способом. Он донес «о чинимых, будто бы, им, полковником Экиным, непорядках и противных регулам поступках». О доносе этом было сообщено, по принадлежности, в военную коллегию, куда отправлен был и доноситель. В коллегии Батурин «показывал о некотором в Сибирской губернии и в Иркутской провинции не малом интересе» и весьма удачно повернул дело к каким-то проектам и предложениям, переданным коллегиею на заключение сената, который определил «исследовать чрез нарочного о предложении» Батурина и затем представить таковое на воззрение ее императорского величества. Сам же Батурин, до воспоследования высочайшей резолюции на заявленное им «предложение», освобожден был на поруки. К сожалению, остается неизвестным, в чем заключалось предложение Батурина, одобренное, по-видимому, и военною коллегиею, и сенатом. Можно думать, что по достаточном расследовании, оно оказалось не заслуживающим высочайшего воззрения и, вероятно, было придумано Батуриным только для того, чтобы оттянуть время до окончания срока ссылки, по истечении которого он должен был поступить до выслуги в солдаты. Как бы там ни было, но в 1749 году Батурин был уже подпоручиком и состоял в Ширванском пехотном полку, квартировавшем в окрестностях Москвы, недалеко от д. Раева, куда в июне месяце переехали, по приказанию императрицы, вел. кн. Петр Федорович и великая княгиня.

Жизнь молодого двора в Раеве не отличалась разнообразием. По свидетельству Екатерины, великий князь с утра до вечера тешился охотою, которая, благодаря предупредительности Чоглокова, была организована весьма тщательно. Она состояла из двух свор: в одной находились русские собаки, за которыми смотрели русские же егеря, а в другой

французские и немецкие собаки, за которыми ходили старый берейтор-француз, мальчик-курляндец и некий немец. Иностранная свора находилась в непосредственном заведывании великого князя, который входил во все малейшие подробности псарни и почти не разлучался с ее приставниками. Батурин нашел случай сойтись с великокняжескими егерями-иностранцами и убедил их сказать, при случае, великому князю, что, вот мол, в Ширванском полку есть офицер Батурин, чрезвычайно преданный его высочеству и что весь полк разделяет его чувства. Это понравилось великому князю, и он расспрашивал у егерей о разных подробностях, относящихся к выхваляемому полку. После такой подготовки Батурин стал добиваться позволения представиться великому князю во время охоты. Несколько подумав, великий князь уступил просьбе егерей, и Батурину указали место в лесу, где он должен был дожидаться великого князя. Едва показался Петр Федорович, Батурин бросился на колени и начал клясться, что кроме его, великого князя, он не признает над собою другого государя и готов исполнить все, что только он ни прикажет ему. Петр Федорович, испуганный этою неожиданною исповедью, в ту же минуту пришпорил лошадь и помчался далее, оставя за собою распростертого Батурина. Так, по крайней мере, рассказывал Екатерине об этом странном случае несколько времени спустя сам великий князь, уверяя при этом, что он не имел с Батуриным никаких других сношений, и что он предупреждал своих егерей остерегаться этого человека, чтобы не попасть с ним в беду. Эти уверения и смущение великого князя привели Екатерину к подозрению, что муж ее не вполне откровенен, что в его рассказе осталось что-то недоговоренным.

В скором времени подозрение Екатерины оправдалось, по крайней мере в том отношении, что происшествие в Раеве имело гораздо более серьезное значение, нежели то, которое придавал ему или старался придать великий князь.

В начале зимы, когда оба двора, большой и малый, возвратились в Москву, Батурин был арестован и отвезен в страшное Преображенское для допросов по доносу на него прапорщика Тимофея Ржевского и вахмистра Александра Урнежевского, а через несколько дней туда же отвезли и великокняжеских егерей. Это обстоятельство чрезвычайно встревожило Петра Федоровича. Екатерина всячески старалась ободрить его, уверяя, что если у него действительно не было других сношений с Батуриным, кроме встречи с ним в лесу на охоте, то он может быть спокоен, что вся эта история пройдет для него благополучно; но великий князь успокоился только тогда, когда узнал стороною, что его имя не посрамлено на допросах. Это известие заставило его даже прыгнуть от радости.

В Преображенском, в котором существовали еще в то время ужасные Петровские застенки, допрашивали, кроме Батурина и великокняжеских егерей или пикеров, как они названы в подлинном деле, еще суконщика Кенжина и служащих в Воронежском батальоне: подпоручика Тыртова, с двумя гренадерами Худышкиным и Кетовым.

Следствием обнаружилось следующее: Батурин просил двух егерей псовой охоты вел. кн. Петра Федоровича доложить его высочеству, что он, Батурин, может подговорить к бунту всех фабричных, Преображенский батальон, находящийся в Москве, и лейб-компанцев, участвовавших в возведении на престол Елисаветы Петровны, «которые-де к тому склонны и того давно желают, а им-де от его высочества дана будет знатная сумма денег». Все мы, совокупясь, — говорил Батурин велико-княжеским егерям, — заарестуем весь дворец и Алексея Разумовского, а в ком не встретим себе единомышленника, того изрубим в мелкие части. Государыню же не выпустим из дворца до тех пор, пока его высочеству коронации не будет, а ежели той коронации не захотят архиереи, мы всех их, где бы они ни были,

вытащим и принудим к тому силою. Затем, взяв великого князя, привезем его в церковь и велим короновать, а какой архиерей не послушается, тому отрубим голову. «Ежели-де не бунтом идти, то его высочеству коронации никогда не бывать, для того что до той коронации Разумовский не допускает», а поэтому Батурин полагал собрать «хоть малую партию», нарядить всех в маски, посадить на коней и, улуча Разумовского на охоте, изрубить его или другим каким способом искать его смерти. В другой раз Батурин просил егерей доложить великому князю, что у него уже собрано тысяч с тридцать людей, да еще может быть приготовлено тысяч двадцать, и что ему помогут исполнить задуманное «намерение» большие люди: граф Бестужев и генерал Степан Апраксин, которые, будто бы, уже стали на его сторону. Батурин пояснил на допросе, что он и сам хотел было однажды ехать к камердинеру великого князя Ивану Николаеву и просить, чтобы тот доложил об его намерении его высочеству, но будучи пьян, не поехал.

Привлеченный к допросам суконщик Кенжин, может быть, был один из тех беглых рабочих суконной фабрики Ефима Болотина, которые летом наделали столько хлопот и своему хозяину, и мануфактур-коллегии. Батурин, подговаривая Кенжина «склонить к бунту всех фабрик работных людей, обнадеживал его тем, что вел. князь отдаст суконщикам удержанные заработные деньги и еще наградит от себя»; Батурин даже уверял, что его высочество уже поручил ему «взять у одного купца пять тысяч рублей для раздачи, к учинению бунта, фабричным». Подпоручику же Тыртову Батурин уже прямо говорил, что у него-де готово фабричных с тридцать тысяч, с которыми намерен «вдруг ночью нагрянуть на дворец и арестовать государыню со всем двором»; он убеждал Тыртова быть верным его высочеству, содействовать его коронации и даже объявил ему именной указ его высочества о том, чтобы он, Тыртов, убил

Разумовского до смерти, объясняя при этом, что во время Троицкого похода, он, Батурин, хотел было однажды на охоте сам выстрелить в Разумовского из пистолета, но что великий князь удержал его от того. Ободряя Тыртова, Батурин говорил и ему о 5 т. рубл., которые великий князь приказал, будто бы, взять у купца и, «раздав их народу, приводить тот народ к бунту». Всех этих подробностей задуманного предприятия Батурин, по-видимому, не открывал остальным своим единомышленникам, т. е. гренадерам Худышкину и Кетову. Он им только говорил: мы хотим короновать великого князя, приставайте к нам и объявите своей братии гренадерам, что кто из них будет за нас, того его высочество пожалует капитанским рангом и определит на капитанское жалование, «так как ныне есть Лейб-Компания». Пример счастливого жребия лейб-компанцев находился у всех на глазах, а самый их подвиг был еще на свежей памяти, а потому нет ничего мудреного, что соблазнительные обнадеживания Батурина увлекли гренадеров. Они, вместе с подпоручиком Тыртовым и вахмистром Урнежевским, приложились к складням[16] и поклялись пред ними, что «ежели кто из поименованных куда попадется, то б тому о том никому не сказывать». После этой присяги Батурин отправился с Урнежевским к московскому купцу Ефиму Лукину и, назвав себя «обер-кабинет-курьером», объявил, что его высочество великий князь приказал взять у него, Лукина, денег пять тысяч рублей. Удивленный Лукин ответил, что он недавно приехал из Петербурга и не видел там великого князя, «а не видав-де его высочества, денег ему, Батурину, не даст». Этот решительный ответ не смутил Батурина. Он потребовал бумаги и, написав на имя его высочества записку «латинскими литерами», просил Лукина передать ее великому князю. В этой записке Батурин писал, что «у него готово людей пятьдесят

[16] Складные иконы.

тысяч». В деле пояснено, что Батурин по этой записке «желал получить от его высочества отповеди», и что ежели бы он получил от Лукина требуемые деньги, то роздал бы их «к объявленному бунту солдатству и фабричным». С тем же Урнежевским Батурин ходил «к одному крестьянину о своем намерении загадывать», и тот, как сказано в деле, «обманывал их и загадывал». Неизвестно, какое гадание вышло Батурину, но только дни его свободы были уже сочтены, и созданный им план восстания рушился вследствие доноса. Какими же, однако, соображениями руководствовался Батурин в своем «злодейственном намерении к бунту» в пользу вел. кн. Петра Федоровича? На это сам подсудимый дал следующий ответ в тайной канцелярии:

«Слова о коронации я говорил в тех рассуждениях, чтобы ее величество была при своей полной власти, как она есть и теперь, а его б высочество, с повеления ее величества, имел одно только Государственное Правление и держал бы армию в лучшем порядке, не так как она имеется (теперь). Ежели б армия была под предводительством его высочества, то б всякий солдат, видя его высочество при армии, сам себе храбрости придал и, уповая, что его монарх присутствует при войне, делал бы больше храбрых оказий и поступков; а в Государственном Правлении его высочество мог бы всякому бедному против сильных лиц защищение чинить».

При чтении этого показания невольно вспоминается сделанный М. Ф. Каменским в 1765 г. в письме к в. кн. Павлу Петровичу намек на сорок лет терпения, после коих российское войско удостоено было, наконец, видеть лицо своего государя, т. е. Петра III-го[17]. Очевидно, что мысли, высказанные Батуриным на допросе, разделялись многими военными людьми того времени.

[17] Русск. Архив. 1873 г. С. 1555.

Екатерина объясняет в своих записках, что она не видела и не читала дела Батурина, но что ей сказывали за достоверное, что последний хотел лишить жизни императрицу, поджечь дворец и, воспользовавшись общим смущением и сумятицею, возвести на престол великого князя Петра Федоровича. Полагаем, что это преувеличено, потому что даже после дознания с обычным пристрастием не обнаружилось, чтобы план Батурина имел такой разрушительный характер. Трудно утверждать это с полною уверенностию, так как в имеющейся у нас выписке из подлинного дела нет ни показаний купца Лукина о деньгах[18] и о записке Батурина «латинскими литерами», ни показаний великокняжеских егерей о том, докладывали ли они его высочеству о замысле Батурина. Вышеприведенное свидетельство Екатерины о радости Петра Федоровича при известии, что его имя не посрамлено на допросах, конечно, дает право заключить, что егеря действительно не докладывали великому князю о Батуринском замысле, но с другой стороны, весьма возможно допустить, что егеря не желали выдавать великого князя; наконец, и сами следователи могли обходить этот щекотливый вопрос, чтобы не позорить репутации наследника престола. Во всяком случае, дело это представляется весьма загадочным. Такова была и развязка его: императрица Елисавета Петровна, прочтя представленный ей экстракт из дела, по неизвестной причине не положила никакой конфирмации, «а за невоспоследованием конфирмации» (как сказано в деле) Батурин послан из тайной канцелярии «к крепкому

[18] Замечательно, что Екатерина, вскоре по вступлении на престол, наградила между прочим и Лукина. Сохранилась записка ее к А. В. Олсуфьеву, от 2 ноября 1763 г., следующего содержания: «Выдать из комнатной суммы московскому купцу Ефиму Денисову сыну Лукину, две тысячи рублев, которые мы жалуем». (Сборник Императ. Русск. Истор. Общества. Т. VII. С. 174).

содержанию» в Шлиссельбург лишь в 1753 г., т. е. через четыре года после того, как был арестован!

Из соучастников Батурина — гренадеры Худышкин и Кетов посланы в Рогервик, в работу, подпоручик Тыртов и суконщик Кенжин сперва туда же, а потом в Сибирь «в острог, на житье вечно». Великокняжеские егеря, «кои только об оном намерении слышали и не донесли», освобождены. Наконец, крестьянин, «за обманное угадывание», послан в Оренбург для определения на службу, «в какую способен явиться».

III

В январе 1767 года 4-я рота 3-го С.-Петербургского пограничного батальона вступила в Шлиссельбург для занятия караулов. Командир роты капитан Акиншин, тотчас же по прибытии в крепость, сделал надлежащий расчет нижним чинам и развел их по караульным постам. Капралу Василию Михайлову, имевшему под своею непосредственною командою трех солдат: Федора Сорокина, Алексея Петухова и Григория Евсюкова, указано было занять пост при казарме № 1, в которой содержался «безымянный колодник». Сменив старый караул, капрал Михайлов прочитал своей команде приказ коменданта Бередникова, «чтобы о имени и о чине того колодника не спрашивать, разговоров с ним никаких не иметь, писем писать ему не давать, от него писем ни каких не принимать и никуда не носить, також никакого хмельного питья не давать». Вследствие этого приказа между загадочным узником и его приставниками на долгое время установились те суровые безмолвные отношения, которые так противны общительному характеру русского человека. Особенно должен был искушать всех несносный обет молчания. Обе стороны скучали и только в исходе шестого месяца протянули, наконец, друг другу руки.

29-го июня, в день тезоименитства великого князя Павла Петровича, «безымянному колоднику» вдруг вздумалось обратиться к капралу Михайлову с просьбою, чтобы он позволил принести к нему, колоднику, вина «для имянинника». Капрал тотчас же сам вышел из крепости и купил кружку вина, «а купив того вина, поднес колоднику, потом выпил сам и наконец дал всем трем солдатам по чарке». Это обстоятельство настолько осмелило караульных, что они решились, наконец, спросить у колодника: «как его зовут и какой он человек?» Тот, не обинуясь, ответил, что «он полковник и кабинетский обер-курьер Иосафат Андреев сын Батурин».

Четырнадцать лет прошло с тех пор, как Батурин был послан от тайной канцелярии «к крепкому содержанию в Шлюшине». Многое изменилось за этот длинный период времени, не изменилось только положение нашего странного московского агитатора. Он продолжал коротать свою несчастную жизнь в тяжком заключении, углубляясь все более и более в беспредельный мир галлюцинаций. В деле имеется весьма отрывочное известие, что в царствование Петра III Батурин был за что-то вновь осужден сенатом на вечную ссылку в Нерчинск в работу, и что доклад об этом был уже утвержден государем, но, после того, тайный секретарь Д. В. Волков в письме к генерал-прокурору Глебову объявил высочайшую волю императора Петра Федоровича, «чтобы оного Батурина в Нерчинск не посылать, а оставить в Шлюшине по-прежнему, с тем еще, чтобы ему давать и лучшее там пропитание». Это единственное и, к сожалению, слишком неопределенное известие о Батурине за все четырнадцать лет его жизни в крепости.

Команда капрала Михайлова, узнав имя и ранг своего колодника, стала обходиться с ним почтительнее прежнего. Солдаты зачастую приходили побеседовать с Батуриным, «також принашивали ему, на данные от него деньги, вина». В откровенной беседе Батурин рассказывал караульным, что

он был «другом и наперсником» государя Петра Федоровича и был у него учителем, что в настоящее время он терпит заключение за верную службу ему, «ибо-де он, Батурин, с товарищами своими, хотел покойную государыню престола лишить и постричь в монастырь, а государя Петра Федоровича возвести на престол».

— Если б ты эдакую услугу Петру Федоровичу показал, — возражали солдаты, — так для чего ж он тебя, пока жив был, отсюда не освободил?

— Врете вы, — отвечал Батурин. — Государь не умер, а жив и поехал гулять, а меня здесь оставил под видом.

— Нет, — возражал капрал Михайлов. — Я сам видел Государя мертвым, и как его погребали».

— Я по планетам знаю, что он жив, и планету его вижу, — уверял Батурин, показывая на небо, — увидите, что он года через два в Россию возвратится.

— Да где ж ныне Государь, знаешь ли ты? — спросил солдат Сорокин.

— Да у меня нет планетника, так я не могу сказать, в котором он месте находится; а когда б был планетник, так бы я сказал и место, где он теперь[19].

В таких беседах незаметно наступал срок новой смены караула Шлиссельбургской крепости. Недели за две до смены, в том же 1767 году или в начале 1768 г., Батурин, воспользовавшись тем, что капрал вышел из казармы, а другие солдаты отправились за дровами, подозвал солдата Сорокина и, держа в руках две бумажки, сказал: «Вот, Сорокин, возьми ты эти две бумажки; маленькую подай Государыне, на дороге или где случай допустит, за что получишь от нее награду, а эту — побольше, подай Петру Федоровичу, как он приедет в Россию и от него ты получишь еще большую награду».

[19] Показание солдата Федора Сорокина на допросе в тайной канцелярии 29 апреля 1769 г.

— Статочное ли дело, — ответил Сорокин, — брать мне от тебя письма; ведь за это я могу пропасть.

— Не бойся, Сорокин, — успокаивал Батурин. — За что, брат, тебе пропасть; злодеи мои все уже померли, а Государыня меня знает; ведь я и ей служил, как и Петру Федоровичу.

Сорокин, после долгих колебаний, наконец согласился передать бумажки по назначению, отчасти вследствие неотвязчивой просьбы Батурина, «а паче польстясь обнадеживанием, что он, конечно, не будет оставлен, если государь возьмет его (Батурина) к себе».

Вот буквальное содержание «бумажки», приготовленной Батуриным для поднесения государыне:

«В 749 году, возвратясь от Троици, станцию имели в Раеве, Ваше Величество ехали на охоту. Тогда я пред Вашим лицем вскричал: дай Бог Вашего любезного супруга видеть в Российских Императорских коронах, при чем в почталионскую трубку затрубил Вам виват. А ныне Вашего Величества Обер-кабинет курьера оставили с верностию в темнице, в оковах. При том же от сущих злодеев нанесено Вам, якобы я наперсник и научальник Государев. Я 18 лет в тюрьме важно (?), и если оная будет правда, тетушка всех приказала освободить; когда бы не были злодеи, то с тех пор освободили».

Другая «бумажка» заключала в себе письмо Батурина к несуществовавшему уже императору Петру III следующего содержания:

«Всероссийский отец Великий Государь Император Петр Федорович! Один от верных и первых рабов Ваших, который, не пощадя живота своего за Ваше Величество и корону Вашу, по любви преданной от младенчества к Великому Петру, а по нем к Вашему Величеству, ревнуя по истинному наследству Вашему, о чем Ваше Величество довольно знать соизволите.

Доныне обретаюсь в Шлиссельбурге, под крепким караулом, в ручных и ножных железах, в несносном заключении восемнадцать лет. Так за Ваше Величество и корону Вашу терплю и уповаю, ежели бы мне не помогла моя наука, которая мне в светлые ночи великую приносила радость, когда я смотря на планету Вашу, горесть свою забывал и в животе Вашем дражайшем быть несомненно полагал, о чем все караульные засвидетельствовать могут. Ужели ли всесмятения Ваше Величество усмирили! Зачем бедного забыли? Возьми, возьми великий Монарх меня пред себя как можно скорее! Не дай мне пасть в отчаянии! Дай мне себя, дражайший мой великий Монарх, видеть и с воскресением поздравить! Не дай возрадоваться врагам своим о мне верном рабе твоем, что без голодно в темнице уморили! Возьмите меня скорей пред лице свое, да потребятся враги Ваши рукою моею! Когда ж оставите меня — сам Бог Вас оставит. Желал бы от Бога в сем мире тишины и благополучия. Вверьте мне свое здоровье оппробованному рабу, а не другим. Я не отрекся за Вас умереть и кровь пролить. Уповаю, что Вы при себе такого ныне не имеете. Словами все скажут, что положат живот свой за Ваше Величество, а на деле и практике никто себя так не окажет, как я, бедный, который оставил жену, сына и двух дочерей в младенчестве сиротить, уморил от печали жену свою, навел плач матери и сестре ругательства; терплю с бедными от фамилии моей, которые от меня отрекаются. Колико претерпел голоду, холоду и все сие для короны Вашего Величества! Верь, верь, монарх мой великий, нет тебе меня вернее! Да любит меня столько Бог, колико я Вас люблю. Когда вы оставите меня, Бог меня за любовь не оставит: Иоан. 15, несть любви тоя, боле да кто за другого положит душу свою.

Вашего Величества раб первый, верный полковник и обер-кабинет-курьер Иосафат Батурин, милосердия ожидаю».

1768 февраля « » дня
Шлиссельбург.

Солдат Сорокин, по возвращении в Петербург, долго скрывал от всех полученные от Батурина письма. Он тщательно хранил их при себе и уже начинал тяготиться навязанною ему тайною. Понятна радость Сорокина, когда он, на святках 1768 года, встретил своего старого сослуживца по Смоленскому пехотному полку и «названного брата», солдата Петра Ушакова. Он мог наконец отвести душу в беседе с близким человеком.

Зайдя как-то к Ушакову на квартиру, Сорокин, немного посидев, вынул из кармана два заветные письма и сказал: «Я, братец, был в Шлюшине у одного колодника, который называет себя полковником и кабинетским обер-курьером Иосафатом Андреевичем Батуриным. Однажды, незадолго до смены, он дал мне две бумажки и просил, чтобы я одну из них, маленькую, подал Государыне, а другую, большую, Петру Федоровичу, обнадеживая, что мне будет за это великое награждение. Вот, братец, прочти-ка эти бумажки, так увидишь, что в них написано». С этими словами Сорокин передал Ушакову оба письма. Тот развернул сперва большую бумажку и тотчас же заметил: «Что, брат, это написано к Государю! Ведь он давно уже умер; ведь ты, брат, помнишь, еще мы были в походе, так там это было уже известно, что он подлинно умер».

— Нет, брат, — возразил Сорокин, — Батурин знает планеты и он, смотря в окошко из казармы на небо, указывал государеву планету и сказывал, что он жив и теперь гуляет, а через год или два сюда приедет.

— Бог знает, только правда ли это? — недоумевал Ушаков. — Однакож об этом покамест говорить не следует. Надобно улучить время, подать письмо Государыне.

— Ну, братец, так возьми эти бумажки к себе и, коли можно будет, маленькую-то бумажку подай Государыне, а большую держи, до времени, при себе.

— Государыне-то подать разве где на дороге, — говорил Ушаков, кладя обе бумажки к себе в карман[20].

Спустя несколько месяцев после описанного интимного разговора в квартире солдата Ушакова тайна, сдружившая еще теснее двух старых приятелей, вышла наружу и при самых обыкновенных обстоятельствах.

В одну злополучную апрельскую ночь 1769 года Ушаков и Сорокин пришли «в пьяном образе» к ефрейтору инвалидной роты 3-го Петербургского пограничного баталиона Анисиму Голикову и начали, неизвестно за что, бить его «без милости». К счастью Голикова, явился дежурный капрал. Сорокин успел убежать, а Ушаков был взят под караул и немедленно наказан батогами за буйство. На другой день ефрейтор Голиков, «с багровыми знаками на лице и подбитыми глазами», явился к батальонному командиру премьер-майору Карлу Неймчу и, донеся ему о ночном нападении Ушакова и Сорокина, представил два известные уже читателям письма, оброненные «во время боя» солдатом Ушаковым, а также найденную у него при обыске на квартире «тетрадку, писанную молитвами в противность церкви греческого исповедания». Премьер-майор Неймч в рапорте от 28 апреля 1769 г. за № 250, донеся о случившемся в С.-Петербургскую обер-комендантскую канцелярию, при чем препроводил также представленные Голиковым письма и тетрадку. Узнав же от Ушакова, что письма те он получил от Сорокина, приказал немедленно разыскать последнего и «для наилучшего рассмотрения» отправил обоих, с надлежащим караулом, в ту же комендантскую канцелярию.

Завязалась переписка. Комендантская канцелярия потребовала от Неймча сведений о службе и поведении обоих присланных туда солдат. Неймч в рапорте от 29 того же

[20] Показание солдата Петра Ушакова на допросе в тайной канцелярии 29 апреля 1769 г.

апреля за № 253 донес, что солдаты Федор Сорокин и Петр Ушаков определены в 3-й пограничный батальон из Смоленского пехотного полка, первый 8 декабря 1766 г., а второй 25 октября 1768 г., что в присланных из полка формулярных списках никаких штрафов за ними не показано, что Сорокин в 1767 находился в Петербурге, в 1768 году в Шлиссельбургской крепости на карауле, по смене же оттуда состоял «в Кабинетском доме», а Ушаков, с определения в батальон, нигде в отлучках не бывал. К сему Неймч присовокупил, что «о лучшем помянутых солдат состоянии и жизни, особливо об Ушакове, за недовольным его определением, також и о Сорокине, за невсегдашнем при батальоне бытием, обстоятельно знать не можно».

Затем все дело передано было, по обычному порядку, к генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому.

Читатели уже знакомы с показаниями, данными на допросах в тайной канцелярии солдатами Сорокиным и Ушаковым. Остается только прибавить, что и Сорокин, и Ушаков сами приложили руки к своим показаниям, следовательно, оба были грамотны. Первый из них взят в службу «из боярских детей», а Ушаков, как он сам показал на допросе, «был напред сего (т. е. службы) Сибирской губернии из рейтарских детей копеистом в шталмейстерской конторе, откуда, за маленькую кражу и за пьянство, написан в солдаты». Ушаков во всем подтвердил показание Сорокина и объяснил, что он взял от него Батуринские письма и никому не объявил о них, во-первых, из сожаления к Сорокину, во-вторых, сам боялся наказания, и, в-третьих, потому что по простоте своей думал, что если одно из писем подаст государыне, а другое государю, то будет награжден за это». Относительно же тетрадки, найденной у него в квартире, показал следующее: «Чья оная тетрадка и кем писана — не знает и никогда оная в руках у него не бывала, а как у хозяина его много стояльцев стаивало и дьячки и разных чинов люди, то

разве не их ли? Или не хозяйская ли? Однако же хозяин грамоте не умеет».

Кроме Сорокина и Ушакова, был допрошен также и знакомый нам капрал Василий Михайлов. Он также подтвердил во всем показание Сорокина и только прибавил, что в первое время по прибытии на караул в Шлюссельбург он не видел у колодника Батурина ни чернил, ни бумаги, но потом, заметив у него «книгу бумажную, сшитую в тетрадку, например, пальца в два», он спросил Батурина: откуда он взял эту книжку? На что тот ответил, что он сам написал ее здесь в казарме.

— Да кто тебе дал чернил и бумагу?

— Я-де давно пишу ее, — отвечал Батурин, — и мне-де еще прежние караульные позволили писать. Да коли-де хочешь, так прочти, в ней ведь ничего худого не написано. Михайлов прочитал книгу и нашел, что в ней «подлинно другого ничего не писано, как только поучение, как должно жить христианину, также и о том, как помещикам поступать с крестьянами». Книга эта, по словам Михайлова, была написана «не очень хорошо», а потому он собственноручно переписал из нее несколько листов и отдал Батурину.

В заключение приведем определение по настоящему делу генерал-прокурора, на коем собственною рукою императрицы Екатерины написано: «Быть по сему».

«1769 года Мая 17 дня Генерал-Прокурор князь Вяземский, во исполнение Всевысочайшего Ее Императорского Величества соизволения о содержавшемся в Шлиссельбургской крепости колоднике Иосафате Батурине, да о присланных к нему, Генерал-Прокурору, из С.-Петербургской Обер-Комендантской Канцелярии, С.-Петербургского пограничного третьего батальона солдатах Федоре Сорокине и Петре Ушакове, приказал: 1) Означенный Батурин за учиненные им при жизни блаженные и вечно-достойные памяти Государыни императрицы Елисаветы Петровны важные

преступления, как бунтовщик и возмутитель, по законам достоин был казни, но оной ему не учинено, сколько из существа преступления видно, не инаково как оставлено ему было время о том содеянном им зле на покаяние и, после бывших ему розысков, послан был к содержанию, под крепким караулом, в Шлиссельбургскую крепость. Но оный Батурин, как склонный ко всякому злу человек, и тамо будучи, не только о том содеянном зле не раскаивался, но еще то свое столь мерзкое и тяжкое преступление поставлял себе в выслугу и не устрашился установленных государственных законов, то свое преступление разглашал бывшим у него на карауле капралу и солдатам; а сверх сего, тех капрала и солдат, как малосмысленных, бесстрашно и без угрызения совести своей, вымышленно уловляя, уверял, что якобы покойный Государь жив и гуляет, а чрез два года сюда возвратится; чему те по слабости разума своего, некоторым образом, и поверили; что доказывается тем, что он, Батурин, и письмо как прямо к живому Государю написав, солдату Сорокину отдал, в коем учиненные свои преступления точно изъяснял своею выслугою, а при том именовал себя полковником и кабинетским обер-курьером, чем никогда он не бывал. И тако, по силе его ныне учиненным злым вымыслам, заслуживает он, Батурин, по законам, тяжкое наказание, но поелику сие ныне учиненное им преступление от него произошло как уже от человека, доведшего себя по своим преступлениям до самого отчаяния, то кажется теперь никакое тяжкое наказание наполненного злым его нрава поправить не может, и сего ради, а тем более из единого Ее императорского Величества милосердия, наказания ему, Батурину, не чинить. А дабы от него впредь таких вредных и ложных разглашений по близости столиц Ее императорского Величества не происходило, а чрез то б не могли и караульные при нем солдаты подвергать себя злосчастным по своему малодушию жре-

биям (как то ныне уже и последовало), чтобы он, Батурин, сколько ни есть о содеянных им злодеяниях хотя при конце жизни своей в раскаяние пришел, послать его в Большерецкой острог вечно. Пропитание ж ему там иметь работою своею, а притом накрепко за ним смотреть, чтоб он оттуда уйти не мог; однакоже и тамо никаким его доносам, а не меньше и разглашениям никому не верить. 2) Солдат Сорокин за то, что он, презря читанный ему о содержании оного Батурина полковника Бередникова приказ, содержал его совсем в противность оного и обходился с ним не так как с государственным преступником поступать было должно и велено, но еще паче всего, давал ложным такого преступника разглашениям веру, а наконец, взяв от него письма, отдал солдату Ушакову; при отдаче же тех писем делал оному Ушакову презрительные и вымышленные (хотя и по словам Батурина) свои уверения, чего было ему, Сорокину, как человеку обязанному в верной Ее Императорскому Величеству службе присягою, чинить не подлежало, а должно ему было, если б паче чаяния и капрал стал поступать с тем Батуриным в противность отданного приказа, то и в таком случае, как о сем, так и о ложном тем Батуриным, якобы покойный Государь жив, разглашении объявить полковнику Бередникову; но он, Сорокин, не только сего должного ему поступать не сделал, но еще, как выше сказано, все того Батурина повеления охотно исполнял. По установленным законам, Сорокин достоин тяжкому наказанию и вечной в работу ссылке, но поелику из обстоятельств дела видно, что он все сии противу должности своей преступления учинил единственно по обольщению показанного Батурина, из одного, кажется, малоразумия, то в рассуждение сего, равно что он в сем своем преступлении без всякого наказания добровольно признался, от наказания и ссылки его, Сорокина, избавить; а дабы однакож сие его преступление без штрафа оставлено не было и о слышанных им от Батурина ложных

и вымышленных словах разглашаемо здесь быть не могло, то определить его, Сорокина, в Тобольский гарнизон в солдаты вечно; оттуда его в Москву и в С.- Петербург не посылать и не отпускать, так и в отставку его не отставлять. 3) Солдат Ушаков за то, что, получа от Сорокина объявленные по делу письма, писанные Батуриным, и увидя, что они совсем вымышленные, да и написаны содержащимся колодником, оных не только командиру своему не объявил, но еще зная верно, что покойный Государь давно умер, пустому и ложному разглашению и уверению солдата Сорокина поверил и нигде о том на него не объявил, а наконец и взяв те письма, искал случая одно из оных подать Ее Императорскому Величеству, а другое, как бы подлинно покойный Государь жив был, подать ему, достоин наказанию, но как сие его преступление, сколько из дела видно, произошло также от легкомыслия, по обольщенным словам Батурина, то сего ради и что он, Ушаков, в сем учиненном им преступлении признался без всякого запирательства, да и по допросу его того, чтоб он сии слова кому либо показывал или разглашал, не открылось, от наказания его, Ушакова, избавить. Однакож, чтоб и от него о слышанных им от Сорокина словах разглашаемо здесь не было, то определить его в Архангелогородский гарнизон, откуда и его, так же, как и Сорокина, не отлучать. 4) Что же означенный Сорокин показал, что-де с Батуриным таким же образом, как и он, в противность отданного приказа, поступали капрал и двое солдат, а капрал-де писал обще с Батурином книгу, а по сему хотя бы и надлежало об оном исследовать, но как по смене их прошло довольное время, а никакого от тех капрала и солдат здесь разглашения до сего времени слышно не было, то сего ради об оном ныне следствия не производить; однакож, на будущее время, взять от батальона известие, какого оные капрал и солдаты поведения, и не были-ль они прежде того караула, так как и по смене с оного, в каких предерзостях,

и что по тому известию окажется, тогда можно будет сделать секретно за их поступками примечание. 5) Из допросов оказалось, что Батурин в казарме писал книгу, а потому чаятельно, что иногда оная и ныне у него есть, то полковнику Бередникову отписать, чтоб он Батурина, равно и в казарме, сам как возможно везде обыскал, нет ли у него сверх показанной книги, других каких писем и буде он найдет, то б не читая оных, запечатав, прислал к нему, Генерал-прокурору, немедленно. 6) Что ж касается до присланной из комендантской Канцелярии заговорной тетрадишки, которая в самом деле наполнена самыми пустыми, сумасбродными словами, как оная достойна по самому разуму существу презрения, то об оной, чья она подлинно доискиваться нужды дальнейшей не настоит, чего ради более об оной не следовать, но сжечь».

По этому определению Батурин 14 ноября 1769 года был отправлен из Шлиссельбурга на почтовой подводе, за караулом унтер-офицера и трех солдат сенатской роты, сперва в Москву, к генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову, оттуда препровожден, при письме князя Вяземского на имя Тобольского губернатора, в город Тобольск и далее в Охотск, откуда только в июле 1770 года он был послан к месту вечного своего заключения — в Камчатский Большерецкий острог.

Дальнейшая судьба Батурина известна. В 1771 году он принял самое деятельное участие в бунте Бениовского и его отважном плавании по Тихому Океану. Мы надеемся представить подробный рассказ об этом любопытном и недостаточно разъясненном эпизоде. Покамест скажем только, что Батурин был убит в августе 1771 года на острове Формозе, при нападении шайки Бениовского на одно китайское селение.

Александр Барсуков.

В своей книге «Встречь солнцу» я также, на материалах Государственного архива древних актов (ЦГАДА) пытался понять первопричину этого заговора, но ни Барсукову, ни мне тогда не удалось извлечь из того материала, который мы имели, первооснову.

Получалось, что Иосафат Андреевич Батурин, закончив Шляхетский корпус и не получив серьезного продвижения по службе, как многие из его сокурсников, ставших к тому времени штаб- и обер-офицерами, а то и генералами, затаил обиду на весь мир и решил изменить этот мир в свою пользу, совершив дворцовый переворот, казнив Алексея Разумовского, свергнув незаконную императрицу Елизавету и утвердив на российском троне царя Петра Федоровича.

Судя по материалам, которыми в то время была переполнена Тайная канцелярия, мысль о том, чтобы «провернуть» новый дворцовый переворот и сделать таким образом себе карьеру, была в головах многих русских людей, на глазах которых гвардия то возносила на русский трон Мавру Скавронскую, то свергала светлейшего князя Меншикова, то делала императрицей Анну Иоанновну, то упекала в Сибирь поочередно Бирона, потом Миниха, свергнувшего Бирона, потом и самого Миниха вместе с Брауншвейгским семейством и законным императором Иоанном Антоновичем…

Поэтому вопрос о том, возможен ли был новый дворцовый переворот во время правления императрицы Елизаветы Петровны, был вопросом риторическим. И первыми на него ответили сосланные на Камчатку Квашнин, Сновидов, Турчанинов.

Кстати, Петр Владимирович Долгоруков в своих «Записках» вспоминал о некоем капитане Калачеве, который обвинил генерал-прокурора Трубецкого в том, что он не генерал-прокурор, а генерал-вор.

Капитан Калачев был довольно любопытной фигурой того времени.

Он появляется в истории, когда царь Петр I решает провозгласить свою жену-простолюдинку Мавру Скавронскую императрицей Екатериной I.

15 ноября 1723 года царь Петр I совершил второе после убийства сына Алексея Петровича государственное преступление, отразившееся на всей последующей истории государства.

И если в первом случае он уничтожил вместе с сыном традицию престолонаследия в России, и страна обречена была теперь постоянно жить в Смутном времени борьбы за власть опричников из «гнезда Петрова» и его бесчисленных потомков, то во втором случае коронацией императрицы Екатерины I открывалась в России эпоха женского царства с бесконечными любовниками-временщиками на высших государственных постах.

Петр I писал в манифесте: «*…И понеже ведомо есть, что в прошедшей двадцатиединолетней войне коль тяжкие труды и самый смертный страх отложа собственной нашей персоне, за Отечество наше полагали, что с помощью Божией и окончили, что еще Россия так честного и прибыточного мира не видала и во всех делах славы так никогда не имела, в которых вышеописанных наших трудах наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великой помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действах, отложа немочь женскую, волею с нами присутствовала и, елико возможно, вспомогала, а наипаче в прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии и от них несумненно всему государству: того ради данною нам от Бога самовластию за такие супруги нашей труды коронациею короны почтить, еже Богу извольну, нынешней зимы в Москве иметь совершено быть*».

И вот как готовились к этой коронации и как на свет Истории появился некий Калачев.

«Самому короноваться императорской короной Петр, венчанный на царство, не пожелал, и, коронуя Екатерину, он этим как бы указывал вперед на своего преемника. К числу забот Петра обставить предстоящую коронацию возможным великолепием должно отнести и учреждение драбантов, или кавалергардов (Драбанты (чеш. drabant, нем. Trabant) — старинное наименование телохранителей при правительствующих особах; кавалергарды (от фр. cavalier — всадник и garde — охрана) — почетная стража лиц императорской фамилии в особо торжественных случаях). 31 марта 1724 г. явился в государственную Военную коллегию "господин генерал-майор Лефорт и объявил, что вчерашнего числа был он у Его Императорского Величества в доме на бывшем головинском дворе, где Его Императорское Величество изволили ему повелеть выбрать из обретающихся в Москве из армейских и из заполошных (заштатных) офицеров, которые ныне в Москве, в драбанты 60 человек, а кому над оными команду иметь, о том впредь прислан будет в Военную коллегию Его Императорского Величества указ".

Ровно через две недели драбанты были набраны. 14 апреля "был смотр офицерам от капитана до прапорщика армейских и гарнизонных полков, из которых выбрано 60 человек в драбанты". В тот же день Толстой промеморией (докладной запиской) уведомил Военную коллегию: "По Его Императорского Величества указу приготовлено на 60 человек драбантов платья 60 кафтанов да 60 красных верхних накладных кафтанов же с гербами по обе стороны и штаны; и сим требуется, чтоб то на драбантов платье в Военную коллегию принять и велеть определенным драбантам надеть и примерить, и ежели которым из них будет коротко или узко и оные б драбанты о том объявили, и то будет поправлено. И государственной Военной коллегии учинить о сем

по Его Императорского Величества указу" (В свое время при написании полковой истории использовались многочисленные источники, включавшие архивные материалы, различные публикации, воспоминания современников и пр., которые цитировались, как указывалось в первом издании книги, "из дошедших до нас документов").

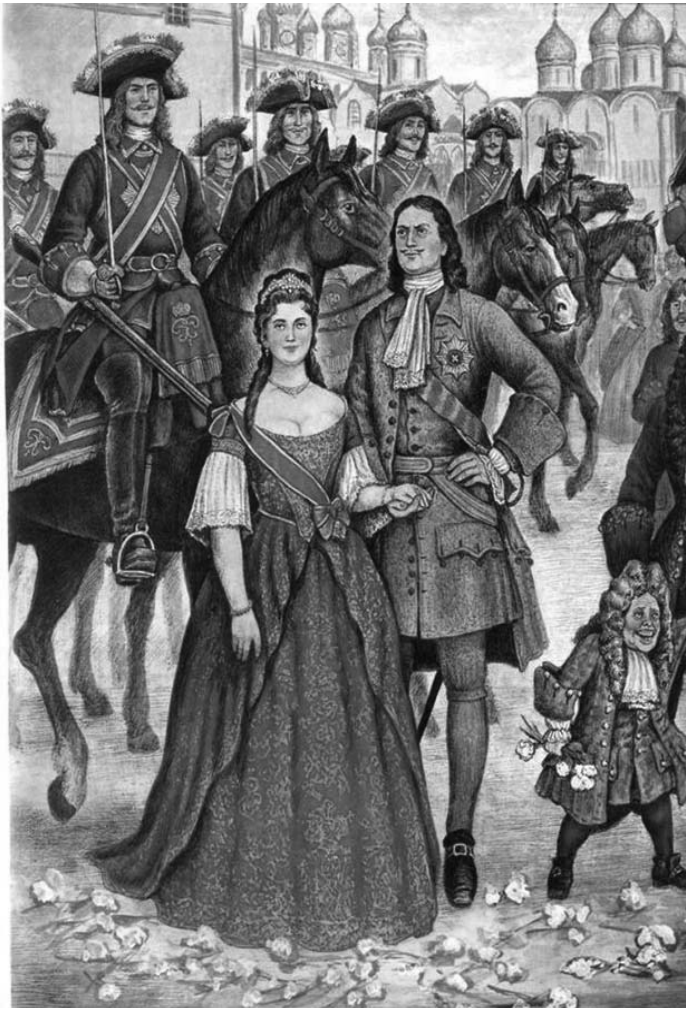
Во исполнение промемории того же, 14 апреля Военная коллегия постановила отправить драбантов к действительному тайному советнику Толстому с асессором Военной коллегии Хлоповым (Асессор (лат. assessor — заседатель) — в России должность военного, штатского или придворного чиновника). Но на другой день ей было объявлено "предложение" князя Меншикова, что по указу Ее Величества государыни императрицы выбранных из офицеров в драбанты повелено ведать и убирать его светлости», а потому Меншиков требовал присылки их к нему в слободской дворец с бригадиром Леонтьевым. 16 апреля Леонтьев объявляет Военной коллегии от имени Меншикова об определении к выбранным из офицеров в драбанты «трех подполковников, трех майоров; при том же быть ему, господину бригадиру, да полковнику Загряжскому».

Несмотря на скудость дошедших до нас материалов, несомненно можно утверждать, что драбанты послужили поводом к раздорам между ближайшими к Петру и Екатерине вельможами. Мы видели, что распоряжение Военной коллегии об отсылке драбантов в распоряжение Толстого — верховного маршала коронации — отменяется словесным указом Екатерины, объявленным Меншиковым. Меншиков же делает смотр драбантам и назначает Леонтьева и Загряжского в кавалергарды. 5 мая, т. е. за два дня до коронации, Меншиков лично объявляет коллегии распоряжение ***«в Москве публиковать чрез офицеров с военной музыкою, что коронование Ее Императорского Величества всемилостивейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны***

имеет быть на сей неделе, в четверток, т. с. 7 числа сего мая; и притом его светлость объявил, что для офицеров к тому действию (из тех), кои выбраны в кавалергарды, чтоб выбрать человек 10».

Но вслед за сим является в Военную коллегию тот же бригадир Леонтьев и объявляет, ***«что генерал-лейтенант господин Ягужинский предложил ему донести генерал-фельдмаршалу его светлости князю Меншикову, чтобы кавалергардии для публикации о коронации Ее Величества государыни императрицы не посылать».*** В происходившей борьбе на этот раз не Меншиков взял верх. Он даже не попал в число кавалергардов. Во главе кавалергардии поставлен другой любимец Петра — генерал-прокурор, генерал-лейтенант Павел Иванович Ягужинский. Офицерами в кавалергардию назначены: поручиком — генерал-майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, женатый морганатическим браком на младшей дочери царя Иоанна Алексеевича, царевне Прасковье, подпоручиком — бригадир Михаил Иванович Леонтьев, двоюродный племянник царицы Натальи Кирилловны, и прапорщиком — полковник князь Семен Федорович Мещерский.

Всех кавалергардов было 71: 4 офицера, 60 кавалергардов комплектных, 4 запасных, 1 литаврщик и 2 трубача; последние трое из нижних чинов. Современники, описывая кавалергардию, согласно утверждают, что в кавалергарды «люди были выбраны из всей армии самые великорослые и видные». Обмундирование их, сделанное под наблюдением верховного маршала коронации Толстого, поражало всех своею красотою и богатством. Снабжение кавалергардии лошадьми было произведено при помощи реквизиции: 21 и 22 апреля были вытребованы к князю Меншикову от всего московского купечества, русского и иностранного, верховые и упряжные лошади, и самые красивые и рослые из них назначены под драбантов. По прошествии нескольких дней

чужестранное купечество было освобождено от этой временной повинности, и взамен этого недоставшие лошади были выставлены русскими сановниками. Масть лошадей была вороная.

Поутру 7 мая обе гвардии Его Императорского Величества и прочие батальоны пришли в Кремль и поставлены были на площади Ивановской… А от самых апартаментов императорских, ***«как вверху и по большому крыльцу, называемому Красным, и по мосту, который от того крыльца до церкви соборной сделан был, поставлены были по обеим сторонам гренадеры от гвардии»***, т. е. гренадерские роты Преображенского и Семеновского полков. В 10-м часу началось шествие в собор. Его открывала ***«половина кавалергардии императорской с офицерами оной напереди».*** Вероятно, кавалергарды шли по три в ряд, с карабинами на левом плече.

За ними следовали пажи, депутаты из провинций, генералитет, далее несли регалии (мантию, скипетр, державу и корону). За регалиями, имея перед собою верховного маршала, шел император со своими двумя ассистентами — князьями Меншиковым и Репниным. Петр был ***«в летнем кафтане небесно-голубого цвета, богато вышитом серебром, в красных шелковых чулках и в шляпе с белым пером».*** За императором шествовала Екатерина ***«в богатейшей робе»,*** сделанной на испанский манер, и в головном уборе, усыпанном драгоценными каменьями и жемчугом. Платье на ней было из пурпуровой материи с богатым и великолепным шитьем. Императрицу вел герцог Голштинский; поддерживали ее ассистенты, графы Апраксин и Головин; шлейф мантии несли пять дам ***«первейшего рангу».*** За императрицей следовали фрейлины и придворные дамы, а ***«потом шли полковники, офицеры и прочая шляхта национальная, которые определены были в сей церемонии». Шествие замыкала «другая половина кавалергардии императорской».***

Встреченные на рундуке Успенского собора духовенством, император и императрица, в предшествии его и при пении псалма ***«Милость и суд воспою тебе, Господи»,*** направились к устроенному посреди собора трону. ***«Ожидая, пока Их Императорские Величества на трон взошли,***

господин генерал-поручик Ягужинский, яко капитан императорской кавалергардии, також и господин генерал-майор Дмитриев-Мамонов, той же кавалергардии поручик, стали по обеим сторонам входа большого приступа на троне для сбережения оного; другие два господина командующие офицеры той кавалергардии, бригадир Леонтьев и полковник Мещерский, стали по обеим сторонам среднего приступа, между всходом на трон, все четыре с посохами команды своей в руках».

Так описывается первое появление кавалергардов в России. Сформированные для первой коронации, кавалергарды с тех пор сохранили свое первоначальное назначение: с одной стороны — служить почетной охраной коронационному шествию, с другой — выставлять своих офицеров часовыми на ступенях трона во время священных коронования и миропомазания наших царей *(«Начало регулярной армии: время Петра Великого»*[21]***).***

Первый состав кавалергардов был сразу же распушен после коронации, и к следующей коронации нового императора был набран совсем другой состав.

Так вот, Петр Михайлович Калачев был как раз в самом первом составе отечественных кавалергардов.

В «Сборнике биографий кавалергардов» ему посвящена отдельная статья:

«Петр Михайлович Калачев, 1685 — сын стряпчего Михаила Федоровича, в 1702 г. "написан из недорослей по жилецкому списку" и в 1703 г. "написан в Большой полк", но вслед за сим, по новому смотру, "написан в кадеты" и был в учении у подполк. Федора Хрущева; из кадет "отослан был в ученье" к полк. Кн. Ив. Ив. Львову; в том же году, 17 Марта, отослан был в Разряд, а в 1705 году "по наряду был с ближним окольничим Петр. Матв. Апраксиным в Новгороде". В 1706 году молодой Калачев опять отдан

[21] Государственная публичная историческая библиотека, 2014.

в "ученье" полковнику Прох. Вас. Григорову. В 1706 г. Петр В. Повелел думному дьяку Автаному Ив. Иванову сформировать новый драгунский полк под именем "Азовского", при чем Иванову дано было право брать в Азовский полк в офицеры из молодых людей, находившихся в учении у Григорова. В числе взятых был и Калачев, но они не прямо попали в офицеры, а находились еще некоторое время "в учении" у подполк. Вас. Кондр. Павлова, а затем "по определению" дьяка Иванова "написаны в прапорщики".

В 1708 г. Калачев "послан" в поход с майором гвардии кн. Вас. Влад. Долгоруковым и последним в том же году "написан" в Неклюдов полк. В 1709 г. Калачев во время Полтавской битвы находился в отряде Айгустова, а "по баталии" был пожалован в подпоручики в гренадерский Ренцелев полк. В рядах этого полка Калачев в 1710 г. был под Ригою, а в 1711 г. "на Турецкой линии". В 1712 г. Калачев произведен в поручики и "указом Царского Величества взят и посылан за моря". Сколько времени "за морями" (в Голландии) находился Калачев, неизвестно, но в 1716 г. он был в Петербурге на "генеральном смотру" и назначен в Ингерманландский пех. полк, с которым в том же 1716 г. был в Финляндии; в 1719 г. на галерном флоте с ген. — адм. Апраксиным на шведской стороне, при чем "был в командировании в Норкопине и в других командах неотлучно". В 1724 г. Калачев, состоя в том же Ингерманландском полку, был взят на время коронования Императрицы в Кавалергардию кавалергардом, а в 1725 г. произведен в капитаны с переводом в Азавский пех. полк, в котором и служил по 1731 г., когда за болезнию уволен от военной службы и отправлен в Герольдмейстерскую контору для определения к статским делам. В том же году Калачев был назначен "к межевым делам", а в ноябре — в Сибирский приказ. В 1739 г. он был "у следствия о похищенном из магазейна провианта в Вышнем Волочке".

В сказке 1721 г. Калачев показал, что имеет 40 дворов в уездах: Юрьевско-Польском (с. Шегодское, где он и жил), Чернском и Курмышском, а также "двор" в Москве, в приходе ц. Никиты Мученика в Старо-Басманной слободе.

В бумагах Тайной Канцелярии за 1740 г. хранится дело об отставном капитане Азовского пехотного полка Петре Калачеве, "сужденном за выражения против Императора Иоанна VI Антоновича и за сочувствие к Цесаревне Елисавете Петровне".

18 Ноября 1740 г. было подано на имя малолетнего Императора "донесение" лейб-гвардии Преображенского полка 16 роты солдата Василия Кудаева на дядю его, отставного капитана Петра Калачева, который в тот же день в Тайной канцелярии в присутствии Ушакова "спрашиван обстоятельно". Из доноса Кудаева и из розысков Тайной канцелярии выяснилось, что Калачев высказывал свои сожаления по поводу того, что Цесаревна не приняла престола, и заявлялось: "Пропала де наша Россия, чего ради Государыня Цесаревна Российский престол не прияла и нас не развяжет, все де об этом гребтят". На вопрос Калачева, где бы можно видеть Цесаревну, дабы обо всем донести, Кудаев ответил, что не знает, но что "весь де Преображенский полк желал быть наследницею Государыне Цесаревне, а что де наша шестая-надесять рота также того желала, в чем он Кудаев, готов на смерть подписаться". Кудаев, очевидно, намекал на то, что лучше всего обратиться к Преображенскому полку, наиболее преданному Цесаревне, как дочери Петра I, который скорее всего поддержит Цесаревну. Далее из показаний Калачева и Кудаева видно, что Калачев выразил Кудаеву свое желание видеть Цесаревну, чтобы обо всех донести, при чем первый говорил: "Как я буду представлен Государыне Цесаревне и донесу, для чего Ея Высочество наследством обойдена, чья она дщерь; ежели ей будет угодно — прикажет Калачеву идти

в Сенат — он пойдет и будет говорить о том сенаторам. А не угодно будет — то неужели Ея Высочество своими руками выдаст его, Калачева, а выдаст — то будет ей суд на том свете. Все сии вышеприведенные разговоры происходили без всякого злого умысла, но от одного своего сожаления, вспомня славные дела Императора Великого".

Относительно правильности престолонаследия не один Калачев высказывал, что "хотя де у многих сумнительство, да все Божеская воля сделала". Но далее откровенно выражается общая мысль, общий голос русского народа относительно вероисповедания Императорской семьи: "Чего ради публично не сделали, что де еще крещен или нет Его Императорское Величество? О том мы не сведомы. А надо бы было сделать, чтобы всяк видел, принести в церковь соборную Петра и Павла да окрестить, дабы народу было не сумнительно". Попутно Калачев высказывает мнение большинства тогдашнего русского общества, что "генералитет" и вообще все близко стоявшие ко двору "все воры, и что интерес многие похищают". Далее Калачев в разговоре с Кудаевым по поводу слов последнего о смерти короля Фридриха шведского и о том обстоятельстве, что племянник Цесаревны, герцог Голштинский, коронован в Швеции, выразился так: "Тут беды ожидай; небось к нему много будет от нас утеклепов, против его кто будет драться — внука Государева". На очной ставке с Егуновым и Кудаевым Калачев опять повторяет все то же общее мнение относительно преимуществ прав Цесаревны Елисаветы Петровны на престол: "А слова о Ея Императорском Высочестве Великой Государыне Княгине (т. е. Анне Леопольдовне), чья она дочь, — Калачев говорил, толкуя о родителе Ея, Его Высочестве герцоге Мекленбург-Шверинском, — и в той силе, что де Его Высочество с Ея Высочеством Благоверною Государынею Цесаревною и Великою Княжною Екатериною Иоанновною

жил несогласно, понеже он ее не любил, а она де Государыня Цесаревна Монаршеская дочь", и далее: "Коли бы уже знали, что Ея Высочество Государыня Цесаревна Елисавета Петровна наследства не примет, то быть Императрицею Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Анне". По приговору Тайной Канцелярии 17 Февраля 1741 г. Калачев был послан в ссылку в Камчатку; 16 Апреля он доставлен в Тобольск и немедленно отправлен далее в Якутск с указом из Сибирской губернской канцелярии Якутской воеводской канцелярии отправить Калачева в Камчатку.

25 ноября 1741 г. воцарилась Елисавета Петровна, а уже 4 декабря 1741 г. последовал указ об освобождении капитана Калачева.

2 декабря 1742 г. последовал указ Сенату: "Всемилостивейше пожаловали мы капитана Петра Калачева за показанные нам верные службы (за которые он в правление принцессы Анны послан был в ссылку Февраля 11 дня 1741 г., а потом по указу Нашему, Декабря 4 дня того ж года из той ссылки освобожден) в майоры армейские, и быть ему в отставке и никуда его к делам без Нашего указа не определять, а в награждение выдать из статс-конторы пятьсот рублей".

1743 года, Апреля 21 дня "отставного капитана Петра Калачева шпага, эфес серебряный, и при ней портупея, которая с него снята при взятии в 1740 г., Ноября 18 дня в арест, из Тайной Канцелярии ему, Калачеву, отдана" *(Е. Шишмарева).*

Авторы «Повседневной жизни Тайной канцелярии» Игорь Курукин и Елена Николаева отыскали в архивах интересные подробности:

«Сего октября 16 числа 1740 году капитан Петр Михайлов сын Калачов, который мне по родству двоюродный дядя, помянутого числа посылал ко мне человека своего,

Егора Акинфиева, звать меня к себе обедать», — так начинался пространный донос, в котором рядовой преображенец Василий Кудаев подробнейшим образом описал, как его родственник желал попасть к цесаревне Елизавете и убедить ее «принять» российский престол: «Вся наша Россия разорилась, что со стороны владеют!» Распалившийся ветеран помянул еще одного — голштинского — потомка Петра I и вошел в такой раж, что Кудаев даже не решился воспроизвести его речи в доносе: «Калачов многие богомерзкие слова говорил; уже я, нижайший, не помню — во мне все уды** *(члены. — И. К., Е. Н.)* **тряслись». Не надеясь на собственную память, доносчик в конце подстраховался: «И больше не упомню, что писать, а ежели и припамятую, то по присяжной должности готов и говорить и умереть в том». За верноподданническое рвение солдат был произведен в капралы и получил «на бедность» 50 рублей; его дядя отправился на Камчатку, а по возвращении вновь угодил в Тайную канцелярию. *(См.: Арсеньев А. В. Непристойные речи (из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии XVIII в.) // ИВ. 1897. № 8. С. 377–388; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 266. Ч. 28. Л. 79.)***».**

А вот и главные причины, почему он снова угодил в Тайную канцелярию (объявление Трубецкого вором на самом деле — это всего лишь эпизод): ***«Недовольство проявляли даже искренние сторонники бывшей опальной цесаревны. Сосланный при Бироне за выражение сочувствия к правам Елизаветы капитан Петр Калачов по возвращении из Сибири был пожалован в майоры и отставлен «с денежным награждением», однако таким обращением был не удовлетворен и затеял тяжбу о возвращении своих якобы незаконно отчужденных «деревень», в ходе которой четыре раза подавал «доклады» императрице.***

Майор не только желал вернуть свои давно заложенные и не выкупленные в срок имения, но был искренне

убежден, что Елизавета «возведена на российский престол через ево, Калачова, первого». Поэтому, считал он, его семье уместно быть «при дворе», а ему самому государыня могла бы «поручить в смотрение табашной и питейный сборы» по всей стране. В своем «бессовестном неудовольствии» верноподданный майор грозил императрице «бунтом», советовал ей отпустить свергнутого Ивана Антоновича с отцом за границу и сетовал, что ранее «такова в государстве разорения и неправосудия не бывало» из-за «воров» и «изменников», к числу которых относил весь Сенат вместе с генерал-прокурором, вице-канцлера М. И. Воронцова и многих других высших чиновников».

Но мы вспоминаем здесь капитана Калачева не только потому, что он камчатский ссыльный (хотя это для нас и важно), а для сравнения: по восшествии на престол новой императрицы Калачев, «радевший» за царицу-матушку Елизавету Петровну, был возвращен из ссылки и произведен в следующий чин с материальным поощрением, как, впрочем, и многие другие ссыльные, кто пострадал, сочувствуя Елизавете; а Иосафат Андреевич Батурин, десять лет отсидевший в одиночной камере Шлиссельбургской крепости при восшествии на престол императора Петра Федоровича, во имя которого он намеревался поднять бунт и завладеть престолом, продолжал оставаться тайным арестантом, как и император Иоанн Антонович, томившейся в неволе где-то по соседству с Батуриным.

Почему Батурину было вынесено столь жестокое наказание?

Почему он не был прощен при Петре Федоровиче?

И почему потом его все-таки отправили в ссылку на Камчатку?

М. М. Сафонов, петербургский историк, одну из своих статей, посвященных императору Павлу I, начинает так:

«В начале марта 1772 года в пучине Индийского океана нашел свое последнее успокоение человек, которому российский император Павел I обязан был своим появлением на свет. На французском фрегате в нескольких милях от Иль-де-Франс скончался беглый каторжник. Умер в окружении бывших колодников с изуродованными палачом лицами: у кого ноздри вырваны, у кого язык усечен. Впрочем, в такой компании он не мог не чувствовать себя в своей тарелке. Как-никак двадцать лет провел за решеткой: три с половиной года в застенке Тайной канцелярии, остальные семнадцать лет — в шлиссельбургском каземате.

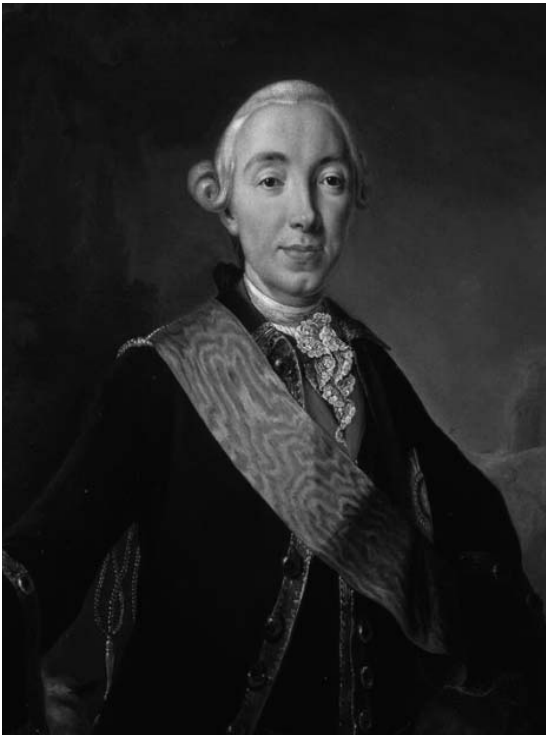
…Сам Павел не знал, чем обязан этому человеку, тело которого упокоилось на дне Индийского океана. Вряд ли и сам покойник мог догадаться об этом. Он не был отцом Павла. А звали его Иосаф.

…Среди «верноподданных» цесаревича не было человека, который оказал на судьбу Павла большего влияния, чем этот авантюрист. По словам Екатерины II, Батурин был «весь в долгу, игрок и всюду известный за большого негодяя, впрочем человек очень решительный». «Послужной список» «решительного негодяя», сыгравшего решительную роль в судьбе Павла, оказался длинным и разнообразным. Воспитывался в Сухопутном Шляхетском корпусе. Был выпущен в армию прапорщиком. Но вскоре приговорен к смертной казни за непристойные и неучтивые слова против своего полковника фон Экина. Более того, объявил на него, а также на князя Козловского «слово и дело». Обвинение оказалось ложным. Но Батурина не казнили. Сняли чин и выслали в Сибирь на казенные работы. Здесь он снова объявил «слово и дело» на тех же лиц и опять ложно. Отбыв срок, вступил в армию солдатом и выслужился до подпоручика. Во второй половине 1749 года вместе со своим Ширванским

полком оказался в местечке Раево, около Москвы. Здесь-то и произошло самое интересное — событие, предопределяющее всю последующую жизнь авантюриста».

Итак, что же произошло такого, что повлияло не только на судьбу самого Иосафата Андреевича, но и на всю русскую историю?

Глава называется «Заговор по всей форме». Кавычки в названии указывают на то, что эти слова часть какого-то высказывания, а не авторское определение. Обратим на это внимание.

Император Петр III

А далее приведем эту главу полностью, так как она важна и для нашего рассказа:

«В конце 1749 года императрица Елизавета Петровна перестала целовать руку наследника вел. кн. Петра Федоровича. Вскоре от имени императрицы ему пригрозили Петропавловской крепостью и недвусмысленно напомнили об участи царевича Алексея.

Угрозы Елизаветы были вполне реальны, и главное, они были сделаны неспроста. И Петр Федорович это отлично знал.

Летом 1749 года Петр Федорович услышал из уст одного из полковых офицеров, что он «не признает другого повелителя, кроме него, и что императорское высочество мог рассчитывать на него и на весь полк, в котором он был поручиком».

Это примечательный разговор произошел под Мытищами, возле Москвы. Летом 1749 года, когда великокняжеский двор находился в Раево, главным развлечением была охота. Великий князь Петр близко сошелся со своими егерями, содержавшими его большую свору, «закусывал и выпивал с ними, и на охоте он был всегда среди них».

Близкое знакомство с егерями завел и поручик Батурин *(если их специально не свели друг с другом — С. В.),* ***полк которого стоял возле Мытищ. Иосаф уверил егерей, что «выказывает большую преданность великому князю», и утверждал, что весь полк с ним заодно*** *(то есть, получается, открыто говорил этим егерям о своем намерении изменить императрице — С. В.).* ***Егеря сообщили об этом Петру Федоровичу*** *(а не донесли в Тайную канцелярию, как положено в соответствии со «Словом и Делом» — С. В.).* ***Наследник не только «охотно выслушал этот рассказ», но и захотел узнать*** *(??? — С. В.)* ***через своих егерей подробности об этом полке. Вскоре Батурин стал добиваться***

через егерей встречи с Петром. Великий князь согласился далеко не сразу. Он долго колебался *(почему? — С. В.),* ***но затем «стал поддаваться; мало-помалу случилось то, что, когда великий князь был на охоте, Батурин встретился ему в укромном местечке. Он пал перед Петром на колени и поклялся «не признавать никакого государя, кроме него, и что он сделает все, что великий князь прикажет».***

Петр Федорович был несколько смущен таким выражением преданности *(а не фактом государственной измены — С.В.)* ***и даже немного*** *(!!! — уместнее было бы слово «смертельно» — С. В.)* ***испуган. После, когда Батурина уже пытали в Тайной канцелярии, Петр Федорович рассказывал жене, что, «услышав клятву, испугался, пришпорил лошадь, оставив Батурина на коленях в лесу». Он утверждал, будто егеря, которые представили Иосафа, не слышали, что тот сказал. Петр уверял жену, что он «более не имел никаких сношений с этим человеком» и что даже предупредил егерей, чтобы они остерегались, как бы этот человек не принес бы им несчастья».***

Однако Екатерина была уверена в том, что после встречи в лесу состоялось еще несколько свиданий и переговоров между егерями, великим князем и «этим офицером». «Затрудняясь сказать, — писала Екатерина, — говорил ли он мне правду; я имею основание думать, что он убавлял, передавая о переговорах, которые, может быть он вел, ибо со мною даже он говорил об этом деле только отрывочными фразами и как будто поневоле».

После клятвы Иосафа в лесу Петр Федорович хранил в секрете все, что произошло, и даже не поделился с этим с женой. Егеря же делали вид, что не слыхали, что именно Батурин сказал великому князю *(можно подумать, что они имели право оставить их наедине — С. В.).*

Петр Федорович и Екатерина Алексеевна

Молчание великого князя и потворство встречам с ним на охоте Иосаф принял за формальное согласие *(а за что еще? — С.В.)* ***Петра. Батурин убедил сотню солдат своего полка присягнуть великому князю, уверяя, что он получил на охоте согласие самого Петра на возведение его на престол. Гренадеры, которых Иосаф пытался склонить на свою сторону, донесли на него. Можно представить страх наследника, когда егеря сообщили, что Батурин арестован, доставлен в Тайную Канцелярию. Вскоре дело дошло и до егерей. Они тоже оказались в Преображенском. Подбирались и к самому наследнику.***

Под пыткой Батурин признался в своих сношениях с великим князем через посредство егерей. Они были уличены в том, что предоставили наследнику возможность встретиться с Иосафом. К счастью, допросили их лишь «слегка» *(почему? — С. В.)***. Егеря не захотели оговорить Петра. Вскоре их выпустили и выслали за границу (вот так! — С. В.) Но они успели дать знать великому князю, что не назвали его** (через кого? — С. В.)***.**

В своих мемуарах *(то есть все рассказанное соответствовало действительности — С. В.)* ***Екатерина утверждала, что ничего не знала об этой истории и была абсолютно не причастна к ней. Правда, это весьма сомнительно. В Раево охотился не только ее супруг, но и она сама. И именно ей Батурин сыграл на «почтальонной трубке» виват и закричал, что был бы рад видеть ее мужа на престоле. Трудно поверить, чтобы этот человек, демонстративно проявивший преданность к великокняжеской чете, не заинтересовал ее, и она не навела справки о том, кто этот смельчак. Впрочем, с точки зрения Тайной экспедиции, даже если она пропустила мимо ушей все сказанное и сделанное Иосафом, она все равно была уже виновна, как и ее супруг, в том, что не донесла.***

Впрочем, есть основания думать, что и Петр не был лишь безучастным слушателем полубезумного пьяного *(как потом уже преподнесли — С.В.)* ***офицера, но проявил*** *(проявили?! — С.В.)* ***определенную заинтересованность в том, что тот предлагал*** *(а предлагал, вероятно, трезвое, разумное с точки зрения политического расчета — С. В.).* ***В первой редакции своих мемуаров Екатерина утверждала, что, когда она воцарилась, среди бумаг покойной Елизаветы нашла следственное дело Батурина. Оно было очень объемисто*** *(странно, но в ЦГАДА оно весьма тоненькое: видимо, «похудело» в результате внимательного чтения новой императрицы — С. В.)* ***и, наверное, императрица*** *(Елизавета — С. В.)* ***так никогда его и не прочла. Оттого она не имела правильного представления об этом деле. В действительности же, хотя дело затеяли «безрассудно и неосторожно», это «был заговор по всей форме». По словам Екатерины, Батурин хотел возвести Петра Федоровича на престол, заключить императрицу в монастырь и перерезать всех, кто мог воспрепятствовать его планам».***

И эти планы Батурина целиком и полностью совпадали с планами человека, которого боготворил великий князь Петр Федорович, — прусского короля Фридриха II, верные слуги которого разбрасывали по России очередную партию шпионов-масонов.

Батурину, вероятно, пообещали за участие в заговоре чин полковника. И он не присвоил себе этот чин в Шлиссельбургской крепости, когда Петр Федорович стал императором, — он посчитал для себя совершенно законным называться теперь полковником за те услуги, которые им, якобы, были оказаны для восшествия Петра Федоровича на трон.

Если уж Калачев за двухлетнее отбытие камчатской ссылки был недоволен чином майора и премией в пятьсот

рублей, то что же говорить о Батурине, который мечтал быть хотя бы полковником и носить ленту какого-нибудь престижного ордена, поэтому, ничтоже сумняшеся, он позже так и подписался: «полковник и обер-кабинета курьер». То есть он четко осознавал свою историческую роль КУРЬЕРА, связывая некогда Петра Федоровича с тайными силами империи.

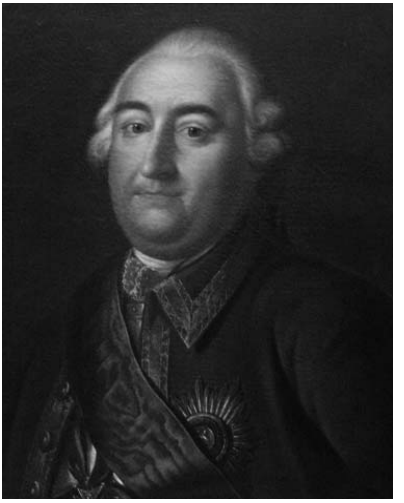
«Дело Батурина осталось недостаточно ясным. В нем отсутствуют многие страницы, исчезли важнейшие показания. Из дела явствует, что Батурин, помимо солдат своего полка, намеривался использовать для реализации замысла московских фабричных, недовольных своим положением, Преображенский батальон, лейб-компанцев».

Но вот что самое главное, найденное в ЦГАДА (фонд 6, оп. 1, ед. хр. 377, л. 47). На допросе прапорщик Выборгского пехотного полка Тимофей Ржевский назвал со слов Батурина имена заговорщиков: ***«Есть и большие люди — граф Бестужев и генерал и кавалер Степан Апраксин — и просил пикеров доложить об этом Петру»***.

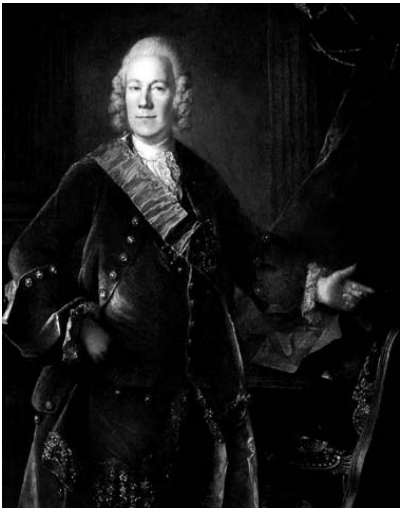
Конечно, Батурин мог назвать какие угодно имена. Но он назвал эти. Со Степаном Апраксиным в какой-то мере ясно: по свидетельству современников, он до такой степени был предан Фридриху, что специально проиграл для него сражение в Семилетней войне и пошел под суд.

Но кто из двух братьев Бестужевых мог быть в заговоре?

Канцлер? Возможно. П. В. Долгоруков говорит прямо: ***«… что касается его характера, то нет таких человеческих слов, которые смогли бы выразить всю испорченность; для него не было ничего святого… Это был выдающийся дипломат, тонкий знаток человеческих сердец, владевший как искусством ловко управлять людьми, так и искусством их надувать»***.

Степан Федорович Апраксин

Канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин

Что касается его брата, то эти родственники стоили друг друга: ***«Граф Михаил, назначенный российским послом в Берлине, а вскоре вслед за тем переведенный в том же качестве в Дрезден, не только самым постыдном образом отрекся от несчастной жены своей*** *(дочери Головкина, вдовы Ягужинского, проходящей по «делу Лопухиных» — С. В.),* ***не только не добивался разрешения оказать ей хоть какую-нибудь помощь, но, будучи шестидесятилетним стариком, женился в 1749 году на г-же фон Хаугвитц, вдове обер-шенка Саксонского двора»,*** чтобы приблизиться к Фридриху. Но «***…когда брат-канцлер подготовил почву для его возвращения в Петербург, Михаил вернулся и был наилучшим образом принят; он провел зиму в Петербурге, а в 1756 году отправился послом в Париж, чтобы способствовать заключению союза и открытию военных действий против того самого Фридриха II, освобождению которого из безрадостной тюрьмы Кюстрин он способствовал за четверть века до этого»***.

То есть для братьев Бестужевых не существовало никаких понятий ни о чести, ни о достоинстве — они были полнокровными детьми своего времени, которые отметали со своего пути всяческую нравственную шелуху. Но, тем не менее, никто из современников и последующих историков не обвинил канцлера Бестужева в связях с Фридрихом. Наоборот…

Что привело Батурина в стан этих заговорщиков? Он и не скрывал мотивов: он хотел быть, как минимум, полковником, когда кое-кто из его однокашников, приближенных к трону, был уже генералом и кавалером.

Во взаимоотношениях генерал-фельдмаршала Степана Апраксина и канцлера империи Бестужева-Рюмина действительно была какая-то тайна. Вот что писал по этому поводу в 1841 году историк К. М. Бороздин: ***«Бестужев, ненавидимый великим князем Петром Фёдоровичем, решился***

возвести на престол сына его, цесаревича Павла Петровича, под опекунством Екатерины. Тяжкая болезнь императрицы Елизаветы представила ему случай исполнить отважное намерение; полагая, что Елизавета находится на смертном одре, он отозвал своего друга, фельдмаршала Апраксина, к пределам России, чтобы иметь в своем распоряжении его армию. Императрица освободилась от болезни, удалила канцлера в деревню, где он оставался и в царствование Петра III. Исполнитель воли первого министра [Апраксин], лишившийся плодов своей победы, был также потребован к ответу и заключен в небольшом дворце близ Санкт-Петербурга у места, называемого Три-Руки; около трёх лет он находился под судом и внезапно скончался 26 августа 1760 года.

О его смерти сохранилось предание, будто императрица, недовольная медленным производством следствия, спросила: отчего так долго продолжается это дело? Ей отвечали, что фельдмаршал не признается ни в чём и что не знают, "что с ним делать".

"Ну так — возразила государыня — остаётся последнее средство, прекратить следствие и оправдать невинного". После этого разговора, в первое заседание следственной комиссии, фельдмаршал по-прежнему утверждал свою невинность. "Итак — сказал один из членов — остается нам теперь употребить последнее средство…". Не успел он кончить слов, как вдруг апоплексический удар повёрг Апраксина мёртвым на землю».

Вполне вероятно, что эта версия была запущена в свое время самими прусскими масонами (к которым относились и Апраксины), чтобы ниспровергнуть канцлера, когда попытка организации «Лопухинского дела» провалилась, и канцлер вышел «сухим из воды».

Апраксины, как и Воронцовы, не были из знатного рода — они приписали себе древнее происхождение

от Апраксиных, будучи на самом деле безвестными Праксиными. Суть дела была достаточно проста: царь Федор, овдовевший со смертью Агафьи Грушецкой, нашел себе новое утешение — и 14 февраля 1682 года женился на Марфе Праксиной, но в ночь свадьбы заболел и вскоре умер.

Царица Марфа Матвеевна

«Его вдова умелым поведением создала себе прочное положение при дворе. Целой и невредимой она миновала все политические бури того неспокойного периода. Она заручилась дружбой Петра I и после основания Петербурга поселилась в новой столице и построила дворец на углу Адмиралтейской площади и Невской перспективы… невдалеке от особняка своего брата генерал-адмирала (на месте которого сейчас находится Зимний дворец). Она умерла 31 декабря 1715 года на 51 году жизни, и Петр I захотел узнать правду об этом кратком браке, бездетность которого обеспечила ему Российскую корону. Со свойственным ему цинизмом он не остановился перед освидетельствованием трупа: только убедившись собственными глазами в девственности своей почившей невестки, он передал генерал-адмиралу огромные богатства, завещанные ею брату в пожизненное владение.

Как только царь Федор решил жениться на Марфе Праксиной, так трое ее братьев получили повеление зваться Апраксиными, и их записали в генеалогию этой семьи в качестве детей скончавшегося без потомков Матвея Васильевича Апраксина, стольника царя Алексея…» *(мы еще коснемся истории этой семьи, когда будем рассказывать о камчатском ссыльном Петре Федоровича Хрущеве).*

Что же касается Степана Федоровича Апраксина, то он, по утверждению П. В. Долгорукова, относился ***«к подлинной ветви этого рода»***. Он рано лишился отца. А мать вторично вышла замуж за начальника Тайной канцелярии Андрея Ивановича Ушакова (их единственная дочь Екатерина Андреевна (1715–1779) была замужем за дипломатом графом П. Г. Чернышёвым, сыном Петра I, который в 1744–1745 гг. был членом масонской ложи «Трех земных шаров» в Берлине). Они были родителями графини Дарьи Петровны Салтыковой и княгини Натальи Петровны Голицыной, известной

под именем *Princesse Moustache* (прототип главной героини повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»).

Воспитывался С. Ф. Апраксин бывшими Праксиными — в семье генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина. Своим быстрым продвижением по службе обязан отчиму. Хотя автор статьи о С. Ф Апраксине в «Русском биографическом словаре» П. Гейсман полагал иное: ***«Возвышению его содействовало не столько отдаленное родство с графами Апраксиными, Петром и Федором Матвеевичами и их покровительство; сколько женитьба на дочери канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина, Настасье Гаврииловне Головкиной, а затем дружеские связи с графом А. П. Бестужевым-Рюминым и особенно с графами А. Гр. Разумовским и братьями Шуваловыми. Так или иначе, не подлежит сомнению, что Апраксин пользовался особенным благоволением Императрицы Елизаветы Петровны»***.

Своим падением он также, скорее всего, обязан этому же родству и связям с пропрусскими масонами во главе с наследником Петром Федоровичем: обратим внимание на то, что после того, как Степан Федорович попал под суд, его жена вынуждена была оставить двор и удалиться в своё подмосковное имение Льгово, а при восшествии на престол Петра III получила позволенье вернуться в Петербург и заняла прежнее видное положение при Дворе. Его дочь — Елена Степановна была фавориткой великого князя Петра Фёдоровича, будучи женой гофмейстера и сенатора князя Б. А. Куракина (1733–1764). Её муж, Борис-Леонтий Куракин, скончался в 1764 году в возрасте 30 лет, оставив жене и детям много долгов. Их опекунами были назначены: графы П. И. и Н. И. Панины, граф Ф. А. Апраксин и А. Ф. Талызин. Опекуны, особенно граф Петр Иванович Панин, смогли привести в образцовый порядок огромное, но крайне обремененное долгами состояние Куракиных.

Старший сын покойного князя, Александр Борисович Куракин (1752–1818) был достойным воспитанником П. И. Панина и стал не только вице-канцлером Российской империи, но и одним из самых крупных российских масонов того времени.

Елена Степановна Куракина (Апраксина)

То есть совершенно не случайно Батурин говорил о связи генерал-фельдмаршала Апраксина и канцлера Бестужева: масоны использовали любую возможность, чтобы свергнуть ненавистного канцлера, стоявшего на их пути к верховной власти, и Батурин должен был в случае своего ареста распространить именно эту ложную информацию.

Та же роль отводилась и Апраксину — он должен был дать изобличающие Бестужева показания: ***«В январе 1758 года начальник тайной канцелярии или так называемый "великий или государственный инквизитор" (граф А. И. Шувалов) отправился в Нарву с целью "переговорить с Апраксиным насчет упомянутой переписки", т. е. для снятия допроса. Апраксин, еще раньше отдавший письма Великой Княгини, теперь категорически показал, что "молодому двору (он) никаких обещаний не делал и от него никаких замечаний в пользу прусского короля не получал". Тем не менее, он был арестован и перевезен в урочище Три-Руки, близ Петербурга, что было следствием обвинения его в государственной измене. В том же был заподозрен и канцлер Бестужев-Рюмин, враги которого добились, наконец, своей цели: 14-го февраля и он был арестован, а по делу его наряжена следственная комиссия из трех членов: князя Трубецкого, Бутурлина и гр. А. Шувалова, при секретаре Волкове.***

… В апреле 1758 года дело Бестужева окончилось ссылкою его в одну из его деревень; из этого же дела, из объяснений Императрицы с Великою Княгинею и из всего следственного делопроизводства, собственно, по отношению к Апраксину выяснилась полная невинность фельдмаршала не только по отношению к ведению им операций вообще, но и в особенности по отношению к тому, что он будто бы не имел охоты выступить из Риги. Тем не менее, следователи и судьи не решались ни отказаться от обвинения, ни признать его невиновным, в таком случае нельзя было бы

оправдать отнятие у него начальства над армиею, ибо и по другому, важнейшему обвинению, в ведении недозволенной переписки с Великою Княгинею, оказалось, что эта переписка совсем не имела преступного характера, и что, напротив того, как Великая Княгиня, так и канцлер Бестужев убеждали фельдмаршала идти скорее в поход. Неизвестно, чем окончился бы этот суд, если бы не последовала внезапная смерть фельдмаршала 6-го августа 1758 года. Он был похоронен довольно таинственно, в Невской лавре, без всякой церемонии, а досужая молва не замедлила обставить его смерть разными фантастическими подробностями» *(Цитата из «Записок князя Петра Долгорукова»).*

А он просто стал лишним в этой страшной политической игре, в которой ему отводилась, в принципе, такая же роль, как и Батурину: низвергнуть Бестужева. Игра шла, по всей видимости, втемную. Поэтому так много этих «разных фантастических подробностей».

Какова оценка С. Ф. Апраксина нашим главным историческим экспертом — князем Петром Владимировичем Долгоруковым?

«Это был хитрый человек, низкий и угодливый, интриган без стыда и совести, усердный льстец перед людьми влиятельными; невзирая на свою ограниченность, он сделал блестящую карьеру: при полном отсутствии каких-либо талантов к управлению он стал президентом Военной коллегии; не имея никаких военных дарований, стал фельдмаршалом и главнокомандующим армии; в тот единственный раз, когда он командовал армией как главнокомандующий, он обнаружил полное отсутствие глазомера и сметливости, присущих военному человеку, как и просто нерешительность и колебания, граничащие с трусостью. Единственное генеральное сражение, которое он дал как главнокомандующий,

сражение при Гросс-Егерсдорфе в 1757 году, окончившееся блестящей победой наших войск, в середине дня казалось проигранным; наша армия уже начала отступать, часть артиллерии и весь обоз подверглись опасности быть захваченными пруссаками, когда граф Румянцев (славный фельдмаршал, в ту пору генерал-майор и командующий дивизией) предпринял по своей собственной инициативе энергичный и умелый маневр — врезался в центр прусской армии, и в результате день окончился победой наших войск, победой, которой фельдмаршал Апраксин не сумел даже воспользоваться или извлечь хоть какое из нее преимущество».

Но будем справедливы — русской армией в тот день командовал не фельдмаршал Степан Апраксин, а специально созданная для этого конференция: ***«Положение русских полководцев было стеснено образованной в январе 1756 г. при Высочайшем дворе конференцией, членами коей, кроме канцлера А. П. Бестужева, были назначены: князь Трубецкой, Бутурлин, Воронцов и графы П. и А. Шуваловы. Основания к образованию этой конференции были выработаны канцлером, который находил, что «с потребною скоростью и силою управлять и двигать такую махину, каков есть корпус в 55000 человек, удовольствительное оного содержание, предприемлемые им (войском) операции и множество сопряженных с тем околичностей» с полным удобством могут быть разрешены только «комиссиею» под личным руководством Императрицы»*** *(РБС)*.

В истории гвардейского Семеновского полка, майором которого состоял генерал-фельдмаршал, дается следующая версия: ***«Ожидали, что Апраксин покорит все королевство, но вместо того он 27 августа переправился обратно за Прегель и с неимоверною поспешностью, с таким беспорядком, как бы потерпел совершенное поражение. Различным образом объясняют***

этот неожиданный переворот: фельдмаршал сложил вину на недостаток в продовольствии; иные писатели говорят, что канцлер граф Бестужев-Рюмин приказал ему отступить в угождение великому князю Петру Федоровичу. Но повествование Бишинга основательнее: Бестужев, ненавидимый великим князем, решился возвести на престол сына его, цесаревича Павла Петровича, под опекунством Екатерины. Тяжкая болезнь императрицы представила ему случай исполнить отважное намерение: полагая, что Елизавета находится на смертном одре, он отозвал своего друга фельдмаршала Апраксина к пределам России, чтобы иметь в своем распоряжении его армию. Императрица освободилась от болезни, удалила канцлера в деревню, где он оставался и в царствование императора Петра III. Исполнитель воли первого министра, лишившийся плодов своей победы, был также потребован к ответу: заключен в небольшом дворце близ С.-Петербурга у места, называемого Три Руки; около трех лет он томился под судом и скончался внезапно 26 августа 1760 года».

Будем справедливы и к оценкам другого рода: «***Апраксин обладал характером подлым от природы, мало кто с ним мог сравниться по коварству и злобе; он был достойным зятем и политическим последователем графа Ушакова и достойным другом лукавого и коварного канцлера Бестужева. Для него было обычным делом брать взятки и воровать в делах, доверенных его управлению, предавать друзей, вредить им при дворе, доводить их до гибели или плутовать в картах. <…> Надменный и высокомерный с подчиненными, он не отступал ни перед какой мерзостью, чтобы поддержать свое влияние при дворе. Чтобы приобрести благорасположение и поддержку графа Петра Шувалова, он без колебаний стал его посыльным***

с любовными записочками к своей собственной дочери Елене Степановне Куракиной; он способствовал этой связи и оберегал ее, извлекая тем самым выгоду из бесчестия своей дочери».

И эта оценка князя П. Долгорукова только подтверждает нашу мысль о том, что фельдмаршал Апраксин на самом деле был всего лишь исполнителем воли той части Конференции (масонского гнезда), члены которой служили прусскому королю Фридриху, и все действия которых были направлены на достижение единственной цели — свержение Бестужева, чего они в конце концов и добились.

Род Батуриных был достаточно древний и благородный. По одной из генеалогических версий, Батурины одного рода с польским королем Баторием и происходят «из немец», прибывших «из венгерской земли в 1492 г. к великому князю московскому Василию Ивановичу и пожалованного имением на Рязани». Согласно преданию, изложенному М. П. Чернявским в «Генеалогии господ дворян, внесённых в родословную книгу Тверской губернии с 1787-го по 1869 год», этот род происходит от древнего Трансильванского дома Баттора *(Bathori)*. Два брата — Батугерд и Анципитр (Зенислав), приняв православие, стали соответственно Дмитрием Бутуриным и Петром Бакуниным.

Дмитрий Батурин получил вотчины в Рязанских землях.

Петр Бакунин — в Тверских.

Отсюда, вероятно, и родовая связь Батурина с масонами-заговорщиками (а всю теоретическую подготовку он прошел в Сухопутном шляхетском корпусе, созданном специально для этой цели).

С Бакуниными и их участием в масонских ложах все более-менее ясно: прадед знаменитого революционера-анархиста, идеолога народничества Михаила Бакунина, Василий Михайлович Бакунин (1700–1766) служил в самом главном месте сосредоточения русских масонов — Коллегии иностранных

дел в чине действительного статского советника (четвертая строка в Табели о рангах), два его сына — Петр Васильевич-большой, действительный статский советник, и Петр Васильевич-меньшой, тайный советник, то есть рангом выше брата, служили там же при Екатерине II. Последний при масоне графе Н. И. Панине по своему влиянию был даже соперником канцлера Безбородко. В числе первых русских академиков был избран в Академию наук (вместе с масоном Херасковым). Лицейский друг Александра Сергеевича Пушкина, Александр Павлович Бакунин (1797–1862) и не скрывал того, что он был масоном (тайный советник и сенатор). Родной дед революционера был действительным статским советником, вице-президентом Камер-коллегии.

То есть масонство было весьма благоприятной аристократической средой для формирования революционеров. Анархист Кропоткин вообще был из русских — Смоленских — князей. Оба они — и Бакунин, и Кропоткин вышли из масонских кругов.

Сородичи Бакуниных, рязанские дворяне Батурины тоже были не из последних русских аристократов: Борис и Венедикт Мироновичи, Иван и Григорий Степановичи Батурины были стольниками царя Петра I.

Иосафат Андреевич Батурин, был, по всей видимости, сыном Андрея Венедиктовича, внуком Венедикта Мироновича Батурина. Других Андреев Батуриных мы не обнаружили. Да и тот факт, что в 1732 году Иосафат поступил в Сухопутный Шляхетский корпус, куда набирали детей только благородного сословия (а отец его, как следует из дела, был поручиком команды Московской полицмейстерской канцелярии), говорит сам за себя. У Венедикта Мироновича был еще сын Иван, от которого, судя по родословной, описанной П. В. Долгоруковым, и пошли все остальные Батурины в X–XII коленах — племянники Иосафата Андреевича.

Совершенно случайно в Интернете обнаружилась еще одна любопытнейшая информация: «***Деревня Юрьевка. Рядом было сельцо с барской усадьбой, в 1860 г. принадлежавшей Батуриным, предок которых, поручик И. А. Батурин, возглавлял заговор против Елизаветы Петровны в пользу Петра Федоровича, и за это был осужден и сослан на Камчатку***».

Но это еще не все: рядом с Юрьевкой, в границах Минского стана, раскинувшегося на левом берегу Волги, где проходил тракт из Костромы, располагалась Опахалинская вотчина одного известного царедворца: «***Село Минское с деревнями Опалиха, Реброво, Бочкино, Щапово, Дубки, Палкино купил Р. И. Воронцов, и они вошли в состав его Опалихинской вотчины***».

Роман Илларионович Воронцов

Не знаю, жили ли в соседях Роман Илларионович Воронцов с Иосафатом Андреевичем Батуриным (известный масон мог приобрести эти деревни и после ареста заговорщика), но мы знаем, что именно в Юрьевке хранилась знаменитая чудотворная икона. История ее такова: ***«В давнишние времена жил в Юрьевском помещик Семён Ильич Загряжский. Сосватал он себе в жены девицу Прасковью — единственную дочь стольника и полковника московских стрельцов Бориса Мироновича Батурина, крестника Петра I, жившего тогда в своем имении в Боровском уезде. Благословил их Батурин своей реликвией — Боголюбской иконой Божией Матери (списком с Владимирской), которой когда-то и его самого благословил и одарил Петр. Так святыня перешла из придворного храма в дом Загряжского в Юрьевском, а по наследству — к детям и внукам Прасковьи Борисовны»***.

И поэтому связь Батуриных с Загряжскими — любопытный исторический след, который мы не можем обойти вниманием (и не только потому, что Загряжские — родственники Александра Сергеевича Пушкина, таковых людей в нашем рассказе встречается не так уж и мало), а потому что Загряжские были масонами.

В списке (1777 г.) капитулов Санкт-Петербурга (капитулами назывались масоны, являвшиеся передаточными звеньями между заграничными масонскими центрами и русскими масонскими ложами, они были наделены особыми правами и вели работу в строжайшем секрете, состав их не был известен даже большей части «братьев») имеется и Загряжский.

А самым видным государственным деятелем из Загряжских был именно прадед А. С. Пушкина, Артемий Григорьевич. Мария Артемьевна Загряжская в первом браке была за А. В. Исленьевым, а после его смерти — за бароном Александром Григорьевичем Строгановым

(в этом списке капитулов двое из рода Строганов — сам барон и граф, Александр Сергеевич, племянник Александра Григорьевича, женатый на Анне Михайловне Воронцовой, дочери канцлера, и их сын — Павел Александрович).

То есть, как видим, масонские семейные круги на поверхности правящей России XVIII столетия расходятся из родовых фамильных гнезд Воронцовых, Чернышевых, Шуваловых, Строгановых, Загряжских…

Расходятся все шире и шире.

Конечно, круг русских революционеров поначалу, вспоминая классиков марксизма-ленинизма, был очень узок, и они — эти первые революционеры — были не только страшно далеки от народа, но и всегда были чужды этому народу, так как сам народ русский ни в коей мере не интересовал этих дворцовых заговорщиков, авантюристов и политических интриганов.

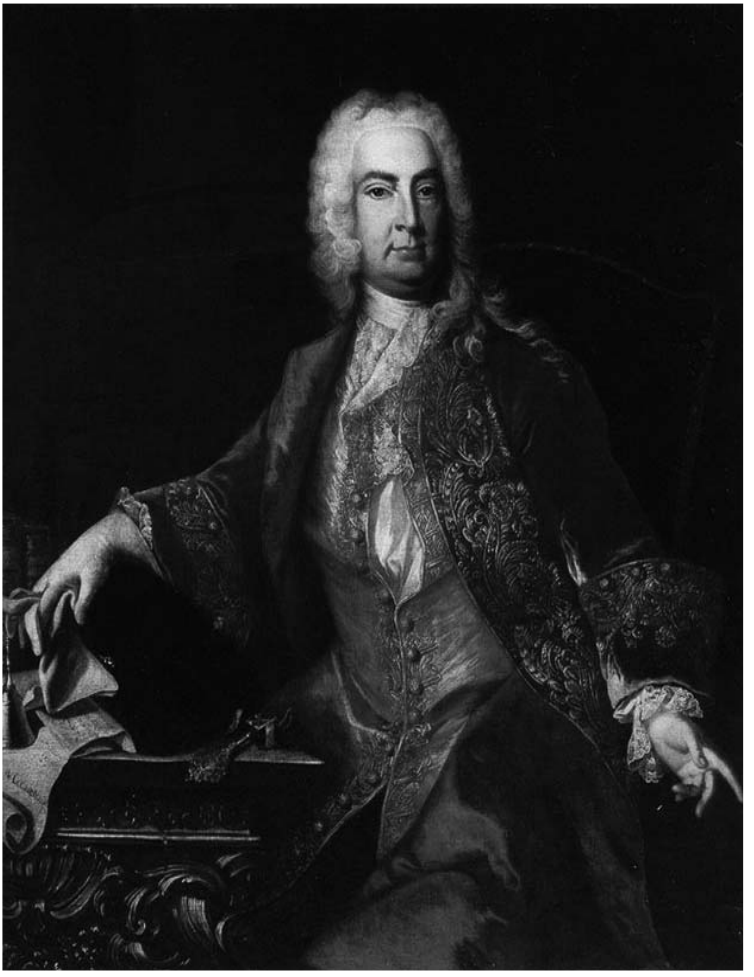
Но все-таки народонаселения России, в том числе и в высшей аристократической среде, вроде как хватало, чтобы можно было разнообразить свои брачные отношения.

Но, увы… Мы подходим уже к четвертой части нашего рассказа, а фамильные гнезда, откуда появлялись на свет Божий новые дворцовые заговорщики, по-прежнему оставались теми же…

Вот, например, Анна Иоанновна казнит, по общественной оценке того времени, первых русских «патриотов».

Кто же эти национальные герои? Самый первый из них — такой же, как и абсолютное большинство царедворцев, вор и мздоимец Артемий Волынский?

Под пыткой все его единомышленники подтвердили то, что потом стало тайной патриотов: Волынский (женатый на Александре Львовне Нарышкиной, племяннице царицы Натальи Кирилловны) сам хотел воссесть на российский трон, считая, что у него, потомка Петра Волынца, который некогда стравил Ивана Грозного с Великим Новгородом, гораздо больше прав на этот престол, чем у лифляндских и курляндских потаскушек.

Артемий Волынский

«Артемий Петрович Волынский всегда помнил о своем знатном происхождении — кажется, даже больше, чем полагалось в то время, когда, несмотря на Петровские реформы и Табель о рангах, настоящие "фамильные" люди знали и чтили заслуги предков. По указанию кабинет-министра его "конфидент", архитектор Петр Еропкин нарисовал чертеж родословного древа с изображением внизу князя Дмитрия Волынского и сестры Дмитрия Донского, великой княжны Анны, с императорским гербом и гербом Волынских "для того, что он по московской великой княжне Анне причитался свойством к высочайшей ее императорского величества фамилии…". По показанию другого "конфидента", Андрея Хрущова, "оную картину хотел он Волынский в чужих краях напечатать и разослать в России и в другие государства, дабы знали в народе, что он близок свойством к императорской фамилии и что у него ума столько есть, чтоб самому государством править"» *(Курукин Игорь. Артемий Волынский. Серия «ЖЗЛ». М., 2011).*

Долгоруков П. В.: ***«…в пятницу, 20 июня, кровавое судилище собралось на свое одно-единственное заседание. Обязанности секретаря исполнялись родственником одного из обвиняемых, Хрущевым, асессором страшной Тайной канцелярии. Генерал-прокурор, князь Никита Трубецкой, предложил приговорить де Ла Сюда к обезглавливанию; Эйхлера к колесованию; Мусина-Пушкина, Соймонова, Еропкина и Хрущева — к четвертованию; Волынского — посадить живым на кол, с предварительным урезанием языка…***

Трибунал единодушно высказался за этот приговор… В его составе были родственники *(например, сенатор генерал-лейтенант Михаил Хрущев — С. В.)****, друзья обвиняемых (тот же генерал-прокурор Трубецкой), было два зятя Волынского*** *(Александр Нарышкин и Алексей Черкасский — С. В.)»*.

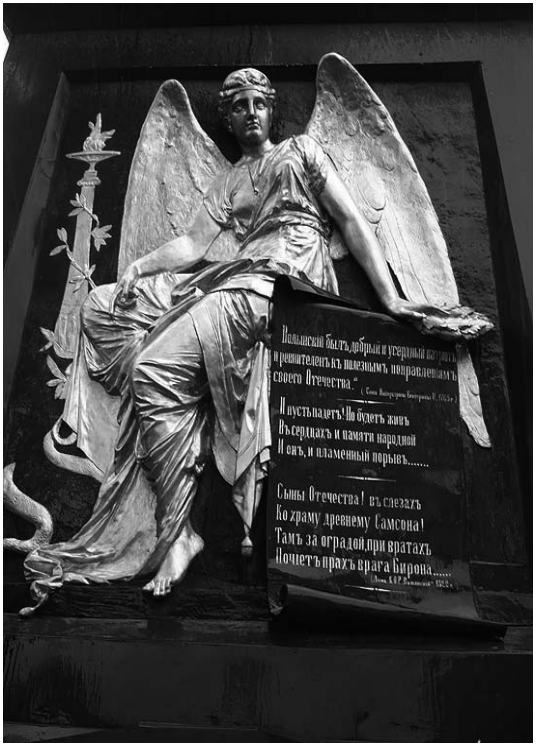

Кабинет-министр Артемий Волынский

Артемий Петрович Волынский казнен вместе с Андреем Федоровичем Хрущевым. Мы уже привыкли к весьма резким оценкам князя Петра Долгорукова, но на этот раз его высказывания очень деликатны: «***Андрей Федорович Хрущев, выходец из уважаемой семьи, известной с XVI века, получил блестящее образование; подобно Еропкину, свое образование он завершил за границей, и также, как и он, Хрущев обладал прекрасной библиотекой. У него было неплохое состояние, а его жена, Анна Александровна Колтовская, принесла ему изрядное приданое. Он и Еропкин сблизились с Волынским и примкнули к вынашивавшимся планам в надежде на достижение своих честолюбивых целей; видя, что влияние Волынского быстро возрастает, они полагали, что при поддержке и протекции с его стороны быстро сделают карьеру в чинах и должностях***».

Ни о каких патриотических чувствах, как видите, даже князь Долгоруков речь уже не ведет, напротив, он добавляет к сказанному: «***…сегодня его*** *(Волынского и его конфидентов — С. В.)* ***борьба против Бирена оценивается так, как того и заслуживает: это была борьба двух лукавых и жестоких честолюбцев, в которой один погубил другого***».

Но пример оказался заразительным: гораздо удобнее, оказывается, было теперь чинить вред Отечеству, надев личину патриота.

Памятник А. Волынскому, А. Хрущову и П. Еропкину

Сыны отечества! В слезах
Ко храму древнего Самсона!
Там за оградой, при вратах,
Почиет прах врага Бирона!
Отец семейства! Приведи
К могиле мученика сына;
Да закипит в его груди
Святая ревность гражданина!
Любовью к родине дыша,
Да все для ней он переносит,
И благородная душа
Пусть личность всякую отбросит!
Пусть будет чести образцом;
За страждущих — железной грудью,
И вечно заклятым врагом
Постыдному неправосудью.

Эти строки в память о патриоте Волынском написал потомок опричника, масон и декабрист Кондратий Рылеев.

Дочь Волынского — Мария Артемьевна — в связи со смертью императрицы Анны Иоанновны счастливо избежала заточения в монастырь и вышла замуж за Ивана Илларионовича… Воронцова — третьего брата легендарной безродной шайки, члены которой в одночасье стали графами Священной Римской империи благодаря своему родству с графом Александром Сергеевичем Строгановым, самым богатым человеком в России. Их сын Артемий (в память о Волынском) Иванович Воронцов женится на Прасковье Федоровне Квашниной-Самариной, из рода которых происходит камчатский ссыльный Квашнин-Ивашкин.

Граф Артемий Иванович Воронцов
и Воронцова Прасковья Федоровна (1750–1797) —
дочь Фёдора Алексеевича Квашнина-Самарина и Александры
Юрьевны, жена Артемия Ивановича Воронцова
Мать её, Александра Юрьевна, — урожденная Ржевская
(родная сестра С. Ю. Ржевской, в замужестве Пушкиной,
прабабки А. С. Пушкина).

А сестра старших Воронцовых — Дарья Илларионовна — была женой Петра Михайловича Хрущева, приходящегося однородцем казненному Андрею Федоровичу.

Но это еще не все.

У Олега Платонова находим сообщение о новом дворцовом заговоре:

«С масонскими заговорщиками Екатерина II сталкивается в первый же год своего царствования. Представители древнего дворянского рода, братья Гурьевы, Семен, Иван и Петр уличаются в заговоре в пользу Иоанна Антоновича, содержащегося в Шлиссельбургской крепости.

На следствии выяснились определенная их связь с масонами Н. И. Паниным и И. И. Шуваловым, а также непонятная осведомленность об Иоанне Антоновиче и месте его пребывания (что держалось в строжайшей тайне). Заговорщики признавались: "Мы стоим за то, для чего царевич не коронован, а теперь сомнения у Панина с Шуваловым, кому правителем быть" *[Русский Биографический Словарь. Павел — Петр. СПб., 1902. Т. 13. С. 194.]* ***Преступники были сосланы на Камчатку и в Якутск».***

На самом деле государственных преступников было больше: по крайней вместе с Семеном Селиверстовичем Гурьевым на Камчатку по одному с ним делу был сослан Петр Федорович Хрущев. А само «дело» было о «братьях Хрущевых и братьях Гурьевых».

24 сентября 1762 года в своем «Объявлении» новоиспеченная императрица следующими словами и выражениями определила степень вины каждого из них:

«Божиею милостью мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая всем верно нам подданным объявляем.

Каждый ведает разумный и благонамеренный сын отечества, что власть нам ним предержащая для его же добра установлена от Бога, которой он повиноваться должен для своего и ближнего своего благоденствия, почему и оскорбители оные яко противляющиеся Богу и яко нарушители общего покоя суть такие преступники, которых слово Божие и закон гражданский осуждает быть не токмо извергами своего отечества, но и в роде человеческом нетерпимыми, мы можем не похвалившися пред Богом целому свету сказать, что от руки Божией приняли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем отечестве. К сему достохвальному намерению мы приступили не словом, но истинным

делом и о добре общем ежедневно печемся, едино полагая то в намерении, чтоб радостию, удовольствием и порядком наших подданных принимая себе оныя воздаянием видеть внутреннюю тишину и благосостояние нашей империи, таковым средством мы желаем прославить Бога и таковым путем мы ищем достигнуть вечного себе от него воздаяния, но при сих наших чистосердечных намерениях и чувствительно нашему сожалению нашлися в самом нашем здешнем столичном городе такие неспокойные люди, которые, возненавидя свое и общее блаженство, и бутто бы не токмо прилежные изобретатели своего злоключения, но и живота своего отчаянные злодеи, презрев страх Божий и не помышляя о потерянии временного и вечного своего живота, покусилися и дерзнули делать умысел к испровержению Божия о нас промысла и к оскорблению нашего величества, и тем безумно вознамерилися похитить Богом врученного нам народа (на) общее благоденство, о котором мы беспрестанно трудимся с матерним попечением.

Мы как скоро сведали о том их Богомерзком предприятии и, взяв в уважение, чтоб безвременно не опечалить сердца наших верных подданных, повелели нашей гвардии трем штаб-офицерам, а именно гетману графу Разумовскому и генералам порутчикам Суворову и Волконскому сие дело секретно изследовать.

…хотя по всем государственным законам за то богомерзкое и злодейственное дело надлежит Петра Хрущова и Семена Гурьева яко главных зачинщиков четвертовать и потом отсечь голову, а Ивану и Петру Гурьевым отсечь головы же, но в разсуждении нашего правила о наблюдении монаршего милосердия сенат обще с собранными президентами согласно присуждает, а именно помянутых преступников, лиша всех чинов и исключая из дворянского достоинства, Петру Хрущову и Семену Гурьеву вместо мучительной смерти отсечь головы, Ивану и Петру Гурьевым

политическую смерть, то есть положить на плаху, а потом, не чиня экзекуции, послать вечно в каторжную работу, а движимое и недвижимое их имение оставить детям и их наследникам. Алексея Хрущова, лиша всех чинов, сослать в Сибирь на вечное житье. По сим не оставалось бы нам более как конфирмовать сената нашего сентенцию, но чувствительное наше сердце не может и тут допустить действия гнева и жестокости, а убеждает преступников оставить раскаянию в жизни сей и предать их суду Божию, чего ради повелеваем меч, данный нам от Бога и по слову его не без ума носимый, удержать от отнятия живота осужденных, а вместо казни смертной Петра Хрущова и Семена Гурьева, лиша чинов, исключа из их фамилии и из чина благородных людей, обоих Петра и Семена, бывших Хрущова и Гурьева ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкий острог на вечное житие, и имении их отдать ближним в родстве. Ивана и Петра Гурьевых, отняв чины, послать их в Якутск навечно. Алексея Хрущова, лишив его всех чинов, жить в своих деревнях, не выезжая в наши столицы».

Какова же была вина?

В своем доношении на имя Екатерины следователи писали следующе: «***Первый лейб-гвардии Измайловского полка порутчик Петр Хрущов доказан и винился в изблевании того оскорбления и что он старался других привлекать к намеряемому им возмущению против Вашего императорского величества и общего покоя затевая якобы уже и многих имея в своем согласии.***

Второй Ингерманландского пехотного полку порутчик Семен Гурьев яко сообщник с первым не токмо в злодейском умысле соглашался, но и сам других к тому подговаривал с прибавлением от себя разных лживых внушений, из чего во многом первом допросе, а по обличении от солдатам и во всем сам признался.

Третий лейб-гвардии Измайловского полку капитан-порутчик Иван Гурьев сделал себя с ним соучастником тем, что знав их умысел, об оном нигде не донес. <…>

Четвертый лейб-гвардии Измайловского полку квартирмейстр Петр Гурьев слышал от Петра Хрущова против Вашего императорского величества оскорбительные слова, так и о злом умысле и возмущении о том не донес и сначала запирался…

Пятый коллежский асессор Алексей Хрущов изобличаем одним доносителем, якобы и он ему сказывал о общем вышепомянутом злом намерении, но как свидетелей тому нет, а он, Хрущов, запирается, то остается одно к нему подозрение в том, что он, слыша от Петра Хрущова некоторые … слова, не доносил…».

Не одно поколение отечественных генеалогов пыталось расшифровать код аристократического происхождения камчатского ссыльного Петра Федоровича Хрущева, но их попытки, как правило, оканчивались неудачей.

Во втором томе «*Родословного сборника русских дворянских фамилий*» (СПб., 1887 г.) В. В. Руммеля и В. В. Голубцова так и записано с грубейшими историческими ошибками: ***«В роспись не вошли.***

…12. Петр Х., поручик л-гв. Измайловского полка, за заговор в пользу императора Иоанна Антоновича публично ошельмован и сослан навечно в Камчатку (24 октября 1762). В Камчатке он сошелся с Гурьевыми и с Беньевским, тоже сосланным, и, перевязав местное начальство и захватив торговое судно, бежали во Францию, где Хрущов был принят в гвардию капитаном».

Возможный ключ к разгадке этой генеалогической тайны нашли авторы Интернет-проекта «*Дворяне — Вики*»[1].

[1] http://adelwiki.dhi-moskau.de/index.php/Хрущов_Алексей_Иванович_2-й.

При сборе материалов по проекту они столкнулись с биографией Алексея Ивановича Хрущова-2-го и выяснили следующее: ***«Участвовал в заговоре лейб-гвардии против Екатерины для возведения на престол Иоанна VI, возглавляемый Петром Хрущовым и братьями Гурьевыми. Петр Хрущов признался на следствии, что им руководил гнев — он участвовал в возведении Екатерины на престол, но не получил никаких награждений. Заговор был раскрыт 3 октября 1762 г., были арестованы 15 человек, в результате следствия было признано, что реальный заговор не пошел дальше пьяных разговоров 29 сентября, в последний день празднований вступления Екатерины на престол. Петр Хрущов и Семен Гурьев были приговорены Сенатом к казни через отрубление головы, Иван и Петр Гурьевы к "политической казни" с высылкой в Сибирь и каторжным работам, Алексей Хрущов к ссылке в Сибирь. Манифестом от 24 октября 1762 г. наказание было смягчено — Петр Хрущов и Семен Гурьев подлежали публичному "шельмованию" (т. е. лишению чести), лишению всех чинов, дворянского звания и фамилии, вечной ссылке на Камчатку в Большерецкий острог, с передачей имения их ближайшим родственникам; Ивана и Петра Гурьевых, лишив чинов, было приказано послать навечно в Якутск, Алексея Хрущова, лишив всех чинов, сослать на житье в его имения, без права въезда в обе столицы»***.

Авторы проекта, исходя из того, что в «Деле о заговоре» были обозначены братья Хрущовы и братья Гурьевы, вынесли предположение: «брат (двоюродный?) Хрущов Петр Федорович, зачинщик заговора 1762 г. … не вошел в роспись Руммеля, указан в отдельном списке не вошедших в роспись, отчество не указано: "В Камчатке сошелся с Гурьевыми и Беньевским, тоже сосланным, и, перевязав местное начальство и захватив торговое судно, бежали во Францию, где Хрущов был принят в гвардию капитаном"».

Они приводят некий текст (без ссылки на первоисточник), в котором дается попытка определения происхождения самого Алексея Ивановича: «Помещиком в Крапивенском (Соловском) селе Ломинцево во время 3-й Ревизии был коллежский асессор Алексей Иванович Хрущов. Он, предположительно, является сыном Ивана Кирилловича Хрущова, который был помещиком в моём Ломинцево в 20–40-х гг. XVIII в. Родство не могу точно установить, так как нет у меня материалов по Ломинцеву по 2-й и 3-й Ревизиям. У Руммеля и Чернопятова эта ветвь Хрущовых оборвана. Но Иван Кириллович есть в "Сборниках биографий кавалергардов". Он сын генеральс-адъютанта графа Шереметева, стольника Кириллы Григорьевича Хрущова, внук Григория Клементьевича и правнук Клементия Борисовича Хрущовых. Будучи кавалергардским капитаном, Иван Кириллович Хрущов во времена Анны Иоанновны служил воеводой Енисейска. Его семья мне неизвестна. Но в 50-х гг. помещиком в Ломинцево значится уже Алексей Иванович Хрущов. Возможно, его матерью является построившая в 1752 г. в с. Ломинцево каменный Георгиевский храм, бывшая тогда помещицей некая Анна Васильевна Хрущова; недаром в новопостроенной церкви она учредила придел во имя Св. Алексия. Была ли Анна Васильевна женой Ивана Кирилловича, мне тоже неизвестно. А во входящей в Ломинцевский Георгиевский приход ближней деревне Понарьиной помещиком в это время был прапорщик Иван Васильевич Хрущов, который есть у Руммеля и Чернопятова, и от которого пошло потомство. Его ветвь очень близка с нашей вымершей ломинцевской ветвью Хрущовых и разделились они в XVII в.».

Эта версия — хорошая зацепочка, которая позволяет вести дальнейшее «расследование».

«Коллежский асессор Алексей Иванович Хрущов в 1762 г. совместно с Гурьевыми, Сухотиными, Вепрейским и Даниловым участвовал в антиекатерининском заговоре. Он был

лишён чинов и приговорён жить в своих деревнях без права выезда в столицы. В 1763 г. по закладной его вотчина в селе Ломинцево отошла к надворному советнику Александру Матвеевичу Воейкову, а Алексей Иванович, таким образом, очутился без средств к существованию, так как ещё ранее лишился своих имений в Тульском и Данковском уездах. 15 января 1764 г. вышел указ императрицы графу Салтыкову с повелением о высылке Алексея Ивановича Хрущова из Крапивны в Тобольск, где губернатору надлежало употребить его к письменным делам. В Сибири А. И. Хрущов и умер. Мне неизвестно о наличии у него семьи».

«…о ломинцевском Алексее Ивановиче Хрущове. В 4-ю Ревизию 1782 г. сказку по селу Кузнецову Ламиносова тож подавал поручик Фёдор Александрович Воейков» *(ГАУ ГАТО, ф. 352, оп. 1, д. 6, лл. 267–294)*. В шапке говорится следующее: «Крапивенскаго уезду Засоловскаго стану в селе Кузнецове Ламиносова тож доставшихся (крестьян и дворовых людей) в 1763 году покойному господина моему отцу надворному советнику Александру Матвеевичу Воейкову по закладной от колежскаго асесора Алексея Иванова сына Хрущова и в последнею пред сим ревизию написаны были в том селе за оным Хрущовым, а господину моему после оного отца ево достались по наследству».

«Все сосланные в Сибирь покинули ее, а Алексей Хрущов, сосланный в деревню, умер в Сибири. Деревня Хрущова, в Крапивенском уезде, скоро была “заложена и просрочена, почему и пропитания получать ему уже не от куда”, вследствие чего, указом от 15 января 1764 г., гр. Салтыкову повелено было выслать Хрущова из Крапивны в Тобольск, где губернатору предписывалось употребить его “при письменных делах” *(Гос. Архив, VI, 396, л. 64)*. Из сосланных в Камчатку Петр Хрущов бежал в 1772 году вместе с Бениовским <…> и вступил позже во французскую службу; Семен же Гурьев, своим поведением в деле Бениовского показал, что

"бывшее в нем напредь сего буйство и распутство его оставили", и указом от 19 января 1772 г. иркутскому губернатору Брилю предписано выслать его из Сибири обратно в деревни его братьев; сосланные в Якутск Иван и Петр Гурьевы тем же указом "из единого нашего человеколюбия к страждущему человечеству" возвращены из Сибири в их деревни, без права въезжать в столицы… Екатерина щедро наградила лиц, так или иначе содействовавших раскрытию "богомерзкого предприятия" Хрущовых и Гурьевых (далее — в сноске:) Капитану Измайловского полка Гриневу — 3000 р., капитану-поручику того же полка Михаилу Шипову — 1000 червонных "да табакерку по моему выбору", Побединскому — 2000 р., ***Ивану Хрущову — 2000 р.*** *(выделено мной — С. В.)*, сержанту Преображенского полка Толстому — 600 червонных и Чихачеву — 1000 р.» *(Сборник, VII, 178)*.

Имения:

Тульская губ., Крапивенский у.:

с. Кузнецово, Ламиносово тож (Ламиносово, Ломиносово, Ломинцево), Крапивенский у., Тульская губ., село — вотчина;

Тульская губ., Тульский у.:

с. Занино, Тульский у., Тульская губ., село — вотчина;

Рязанская губ., Данковский у.:

д. Малая Хрущовка, Данковский у., Рязанская губ., дер. — вотчина,

с. Хрущово (Хрущево-Подлесное), Данковский у., Рязанская губ., село — вотчина.

«Хрущёво-Подлесное — село Данковского района Липецкой области. Центр Хрущёвского сельского поселения. Стоит в истоке реки Перехваль. Возникло в конце XVI века. В документах 1627–1628 годов говорится: "Перехваль, а Хрущево тож, за Клементием да за Васильем Борисовыми детьми Хрущева, под Романцевским лесом, на речке Перехвали".

Название — по служилым людям Хрущёвым и по местоположению около леса. Рядом, на реке Перехваль, есть также село Стрешнево-Подлесное».

Итак, владельцами села Хрущево-Подлесное были братья Клементий и Василий Борисовы, дети Хрущевы, потомком одного из которых был Иван Кириллович Хрущов, помещик села Ломинцева Крапивненского уезда Тульской губернии, что позволяет сделать вывод о том, что и Алексей Иванович Хрущов-2 имеет к этому роду самое непосредственное отношение.

Почему Хрущов-2-й?

Потому что авторы проекта «Дворяне-Вики» находят примерно в один и тот же исторический период ШЕСТЬ (!!!) Алексеев Ивановичей Хрущовых, являющихся друг другу родственниками:

Хрущов Алексей, стряпчий конюх (1767 г.), подписал наказ дворян Серпуховского, Тарусского, Оболенского уездов (отец — ***Хрущов Иван Семенович***, ум. 2.II.1749, «полковник Нежинского полка (6 июня 1727–1740), бригадир (при отставке, 27 июля 1744), помещик Каширского и Веневского уездов. Ж. 1) княжна Софья Владимировна Волконская (1728), 2) Кассандра Андреевна.?-1776. **Оба сына от 1-го брака**».

Дед: ***Хрущов Семен Афанасьевич***, «ум. после 1711 и до 1728 гг., стряпчий (1676), стольник (1678–1711), есаул в Крымском походе (1686), послан в Алексин для переписи недорослей (1676), пожаловано ему поместье Тульского уезда (1699). Жена: Анна Ивановна NN, ум. после 1728 г.»).

Хрущов Алексей Иванович 2-й, коллежский асессор, участник заговора против Екатерины в 1762 г.

Хрущов Алексей Иванович 3-й, ум. 1805, полковник в 1780–1787 гг., бригадир (1788), комендант в Воронеже (1780–1788), генерал-майор (1790), генерал от инфантерии.

Хрущов Алексей Иванович 4-й, поручик, род. 1775 — ум. после 1810 г.

Хрущов Алексей 5-й, флота лейтенант, уволен от службы флота капитаном (17 апреля 1744 г.).

Хрущов Алексей Иванович 6-й, прапорщик (в 1767 г.).

А. И. Хрущов-2-й, безусловно, особый, — он «меченый», то есть человек, для которого ссылку в Сибири заменили деревенской, но впоследствии деревенскую ссылку вынуждены были снова поменять на сибирскую, чтобы… помочь Алексею Ивановичу, лишившемуся своих землевладений, выжить. Правда, это ему не помогло, хотя он в полном соответствии с сентенциями сенаторов был теперь уже точно определен «на вечное житье в Сибири».

Братья Клементий и Василий Борисовичи Хрущовы были людьми знатными. У Руммеля читаем: за Московское осадное сиденье 1610 года они оба были пожалованы вотчинами в Тульском уезде. Василий Борисович был бездетным сначала тульским городским, а с 1629 года — московским — дворянином. Клементий Борисович также сначала тульский городской, а потом московский дворянин, Крапивненский воевода.

У Клементия Борисовича было трое сыновей:

81. Кириллъ Клементьевичъ, тульскій городовой дворянинъ (1622); дворянинъ московскій (1622—1668); былъ на службѣ въ Смоленскѣ (1665), † бездѣт. . . . . 47.
82. Григорій Клементьевичъ, стряпчій (1661—1668); воевода на Теркѣ (1671); пожаловано ему въ вотчину помѣстье Данковскаго уѣзда (1677); разбиралъ ратныхъ людей и отводилъ ихъ въ полкъ кн. Хованскаго (1679) .
83. Ѳеодоръ Григорьевичъ большой, стряпчій, былъ при встрѣчѣ персидскаго посла (5 февраля 1639); ѣздилъ за государемъ (1651); служилъ у стола государева въ день пріема Грузинскаго царевича (6 іюля 1658); дворянинъ посольства на съѣздѣ съ польскими комиссарами въ Борисовѣ (1660); воевода въ Ельцѣ (1663); стольникъ (1665); былъ на службѣ въ Смоленскѣ (1665); воевода въ Мангазеѣ (1668—1669), Томскѣ (1668—1669), Верхотурьи (1669—1672 и 1673—1676) и Тобольскѣ (1672—1673); пожаловано ему въ вотчину помѣстье Данковскаго уѣзда (1677); разбиралъ ратныхъ людей на Коломнѣ (1678); въ Калугѣ, Медыни, Перемышлѣ и Воротынскѣ (1679) . . . . . .

Их дети:

114. Кириллъ Григорьевичъ, стольникъ царицъ: Маріы Матвѣевны (1676) и Прасковіи Ѳеодоровны (1686); государевъ стольникъ (1686—1697); завоеводчикъ въ крымскомъ походѣ (1687) . . . . . 82.
115. Леонтій Ѳеодоровичъ, воевода въ Верхотурьи (1673); стольникъ (1677—1703); ротмистръ 20-й роты стольниковъ въ крымскомъ походѣ (1686); ландратъ Казанской губерніи (1714) . . . . . 83.

Внуки:

147. Алексѣй Кирилловичъ, учился въ школѣ словено-латинской науки; 10 іюня 1712 г. назначенъ государемъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. . . . . 114.
148. Никита Леонтьевичъ. . . . . } 115.
149. Алексѣй Леонтьевичъ, учился въ школѣ словено-латинской науки и 10 іюня 1712 назначенъ государемъ къ отправленію въ Голландію въ ученіе . . . . . }

Ивана Кирилловича, потомка Клементия Борисовича, в этом списке нет. Хотя на самом деле их было двое. Нас, в принципе, снова интересует Хрущов-второй.

Но и Иван Кириллович Хрущов-первый к истории Камчатки имеет самое прямое отношение, как один из организаторов Первой Камчатской экспедиции, поэтому мы, пользуясь своим авторским правом, позволим себе привести посвященную ему статью в «*Биографиях кавалергардов*»:

«Иван Кириллович Хрущов, р. 1693, сын стольника Кирилла Григорьевича, генералс-адъютанта фельдмаршала гр. Шереметева, в 1709 году написан в Павловский пех. полк солдатом, где “был капралом и унтер-офицером”. В 1721 г. Хрущов переведен в Лефортовский пех. полк (1-й Московский), в 1725 г. произведен, по Именному указу, в прапорщики, в 1726 г. произведен по старшинству от ген. Бона в подпоручики и в том же году взят кавалергардом в Кавалергардский корпус, с производством в поручики; в 1727 г. произведен в капитаны. В 1731 г. Хрущов,

“за имеющимися его болезньми, по свидетельству архиаторскому и докторов… был прислан в Прав. Сенат для разсмотрения”, отставлен от военной службы тем же чином и уволен в годовой отпуск. В 1733 году он определен провинциальным воеводою в г. Енисейск, где и прослужил по 1741 год, когда был переведен в Нарвский гарн. полк подполковником.

Енисейскъ въ серединѣ XVIII ст.

“И в бытность мою в оной провинции, — писал в своем прошении Хрущов, — пред прежними воеводами чрез рабский мой прилежный труд и тщательное усердие и неусыпное старание в интересе Вашего Имп. Величества учинил немалую прибыль, как в сборе от прежде бывших определенных к тому сбору офицеров и воевод запущенной доимки, и подушных денег по смену мою ничего в доимке в том городе не оставлено, так и ясачный сбор собирал весь сполна и в доимке не оставил ни малого числа; и прежних годов из доимки по окладам ясачную казну… всю взыскал, который ясачный сбор по оценке в казну В.И. В-ва приходил с немалою прибылью; також в таможенном, десятинном сборе сверх окладу чинил против прежних лет немалый прибор и собирал китайскими лучшими товарами и деньгами с немалым

***излишеством. И по экспедиции Камчатской как в трактах Северным морем от Обского к Енисейскому устью, так и от Ленского к Енисею реке Вашего Имп. Величества судам имел неусыпное мое старание". В 1743 г. Хрущов был назначен "для строения и починки ветхостей Знаменского монастыря" (в Москве). Он исправил в монастыре "самонужнейшие ветхости" и "в том сочтен". В 1744 г. Хрущов подал прошение об отставке, так как к "прежним болезням, за которыми в 1731 г. был от военной службы отставлен, паче приключились тяжчайшие многие явные болезни", а именно, писал Хрущов, "в голове имею всегдашний великий шум и лом и оставшим одним глазом от головной болезни и всегдашнего великого шума уже худо видеть могу и ногами дряхл и весьма всем болен; от которых болезней многое время пользовался, точию от тех моих тягчайших болезней ни мало не освободился… и никаких дел уже более нести не в состоянии, и время больше бываю болен и неисходен из дому и от времени до времени прихожу в слабость". Хрущов, указывая на то, что до сего времени он состоит в капитанском чине, каковым был уволен из Кавалергардского корпуса, ходатайствовал о награждении его военным рангом в сравнении с лицами, моложе его по службе, которые, "будучи при штатских же делах, не только полковничьи, но и генералитетские ранги получили… или за означенными болезньми… уволить до излечения"».**

У Хрущова было 815 душ крестьян в Тульском (с. Зарянь), Саловском и Данковском уездах и двор в Москве, за Пречистенскими воротами, в Земляном городе, в приходе церкви Успения, что в Острожье.

Итак, эта линия Хрущовых обрывается…

Но если мы пойдем по этой же самой росписи снизу вверх по линии Ивана Кирилловича Хрущова-второго (отбросив всякие сомнения в том, что этот Иван Кириллович

по возрасту годится Алексею Ивановичу в сыновья или в племянники и не мог быть помещиком села Ломинцева Крапивненского уезда по той простой причине, что село в 1764 году было продано Алексеем Ивановичем помещику Воейкову, а он по росписи более юн, чем нужно) то результат будет очень даже интересный (и совсем не такой, как в проекте «Дворяне-Вики»):

IX

188.153 Яков Иванович 1751, ум.

Отставной капитан. ***Ж. Филимонова Евдокия Андреевна***.

189.154 Иван Кириллович 1763–1810, С.-Петербург.

В юности с отличием служил под начальством Суворова; 24-х лет был секунд-майором; перешел в гражданскую службу и был Пермским вице-губернатором; действ. стат. сов.

Ж. Санковская Александра Васильевна (дочь литератора).

VIII

153.123 Иван Иванович

154.124 Кирилл Никифорович 1725, ум.

Генерал-майор; под начальством Ферзена участвовал в поражении Косцюшки.

Ж. Анна Артамоновна Бартенева.

Здесь, как нам кажется, место Петра Федоровича и Алексея Ивановича — но они не могли быть включены в эту поколенную роспись, так как исключены были из своего дворянского рода.

VII

И вот теперь, по всей видимости, мы и находим действительное поколение отцов наших героев — двоюродных братьев Алексея Ивановича и Петра Федоровича (исключенных из дворянского рода Хрущовых), а также Кирилла Никифоровича и Ивана Ивановича (не того ли самого

Ивана Хрущова, который и получил 2000 рублей за помощь в раскрытии «заговора» — родного ***брата Алексея Ивановича?***):

122.88 Федор Иванович, стольник цариц: Марфы Матвеевны (1676) и Прасковьи Федоровны (1686); государев стольник (1687–1692).

123.88 Иван Иванович, стольник в начальных людях (1703).

124.88 Никифор Иванович, генерал.

Ж. Апраксина *(во всех справочниках идет как Апраксина N. N., то есть неизвестная — С. В.)***.**

А далее следует, как и положено, истинное поколение их дедов…

VI

88.52 Иван Лукич, стряпчий (1703).

89.52 Максим Лукич, стольник (1692–1703).

90.52 Федор Лукич

V

51.28 Денис Иванович, стряпчий рейтарского строя (1658); стряпчий (1676).

52.28 Лука Иванович, стряпчий (1636–1658); был при встрече персидского посла (5 фев. 1639); ездил за государем (1651–1652); дворянин московский (1668–1682).

53.28 Дмитрий Иванович 1620–1676

Дворянин московский (1676), помещик Елецкого уезда (1646).

54.28 Василий Иванович 1623 — ок. 1680

Жилец, помещик Елецкого уезда (1631–1646); дворянин московский (1669–1679).

55.28 Иван Иванович 1627 —?

Помещик Елецкого уезда (1646); дворянин московский (1676–1679).

IV

26.13 Борис Лукич?–1608 *(отец Клементия и Василия Борисовичей — С.В.).*

Помещик Тульского уезда (1586–1589); 2-й воевода передового полка в Переяславле Рязанском (1587), послан на встречу турецкому послу (1592); 2-й голова в Валуйках (1604); 2-й воевода большого полка в Туле (1605); 2-й голова в Ельце (1605); голова в Рыльске (1606); пожаловано ему поместье деда (№ 3) в Московском уезде (1608).

27.13 Петр Лукич?–1605

Помещик Тульского уезда (1588); провожал турецкого посла (1592); послан царем Борисом Годуновым убеждать донских казаков идти против самозванца, взят ими в плен (3 сент. 1604) и привезен в Сокольники к самозванцу; передался на его сторону, но вскоре стал его обличать, за что и замучен в Путивле.

28.13 Иван Лукич?–1629

Пожалован поместьем в Московском уезде (1608) и вотчинами в Тульском и Соловском уездах (2 февр. 1617); 2-й воевода в Ельце (1618); пожалован поместьем Елецкого уезда (1620); стряпчий (1629). Ж. Анна N. N., помещица Елецкого уезда.

III

13.3 Лука Петрович Казарин?–1586

2-й полковой воевода в Чернигове (1580–1582); 2-й воевода передового полка на Дону (1585). Жена Богдана N. N.? — после 1587.

II

3.1 Петр Иванович, помещик Тульского, Тарусского и Московского уездов.

I

Иван Иванович, выехал из Польши в Россию в 1493 и пожалован поместьями в Туле и Веркуше; служил по Москве.

Герб этого рода Хрущовых (утвержденный в 1686) — польский герб Саламандра. ***«Животное тонкое и малое, скорпии много подобное, не совершенно желтым цветом одеенннное, живет огнем, который вся смертное снедает, во огни бо живет Саламандра, свиреп зверок, с распростертыми крыльями; пишется на короне хвост павлиний»***.

В родословной росписи, поданной Хрущовыми в 1686 (16 марта), сказано: ***«Хрущовы служили в Ческой земле и в каруне польской в честех и дан им герб, в том свидетельствуют русские и польские летописцы и гербовые книги, и ведомо то в государственном посольском приказе и из каруны польской того нашего роду выехал Иван Иванович Хрущов в Московское государство в 7001 году (1493) служить к вел. Князю Ивану Васильевичу всеа*** *(так у Руммеля — С. В.)* ***России и пожаловал его великий князь Иван Васильевич на Туле и на Веркуше и в иных городах волостьми, служил в Москве, а дети его и внучата служили на поместьях своих на Туле и написаны в дворовой книге 7045 (1537) года, а в тысячной книге, как поместили в Московском уезде за бояры и з служилыми князи»***.

Как видим из этой росписи, если мы правы, Петр Федорович принадлежал к знатному шляхетскому роду герба Саламандра.

Есть еще один вариант, когда у Хрущовых совпадают имена братьев — Федора и Ивана — и есть сын и племянник ***Петр Федорович***.

Это линия брата Ивана Лукича (старшего) — ***Петра Лукича***, казненного вторым Самозванцем Дмитрием. Его сыном был елецкий воевода ***Григорий Петрович Хрущов***, сыном которого был думный дворянин ***Федор Григорьевич***

и внуки — ***Иван Федорович*** и ***Федор Федорович*** (воевода Симбирской провинции). У последнего был младший сын ***Петр Федорович***, но его старшего сына звали ***Андреем Федоровиче***м, и именно он был казнен в 1740 году по делу Волынского. И среди его двоюродных братьев не было Алексея Ивановича. То есть наш ***Петр Федорович Хрущов*** *не был* братом казненного вместе с Волынским Андрея Федоровича, хотя и был его прямым родственником по линии Ивана Лукича Хрущова.

В этом случае для нас будет весьма любопытной история рода Хрущовых, прослеженная Д. А. Ляпиным в «*Очерках генеалогии дворянских родов Елецкого уезда XVII века*»:

Хрущевы

«Хрущевы — известный дворянский род. Представители этого рода служили при московском дворе постоянно, а Федор Григорьевич Хрущев даже находился в родстве с царицей Марфой, супругой царя Федора Алексеевича, что позволило ему сделать хорошую карьеру *[Седов П. В. Закат Московского царства. СПб., 2006. С. 388]***.**

Хрущевы в XVII веке имели собственный герб, что было редкостью для русского дворянства в то время. Наличие герба связанно с тем, что род Хрущевых имел западное происхождение. В родословной росписи, поданной Хрущевыми в 1686 году (16 марта), сказано: "Хрущевы служили в Ческой земле и в каруне польской в честех и дан им герб, в том свидетельствуют русские и польские летописцы и гербовые книги, и ведомо то в государственном посольском приказе и из каруны польской того нашего роду выехал Иван Иванович Хрущов в Московское государство в 7001 году (1493) служить к великому князю Ивану Васильевичу всея России и пожаловал его великий князь Иван Васильевич на Туле и на Веркуше и в иных городах

волостьми, служил в Москве, а дети его и внучата служили на поместьях своих на Туле и написаны в дворовой книге 7045 (1537) года, а в тысячной книге, как поместили в Московском уезде за бояры и с служилыми князи" *[Руммель В. В. Хрущевы // Родословный сборник русских дворянских фамилий. СПб., 1887]***.**

От этого Ивана Ивановича род Хрущевых берет свое начало в русской земле. Он имел 8 сыновей. Весь XVI век Хрущевы были воеводами в городах, хотя некоторые представители рода служили при дворе Ивана Грозного (Лука Иванович) и Бориса Годунова (Алексей Васильевич). Нас будет интересовать ветвь Хрущевых, обосновавшаяся в Елецком уезде. Эта ветвь берет свое начало от Петра Ивановича, второго сына выехавшего на Русь Ивана Ивановича Хрущева. Его единственный сын Лука Петрович ничем особенным не отличился, проведя жизнь в разных городах на воеводстве, он скончался в 1586 году. Лука Петрович имел трех сыновей Петра, Ивана и Бориса.

Борис Лукич Хрущев служил в Воронеже в 1593–94 годах. По некоторым сведениям, он был вторым воеводой в Ельце в 1605 году. Борис Лукич пробыл тут недолго, поскольку ельчане подняли восстание против Бориса Годунова и в апреле 1605 года перешли на сторону Лжедмитрия. Борис был переведен в Рыльск. Он поддержал Василия Шуйского, выбранного на трон, и в 1608 году, как старший представитель рода, получил поместье деда Петра Ивановича в Московском уезде. В том же году он погиб на службе. Второй брат, Петр Лукич, в 1604 году был послан Борисом Годуновым на Дон просить помощи казаков, но те схватили его и отвезли Лжедмитрию. Петр Лукич умер во время пыток в Путивле в 1605 году.

Остался младший брат — Иван Лукич. После смерти брата Бориса поместье деда в Московском уезде перешло к нему. Он активно вмешался в водоворот Смуты,

поддерживал Шуйского, потом, в 1613 году, Романовых. За заслуги был пожалован вотчинами в Соловском и Тульском уезде. Около 1615 года Иван Лукич просил пожаловать его поместьем в Елецком уезде, именно этот регион менее остальных пострадал в Смуту. Просьба была удовлетворена. Иван Лукич получил обширные земли в Бруслановском стане. Он основал тут целое село — Борисоглебское, в котором проживали несколько крестьян. Вскоре он приобрел земли и в починке Макееве *[Там же. Ф. 1209. Д. 131. Л. 59]*.

В 1618 году Иван Лукич был назначен вторым воеводой в Ельце "в товарищи" первому воеводе Андрею Богдановичу Полеву. Он стал участником обороны года от войск Сагайдачного, вместе с троюродным братом Степаном Лукьяновичем Хрущевым *[РГАДА. Ф. 123. Д. 3. Л. 83–88; Д. 4. Л. 12–51]*. ***Иван Лукич доблестно проявил себя во время осады Ельца Сагайдачным. Его считали погибшим, но Иван был только ранен. В плен к запорожцам попал старший сын Хрущева Денис*** *[Воскобойникова Н. П. Описание древнейших документов архивов Московских приказов XVI — начала XVII веков. Кн. II. М., 1999. С. 171]*.

После нашествия Сагайдачного Иван Лукич Хрущев обосновался в Елецком уезде вместе с семьей несмотря на то, что его поместье здесь было разорено запорожцами, а один крестьянин уведен в "полон" *[РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Д. 5. Л. 174]*. ***Вместе с ним проживали жена Анна и сыновья Дмитрий, Василий, Лука и Иван. После 1626 года Иван Лукич выкупил из плена старшего сына Дениса*** *[Воскобойникова Н. П. Описание… С. 171]*.

Дослужился Иван Лукич до придворного чина стряпчего. Скончался в 1629 году.

Старший сын, Денис, с конца 20-х годов служил в Москве по военной части. В 1658 году он — стряпчий рейтарского строя. Скончался Денис Иванович в конце 70-х

годов. На земли в Елецком уезде он никогда не претендовал и с родными связей почти не поддерживал.

После смерти Ивана Лукича владения его в селе Борисоглебском перешли вдове Анне *[РГАДА. Ф. 1209. Д. 132. 1628/30. Л. 887].* ***<…> Вместе с матерью проживали и дети, Дмитрий 9 лет и Василий 7 лет, а также малолетний Лука. Где находился второй сын, Иван, неизвестно.***

В 1646 году Анна Хрущева имела одно из крупнейших поместий в уезде. На ее земле проживали сто шестнадцать крестьян и бобыль. Один крестьянин числился в беглых. Кроме того, в том же селе за ней и ее детьми числились четыре задворных человека, "старинные, мужа ее Ивана Хрущева" *[РГАДА. Ф. 1209. Д. 135. Л. 177–177 об.].*

Дмитрий Иванович Хрущев начинает свою карьеру с 30-х годов, к концу жизни в 1676 году он значился как московский дворянин. Один из сыновей Дмитрия, Иван "Меньшой", получил земли в селе Борисоглебском в 1676 году. На его земле проживали семьдесят три крестьянина *[Там же. Ф. 1209. 1678. Д. 8830. Л. 126].*

Он ничем особенно не отличился, к службе способностей не проявлял, но прожил до 1741 года. Вторая часть поместья Дмитрия Ивановича в Борисоглебском перешла второму сыну — Прокофию. Он жил недолго и скончался в 1681 году холостым. Третий сын Дмитрия, Василий, дожил до 1725 года. Он получил земли Прокофия в 1681 году, но большую часть жизни проводил в Москве, а затем в Петербурге. С 1692 году служил стольником, был дважды женат, но имел одного сына.

Третий сын Ивана Лукича, Василий Иванович, служил жильцом в Москве с 1631 по 1646 годы. К 1669 году он — дворянин московский. Скончался Василий Иванович в 1679 году. Незадолго до смерти он вернулся и обосновался в Борисоглебском, где на его земле проживали тридцать четыре крестьянина *[Там же. Л. 126 об.].* ***Василий Иванович***

оставил трех сыновей: Ивана, Исайю и Осипа. Исайя сделал хорошую карьеру при дворе Петра I. В 1692 году государь пожаловал ему чин стольника, в 1696 году в Азовском походе он служил есаулом. В 1703 году находился в начальных людях. После чего был послан воеводой в Рузу.

Младший сын Ивана Хрущева, Лука, служил в чине стряпчего с 1636 по 1658 годы. В феврале 1639 года он встречал персидского посла. В 40-е годы проживал в своем поместье и занимался хозяйственной деятельностью. В отказных книгах Елецкого уезда Лука Иванович выступал свидетелем распределения урочищ и непаханых земель, так как был грамотен и имел авторитет у соседей *[Катков С. И. Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977. С. 108]****.***

В 60-е годы Лука Иванович вернулся на государеву службу в Москву. Находился он в личном подчинении у государя Алексея Михайловича. За верную службу Лука Иванович был пожалован в чин "дворянин московский" в 1668 году. В 70-е годы Лука Иванович вернулся в родное поместье, но, в отличие от братьев, хозяйственной инициативы не выказывал и был вполне доволен 14 крестьянами, проживавшими на его землях *[РГАДА. Ф.1209. Оп. 1. Д. 8830. Л. 126]****. Скончался Лука Иванович в 1682 году. У него было три сына: Иван, Максим и Федор».***

Федор Иванович, Иван Иванович и Никифор Ивановичи — сыновья Ивана Лукича (младшего) — родители наших героев.

У польского шляхтича Ивана Ивановича Хруща («майского жука», если перевести слово «хрущ» на русский), родоначальника Хрущовых, который поступил на службу к московским великим князьям, было, как мы уже говорили, восемь сыновей — наши герои являются потомками второго по старшинству сына Петра Ивановича — помещика Тульского, Тарусского и Московского уездов.

Но первым в историю России вошел самый младший из восьми братьев: ***«Лука Иванович, голова в Чернигове (1543); 4-ый воевода 3-го ертаульного полка в казанском походе (1544); 3-ий воевода 3-го большого полка в полоцком походе (1550); в 1547 записал речь Иоанна Грозного, произнесенную с лобного места к народу, которая оканчивается обращением к Адашеву: "Алексий, взял тебя из нищих"… и т. д.»*** *(В. В. Руммель и В. В. Голубцов).*

«Речь Ивана Грозного», записанная Лукой Хрущовым, стала базовым документом для многих поколений россиян, в котором первый русский царь, будущий Грозный, палач и изверг, призывает к миру.

Речь Ивана Грозного на Лобном месте в 1550 году

Вот что пишет по поводу введения в научный оборот этого документа В. П. Козлов в книге *«Обет юного венценосца» (М., 1996)*:

«Работая над “Историей государства Российского”, Карамзин широко пользовался документами различных хранилищ Москвы и Петербурга. Вне его внимания не остались и материалы Московского архива Коллегии иностранных дел. Среди рукописей этого архива историограф обнаружил сборник XVII в., основную часть которого занимал список Степенной книги. Как установил Карамзин, сборник попал в архив в начале 40-х гг. XVIII в. из библиотеки одного из сторонников опального Артемия Волынского — А. Ф. Хрущева, очевидно, уже после казни последнего в 1740 г. С легкой руки Карамзина Степенная книга, находившаяся в нем, с тех пор стала называться Хрущевским списком Степенной книги.

Список содержал известия, обычные для того вида Степенной книги, который появился на грани XVI — XVII вв. Однако, знакомясь с ним, Карамзин обнаружил текст любопытного источника — пересказ речи Ивана Грозного на Лобном месте в 1550 г. перед людьми “из городов всякого чину”. Этот эпизод не был известен Карамзину из других источников. И в настоящее время мы знаем о нем только из Хрущевского списка Степенной книги. Опубликовав в примечаниях к своему труду почти полностью текст этой речи, Карамзин рассказал о ней и в основном тексте “Истории”. Вот как выглядело сообщение Хрущевского списка в интерпретации и пересказе историографа. “Юное, пылкое сердце его (Ивана Грозного) хотело открыть себя пред лицом России: велел, чтобы из всех городов прислали в Москву людей избранных, всякого чина или состояния, для важного дела государственного.

Они собралися — и в день Воскресный, после Обедни, царь вышел из Кремля с духовенством, с Крестами,

с Боярами, с дружиною воинскою, на лобное место, где народ стоял в глубоком молчании. Отслужили молебен. Иоанн обратился к Митрополиту и сказал: 'Святый Владыко! знаю усердие твое ко благу и любовь к отечеству: будь же мне поборником в моих благих намерениях. Рано Бог лишил меня отца и матери; а Вельможи не радели о мне: хотели быть самовластными; моим именем похитили саны и чести, богатели неправдою, теснили народ — и никто не претил им. В жалком детстве своем я казался глухим и немым: не внимал стенанию бедных, и не было обличения в устах моих! Вы, вы делали, что хотели, злые крамольники, судии неправедные! Какой ответ дадите нам ныне? Сколько слез, сколько крови от вас пролилося? Я чист от сея крови! А вы ждите суда Небесного!..'

Тут Государь поклонился на все стороны и продолжал: 'Люди Божии и нам Богом дарованные! Молю вашу веру к Нему и любовь ко мне: будьте великодушны! Нельзя исправить минувшего зла: могу только впредь спасать вас от подобных притеснений и грабительств. Забудьте, чего уже нет и не будет! Оставьте ненависть, вражду, соединимся все любовию Христианскою. Отныне я судия ваш и защитник'. В сей великий день, когда Россия в лице своих поверенных присутствовала на лобном месте, с благоговением внимая искреннему обету юного Венценосца жить для ее счастия, Иоанн в восторге великодушия объявил искреннее прощение виновным Боярам; хотел, чтобы Митрополит и Святители также их простили именем Судии Небесного; хотел, чтобы все Россияне братски обнялися между собою; чтобы все жалобы и тяжбы прекратились миром до назначенного им срока. В тот же день он поручил Адашеву принимать челобитные от бедных, сирот обиженных, и сказал ему торжественно: 'Алексий: ты не знатен и не богат, но добродетелен. Ставлю тебя на место высокое, не по твоему желанию, но в помощь душе

моей, которая стремится к таким людям, да утолите ее скорбь о несчастных, коих судьба мне вверена Богом! Не бойся ни сильных, ни славных, когда они, похитив честь, беззаконствуют. Да не обманут тебя и ложные слезы бедного, когда он в зависти клевещет на богатого! Все рачительно испытывай и доноси мне истину, страшася единственно суда Божия'". Речь Грозного, достаточно точно переданная в литературной обработке Карамзина, содержала массу чрезвычайно важных и ответственных для характеристики ситуации середины XVI в. данных. Во-первых, становилось известно о первом Земском соборе. Тем самым отодвигалась вглубь история сословно-представительных учреждений в России. Во-вторых, прямо указывалось на организацию особого учреждения во главе с А. Ф. Адашевым для рассмотрения челобитных, то есть о Челобитенном приказе, возникновение которого до этого относили к более позднему времени. В-третьих, обращали на себя внимание покаяние царя, его обвинения в адрес бояр, заверение царствовать справедливо и т. д. Показание Хрущевского списка Степенной книги хорошо укладывалось в концепцию Карамзина, согласно которой Иван Грозный правил в первые годы "без тиранства и прихотей". Оно ярко рисовало торжественный момент начала реформ середины XVI в.: молодой царь кается в своем легкомыслии, обещает восстановить справедливость, наказать лихоимцев, предлагает примирение всем сословиям, наконец, жалует незнатного, но честного слугу и дает ему ответственное поручение общегосударственного значения. Может быть, поэтому увлеченный попавшим в его руки источником Карамзин не обратил внимания на ряд палеографических особенностей рукописи, о которых пойдет речь ниже. Правда, историограф заметил два несоответствия речи Грозного с показаниями других источников. "В сей Степенной книге, —

писал он, — сказано, что Иоанну было тогда 20 лет: не 20, а 17, если он говорил эту речь после бывшего пожара". А касаясь пожалования Адашева, отметил: "Алексей Адашев по списку Бояр и чиновников Двора… был пожалован в окольничие уже в 1555 году". Речь Грозного на Лобном месте в 1550 г. из Хрущевского списка Степенной книги казалась в начале XIX в. настолько важным и не подверженным сомнениям источником, что была включена даже во вторую часть авторитетнейшей в то время публикации — "Собрания государственных грамот и договоров", подготовленной сотрудниками архива, где хранился список Степенной книги. Здесь она названа "воззванием" и трактуется как документ, имевший в середине XVI в. общегосударственное значение, — "О прекращении вопиющих притеснений, налогов и несправедливостей, в судах укоренившихся, от управления государством бояр, в продолжении малолетства государева; о строгом наказании за подобные впредь злодеяния и о пожаловании в окольничии Алексея Адашева для принятия челобитен от обидимых и для защиты немощных от руки сильных". Как видим, заголовок, данный источнику в "Собрании", так же, как и у Карамзина, подчеркивал серьезность и важность намерений самодержавной власти в середине XVI в. устранить всевозможные злоупотребления, которые распространились во время малолетства Ивана Грозного. Правда, в отличие от Карамзина, издатели "Собрания" оказались более внимательными к палеографической стороне Хрущевского списка Степенной книги, впервые указав, что "воззвание" публикуется ими по списку, то есть отметили, что листы, на которых рассказывалось о речи Грозного, представляли собой копии неизвестного им оригинала. Освященная авторитетом Карамзина и "Собрания", речь Грозного с тех пор в течение долгого времени рассматривалась как важный, хотя и не во всем ясный

источник сведений о начале реформ середины XVI в. Ее, например, безусловно принимали историки С. М. Соловьев, К. Н. Бестужев-Рюмин, активно поддерживали потомки последнего владельца рукописи Степенной книги — Хрущева, связывая с одним из своих предков даже саму запись речи Грозного. Такое отношение к памятнику объяснялось и тем, что после Карамзина и издания в "Собрании" никто не обращался непосредственно к оригиналу — рукописи, хранившейся в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Особые обстоятельства созыва этого собора, казалось, подтверждали идею о том, что в России самодержавная власть в борьбе с боярством пыталась использовать земское представительство. Первым усомнился в речи Грозного В. О. Ключевский. Однако и он, отметив наличие в ней противоречий с показаниями других источников, в целом не решился признать ее полностью недостоверной, а тем более фальсифицированной. По его мнению, собор 1550 г. с речью на нем Ивана Грозного — это "потерянный факт" в политической истории России XVI в. из-за искажения известий о нем в Хрущевском списке Степенной книги. Близкую точку зрения высказал и Н. П. Лихачев. Не сомневаясь, что такой эпизод в русской истории середины XVI в. имел место, он лишь сожалел о его "искажении" в единственном дошедшем до нас списке, повествующем об этом. Перелом в отношении к фактам, изложенным в Хрущевской Степенной книге, произошел несколько позже и оказался связанным со статьями С. Ф. Платонова и его ученика П. Г. Васенко. Правда, и Платонов не избежал влияния общераспространенной точки зрения. В своей статье 1883 г. "Заметки по истории московских соборов" он еще не сомневался в подлинности речи Грозного на соборе 1550 г., равно как и в реальности самого собора. Но уже в статье, опубликованной в 1900 г., Платонов решительно отрицает

подлинность речи Грозного в записи по Хрущевскому списку Степенной книги. Аргументы Платонова сводились к следующему. Во-первых, историческая ситуация 1550 г. не дает основания утверждать, что такой собор должен был произойти и на нем пришлось выступить Грозному. Во-вторых, речь Грозного нам известна из одного, сравнительно позднего списка, каким является Степенная книга Хрущева. Впервые после многих лет обратившись к оригиналу Хрущевского списка Степенной книги, Платонов обнаружил, что запись речи в нем находится на вставных листах более позднего, чем весь список Степенной книги, времени. По мнению Платонова, интерполяция этих листов с речью произошла в период между концом XVII в. — 1742 г. Выводы Платонова были развиты Васенко. Знаменитая речь Грозного оказалась написанной на бумаге, отличной от остальной части рукописи Степенной, к тому же листы с речью были вставлены позднее, вместо удаленных из рукописи оригинальных листов. Почерк вставных листов резко отличался от почерка всей рукописи. Но на этом сюрпризы Хрущевской Степенной книги не кончились. Ученый обнаружил в ней еще две вставки. Первая, написанная на той же бумаге и тем же почерком, что и вставка речи Грозного, рассказывала о сватовстве великого князя Литовского Александра к дочери Ивана III Елене. Факт этот общеизвестный и реальный в русской истории. Однако вставка сообщала ряд неизвестных подробностей. Согласно ей, великий князь после совета с митрополитом Симоном решил провести обручение в Москве. А "во второе лето" княжна в сопровождении боярина Якова Захарьича "со товарищи" была отправлена в Вильну "до венчания и о укреплении, чтоб жить в любви, и греческой веры не отымать". Яков Захарьич затем возвратился в Москву, а в Литву сопровождать княжну отправились дворянин Иван Андреевич Чевкин-Дурново

“со товарищи”, игумен из Переславля-Залесского, протопоп, два попа и два дьякона. Прибыв туда, Чевкин-Дурново сообщил великому князю о требовании его зятя, чтобы Елена отказалась от греческой веры и перешла в католичество. Далее повествовалось о смерти Елены и сообщалось, что “Иван Чевкин и иже мнози от нужды помроша”. Опечаленный великий князь пожаловал родственников умершего дворянина, в том числе “Иванова сына Чевкина Михаила волостью в Кашире и иными различными милостьми в утешение и глагола им: ‘мне вашего горше яко дщерь свою погубил. Вам же аз мздовоздам за смерть отцов ваших, и матерей, и дядей и братий’”. Вторая вставка представляла собой подлинные листы текста Хрущевского списка Степенной книги, механически перенесенные в другое место. Характеризуя первые две вставки, Васенко заметил, что “почерк всех вставок — грубый полуустав исхода XVII в., идентичный и не встречающийся ни в каком другом месте рукописи. Для помещения вставок употреблялись одинаковые приемы: вырезали листы рукописи и вместо них пришиты или приклеены новые, причем 7 листов старого текста заменены 9 листами вновь написанного”. Васенко обратил внимание и на существенные искажения исторических реалий в изложении событий во вставке о замужестве великой княжны Елены: обручение княжны произошло не при митрополите Симоне, а при Зосиме, преемником которого стал Симон (уже после отъезда Елены в Литву). В данном случае автор вставки повторил ошибку, содержавшуюся в том же Хрущевском списке Степенной книги. Отсюда же заимствовано и показание о Якове Захарьиче, который, по другим источникам, никогда не ездил в Вильну. Автор вставки допустил и еще один промах: отнес смерть Елены ко времени княжения Ивана III, тогда как даже в самом Хрущевском списке говорилось, что она скончалась при Василии III. Отсюда

и вымысел речи Ивана III по этому поводу. Явно преувеличена, по Васенко, и роль при дворе Чевкина-Дурново, о котором вообще не упоминают другие источники. Платонов и Васенко обратили внимание на то, что в конце XVII в. владельцем Степенной книги был окольничий С. С. Колтовский, подвергнувшийся в 1691 г. опале за учиненное им "непослушание много и противность". Поскольку еще в XVII в. род Колтовских вел свое начало от Чевкиных, Васенко связал вставку с именем С. С. Колтовского, который, по его мнению, сделал ее "в интересах возвеличивания рода Колтовских". Из этого вытекало и общее отношение Васенко к речи Грозного. Характеризуя ее, исследователь отмечает наличие анахронизмов, "невыдержанность в композиции", "несоответствие тона обращения царя к боярам с настроением Иоанна в 1550 г.", близость ряда выражений речи к тексту Стоглава, переписке Грозного с Курбским, "Истории" Курбского и т. д. Речь Грозного, заключал Васенко, как и вставка о замужестве княжны Елены, не имеет значения исторического источника. По мнению ученого, вставку о речи Грозного также можно связать с именем Колтовского (тем более, что обе вставки написаны одним почерком). "Можно отметить некоторое сходство в положении России в малолетство Грозного и во время правления царицы Натальи Кирилловны", когда Колтовский был подвергнут опале и мог придумать созвучную политической ситуации конца XVII в. грозную речь царя на соборе 1550 г. Статьи Платонова и Васенко сыграли определяющую роль в дальнейшем отношении к показаниям Хрущевского списка Степенной книги. Было безусловно доказано, что речь Грозного, как и показание о замужестве великой княжны Елены, является по меньшей мере интерполяцией в Степенную книгу, причем более позднего, чем весь список, времени. Установление же недостоверности вставки о Чевкине-Дурново, написанной

той же рукой, что и речь Грозного, ставило на твердую основу подозрение в недостоверности и последней. Доверие к Хрущевскому списку Степенной книги было серьезно подорвано. Речь шла уже не просто об источнике, неясном по происхождению, не просто позднем или недостоверном. И Платонов, и Васенко прямо связали вставки в Хрущевский список Степенной книги с фальсификацией, продиктованной генеалогическими соображениями и политической конъюнктурой конца XVII в. Однако восприятие статей этих ученых оказалось далеко не однозначным, даже в научных кругах, не говоря уже о популярных работах, где речь Грозного предоставляла прекрасную возможность порассуждать о начале сословного представительства в России, рассказать о смелом решении молодого царя найти опору в борьбе с боярством, бюрократическими злоупотреблениями, покончить с несправедливостью, укоренившимися во время его малолетства. Выводы Платонова и Васенко казались излишне решительными. И удивительное дело: в аргументах противников их точки зрения все чаще и чаще смещались акценты — речь постепенно пошла не об отношении к показанию Степенной книги Хрущева, а о том, мог или не мог быть собор в 1550 г., мог или не мог выступить на нем Иван Грозный. В следующей главе мы убедимся в том, что подобный подход к фальсификациям, когда проблему подлинности источника подменяют проблемой достоверности какого-либо содержащегося в нем факта, отнюдь не единичное явление. На основании анализа источников исследователи все-таки считают, что такой собор мог иметь место между 1547–1550 гг. Даже Платонов, после того как в 1921 г. было опубликовано так называемое "Продолжение Хронографа редакции 1512 г." в рукописи рубежа XVII — XVIII вв., где сообщалось о собрании в царской палате в феврале 1549 г., скорректировал свою точку

зрения на показание Хрущевского списка Степенной книги, полагая, что редакция 1512 г. послужила основой для записи речи Ивана Грозного на Лобном месте в Хрущевской Степенной книге. Однако мы не будем углубляться в вопрос, был или не был в середине XVI в. собор, о котором рассказано в Хрущевском списке. Нам важно все-таки разобраться, что же собой представляет сама вставка о речи Грозного, кто, когда и какими мотивами руководствовался при ее составлении. И здесь надо сказать, что работы Платонова и Васенко не сняли проблему. С. В. Бахрушин, например, изготовление вставки относил к середине XVII в. и связывал ее с городскими восстаниями 1648 г. А. А. Введенский констатировал, что вставка была сделана человеком, пропагандировавшим продолжение практики земских соборов. С. О. Шмидт высказал мысль о том, что речь Грозного вставлена в Хрущевский список Степенной книги в 30-хгг. XVIII в., то есть не одновременно со вставкой о замужестве великой княжны Елены. С. Б. Веселовский повторил за Платоновым и Васенко, что вставки были сделаны по генеалогическим соображениям, но не Колтовским, а кем-то из Хрущевых. Его точку зрения разделил и Н. И. Павленко. Столь противоречивые мнения специалистов настоятельно диктовали необходимость вновь вернуться к самой рукописи Хрущевского списка Степенной книги. Это было сделано В. Н. Автократовым. Развивая выводы Платонова и Васенко, Автократов сделал ряд новых важных наблюдений, которые сводятся к следующему. Все памятники, вошедшие в Хрущевский список Степенной книги, не могут быть датированы ранее первой половины XVII в. Время составления Хрущевского сборника в целом относится к периоду правления царя Алексея Михайловича (1645–1676), так как в списке Степенной книги он упоминается как здравствующий. Филиграни вставок в Степенную книгу

показывают, что они написаны на бумаге 80-х гг. XVII в. Сам сборник попал к Хрущевым, очевидно, в составе приданого жены А. Ф. Хрущева — А. Н. Колтовской, внучки Колтовского. Первая вставка — о Чевкине-Дурново — сделана после 25 июня 1686 г., когда Колтовские в связи с отменой местничества подали родословную роспись, в которой никакой Чевкин еще не фигурирует. В то же время она не могла быть сделана в начале XVIII в., когда петровские указы окончательно положили конец местническим спорам, и генеалогические доказательства потеряли всякий смысл. Вставка преследовала цель обосновать права Колтовских, которые ошибочно считали себя потомками Чевкина, на земельные владения в Каширском уезде, а заодно прославить древность и известность их рода. Она связана с именем Колтовского, у которого после опалы 1691 г. имелись реальные причины для возвеличивания своего рода. При изготовлении второй вставки — речи Грозного — автор использовал Хрущевский список Степенной книги, одно из мест которой (описание событий после смерти царицы Екатерины Глинской) натолкнуло его на мысль о сходстве ситуаций середины XVI в. и конца XVII в. Вставка имела публицистический характер. Выдумав речь Грозного, автор сознательно в фальсифицированном пересказе события середины XVI в. отразил свои взгляды на политическую ситуацию конца XVII в.: отметил тяжелое положение страны, главной причиной которого считал личные качества Петра I, мздоимство правительственных кругов и близких к ним лиц; выступил с программой улучшения положения дел в государстве, основными пунктами которой были требования созыва Земского собора для наказания лихоимства, организации праведного суда, привлечения к руководству страной дворянства, в том числе неродовитого, и возвышения церкви как духовного наставника нации. Эта программа,

подчеркивает исследователь, в целом носила консервативный характер, идеализировала земское представительство и несомненно отрицала тот поворот, который намечался в политике Петра I, отражая недовольство его политическим курсом части господствующего класса. Тщательно и впервые изучив жизненный путь Колтовского, Автократов определенно связывает вставку речи Грозного с его именем: Колтовский был участником последнего Земского собора 1684 г., в 1691 г. оказался в опале. Говоря о времени вставки речи Ивана Грозного, Автократов обращает внимание на то, что автор подделки в завуалированной форме сам оставил указание на это. Анахронизм вставки в определении возраста Ивана Грозного (20-й год вместо 17-го) был подмечен еще Карамзиным. Именно в 1691 г. Петру I шел 20-й год. Следовательно, заключает Автократов, между октябрем 1691 г. (время опалы Колтовского) и январем 1692 г. (время снятия с Колтовского опалы) и была изготовлена фальшивая речь Грозного. Казалось бы, статья Автократова ставила если не все, то большинство точек над "i" в отношении вставок в Хрущевский список Степенной книги. Однако аргументацию Автократова приняли далеко не все исследователи. Ряд контрдоводов был выдвинут академиком М. Н. Тихомировым, а затем и С. О. Шмидтом. Понятно, что названные и другие ученые уже не могли отрицать факта позднейшей интерполяции в Хрущевский список Степенной книги. Однако, по мнению Тихомирова, палеографический анализ не дает оснований утверждать, когда была проведена такая интерполяция. Ученый полагает, что она могла быть сделана даже в XVIII в., причем не кем-то из Колтовских, а одним из Хрущевых. Более того, в основе вставки с речью Ивана Грозного лежал реальный исторический источник — летописная запись, вышедшая в середине XVI в. из официальных московских

кругов, близких к Адашеву, для оправдания его возвышения. Речь Грозного не характерна для позднейших (т. е. XVIII в.) подделок, наоборот, она "соответствует риторическим приемам Грозного и даже его фразеологии". Трудно также предположить, продолжает Тихомиров, чтобы фальсификатору конца XVII — начала XVIII в. пришла в голову мысль взять за основу своей подделки "малоизвестные факты XVI в., которые сделались более или менее ясными только исследователям XX века". Точку зрения Тихомирова считает "наиболее вероятной" и Шмидт. Он обратил внимание на то, что Хрущевы находились в дальнем родстве с потомками Адашева. "Вполне уместно предполагать", пишет он, что среди окружения и потомков Адашева сохранились предания или даже записи о политических событиях середины XVI в., которые затем и послужили источником вставки в Хрущевский список Степенной книги. С другой стороны, "имеются данные для предположения" о том, что в основе вставки могло быть "не дошедшее до нас публицистическое сочинение, близкое по времени к описываемым событиям". Оно в конце XVII в. или позже с некоторыми изменениями и могло быть внесено неизвестным автором в Хрущевский список Степенной книги. Результат этих исследований, возможно, разочарует читателя. В самом деле, где же истина? Можно ли считать вставки в Хрущевский список Степенной книги подделкой, или же перед нами все-таки источник, хотя и позднейший, но важный для характеристики политической истории России середины XVI в.? Увы, случай со вставками в Хрущевский список Степенной книги лишний раз подтверждает, что грань между подлинным источником и подделкой оказывается подчас неуловимой не только с позиций объективных реалий, но и в восприятии исследователей. Факт признания или отрицания ими подделки нередко зависит от их убежденности, исследовательского

мастерства и научной добросовестности. В отношении к вставкам в Хрущевский список Степенной книги столкнулись две серьезно аргументированные точки зрения. Каждый вправе присоединиться к любой из них — в настоящее время наука не имеет возможности однозначно сформулировать свое отношение к этому сложному по происхождению и содержанию источнику. Если же читателя интересует мнение автора настоящей книги, то он, включив этот источник в свою работу о подделках, вполне однозначно выразил свое отношение к нему. По нашему мнению, любая точка зрения на проблему предполагает аргументированный разбор иных точек зрения. К сожалению, в данном случае мы не видим такого анализа со стороны тех, кто считает вставки с речью Ивана Грозного отражением реального события или факта, взятого из существовавшего, но не дошедшего до нас источника середины XVI в. В работах Платонова, Васенко, Автократова, на наш взгляд, имеется стройная, подтверждаемая реальными фактами конца XVII в. аргументация: конкретно выявлены мотивы, время, автор, источники вставок, то есть предложено решение тех вопросов, которые неизбежно возникают при разоблачении подделок исторических источников. Для обоснования иного вывода необходимо доказать, что вся их аргументация неубедительна. А этого пока не сделано».

То есть спор продолжается. И непонятно, если это фальсификация, кто ее автор — обиженный на Петра I, лишенный окольничего чина и «чести» Семен Семенович Колтовский, дальний родственник Ивана Грозного, или зять Колтовских — блестяще образованный Андрей Федорович Хрущов?

«Хрущев, Андрей Федорович [1691–27 VI (8 VII) 1740, Петербург]. В 1705–1712 обучался в московских немецкой и французской школах Э. Глюка, О. Гагена, И. Вернера как

своекоштный ученик "без жалованья, на своих доволствах". В 1712 был отправлен в Голландию для изучения "навигацких наук". В 1720 вернулся в Россию, служил в Адмиралтейств-коллегии в звании поручика, затем капитана (с 1721), с 1726 — советник при Адмиралтейской конторе. В марте 1734 был назначен помощником В. Н. Татищева и направлен в Сибирь для надзора за рудокопными заводами. По возвращении в Петербург Хрущев сблизился с А. П. Волынским и его "конфидентами" — П. М. Еропкиным и Ф. И. Соймоновым, составлявшими оппозиционную по отношению к правительству группу. В 1739 г. Андрей Хрущев принимал активное участие в составлении Волынским "Генерального проекта о поправлении внутренних дел государства" и, видимо, знакомил его с иностранной политической литературой, так как он не знал языков. В 1739 г. А. П. Волынский был единственным докладчиком у императрицы по делам кабинета. Вскоре, однако, главному его противнику Остерману удалось вызвать против Волынского неудовольствие императрицы. Хотя ему удалось, устройством шуточной свадьбы кн. Голицына с калмычкой (камчадалкой — С. В.) Буженинова (которая исторически верно описана Лажечниковым в "Ледяном Доме"), на время вернуть себе расположение Анны Иоанновны, но доведенное до ее сведения дело об избиении Тредьяковского и слухи о бунтовских речах Волынского окончательно решили его участь. Остерман и Бирон представили императрице свои донесения и требовали суда над Волынским; императрица не согласилась на это. Тогда Бирон, считавший себя оскорбленным со стороны Волынского за избиение Тредьяковского, совершенное в его "покоях", и за поношение им действий Бирона, прибегнул к последнему средству: "либо мне быть, либо ему", — заявил он Анне Иоанновне. В первых числах апреля 1740 года Волынскому было запрещено являться ко двору; 12 апреля, вследствие доложенного императрице дела 1737 года о 500 рублях

казенных денег, взятых из конюшенной канцелярии дворецким Волынского, Василием Кубанцем, "на партикулярные нужды" его господина, последовал домашний арест, и через три дня приступила к следствию комиссия, составленная из семи лиц. Первоначально Волынский вел себя храбро, желая показать уверенность, что все дело окончится благополучно, но потом упал духом и повинился во взяточничестве и утайке казенных денег. Комиссия искала и ждала новых обвинений, и из них самое большее внимание обратила на доносы Василия Кубанца. Кубанец указывал на речи Волынского о "напрасном гневе" императрицы и вреде иноземного правительства, на его намерения подвергнуть все изменению и лишить жизни Бирона и Остермана. Допрошенные, также по доносу Кубанца, "конфиденты" Волынского подтвердили во многом эти показания. Важным материалом для обвинения послужили, затем, бумаги и книги самого Волынского, рассмотренные Ушаковым и Неплюевым. Между его бумагами, состоявшими из проектов и рассуждений, напр. "о гражданстве", "о дружбе человеческой", "о приключающихся вредах особе государя и обще всему государству", самое большое значение имел его "генеральный проект" об улучшении в государственном управлении, писанный им по собственному побуждению, и другой, уже с ведома государыни, проект о поправлении государственных дел. Правление в Российской империи должно быть, по мнению Волынского, монархическое с широким участием шляхетства, как первенствующего сословия в государстве. Следующей правительственной инстанцией после монарха должен быть сенат, с тем значением, какое он имел при Петре Великом; затем идет нижнее правительство, из представителей низшего и среднего шляхетства. Сословия: духовное, городское и крестьянское получали, по проекту Волынского, значительные привилегии и права. От всех требовалась грамотность, а от духовенства и шляхетства более широкая

образованность, рассадниками которой должны были служить предполагаемые Волынским академии и университет. Много предлагалось реформ для улучшения правосудия, финансов, торговли и т. д. При дальнейшем допросе Волынский (с 18 апреля уже в тайной канцелярии) его называли клятвопреступником, приписывая ему намерение произвести переворот в государстве. Под пыткой Хрущев, Еропкин и Соймонов прямо указывали желание Волынского самому занять российский престол после кончины Анны Иоанновны. Но Волынский и под ударами кнута в застенке отвергал это обвинение и всячески старался выгородить Елизавету Петровну, во имя которой будто бы, по новым обвинениям, он хотел произвести переворот. Не сознался Волынский в изменнических намерениях и после второй пытки. Тогда, по приказу императрицы, дальнейшее разыскание было прекращено и 19 июня назначено для суда над Волынским и его "конфидентами" генеральное собрание, которое постановило: 1) Волынского, яко начинателя всего того злого дела, живого посадить на кол, вырезав у него предварительно язык; 2) его конфидентов — четвертовать, и затем отсечь им головы; 3) имения конфисковать и 4) двух дочерей В. и сына сослать в вечную ссылку. 23 июня этот приговор был представлен императрице, и последняя смягчила его, указав головы В., Еропкина и Хрущева отсечь, а остальных "конфидентов" по наказании сослать, что и было исполнено 27 июня 1740 г. Возвращенные из ссылки на другой год после казни, дети Волынского с разрешения императрицы Елизаветы Петровны поставили памятник на могиле своего отца, похороненного вместе с Хрущевым и Еропкиным близ ворот церковной ограды Сампсониевского храма (на Выборгской стороне). В 1886 г., по почину М. И. Семевского, на пожертвования частных лиц, был воздвигнут на могиле Волынского, Еропкина и Хрущева новый памятник. Большая библиотека Хрущева, состоявшая преимущественно из книг на французском

языке, в 1742 поступила в Библиотеку СПб. Академии наук. В 1719 в Амстердаме Хрущев перевел на рус. язык известнейшее произведение назидательной литературы европейского Средневековья — трактат Фомы Кемпийского "О подражании Христу" (нач. 1420-х гг.) под загл. "Утешение духовное, или Книга следования Иисуса Христа" (Хрущев считал свой перевод на рус. язык первым, но в действительности он был третьим). Беловой список перевода он поднес княгине И. П. Долгорукой, которая находилась тогда в Голландии. В предисловии Хрущев изложил историю самой книги и свои принципы перевода, новые для русской литературы: "Переводил я не от слова до слова, то б была на русском языке французская книга, но изъяснил всякое авторово мнение простыми словами", однако при переводе цитат из Библии Х. точно следовал ее слав. переводу, а главы, трактующие догматические вопросы, "переводил с великим смотрением, осторожностью и страхом, чтоб не погрешить против самой церкви". Из всех русских переводов XVII — XVIII вв. этот перевод был самым распространенным в рукописной традиции и сохранился в десятках списков; в 1799 И. Михайлов издал первые две части перевода Хрущева под заглавием "Лекарство для болящия души…", модернизировав язык. Еще в Голландии Хрущев начал, а по возвращении в Россию в 1724 закончил "Похождение Телемака" — первый рус. перевод книги Ф. Фенелона, трижды изданный в XVIII в. (1747; 3-е изд. 1782; во всех изданиях указана ошибочная дата перевода: 1734). В рукописных списках и в печатных изданиях имя переводчика отсутствует, перевод атрибутируется Хрущевым на основании свидетельств С. А. Порошина и Я. Я. Штелина. В издание не вошло предисловие переводчика, в котором изложена история книги и причины, побудившие Х. перевести ее. Предположение об участии М. В. Ломоносова в подготовке издания 1747 в качестве переводчика и атрибуция ему рукописного предисловия ошибочны.

В. К. Тредиаковский в предисловии к "Тилемахиде" (1766) о переводе Х. писал, что "уже изданный тиснением 'Тилемах' наш не весьма исправен", а И. С. Захаров в предисловии к своему переводу (1786) высказался еще резче: "Кто читал сию книгу на французском языке, тот, конечно, найдет, что она в российском переводе много от начальных красот своих утратила, и так, что едва следы ее видны. Нет ни единого описания, ни единой картины, ниже простого повествования, которые б не были наполнены великими ошибками, пропусками и даже лишены в некоторых местах всякого смысла, имена самые перепорчены". Однако А. Т. Болотов считал книгу Фенелона в переводе Х. "первым камнем, положенным в фундаменте всей моей будущей учености". Во второй половине 1720-х гг. Хрущев перевел с французского языка "Второй трактат о правлении" Дж. Локка — "О правлении гражданском". Перевод сочинения об управлении, основанном на принципе парламентской монархии, был выполнен, вероятно, по поручению кн. Д. М. Голицына и был одним из шагов по ознакомлению правящих кругов рус. общества с новейшими западноевроп. политическими доктринами. На двух французских книгах из библиотеки Хрущева, приобретенных им в Амстердаме (хранятся в БАН), имеются его записи: на книге Ф. Фенелона "О воспитании девиц" (*"L'Education des filles"*, 1697) — "Переведена на русский язык 1738 года во время печали", на книге И. де ла Шетарди (*de la Chetardie*; 1636–1714) "Наставление юной княжне" (*"Instruction pour une jeune Princesse"*, 1697) — "Переведена на русский язык 1738 году в декабре". Эти переводы не обнаружены» *(Русский биографический словарь)*.

Какие выводы — способен ли был Андрей Федорович Хрущов создать такой исторический шедевр, как «Речь Ивана Грозного на Лобном месте»?

Но этот политический памфлет был не единственным творением, связанным с Хрущовыми.

Известен еще один, рожденный Великой Смутой, в котором с публицистическим жаром говорится о том, что Романовы, взойдя на трон, пригрели на своей груди самых гнусных предателей, творящих Смуту.

Сегодня многие из историков пришли к выводу, что в организации Смуты, «самозванщины» и польского вторжения клан Романовых принимал самое непосредственное участие.

Историки в «*Русском биографическом словаре А. А. Половцова*» приводят пример с одним из родственников Романовых — Петром Никитичем Шереметевым, который ***«несмотря на такое, можно сказать, дружеское отношение к себе царя Бориса, <…> довольно спокойно принял появление первого самозванца»:***

«В 1604 г., когда весь юг Московского государства волновался от подметных грамот самозванца, а поляки сносились с крымским ханом Казы-Гиреем, прося помощи царевичу Димитрию, — царь Борис Годунов высказал Ш. особое доверие, поручив его начальству отборное войско, отправленное в начале 1604 г. в Северскую землю. В товарищи Ш. назначен был кн. Василий Щетинин-Ярославский, а передовой полк вел Мих. Глеб. Салтыков. Царь Борис приказал Ш. стать в Ливнах, откуда было удобно, смотря на надобности, воевать с крымцами или с донскими казаками. Чтобы разузнать о настроении умов на Дону, царь послал туда в это же время дворянина Хрущова и велел выяснить казакам, что они заблуждаются, принимая самозванца за Углицкого царевича Дмитрия. Проездом на Дон, Хрущов виделся в Ливнах с Ш. и Салтыковым: у первого из них он обедал, у второго ужинал. В откровенной беседе с воеводами, Хрущов рассказал, о чем ему велено говорить с донскими казаками. По словам Хрущова, Ш. изумился и, пожав плечами, сказал: “Мы ничего не знаем, однако из сего догадываемся, что не против Перекопского

царя, но против другого нас отправляют; и ежели сие так будет, то трудно против природного государя воевать". — При первых победах самозванца, Борис Годунов отозвал Ш. в Москву, вероятно для того, чтобы получить от него разъяснение относительно обстоятельств, благоприятствовавших успеху самозванца. 21-го января 1605 г. царские воеводы разбили скопище самозванца при деревне Добрыничах, и Лжедмитрий уцелел в этом сражении только вследствие оплошности или нерадения царских воевод, кн. Феод. Ив. Мстиславского и кн. Вас. Ив. Шуйского. Это известие чрезвычайно огорчило царя Бориса, и он послал к боярам и воеводам Ш. и думного дьяка Афанасия Власова, которые и объявили в остроге Радогостском (ниже Почепа 30 верст, против Стародуба), воеводам и войску от имени государя следующее: "Пособствием Божиим воинство Ляцкое побили, а что Гришки самого не поймали, и то вы учинили своим нерадением и неслужбой"».

Судьба же самого Хрущова была печальной. В «*Русском биографическом словаре*» сообщается следующее о Петре Лукиче: «***первый казачий голова донских казаков, назначенный московским правительством, казнен в Путивле в 1605 г. Службу начал сыном боярским по г. Туле, а затем служил казачьим сотником в украинных городах: Ливнах, Рыльске, Путивле и др. В 1592 г., когда царь Феодор Иоаннович отправил послом в Константинополь Григория Нащокина, то для наблюдения за донскими казаками был к нему прикомандирован Х. Нащокин оставил его у донских казаков под предлогом наблюдения за "приходом безвестно" ордынских хищников; но казаки догадались, что это правительственная попытка учредить за ними надзор, и зароптали: "Прежде сего — говорили они — мы служили государю, а чужих голов у нас не было, и ныне рады служить с своими же головами,***

а не с Петром". В 1604 г. Борис Годунов отправил Хрущова на Дон разъяснять казакам их заблуждения относительно самозванца и убеждать их идти против него, но казаки схватили Хрущова и скованного доставили 3 сент. 1604 г. к Лжедмитрию. Желая спасти свою жизнь, Х. залился слезами пред самозванцем и, пав на колени, воскликнул: "Вижу Иоанна в лице твоем; я твой слуга на веки!". Русская летопись отметила его, как "первого изменника", но это несправедливо. Х. искал случая погубить самозванца, но не успев, стал его обличать всенародно, за что в 1605 г. и был замучен в Путивле» *(В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословный Сборник. Ч. II. С. 612; Гр. А. Бобринский. Дворянские роды. Ч. I. С. 549; Русская Старина. 1883. XXXVIII. С. 472; В. Броневский. Ист. Донского Войска. Ч. I. С. 86; А. Савельев. Трехсотлетие Войска Донского. СПб., 1870).*

Татьяна Щербакова в очерке *«1547–1956. Неразгаданный Хрущев»* несколько приукрашивает эту «измену»: ***«Но в Путивле не только не выдали Петра Хрущева Годунову, а пытали его, выведывая оборонные тайны России. И он их под пытками выдал. В конце лета 1604 года Петр Хрущев на допросе у самозванца показал, что в Северской земле нет никаких засек: хотя в Москве и знают, что "царевич в Литве есть, но войска его в Северской земле не ждут". Черниговские воеводы, попавшие вскоре в руки Отрепьева, полностью подтвердили показания Петра Хрущева.***

Осенью 1604 года московское командование, видимо, не предупрежденное о том, что военные тайны стали достоянием Лжедмитрия, не приняло никаких мер к усилению западных пограничных гарнизонов и не собрало полевую армию. Самозванец был прекрасно осведомлен о положении дел на западной границе России. Он решил наступать на Москву не по кратчайшей дороге — через

Смоленск, а через Чернигов. В Чернигово-Северской земле не было таких мощных крепостей, как Смоленская. Наряду с военным фактором важное значение имели факторы социального характера. Еще с конца Ливонской войны в Севск и Курск ссылались опальные холопы, которых было легко поднять на бунт».

А ведь никакой тайны в том, что путь через Чернигов был открыт для Лжедмитрия, не было. Вопрос в другом: кто этот путь ему открыл, ведь все российское отребье изменников и предателей было собрано именно на этом направлении движения Лжедмитрия!? И что случилось со всеми теми, кто попытался стоять на пути лжецарей?

Плохо кончил и сам Петр Никитич Шереметев: ***«Увещание Ш. и его товарищей ни к чему не послужили, и под вечер Плещеев*** *(сторонник Лжедмитрия II, "тушинского вора" — С. В.)* ***со своим скопищем был впущен в Псков, а Ш. и многие из псковских гостей посажены в тюрьму. Ш. пробыл в тюрьме около года и 13 июня 1609 г. удушен приверженцами Тушинского вора, приезжавшими в Псков, чтобы склонить Ш. и сидевших в тюрьме "нарочитых града мужей" принести присягу самозванцу*** *(за которым, как известно, снова стояли Романовы, возвысившие впоследствии Плещеевых — С. В)».*

Интересно, а кто мог распустить слух об «измене» Хрущова?

Но и это еще не все вопросы. В своем очерке *«Неразгаданный Хрущев»* Татьяна Щербакова прямо говорит о родстве Хрущовых с Романовыми (!) и Отрепьевыми (!!!) — собственно, и саму причину направления Петра Лукича Хрущова на Дон к казакам она видит в том, что Петр Лукич лично знал Григория Отрепьева.

ХРУЩЕВЫ — РОДНЯ ЦАРЯМ РОМАНОВЫМ

1

Выше всех в это время возвысились правнуки Луки Хрущева, потомки (внуки) его сына Петра Лукича, замученного в стане Лжедмитрия Первого в Путивле, — Федор (Большой) Григорьевич Хрущев и Федор (Меньшой) Григорьевич Хрущев — сыновья Григория Петровича Хрущева, сына Петра Лукича.

Через свою родственницу Домну Богдановну Хрущеву они даже породнились с самим царем Федором Алексеевичем, старшим братом Петра Первого. Но, по опубликованным документам, эта Домна Богдановна довольно загадочный персонаж.

По одним — она жена Федора Матвеевича Апраксина, сподвижника Петра Первого, генерала армии, первого президента Государственной Адмиралтейств-коллегии, командующего русским флотом в Северной войне и Персидском походе в 1822 году. Это брак, как значится в документах, был бездетным. Сестра Федора Матвеевича, Марфа Матвеевна, стала второй женой царя Федора Алексеевича. Правда, через два половиной месяца она оказалась вдовой. Но ее родственники сделали блестящую карьеру при дворе. В их число вошли и братья Хрущевы.

Но большее доверие вызывают другие документы. Это опубликованная родословная роспись Путиных *(нынешнего Президента России — С. В.)*. Начнем со II поколения:

2–1 ЯКИМ НИКИТИЧ («Якимко Никитин») умер до 1677–1627/28: бобыль дер. Бородино прихода села Тургиново Захожского стана Тверского уезда вотчины боярина Ивана Никитича Романова; 1654: дер. Бордино, крестьянин вотчины боярина Никиты Ивановича Романова.

III поколение

3–2 ГУРИЙ ЯКИМОВИЧ («Гурка Якимов») 1654: дер. Бордино, крестьянский сын вотчины боярина Никиты Ивановича Романова; 1677: дер. Бородино, крестьянин дворцовой Тургиновской волости Тверского уезда.

С 1682: дер. Бордино, крестьянин вотчины боярыни Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича, и ее детей стольников Петра, Федора и Андрея Апраксиных

4–2 МИНА ЯКИМОВИЧ («Минка Якимов») 1654: дер. Бордино, крестьянский сын вотчины боярина Никиты Ивановича Романова.

5–2 ФАДДЕЙ ЯКИМОВИЧ («Фадка Якимов») умер до 1744. 1677: дер. Бородино, крестьянин дворцовой Тургиновской волости Тверского уезда; с 1682: дер. Бордино, крестьянин вотчины боярыни Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича, и ее детей стольников Петра, Федора и Андрея Апраксиных.

6–2 ФРОЛ ЯКИМОВИЧ («Фролко Якимов»).

1677: 15 лет, крестьянский сын, проживал с братом Фаддеем в дер. Бородино;

с 1682: дер. Бордино, крестьянский сын вотчины боярыни Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича, и ее детей стольников Петра, Федора и Андрея Апраксиных.

7–2 ТИТ ЯКИМОВИЧ («Титко Якимов»).

1677: 10 лет, крестьянский сын, проживал с братом Фаддеем в дер. Бородино;

с 1682: дер. Бордино, крестьянский сын вотчины боярыни Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича, и ее детей стольников Петра, Федора и Андрея Апраксиных

Там еще длинный список предков Путина (не берусь об этом факте судить), и все они числятся крестьянами Домны Богдановны, вдовы боярина Матвея Васильевича Апраксина. То есть, не жены, а матери Федора Матвеевича и, значит,

его сестры, супруги царя Федора Алексеевича, старшего брата Петра Первого, Марфы Матвеевны. Но если в документах, где Домна Богдановна указывается женой Федора Матвеевича, она урожденная Хрущева, то в росписи родословной Путина она обозначена как Домна Богдановна Ловчикова. В родословной же росписи Апраксиных она записана как Хрущева (между прочим, Богдан Ловчиков существовал, и его в документах отыскать можно). В чем тут дело?

Поневоле вспоминается указ Екатерины Второй после гражданской казни помещицы Дарьи Николаевны Салтыковой, чьи сыновья по мужу приходились родней царице Прасковье Салтыковой, жены другого брата Петра Первого, Ивана, о запрете упоминать ее имя в каких-либо родословных. И не только не упоминали, но и так перепутали все записи, что и сейчас еле-еле концы с концами свести можно.

Выходит, что Домна Богдановна Хрущева была матерью русской царицы Марфы. Не удивительно, что Хрущевы, правнуки казненного Лжедмитрием Первым Петра Лукича, были при царском дворе в фаворе.

Федор (Меньшой) Григорьевич Хрущев, стряпчий; служил у стола государева в день приема Грузинского царевича (8 июля 1658); дворянин посольства на съезде с польскими комиссарами в Борисове (1660); спич о поражении поляков под Губаревым (3 окт. 1660); был при встрече английского посла (19 февраля 1664); стольник (1671); служил у стола государева (12 ноября 1671); воевода в Вязьме (1674–1675) и в Путивле (1677–1678); ездил за государем (1679); подписал уложение об уничтожении местничества (24 нояб. 1681); думный дворянин (с 10 апр. 1682); участник Троицкого, с государями, похода (1683). Член комиссии для составления нового Уложения (1700); пожалованы ему в вотчину поместья: Тульского (1669), Данковского (1677), Елецкого (1679), Московского (1683) и Веневского (1683) уездов.

Федор (Большой) Григорьевич Хрущев, стряпчий, был при встрече персидского посла (5 февраля 1639); ездил за государем (1651); служил у стола государева в день приема Грузинского царевича (6 июля 1658); дворянин посольства при съезде с польскими комиссарами в Борисове (1660); воевода в Ельце (1663); стольник (1665); был на службе в Смоленске (1665); воевода в Мангазее (1668–1669), Томске (1668–1669), Верхотурьи (1669–1672, 1673–1676) и Тобольске (1672–1673); пожаловано ему в вотчину поместье Данковского уезда (1677); разбирал ратных людей на Коломне (1678); в Калуге, Медыни, Перемышле и Воротынске (1679).

ХРУЩЕВЫ ОДНОГО РОДА С ОТРЕПЬЕВЫМИ

Да, род Хрущевых восходит к основоположнику рода Отрепьевых, Владиславу с Нилка Кащ-Неледзевскому, герба Правдзиц, «мужа знатного Короны Польския». Как и другие русские роды — Нелидовых, Соллогубов, Елагиных, Лутовиновых, Зеленцовых. Все они имеют один и тот же герб — Правдзиц.

В Польше герб этот известен с четырнадцатого века, с тех пор, как впервые им овладел основатель рода — Владислав с Нилка Кащ Неледзевский, который прибыл в Москву с князем литовским Дмитрием Ольгердовичем на помощь великому князю Димитрию Донскому против Мамая в 1367 году и участвовал в Куликовской битве. Оставшись на службе у великого князя, он был пожалован селом Никольским с деревнями в Суходольском стане Боровского уезда, при перекрещении получил имя Владимира и стал называться Нелидовым. Герб же этот утвержден в 1351 году. То есть всего за 16 лет до похода, в котором участвовал Владислав Неледзевский.

Боровский уезд находится в Калужской области, где, как известно, был расположен лагерь Тушинского вора Лже-

дмитрия Второго (где его и убили). В XVII веке, при царе Алексее Михайловиче Романове, в эти места была сослана раскольница боярыня Морозова. Так Боровск и остался раскольничьим анклавом на несколько веков. А в 1896 году в этих местах родился будущий маршал Жуков, чья фамилия в польском варианте будет Хрущев. Тот самый маршал Жуков, который помог взять власть в кремле в 1954 году Никите Хрущеву, имеющему «особые приметы» Григория Отрепьева — знаменитые безобразные родинки — «бородавки на лице, низкий рост и квадратную без талии фигуру…».

КАКАЯ РОДНЯ — ОТРЕПЬЕВ И РОМАНОВЫ?

1

Теперь главное о Григории Отрепьеве. Русские историки тщательно скрывали, что он не только служил на дворе Никиты Романова, но и был его родственником. Вот, оказывается, в чем секрет благодеяний Романовых, которыми они осыпали род Нелидовых.

Как же было на самом деле? Часть Нелидовых поселилась в Галиче, а часть — в Угличе. Согласно «Тысячной книге» 1550 года, на царской службе состояли пять Отрепьевых. Из них в Боровске сыновья боярские «Третьяк, да Игнатий, да Иван Ивановы дети Отрепьева. Третьяков сын Замятня». В Переславле-Залесском служил стрелецкий сотник Смирной-Отрепьев. Его сын Богдан тоже дослужился до чина стрелецкого сотника. Но его погубил буйный нрав. Он напился в Немецкой слободе в Москве, где иноземцы свободно торговали вином, и в пьяной драке был зарезан каким-то литовцем. Так Григорий Отрепьев остался сиротой, воспитала его мать Варвара Отрепьева.

Царские историки старательно скрывали факт, что у Богдана Отрепьева была родная сестра Мария Ивановна,

вышедшая замуж за дворянина Ивана Васильевича Шестова, отца Марфы Шестовой-Романовой, жены Никиты Романова и матери первого Романова-царя, Михаила. Богатейшие Шестовы принадлежали к древнему боярскому роду Морозовых-Салтыковых. Понятно, почему один из Морозовых и один из Салтыковых были воспитателями детей царей-Романовых. Прасковья Салтыкова была женой царя Ивана Пятого и матерью троих его дочерей, одна из которых стала российской императрицей (Анна Иоанновна). Морозовы же триста лет боролись за власть в России, уйдя в Раскол.

Но вернемся к Марии Ивановне Отрепьевой-Шестовой — родной тетке Григория Отрепьева. Ее дочь — жена Федора Романова (Филарета) Марфа (до пострижения Ксения) — двоюродная сестра Григорию Отрепьеву. А ее сын — Михаил, первый царь из рода Романовых, — его двоюродный племянник.

За дочерью Марии Ивановны Отрепьевой-Шестовой — Ксенией-Марфой — Федор Романов получил костромскую вотчину, богатейшее село Домнино. И вот сюда поступил на службу к двоюродному шурину Федору Романову Григорий Отрепьев. А затем переехал в Москву на подворье Романовых на Варварке. Отсюда начались его скитания по монастырям, пока он не попал в Чудов монастырь.

Это случилось после того, как род Романовых попал в опалу при Борисе Годунове. Уже в 1600 году Годунов сослал Федора Романова на воеводство в тульскую Епифань. Он был там всего полгода, а в ночь 26 октября 1600 года по приказу царя Бориса Годунова был разгромлен двор бояр Романовых на Варварке (произошло ожесточенное столкновение царских слуг и боярской дворни), и его обитатели были вскоре арестованы. Опалу на могущественных конкурентов Борис готовил давно, но непосредственным поводом для погрома послужил донос романовского холопа с нередким для того времени обвинением своих господ в колдовстве, хранении

«лихого зелья», с помощью которого бояре якобы планировали отравить государя. И произошло это именно после воеводства Романова в тульской Епифани.

К этому времени Тула уже стала центром заговора Романовых. Здесь побывали родственники и сторонники Федора Романова, Шаховской и Шереметев, его сподвижники, идеологи и организаторы Смуты. Именно в Туле завершилось сопротивление войска Болотникова, в лагере которого находился и Шаховской, придумавший к тому времени Лжедмитрия Второго, поскольку первый был уже убит. Но только для того, чтобы Смута разгорелась с новой силой. С тех пор Туле и сами Романовы не доверяли, и их преемники — советские лидеры, и первым из них о недоверии Туле заявил Ленин.

И в самом деле — мятежный регион, сам решает, кого впустить, кого выпустить. Очень не любили здесь золотоордынцев, которые организовали Тулу как «кустовую инспекцию по сбору налогов». В Смуту пустили в Кремль Болотникова (потом сами же и предали его). В 1905-м продвигали революцию. В Гражданскую не пустили к Москве Деникина. В 41-м отбили от московских рубежей гитлеровцев. В 1960-е бунтовали против Никиты Хрущева, в 1991-м с упоением свергали советскую власть…

2

Как только Годунов разгромил двор Романовых, двоюродный шурин Федора Романова Григорий Отрепьев бежал и постригся в монахи-чернецы. Какое-то время он скитался по монастырям, где его с готовностью прятали, потому что как родственнику Романовых ему грозила казнь. Но вскоре пришел … в Кремль, поселился в Чудовом монастыре. И не у чужих людей, а в келье Григория Елизария Замятны (внука Третьяка Отрепьева из калужского Боровска). До очередного

побега из Москвы Григорий провел в Чудовом монастыре около года. Но в келье Замятни он пробыл совсем недолго. Архимандрит Пафнутий вскоре отличил его и перевел в свою келью. По его представлению Григорий был рукоположен патриархом Иовом в дьяконы. А вскоре Иов и вовсе приближает к себе Григория. В покоях патриарха Отрепьев «сотворил святым» каноны. Григорий даже сопровождал патриарха на заседаниях Боярской думы. Такой фантастический взлет всего за год! И время было не Ивана Грозного или Петра Великого. При Годунове головокружительные карьеры не делались. И при такой карьере вдруг удариться в бега?! А главное, как двадцатилетний парень без чьей-либо поддержки вдруг объявил себя царевичем? До этого на Руси со времен Рюрика не было ни одного самозванца. Престиж царя был очень высок. Менталитет того времени не мог и мысли такой допустить у простого чернеца.

К сожалению, наши дореволюционные и советские историки крайне мало интересовались, кто же стоял за спиной Григория. И в этом в значительной мере «виноват» Карамзин. Впрочем, он всего лишь изложил официальную версию Романовых. Увы, эту позицию на века «закрепил» А. С. Пушкин в своей трагедии «Борис Годунов», которую и начал писать под влиянием выпущенной в свет «Истории государства Российского» Николая Карамзина, еще будучи в ссылке в Михайловском, в преддверии восстания декабристов.

Сейчас появились материалы о том, что такое произошло лишь благодаря цензуре Жуковского, который, готовя текст к публикации в 1830 году, выкинул сцену «Ограда монастырская».

Там Гришка беседует со «злым чернецом». И сей «злой чернец» предлагает Гришке стать самозванцем. До Гришки доходит лишь со второго раза, но он соглашается: «Решено! Я Дмитрий, я царевич». Чернец: «Дай мне руку: будешь царь». Обратим внимание на последнюю фразу — это так-то

важно говорит простой чернец?! Ох, он совсем не простой, сей «злой чернец».

Сцена «Ограда монастырская» имела особое значение. Она не только прямо обвиняла духовенство в организации Смуты, но поднимала опасный вопрос — кто еще стоял за спиной самозванца? Опубликована эта сцена была лишь в 1833 году в немецком журнале, издававшемся в Дерпте. А поставили пьесу в России впервые вообще только в 1870 году.

Была ли такая публикация или нет, но до советского читателя она не дошла, и самозванство Гришки Отрепьева так и оставалось в отечественной литературе и истории как самостоятельно предпринятая им афера. И мы все в это верили!

А теперь любое иное толкование событий, даже самое реалистичное для того времени, для нашего будет казаться фантастическими выдумками.

КАК ИВАН ГРОЗНЫЙ ПРЕСЕКАЛ ДИНАСТИЮ РЮРИКОВ

1

Патриоты законной власти Годунова и Шуйского Хрущевы не могли не негодовать на все возрастающие состояние и влиятельность своих соседей Сухотиных, которых считали предателями, служивших Лжедмитрию. И по этому поводу один из них описывал в доносе «подвиги» Федора Сухотина, активнейшего участника политических событий Смутного времени, называя весь род Сухотиных «воровским заводом». И главой его он ставит Федора Сухотина, который служил не только Болотникову, но и Лжедмитрию Второму и «царевичу» Петру (Федоровичу) (был еще один самозванец во времена Смуты, якобы подмененный на дочь сын царя Федора Иоанновича от Ксении Годуновой).

Судя по тексту памфлета, Федор Сухотин был одним из руководителей той группировки южных служилых людей, которые примкнули к движению Ивана Болотникова, а затем перешли к «тушинскому вору» — Лжедмитрию Второму. Но Федор Сухотин и его сторонники не только присоединились к ставленнику донских и волжских казаков, «царевичу» Петру, когда он пришел в Путивль, но и, по словам автора памфлета, «многих людей ко кресту приводили», то есть приводили давать присягу новому «царю», тем самым провоцировали народ отступиться от законной власти Василя Шуйского.

Во время этих событий Федор Сухотин еще успевал пограбить помещиков и присвоить себе их имущество и поместья.

За заслуги перед князем Телятевским, Болотниковым и «царем» Петром Федор Сухотин садится воеводой в Веневе (1607 год). Там его берут в плен войска Василия Шуйского и пытают «на березе» так, что он обещает убить Лжедмитрия Второго. Его отпускают в стан к Тушинскому вору, и он тут же перебегает к нему и получает поместье в Веневе (1610 год).

Но тут в Рязани Прокопий Ляпунов создает Первое ополчение, и Сухотин уже в Рязани. Он отличился разбоем и на Рязанской земле. «… Степанову жену Ляпунова, привезав к ней двое детей, посодил в воду…», как следует из доноса Хрущева.

Это была родственница Прокопия Ляпунова, который сражался против Лжедмитрия Второго.

Сохранилась ввозная грамота от 4 марта 1611 года, выданная руководителями первого ополчения (в частности, Прокопием Ляпуновым) Остафию и Михаилу Крюковым и Семену Зыбину на поместье в Веневском уезде, ранее пожалованное «в Калуге» (т. е. Лжедмитрием II) Федору Сухотину. В грамоте местным крестьянам наказывалось

Федора Сухотина «ни в чем не слушать, и с того поместья его вон выслать».

Но в это время Сухотин уже бежал под Москву, а Прокопий Ляпунов погибает от рук казаков.

И вот что интересно: автор доноса Хрущев так и не понял, почему род Сухотиных не только не был наказан за все его злодеяния во время Смуты, но и был вознагражден гораздо больше, чем пострадавший род Хрущевых, представитель которого, Петр Хрущев, обличив в Путивле Лжедмитрия Первого, был казнен. А Федор Сухотин, казнивший дворян, в том числе, утопивший родственницу Прокопия Ляпунова, главы Первого ополчения, с ее двумя маленькими детьми, не понес никакого наказания.

Хрущев как-то упускает тот факт, что в это же время вместе с Лжедмитрием Первым, а затем в Тушинском лагере находился и Филарет Романов, отец будущего царя, принявший сначала сан митрополита Ростовского от Лжедмитрия Первого, а затем — от Лжедмитрия Второго — сан Патриарха. И в этом все дело.

Долгое время и в романовской, и в советской историографии Смутное время объясняли стечением обстоятельств, сложившихся в конце XVI — начале XVII веков. Были названы герои этого времени, в том числе Прокопий Ляпунов, о котором написал в своих воспоминаниях сам Филарет Романов, а на основании этих записок обозначил Прокопия Ляпунова героем и Николай Карамзин.

Но не были названы истинные зачинщики Смуты, которая окончательно прервала восьмисотлетнее правление в России династии Рюриковичей и открыла дорогу на триста лет новой династии — Романовых. Сегодня роль каждого из истинных «авторов» Смутного времени проясняется все больше. И открываются вещи поистине удивительные…

2

Смута случилась в результате борьбы за власть пяти бояр, оставшихся править после смерти бездетного сына Ивана Грозного — царя Федора Иоанновича. Карамзин назвал это сообщество пентархией. В него входили Никита Романов-Захарьин, Богдан Бельский, Иван Шуйский, Борис Годунов и Федор Мстиславский. Каждый из пятерых имел твердые намерения стать царем.

Среди них только один представлял династию Рюриковичей — Иван Шуйский. Так что и в Смутное время тянулась еще тонкая ниточка к старой династии. Но укрепить себя она не могла бы уже потому, что уничтожать ее начал сам Иван Грозный, развязавший с помощью Опричнины настоящую войну против старинного русского боярства.

Зачем он это сделал? Чтобы преодолеть княжеское устройство государства Московии и заменить его на единую державную Россию. Говоря современным языком, Иван Грозный делал все, чтобы преодолеть княжескую удельную «конфедеративность» древнего государства и заменить ее на объединенное и под единым — царским — правлением.

Еще на рубеже XV–XVI веков вопрос о титуле главы Русского государства приобрёл особую остроту, что было связано с характером конфронтационных русско-литовских и русско-польских отношений. В Великом княжестве Литовском и Польском королевстве упорно сопротивлялись признанию за великими князьями московскими титула царя, первые претензии на который датируются уже эпохой Ивана III. Не менее острые возражения и опасения вызывала претензионная приставка «всея Руси». Поэтому польские и литовские деятели старались вообще избегать слова Россия и упорно продолжали называть соперничающее с ними государство на востоке исключительно

Московским государством, распространяя заодно в Западной Европе термин Московия. Интересно, что сегодня, в начале XXI века, спустя пятьсот лет, американский президент Барак Обама, подчеркивая конфронтацию Америки и Европы с Россией, применил уничижающий Россию термин — «региональное государство». Вот как соперничество может довести до средневековых приемов в современном политическом и экономическом противостоянии. И, как и в XV–XVI веках, внутренняя оппозиция, наподобие боярской и княжеской, поддерживает этот остракизм конкурирующей страны. Что делает понятнее те жестокие приемы, которые использовал в борьбе с внутренней оппозицией Иван Грозный.

Наряду с репрессиями он развернул широкую идеологическую борьбу за узаконивание нового титула «Московии» и ее властителей. Так в ряду идеологических основ провозглашения Русского государства царством стало послание Василию III монаха псковского Елиазарова монастыря Филофея, выдвинувшего известный тезис «Москва — третий Рим». В основе концепции Филофея лежало представление о неком «Ромейском царстве нерушимом»: крушение двух царств, Римской империи и Византии, расчистило место для московского православного царства.

Были утверждены новые символы государства: еще после женитьбы Ивана III на Софии Палеолог, наследнице последнего византийского императора, московский двор заимствовал византийские традиции, ритуалы, титулы и символы, такие как двуглавый орёл, изображённый на гербе России.

К середине XVI века правитель Русского государства стал сильным самодержцем — царём. Принятием этого титула Иван IV подчеркнул, что является главным и единственным правителем России, равным византийским императорам или монгольским ханам.

3

Но не только идеологией и символами подтверждал свое царское звание Иван IV. Политические и экономические реформы, внешняя политика развивались стремительно. Уже в начале своего правления он провёл значительные реформы, направленные на укрепление порядка в стране. Был издан новый Судебник, регулирующий административные и военные дела, на фоне непрерывных войн, которые вело русское государство. При Иване IV России удалось существенно расширить свои владения. В результате похода на Казань и её взятия в 1552 году она обрела среднее Поволжье, а в 1556-м со взятием Астрахани — нижнее Поволжье и выход к Каспийскому морю, что открывало новые торговые возможности с Персией, Кавказом и Средней Азией. Одновременно было разорвано стеснявшее Русь кольцо из враждебных татарских ханств, открылась дорога в Сибирь.

Желая освободиться от ливонского и шведского контроля торговых путей на балтийском направлении, связывавших Русь с Европой, Иван IV начал Ливонскую войну. Её начало на дальнем западном направлении — на Балтике и в Литве — протекало для Москвы весьма успешно.

Однако в 1569 году Литва, опасаясь поглощения Россией, вступила в унию (Люблинская уния) с Польшей, создав единое государство — Речь Посполитую. Польша в это время оказала неоценимую помощь Литве, не дав ей раствориться внутри царской России в XVI веке.

Это очень похоже на сегодняшнюю ситуацию с Украиной, которая, отрываясь от славянского мира, всеми силами устремилась в Европу, настояв на подписании документов о вхождении в Евросоюз. Но история уже давно показала: такие союзы недолговечны и распадаются. Потому что каждое государство в них старается тянуть одеяло на себя, на первый план все равно выходят узконациональные интересы.

Однако вследствие Люблинской унии силы противников возросли, и Россия ожидать победы на этом фронте уже не могла.

Враги наступали и на южном направлении — в 1569 году был отражён турецко-крымский поход под Астрахань, но в 1571 году крымскому хану удалось сжечь Москву, нанеся колоссальный ущерб. Повторный завоевательный поход крымцев и турок, поставивший острый вопрос о независимости Руси, был отбит в следующем году в битве при Молодях. Помимо войны против всех, Русское царство было ослаблено эпидемиями, а также внутренними распрями «пятой колонны» — нелояльных царской власти бояр.

Ливонская война тем временем пришла из Балтики и Литвы на русскую землю. Лишь отчаянная оборона Пскова от войск Стефана Батория, короля польского и великого князя литовского, позволила заключить в 1582 году худой мир.

Ливонская война длилась 25 лет, и Россия ее проиграла. Ей не удалось пробиться к Балтийскому морю. Она закончилась подписанием Ям-Запольского (1582 год) и Плюсского (1583 год) перемирий. Страна лишалась всех завоеваний, сделанных в результате войны, а также земель на границе с Речью Посполитой и приморских балтийских городов (Копорья, Яма, Ивангорода). Территория бывшей Ливонской конфедерации оказалась разделена между Речью Посполитой, Швецией и Данией. В результате её закончил своё существование Ливонский орден, война способствовала образованию Речи Посполитой, а Русское царство привела к экономическому упадку.

За прочный выход к Балтийскому морю России суждено было бороться ещё более века. Торговые отношения с Англией и Голландией все-таки осуществлялись на территории России — через новооснованный порт Архангельск.

Он был основан по указу Ивана Грозного в 1584 году вблизи Михайло-Архангельского монастыря (отсюда название города), незадолго перед его смертью.

КАК УНИЧТОЖАЛАСЬ ДИНАСТИЯ РЮРИКОВ ПОСЛЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

1

Иван Грозный умер, не оставив наследника. В истории России закрепился этот факт, как и убийственная характеристика царя Федора Иоанновича, сына Ивана IV, нерешительного и слабоумного правителя. Потому якобы и назначил при нем царь Иван пятиголовую боярскую думу, чтобы правила. А правил-то на самом деле один Борис Годунов, брат жены Федора Иоанновича.

Но почему-то кажется, что не все тут правда.

Начнем с того, что Иван Грозный после смерти сына Ивана назначил своим наследником Федора. Правил Федор Иоаннович четырнадцать лет. Это немалый срок, который историки пренебрежительно называют «несколько лет». Конечно, это не 37 лет, которые властвовал его отец. Но Иван IV, сделавший много для создания государства российского, после своей смерти все-таки оставил ему тяжелые проблемы. Особенно после проигранной двадцатипятилетней Ливонской войны. Как же они решались при Федоре Иоанновиче? Очень положительно.

Прежде всего Федор Иоаннович еще более укрепил независимость государства российским патриаршеством, чего русская церковь добивалась с середины XV века. В результате долгих переговоров с Греческой православной церковью, изощренными дипломатическими ходами в 1589 году на церковном Соборе первым московским патриархом был провозглашен Иов. Учреждение патриаршества делало русскую православную церковь юридически независимой от константинопольского патриарха.

А через год Россия начала русско-шведскую войну, 35-тысячное войско на врага повел сам Федор Иоаннович. Он не

только преодолел расстояние в 800 километров в походных условиях, но и победил в первых сражениях шведов, принудив их к перемирию. В этих боях участвовал и Лука Хрущев, отец убитого в Путивле в 1604 году Петра Хрущева.

После этой русско-шведской войны 1590–1593 годов по Тявзинскому миру 1595 года Россия получила города и районы Новгородской области, захваченные во время Ливонской войны Швецией, — Ям, Ивангород, Копорье, Корелу.

Позже была окончательно присоединена Западная Сибирь, успешно осваивались южные пограничные районы и Поволжье, усилилась роль России на Северном Кавказе и в Закавказье.

Внешней политикой России в то время занимался Борис Годунов. И даже английская королева, говорят, отмечала его дипломатический талант. Но верно и то, что все вопросы Федор Иоаннович решал не лично с ним, а, как свидетельствуют летописи, на совещаниях с боярами, а потом — в узком кругу пентархии.

Сегодня трудно понять, насколько Федор Иоаннович был самостоятелен в своих решениях. Но все очевиднее становится при изучении документов о нем их предвзятость или даже прямая злонамеренность в клевете. Возьмем один факт, свидетельствующий о его характере и психологическом состоянии, — стремление к Богу. Летописи нам оставили характеристику царя Федора-богомольца как «доказательство» его мягкотелости и неспособности править государством. Но ведь его приверженность к Богу наверняка и сыграла главную роль в том, что русская православная церковь стала самостоятельной, приобретя собственное патриаршество. Именно при Федоре Россия сделал такой решительный шаг к духовной и политической, конечно же, независимости.

Сомневаться в единоличном правлении Годунова при Федоре Иоанновиче заставляет тот факт, что практически

сразу же после смерти царя дела у него пошли совсем худо. Являясь мастером международных дел России, он не смог справиться с ее внутренними проблемами и самым страшными врагами — коррупцией и голодом. Свидетели того страшного времени — 1601–1603 годов — говорят как раз об отсутствии каких-либо мудрых царских решений по этому вопросу, который стоил престола и самой жизни и Борису, и его сыну.

2

И все-таки, если учитывать близкое родство Отрепьева и Романовых, можно и предположить, что Григорий мог в самом деле покуситься на власть самостоятельно, но уже после того, как сел на российский престол в результате заговора группировки Романовых и церкви. И еще можно предположить, что держали его церковники в Кремле не зря — видимо, государственный переворот готовился ими уже в 1601 году. И Годунов об этом знал — именно на это время приходится начало его жестких репрессий против тех, о ком ему было доложено по многочисленным наветам. По всей видимости, положение было настолько серьезным, что Борис в какой-то момент даже растерялся, не понимая, на кого ему можно в это время опереться, и упустил управление. В стране произошла страшная трагедия — голод, который Борис не мог преодолеть.

Да, в том году наступила ранняя зима — в августе ударили 25-градусные морозы, урожая не случилось ни в этом, ни в следующем году — потому что не убрали и на семена. Но, по свидетельству очевидцев, которые оставили свои воспоминания, «…запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года… у знатных господ, а также во всех монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его уже погнила от долголетнего

лежания, и они не хотели продавать его; и по воле божией царь был так ослеплён, невзирая на то, что он мог приказать все, что хотел, он не повелел самым строжайшим образом, чтобы каждый продавал свой хлеб».

Богатые землевладельцы действительно придерживали у себя зерно, вместо того чтобы его продавать, — в расчёте на то, что цены на хлеб вырастут, и зерно удастся продать дороже. А что сделал Годунов? Он открыл государственные житницы, раздавал деньги бедным, но ничего не предпринял для изымания запасов хлеба у князей и бояр. Почему? Видимо, потому, что боялся поссориться с ними и потерять последнюю опору.

Видя, что в государстве и без их заговора началось вселенское бедствие, церковники, может быть, изменили планы по самозванству? И отослали Григория Отрепьева восвояси туда, где было свито настоящее гнездо государственного заговора — на границу России и Польши. В Путивль. Там в это время уже сидел Шаховской и плел задуманную интригу против Бориса. Но только ли против него одного?

Понятно, что и церковь, и Шаховской, и Шереметев, и Отрепьев, да вся обширная родня Романовых, преследовали свои цели захватить престол. Но с ними тут конкурировали и Василий Шуйский, и Мстиславский, и Бельский, и поляки, и шведы, которых в разгар гражданской войны все они по очереди приглашали на помощь.

Но почему все-таки очередь Романовых на трон подошла последней и только через двенадцать лет кровавой Смуты? Наверное, дело в том, что Захарьины не были особенно любимы и желанны на троне еще сразу после смерти Федора Иоанновича. Иначе еще в 1598-м новая династия могла бы состояться.

Иван Грозный любил свою жену Анастасию Захарьину (Романову), с которой они поженились практически детьми. И, как считают некоторые историки, не без содействия

отца Анастасии, который одно время был у юного Ивана опекуном. Они прожили с ней в браке до ее смерти тринадцать лет. Каждые два года она рожала. Но дети почему-то умирали в младенчестве. Первый наследник — Дмитрий — был случайно утоплен нянькой в годовалом возрасте, другой наследник, Иван, в зрелых годах погиб при странных обстоятельствах. Даже три девочки умерли в младенчестве. В живых из детей Анастасии — Романовых (Захарьиных-Юрьевых) — остался только Федор. Да и то, наверное, только потому, что был слаб здоровьем и была надежда у кого-то, что долго не проживет.

Впрочем, и последний наследник Ивана IV, от Нагих, — отрок Димитрий — тоже оказался лишним и погиб.

Не нужны были на престоле дети Ивана Грозного как представители изжившей себя междоусобицами, разваливающей государство Российское династии Рюриков. Сам же Иван положил начало истреблению этого рода опричниной.

Но не потому ли озлобленные бояре и историки того времени и пустили на века по свету гулять сплетню о том, что Иван Грозный сам убил в гневе своего сына Ивана, наследника престола? И байка эта стала «историческим» фактом, внесенным в учебники истории как при Романовых, так и при Советах, и благополучно дожила до наших дней. А вот роль злыдней-бояр в гибели семерых детей Ивана IV так и осталась нераскрытой. Кроме смерти младшего царевича Димитрия, которая, впрочем, была абсолютно политизирована, в том числе и русской церковью, и осталась тайной.

3

Пентархия после смерти грозного царя и решала судьбу новой династии с помощью интриг и кровавых распрей. Все теми же приемами, какими решали судьбу страны князья старинных родов, воюя между собой без конца. Против этих

бунтов Иван Грозный «выставил» один большой — опричнину. Значит, Романовы, понимая, что никакими уговорами и договорами не совладают с этой многовековой междоусобицей Рюриковичей, решили противопоставить всем их бунтам один большой — Смуту.

Борис Годунов не дал появиться на свет наследникам Федора Иоанновича и не позволил иметь наследников Василию Шуйскому и Мстиславскому. Последним он просто запретил жениться. А что касается жены Федора, сестры Годунова, Ирины, то, вполне возможно, она была в заговоре с братом, и сама не хотела рожать. Потому что не была больна, и одного ребенка — девочку — все-таки родила, хотя и скончалась та вскоре после рождения. Остальные многие беременности царицы по каким-то причинам прерывались.

Но за династию Рюриков решили побороться Шуйские, будучи сами из этого царского рода. И потребовали, чтобы Федор развелся с бездетной Ириной и женился на другой, дабы иметь наследников. Федор отказался.

Однако попытку продлить царство Рюриков на русском троне сделал Василий Шуйский, который убил Лжедмитрия Первого и занял его место на троне с 1606 по 1610 годы. Он даже успел жениться и одну за одной родить на свет двух дочек. Кроме того, у него был родной племянник — замечательный герой — генерал, двадцатипятилетний Скопин-Шуйский, который разгромил армию Болотникова. Увы, и малютки, и славный воин из Рюриковичей внезапно умерли в одно и то же время. Сам же Шуйский был свергнут боярами, насильно пострижен в монахи и отправился в польский плен, где и умер.

Вообще борьба за русский трон и смену династии Рюриковичей на династию Романовых обагрилась детской кровью.

Хотя в русской истории широко известен только один погибший (скорее всего, от рук пентархии) — младший сын Ивана Грозного, царевич Димитрий. На самом деле только у Ивана

Грозного в младенчестве умерли шестеро детей и Иван Иванович в зрелом возрасте по до сих пор неустановленными причинам. Далее у его сына Федора Иоанновича родилась одна дочь и умерла в младенчестве. Четверо детей Федора Романова умерли в малолетстве от лишений и голода, когда их отца, мать и родственников репрессировал Борис Годунов. У самого Годунова был убит сын Федор. У Федора Мстиславского умерла в младенчестве дочь. У Василия Шуйского умерли две новорожденные царевны. И, наконец, в трехлетнем возрасте был повешен сын Марины Мнишек, которая официально числилась российской царицей. Всего 17 детей — тех, чьи родители в конце XVI — начале XVII веков сидели на русском престоле, претендовали на него или эти дети сами могли быть посажены на русский трон.

Примечательно то, что за новую династию в России боролись уже не Захарьины, а Романовы. Эта династия не случайно, я думаю, остановилась на такой фамилии из четырех ей принадлежащих — Кобыла, Кошкин, Захарьин и Романов. Ну как неблагозвучен был бы русский царь Кобыла или Кошкин! Да и кто такой Захарьин? Тем более, что Захарьиных не любили ни бояре, ни народ. А вот Романовы — совсем другое дело. Не только благозвучно, но еще и с большим-большим значением — похоже на слово Рим, по латыни так и звучит — Рома. Вполне соответствует главной идеологии того времени: Москва — третий Рим.

В СМУТНОЕ ВРЕМЯ МНОГИЕ ПРЕДАВАЛИ

1

Но только не Хрущевы. Так они считали. Один из Хрущевых участвовал в русско-шведской войне командующим в царствование Федора Иоанновича, когда тот лично возглавил 35-тысячное русское войско. Другие служили послами

в Польше и в Крыму. Но все дело было в том, что служить кому-то во время Смуты — вовсе не значило не предавать. Петр Хрущев был предан Борису Годунову, но, поехав в Путивль обличать Григория Отрепьева, действовал против группировки Романовых, а, значит, предавал интересы будущего первого представителя новой династии Романовых.

Верный своему долгу Петр Хрущев отправился по распоряжению Бориса Годунова в стан врага для разоблачения расстриги. Он был казнен в Путивле в 1605 году. А кто находился там тогда вместе с Григорием Отрепьевым и рассылал письма по всей России, призывая признать «воскресшего» царевича и идти за него сражаться с Годуновым и боярами?

Князь Григорий Петрович Шаховской, который в 1596 году сидел воеводой в Туле, куда через четыре года приехал воеводой в Епифань его родственник Федор Романов. В 1605 году Григорий Шаховской перешел на сторону Лжедмитрия I. На самом деле, он и не был никогда на «другой» стороне — поскольку Лжедмитрий — это «порождение» пентархии, то есть и Романовых, и Шуйских, и Мстиславского. В стороне от этого «порождения» был только Борис Годунов, поскольку уже сидел на троне. Будучи воеводой в Путивле, Шаховской поднял восстание против царя Василия Ивановича Шуйского, а затем вступил в ополчение Ляпунова и участвовал в освобождении Москвы от поляков.

Другой родственник Романова, Петр Никитич Шереметев действовал в это время в центре России, вел разведывательную деятельность и сообщал подробности о событиях в Путивль.

После пыток и допросов Петра Хрущева казнили в Путивле. А Лжедмитрий — Отрепьев оправился воцаряться на русский престол в Москву.

Хрущевы не могли забыть этой казни. Все представители рода тяжело переживали ее. Но главное, что их печалило — возвышение тех, кто служил обоим Лжедмитриям, участвовал в восстании Болотникова. Они не могли спокойно выносить этой несправедливости, и вот на свет появился донос, в котором был крик души хрущевского рода: да где же правда на Руси? Они, веками преданно служившие законным царям, не поднялись так высоко, как те, кто этих царей запросто предавал во времена Смуты.

Здесь уже рассказано, что род Хрущевых был заметен и являлся старинным русским дворянским родом, ведущим свое происхождение от Ивана Ивановича Хруща, выехавшего из Польши в Москву в 1493 году, принявшего православие и наименованного Хрущевым. Из восьми его сыновей, помещиков Тульского, Тарусского и Московского уездов, известен Лука Иванович, отец казненного Петра Лукича. Он был черниговским головой и воеводой-участником нескольких походов. Но известен стал тем, что записал в 1547 году речь Иоанна Грозного, произнесенную с Лобного места к народу. Лука Хрущев этим самым вошел в историю России.

Эта речь, вошедшая в так называемый Хрущевский список Степенной книги, сегодня рассматривается как памятник русской публицистики. В этом рассказе изображается молодой царь Иван IV, обращающийся с Лобного места к собранным на Красную площадь со всего государства людям «всякого чина» с речью, в которой он слезно умоляет их оставить вражду между собой, кается в своем былом легкомыслии и обещает впредь наказывать неправедных лихоимцев и сребролюбцев, расхищающих казну и отягощающих своей алчностью народ. Затем царь жалует чином человека незнатного — А. Адашева, поручая ему принимать и разбирать челобитные «у бедных и обидимых».

2

Автор доноса на Сухотина мог бы с таким же «успехом» написать извет на князей Шереметевых, на Годунова, на Шуйского, да хотя бы на самого Федора Романова или на церковников, которые никогда почему-то не думали оспаривать те церковные должности, которые последний получил от двух Лжедмитриев — сан митрополита Ростовского и сан патриарха, которым он так и остался до самой своей смерти, даже будучи в польском плену.

Ведь очень выверенное политическое решение было принято Федором Романовым, взявшим эти церковные должности и возглавившим русскую церковь, ставшим во главе всей идеологической и организационной работы во время борьбы за власть.

Неужели через семьдесят лет после Смуты «изветчик» Хрущев не понимал, кто был истинным ее «автором»?

А, может быть, род Хрущевых вообще отличался тем, что любил служить, красочно высказываться, но глубоко не размышлять и, главное, глубоко скрывать свои истинные мысли и намерения?

У меня лично возникает ассоциация с советским царем Никитой Хрущевым, который с трибуны Кремля, рядом с тем самым лобным местом, произносит свои пламенные речи в защиту сирых и убогих — крестьян и пролетариата. Но уже всего мира. Хрущев в XVI веке записывал речь царя, а Хрущев в XX веке сам произносил их как царь. Известно, каким красноречием отличался лидер СССР, он умел зажигать массы, это правда. Уже одно это совпадение с представителями рода Хрущевых — владение ораторским искусством и публицистикой — должно было бы привлечь внимание историков. Не привлекло.

Но ведь Хрущевы были политическими и государственными деятелями. Они активно участвовали в борьбе

различных партий за русский престол, а потом еще и писали доносы… И даже наиболее вероятное происхождение Никиты Хрущева из поляков, о котором откровенно высказывалась его жена Нина Петровна уже в преклонном возрасте, упоминая, что они оба выходцы из польской Холмщины, а не с Украины, как это было принято думать в СССР — не заинтересовало историков!

И еще одна яркая черта Никиты Хрущева, наводящая на определенные ассоциации, — лютая ненависть к Романовым…

Но есть и другие сходства. Хрущевы были плохими хозяйственниками и никак не могли разбогатеть, даже имея поместья на плодороднейших пойменных землях. И триста лет спустя (!) традиция одичалости и запустения сохранилась в здешних местах.

«В пятидесятые годы прошлого века население здешних деревень было завшивленным, неухоженным, достаточно грубым и даже диким. Люди жили в покосившихся избенках (может, и времен самого Хрущева), всей семьей ели из одной чашки за обедом и ужином, спали на полатях и часто голодали, несмотря на плодородные земли вокруг. Но они были колхозными, а брать самовольно картошку, капусту и морковку из гуртов было чревато даже для местных, которые запросто могли получить хорошего кнута от свирепого верхового надсмотрщика (где только таких находили в советское время — настоящие малюты!). Это было уже в конце шестидесятых годов прошлого века. И были даже избы с земляными полами, в которых топили по-черному! А иные семьи даже жили в землянках — не потому, что их дома разбомбили немцы, именно здесь боев не было, а потому, что лень было строиться. Я какое-то время жила в этих местах в раннем детстве с матерью в семье отчима и едва была не уморена настоящим голодом и заразными болезнями. Меня спасла моя бабушка, которая забрала меня из этого ада и увезла с собой в соседний рабочий поселок, где и выходила меня с огромным трудом».

Конечно, связь Никиты Сергеевича с родом Хрущовых сомнительна. Но Хрущовы, действительно, были разные.

Был, например, еще один Хрущов — Михаил Семенович — который в отличие от Андрея Федоровича Хрущова, традиционно вместе с Волынским приписываемого к «русской партии», принадлежал к партии их противников и проходил по восшествии на трон Елизаветы Петровны по делу Остермана.

Манштейн в своих известных «Записках о России» охарактеризовал это «дело» так: ***«В сущности преступление всех арестованных лиц состояло в том, что они не понравились новой императрице и слишком хорошо служили императрице Анне. Сверх того, Елизавета обещала тем, которые помогли ей взойти на престол, что она освободит их от притеснения иностранцев, поэтому пришлось осудить тех, кто занимал высшие должности. Согласно определению, граф Остерман был приговорен к колесованию заживо; фельдмаршал Миних — к четвертованию; графа Головкина, графа Левенвольде и барона Менгдена присудили к отсечению головы. Императрица даровала им всем жизнь; их сослали в разные места Сибири. Граф Остерман получил помилование лишь на эшафоте, когда его голову уже положили на плаху».***

Михаил Семенович Хрущов в 1740 году был генерал-лейтенантом и сенатором, в 1741 — управляющим Ладожским каналом. ***«В связи с причастностью к делу А. И. Остермана 22 января 1742 Генеральным судом приговорен к разжалованию в генерал-майоры и направлению к дальней команде. 22 апреля того же года восстановлен в чине генерал-лейтенанта. 13 сентября 1742 направлен в действующую армию в Финляндию. 5 октября 1743 назначен для проведения ревизии населения в Московской губернии. 25 июля 1744 пожалован шпагой с бриллиантами. Ум. до 1757 г.»*** *[Серов Д. Администрация Петра I. М., 2007].*

Но в 1740 году сам генерал-лейтенант Михаил Хрущов вместе с другими сенаторами — Алексеем Нарышкиным (зятем Волынского), Василием Новосильцевым, Иваном Бахметевым, Никитой Румянцевым, Михаилом Филозовым и Петром Шиповым под командой генерал-аншефов Чернышева и Ушакова принял участие «в этом кровавом судилище», по выражению князя Петра Долгорукова, над Волынским, Еропкиным, Хрущовым…

А вот мнение об этом деле императрицы Екатерины: *«Сыну моему и всем моим потомкам, — писала Екатерина II в 1765 году по внимательном прочтении «дела» о Волынском, — советую и поставляю читать сие Волынского дело, от начала до конца, дабы они видели и себя остерегали от такого беззаконного примера в производстве дел. Императрица Анна своему кабинетному министру Артемью Волынскому приказывала (приказала) сочинить проект о поправлении внутренних государственных дел, который он и сочинил, и ей подал. Но, напротив того, его злодеи, и кому его проект не понравился, из того сочинения вытянули за волосы, так сказать, и взвели на Волынского изменнический умысл, и будто он себе присвоить хотел власть государя, чего отнюдь на деле не доказано. Еще из сего дела видно, сколь мало положиться можно на пыточные речи; ибо до пыток все сии несчастные утверждали невинность Волынского, а при пытке говорили все, что злодеи их хотели. Странно, как роду человеческому пришло на ум лучше утвердительнее верить речи в горячке бывшего человека, нежели с холодною кровию; всякий пытанный в горячке и сам уже не знает, что говорит. И так отдаю на рассуждение всякому, имеющему чуть разум, можно ли верить пыточным речам и на то с доброю совестию полагаться. Волынский был горд и дерзостен в своих поступках, однако не изменил: но напротив того — добрый и усердный патриот и ревнителен к полезным поправлениям своего отечества, и так смертную казнь*

терпел, быв невинен, и хотя б он и заподлинно произносил те слова в нарекание особы императрицы Анны, о которых в деле упомянуто, то б она, быв государыня целомудрая, имела случай показать, сколь должно уничтожить подобные малости, которые у ней не отнимали ни на вершка величества и не убавили ни в чем ее персональные качества.

Всякий государь имеет неисчисленные кроткие способы к удержанию в почтении своих подданных: если б Волынский при мне был, и я бы усмотрела его способность в делах государственных и некоторое непочтение ко мне, я бы старалась всякими, для него неогорчительными, способами, его привести на путь истинный. А если б я увидела, что он неспособен к делам, я б ему сказала или дала уразуметь, не огорчая же его: будь счастлив и доволен, а ты мне не надобен.

Всегда государь виноват, если подданные против него огорчены. Изволь мериться по сей аршин! А если кто из вас, мои дражайшие потомки, сии наставления прочтет с уничтожением (с пренебрежением и несогласием — Ред.), так ему более в свете, и особливо в Российском, счастья желать, нежели пророчествовать можно.

Екатерина».

Но, тем не менее (читаем далее «*Записки князя Петра Долгорукова*»): ***«В пятницу, 20 июня, кровавое судилище собралось на свое одно-единственное заседание. Обязанности секретаря исполнялись родственником одного из обвиняемых, Хрущевым, асессором страшной Тайной канцелярии. Генерал-прокурор, князь Никита Трубецкой, предложил вынести своим бывшим сообвиняемым страшный приговор: он предложил приговорить де Ла Сюда к обезглавливанию; Эйхлера — к колесованию; Мусина-Пушкина, Соймонова, Еропкина и Хрущева — к четвертованию; Волынского — посадить живьем на кол, с предварительным урезанием языка; наконец, детей Волынского (абсолютно безвинных***

в этом деле) приговорить к пожизненной ссылке в Сибирь и конфисковать все имущество обвиняемых, а также и имущество, принадлежащее их семьям.

Трибунал единодушно высказался за этот жестокий приговор… В его составе были родственники, друзья обвиняемых, два зятя Волынского; но ужас, витавший над русским обществом, был столь силен, что не только не прозвучал ни один голос несогласия, никто даже не посмел выразить ни малейшего сомнения!». И среди этих судей снова был генерал Хрущов.

И не один — к этому «семейному» списку можно добавить еще два имени тех, кто в казематах Тайной канцелярии каленым железом выжигал из своих жертв признание в инакомыслии по отношению к существующей власти.

Первым был уже названный выше ***Хрущов Михаил Никитич***, ассессор, затем обер-секретарь Главной розыскных дел канцелярии при упр. гр. А.И. Шувалова с 13 февр. 1754 г.; служил в Тайной канцелярии с 1732 г. по секретным делам; р. 1714, † при Ек. II. {Половцов}. Точнее, умер в мае 1771 года, когда Петр Федорович Хрущов совершал свое историческое бегство с Камчатки.

«И по определениям Тайной канцелярии произвож[д]ен в прошлом 739-м году подканцеляристом, в 741-м — канцеляристом, в 743-м году сентября 6-го дня — протоколистом. Да по высочайшим имянным Ея Императорскаго Величества указом пожалован в 749-м августа 29 секретарем, а сего 754-го годов февраля 13 чисел — обер-секретарем.

А от роду ему, Хрущову, четыре десятой год. Мужеска полу детей у него, Хрущова, не имеется. Ис помещин он в Таруском уезде. И мужеска полу душ людей и крест[ь]ян имеетца за ним не в разделе з братом ево, Главной полиции секретарем Федором Хрущовым — тритцать три души» *(РГАДА. Ф. 248. Оп. 1/102. Д. 8122. Ч. 2. Лл. 511–512).*

Другим был его родной брат ***Федор Никитич Хрущов*** (31 мая 1706–12 октября 1768).

«Секретарь Федор Никитин сын Хрущов. В прошлом 1721-м году генваря 28 дня по указу из Московской губернской канцелярии из дворян определен в Серпуховскую канцелярию молодым подьячим. В том же году октября 17 дня определен в приказ Большого дворца молодым же подьячим. И был по сентябрь месяц 1722-го году.

А того сентября 4 дня по указу из Сената взят к делам в московскую полицию, в которой был копи[и]стом, подканцеляристом и канцеляристом. В 729-м году в августе месяце по указу из высокого Сената определен в команду генерала-майора Максима Тимофеева сына Грекова в Переславль-Рязанской для следствия про рязанского архиерея Гавриила. А по окончании того следствия и по отдаче в Святейшем Правительствующем Синоде дел в 730-м году определен по-прежнему в московскую полицию тем же чином, канцеляристом. В 1742-м году генваря 9-го дня по представлению из оной полици[и], а по указу Правительствующего Сената из конторы определен в тое ж полицию протоколистом. И был 1742 году по февраль. А в том месяце по указу из Главной полици[и] выслан к делам в Санкт-Питербурх. И был в санкт-питербурской полици[и] протоколистом же. И по указу Правительствующего Сената канторы правил секретарскую должность. А в том же году в июле месяце по указу из Главной полици[и] взят к делам в Москву, в Главную полицию. И был по декабрь месяц того 1742 году. А в декабре месяце определен паки в Санкт-Питербурх в Главную полицию. И в 1743-м году июня 17 дня по определению Правительствующего Сената, а по удостоинству Главной полици[и] пожалован секретарем, в котором чину находится и поныне.

А жалованье получает в год по четыреста рублев. От роду ему сорок восемь лет. Детей мужеска полу никого

нет. Людей и крестьян за ним, Хрущевым, обще с братом его, Тайной канцелярии обер-секретарем Михайлою Хрущевым, в Тарусском уезде, в сельце Малахове по последней ревизии — тридцать три души» *(РГАДА. Ф. 248. Оп. 1/102. Д. 8122. Ч. 2. Лл. 468, 468 об., 472 об., 506 об., 507).*

У Игоря Курукина в книге «*Повседневная жизнь Тайной канцелярии*» найдем некоторые подробности: ***«Секретарь был фигурой непубличной, но на нем держалась вся работа учреждения. Не случайно эти чиновники назначались и перемещались именными указами и жалованье получали высокое: в 1761 году секретарь Шешковский получал 500 рублей в год, а обер-секретарь Михаил Хрущов — 800. На эту должность, как правило, определялись люди, имевшие большой опыт соответствующей работы. Порой они делали неплохую карьеру. К примеру, Иван Иванович Топильский (1691–1761), начав службу подьячим Разрядного приказа, оказался в Рекрутской канцелярии Сената, а оттуда — возможно, по протекции ее начальника Ушакова — перешел вслед за ним в Тайную канцелярию, где работал секретарем. Когда учреждение в 1726 году временно упразднили, опытный чиновник без дела не остался и получил повышение — стал секретарем канцелярии Верховного тайного совета. Оттуда его выпросил к себе президент Ревизион-коллегии И. И. Бибиков. Затем Топильский был секретарем Сената, служил в Коллегии экономии и выслужил дворянство, став асессором Юстиц-конторы. Закончил же он свою трудовую биографию почтенным статским советником и заведующим Московской конторой Коллегии иностранных дел, до последних дней жизни трудясь над приведением в порядок ее богатого “архива”.***

Последующие секретари Тайной канцелярии подобных “хождений” по конторам уже не имели. При Анне Иоанновне на эту должность был назначен в 1732 году Николай Михайлович Хрущов *(то есть третий из рода Хрущовых —*

С. В.). ***Выходец из старого, но захудалого дворянского рода начинал карьеру петровским приказным; в Преображенском приказе служил с 1719 года и "за многие его труды" дослужился в 1741 году до коллежского советника с необычно большим жалованьем в тысячу рублей, после чего был переведен на более спокойную работу в Москву в Коллегию экономии. Согласно родословным разысканиям, почтенный чиновник вышел в отставку в чине статского советника и скончался в глубокой старости в 1776 году».***

Императрица хотела знать все о заговоре братьев Хрущовых и Гурьевых, поэтому «…по приказанию Екатерины 6 октября 1762 года был подвергнут пытке — "для изыскания истины с пристрастием под батожьем распрашиван" — Петр Хрущов, а потом Семен Гурьев; в данном случае речь шла не о пьяных мужиках, а о гвардейцах, пытавшихся "повторить" дворцовый переворот уже с целью устранения самой Екатерины II» *(И. Курукин. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М., 2008).*

Но братья Михаил и Федор Никитичи Хрущовы не вели следствие по делу братьев Алексея Ивановича и Петра Федоровича Хрущовых. Впрочем, как мы помним из информации об Алексее Ивановиче-2-м, не было, собственно, и никакого ОФИЦИАЛЬНОГО дела: «***Петр Хрущов признался на следствии, что им руководил гнев — он участвовал в возведении Екатерины на престол, но не получил никаких награждений. Заговор был раскрыт 3 октября 1762 г., были арестованы 15 человек, в результате следствия было признано, что реальный заговор не пошел дальше пьяных разговоров 29 сентября, в последний день празднований вступления Екатерины на престол»***.

Братьев Гурьевых и Хрущовых, по этому определению, душила злоба, что братьям Орловым досталось все, а им — ничего. Но и об этом определении можно только гадать — СЛЕДСТВИЯ ВЕДЬ ПО СУТИ НЕ БЫЛО.

Кстати, «раскрыл» этот заговор один из братьев Орловых (не ему ли первому донес Иван Хрущов, заработавший на этом две тысячи червонцев?). Подробности мы находим в очерке С. В. Карпенко *«Михаил Хрущов, Степан Шешковский и "преображенье" Тайной канцелярии в Тайную экспедицию»*:

«Григорий Орлов сообщил Екатерине II о признаках заговора в гвардии: группа офицеров-измайловцев намерена свергнуть ее и посадить на трон Иоанна Антоновича. Императрица незамедлительно поручила своему фавориту через верных людей "все выведать". Собственноручно черканула генерал-прокурору Глебову записку: "Александр Иванович! По делам важным, кои касаютца до первых двух пунктов и кои принадлежали до Тайной канцелярии, а вступают из разных мест в Сенат, оные распечатывать и определения чинить по оным с ведома Нашего Вам обще с тайным действительным советником Никитом Ивановичем Паниным, и дела, кои между тем явятся маловажные, жечь, не делая на все то сенатских определений. Екатерина".

Она всегда остро чувствовала опасность, угрозу ей самой и ее власти. Теперь же и нужды в каком-то особом чутье не было: после "славной революции" гвардия никак не могла утихомириться. Подозрительные обстоятельства смерти в Ропше отстраненного от власти императора подняли волну сочувствия к нему. Многие стали винить ее в том, что она мужа "извела" и на троне уселась безо всяких законных прав. Самое же скверное — все это породило среди гвардейцев симпатии к заточенному в Шлиссельбурге Иоанну Антоновичу.

В этой острой и опасной ситуации, как только она получила достоверные сведения о реальной угрозе ее власти со стороны реального претендента на власть, Екатерина II прекратила осторожно перетягивать канат и сохранять

достигнутый с Сенатом компромисс насчет руководства Тайной экспедицией секретаря Шешковского. И сделала решительный шаг к окончательному изъятию ее из ведения Сената. Ибо эта реальная угроза уже не оставляла ей возможности оглядываться на сенаторов, играть с ними в перетягивание каната. Да и на Глебова с Паниным она могла теперь положиться еще увереннее: уж их-то гвардейцы-заговорщики не пощадят, и оба они это знают.

Утром 3 октября новые, более точные и достоверные, сведения о заговоре, зреющем в л. — гв. Измайловском полку, прибавили императрице решимости. Но не убавили ее благоразумия и осмотрительности: в первопрестольной она оказалась в плотном окружении родовитой московской знати, заговор зародился в гвардейском полку, где служило много представителей этой знати, а потому ни "рубки леса", ни "летящих щепок" допустить было нельзя. И она вызвала к себе не Глебова с Паниным, а трех преданных ей генералов, активных участников переворота, занимавших командные должности в трех гвардейских полках, — К. Г. Разумовского, командира л. — гв. Измайловского полка, В. И. Суворова, премьер-майора л. — гв. Преображенского полка и притом весьма популярного среди московского дворянства (отца Александра Васильевича Суворова — С. В.), и Ф. И. Вадковского, подполковника л. — гв. Семеновского полка. Этим трем генералам, умело подобранным, она и поручила расследование.

В ночь на 4-е офицеры-преображенцы провели аресты и доставили заговорщиков в дом Суворова, находившийся в московском селе Покровское, на Яузе. Туда же спешно привезли поднятого с постели Шешковского, и он сразу приступил к допросам. Шешковский воодушевился необыкновенно: слава Всевышнему, пришел его час…

Кто именно решил вести розыск не в Кремле, в "палате" московской Тайной экспедиции, а в доме Суворова,

охраняемом усиленными караулами преображенцев, — неизвестно. Но почему — догадаться несложно: не хотели рисковать. Ибо опасность была велика как никогда: офицеры гвардейского полка — это не монах Дионисий и даже не атаман Крыса.

Спустя две недели сенаторы, ранее пользовавшиеся только гулявшими по Москве слухами, узнали о деле из указа Екатерины II о передаче преступников их суду — "суду Нашего Верховного правительства". Указ сопровождался рапортом трех генералов-следователей о полученном ими 3 октября устном приказе императрицы "секретно по самой справедливости ближайшими способами к открытию правды и без розысков произвести следствие по дошедшим слухам", то есть без пыток. И о том, как, "держась точно предписанных… монарших привил, чрез многие расспросы и очные ставки со свидетелями открыли оскорбление Величества и совершенный умысел к общему возмущению", то есть к мятежу.

Сенаторы вместе с президентами коллегий вынесли главным заговорщикам смертные приговоры. Однако они так и не узнали ни существа "умысла", ни того, что трем генералам-следователям и Шешковскому не удалось соблюсти "монаршие правила": "для изыскания истины" поручики П. Хрущов и С. Гурьев были-таки "с пристрастьем под батожьем роспрашиваны". Ясно, что ни генералы, ни тем более Шешковский не могли позволить себе ослушаться императрицу. А это значит, что подлинный устный ее приказ, в отличие от письменного, для публики, его изложения, содержал "прозрачный намек" на уместность пыток. Прямого указания и не требовалось. Уж кто-кто, а Шешковский давно научился точно улавливать смысл слов, которые не были написаны на бумаге. И даже тех, что не были произнесены.

Екатерина II смертную казнь заменила ссылкой.

***Опять она показала себя мастером убивать одним выстрелом даже не двух, а трех-четырех зайцев. Не доверив Сенату провести расследование, она польстила сенаторам, корыстно помазала их по губам и — переложила на них ответственность за вынесенный приговор. Как, по пословице, "жена льстит — лихо мыслит", так и овдовевшая императрица замыслила с размахом и дальним, лихим прицелом. Этим она устроила Сенату очередную, главную, проверку на преданность: дескать, действительно ли вы, господа сенаторы, на деле признаете меня своей императрицей, заинтересованы ли вы во мне как в императрице? По сути, она расставила сенаторам ловушку, поставила их перед выбором без выбора. Как бы кто из сенаторов ни относился к немке-вдове Петра III, что бы ни таил в голове и близким своим ни говорил втихомолку, все они вместе как высшее учреждение империи не могли вынести офицерам-заговорщикам иного приговора кроме смертной казни, раз следствие установило факт подготовки военного мятежа. И этим смертным приговором офицерам гвардии сенаторы позволили ей повязать их самих. И заодно всему российскому дворянству продемонстрировать милосердие. А это было исключительно важно: никак нельзя было сильно задеть гвардию, имеющую корни в московском и провинциальном дворянстве, пролить кровь дворянских сыновей, дабы не вызвать недовольство дворян и не спровоцировать новые заговоры»**.

Андрей Сахаров в историческом очерке «*Иоанн Антонович*» тоже пишет о том, что никакого «дела» не было (стоит обратить внимание и на то, что судьба в этом случае сводит Хрущовых и Сухотиных, но последним опять удается открутиться и уйти от наказания…):

«Никакого заговора не было.

Двадцать девятого сентября 1762 года была пьянка в "Съестном трактире город Лейпциг".

Пили: П. Хрущёв, пригласивший, и гости — А. Хрущёв, И. Гурьев, В. Сухотин, С. Бибиков, П. Гурьев, И. Хрущёв, Н. Маслов и домохозяин Петра Хрущёва — Данилов. Обслуживали: хозяин трактира Колька Коняхин, его супруга Анфиска.

Была простейшая офицерская пьянка с простейшей офицерской болтовнёй.

Поручик Измайловского полка, хвастун, болтун и пьяница, постоянный посетитель "Съестного трактира город Лейпциг", сказал следующие слова. Он уже был вдребезги пьян, исчерпал весь свой словарный запас, язык не слушался уже этого поручика. Вот что сказал Хрущёв, слово в слово:

— Последний день пью, десятый день, — и хватит пить. Это последний день радости. Ныне будет фейерверк. Мы дела делаем, чтобы государыне не быть, а быть Иоанну Антоновичу!

Типичное офицерское бахвальство. Простейший бред алкоголика.

Каковы же были результаты этого бреда?

Ведь на следствии всё выяснилось. Как императрица квалифицировала эту чепуху?

Вот что было.

Был шум, дебош, бокалы, цыганские бубны, табачный туман, солнце и тьма.

Н. Сухотин был вдребезги пьян, он ничего на свете не слышал, только пил за здоровье какой-то то ли собачьей радости, то ли последней радости.

В. Сухотин совершенно ничего не слышал, потому что он вообще-то не пьёт, а тут его невзначай напоили.

П. Гурьев ничего на свете не помнил, потому что он алкоголик, и отстаньте на веки вечные! — он ухитрился напиться и на первом следствии.

П. Гурьев не помнил даже состав компании, потому что он пришёл на обед "в пьяном беспамятстве".

Д. Данилов, домохозяин, сказал, что П. Хрущёв живёт в его доме, и больше ничего он прибавить не в силах к характеристике этого типа. Тогда его пытали, Д. Данилова, домохозяина. Данилов сказал; что П. Хрущёв — такое трепло гороховое, что его буйную болтовню уже давным-давно не слушает, на него никто давно не обращает никакого внимания, — шут этот человек.

П. Хрущёв, вождь заговора, сказал, что за здоровье последней радости — пил, про фейерверк — говорил, а про императрицу и про Иоанна Антоновича говорил в самых тёплых и нежных дружественных тонах. "Но никогда не прощу доносчикам — Маслову и Хрущёву!" — гневался П. Хрущёв.

Гнусный донос. Никакого заговора. Это подтвердили и те, кто обслуживал обед: хозяин трактира Коняхин, его жена Анфиска.

Следственная комиссия развила бурную деятельность. Допрошены были чуть ли не все офицеры Измайловского и Преображенского полков (там служили Хрущёвы — Гурьевы). П. Хрущёва и С. Гурьева пытали. Ничего: никакого заговора — пустая пьянка.

Однако императрица назвала эту чепуху, эту безвестную историю — "повреждение спокойствия нашего любезного отечества" и расправилась с "повредителями" следующим образом. По её наущению следственная комиссия приговорила к смертной казни П. Хрущёва, А. Хрущёва, С., И., П. Гурьевых; к ссылке — В. и Н. Сухотиных и Д. Данилова. Потом процесс ещё продолжался, потом их, кажется, не казнили, но всех били палками и сослали.

Екатерина боялась даже пьяных восклицаний, даже упоминания всуе имени Иоанна Антоновича».

Кого же так боялась Екатерина?

Законного императора Иоанна IV, имевшего на российский престол гораздо больше прав, чем Софья-Шарлотта, перелицованная в Екатерину Алексеевну.

Иоанн Антонович, сын Анны Леопольдовны (племянницы Анны Иоанновны) и принца Антона Ульриха Брауншвейг-Беверн Люнебургского, был провозглашен императором, когда ему исполнилось всего два месяца от роду. Регентом при императоре-младенце был назначен Бирон (Бирен). В случае же смерти Иоанна VI наследниками престола должны были становиться другие дети Анны Леопольдовны в порядке старшинства — Анна Иоанновна не допускала и мысли, чтобы наследниками престола могли стать «выблядки» — дочери императора Петра I и императрицы Екатерины I.

Через две недели после воцарения Иоанна Антоновича произошел государственный переворот: гвардейцы во главе с фельдмаршалом Минихом арестовали Бирона, и Миних, а затем Остерман, оправивший Миниха в отставку, встали во главе государства при мнимом регентстве Анны Леопольдовны. А через год гвардейцы-преображенцы арестовали действующее правительство и возвели на престол дочь императора Петра — Елизавету Петровну.

Что было дальше?

А дальше все было покрыто мраком. Даже в 1913 году во время празднования 300-летия Дома Романовых имя императора Иоанна Антоновича оставалось под запретом.

Сначала семья содержалась под арестом и втайне в предместье Риги — Дюнамюнде (первоначально Елизавета Петровна хотела выслать семью Иоанна Антоновича вместе с ним из страны, но, по-видимому, кто-то (а конкретно король Пруссии!!!) напомнил ей о Смутных временах, и она перепугалась возможных последствий). В 1744 году семью перевели в Ораниенбург, затем в Холмогоры, где их охранял родственник будущих сибирских ссыльных братьев Гурьевых — майор гвардии Гурьев.

В 1746 году умерла Анна Леопольдовна. А в 1756 году (когда Пруссия в период Семилетней войны начала готовить

заговор против самой Елизаветы) Иоанна Антоновича заключили в одиночную камеру Шлиссельбургской крепости.

То есть в 1762 году, когда Екатерина совершила государственный переворот и был убит по ее приказу император Петр III, ее муж, император Иоанн Антонович был жив, и любое упоминание о нем грозило воскресить в памяти верноподданных мысль о том, что в России ЕСТЬ законный император, незаконно отлученный от власти, — Иоанн VI, само имя которого во времена Елизаветы Петровны было под запретом.

Поэтому Екатерине Алексеевне, захватившей трон, необходимо было любой ценой устранить Иоанна Антоновича, не замарав при этом своих рук в его крови.

Вот как объясняет историю заговора Хрущовых-Гурьевых знаменитый отечественный историк С. Соловьев в своей многотомной «*Истории России с древнейших времен*»:

«Екатерина была совершенно довольна приемом, какой сделали ей московские жители. На третий день после коронации, 25 сентября, она писала посланнику своему в Варшаве графу Кейзерлингу: «Невозможно вам описать радость, какую здесь бесчисленный народ оказывает при виде меня: стоит мне выйти или только показаться в окне — и клики возобновляются». Но в то же время между некоторыми офицерами повторялось имя Иванушки (Ивана Антоновича). Мы видели, что Петр III имел свидание с шлиссельбургским заточником, участь которого не была после этого облегчена. Екатерина на другой же день своего царствования, 29 июня, уже сделала распоряжение насчет немедленного свидания своего с Иваном. Генерал-майор Силин от этого числа получил указ из Петергофа: «Вскоре по получении сего имеете, ежели можно, того же дни, а по крайней мере на другой день, безыменного колодника, содержащегося в Шлиссельбургской крепости под вашим смотрением, вывезти сами из оной в Кексгольм;

а в Шлиссельбурге, в самой оной крепости, очистить внутренней крепости самые лучшие покои и прибрать, по крайней мере по лучшей опрятности, оные, которые, изготовив, содержать до указу». 4 июля из деревни Мордя, лежащей в 30 верстах от Шлиссельбурга, Силин доносил, что их разбило на озере бурею и они с арестантом находятся в означенной деревне, дожидаясь новых судов из Шлиссельбурга, на которых и поплывут в Кексгольм. При личном свидании своем с Иваном Екатерина убедилась, как нелепы были толки людей, не видавших Ивана и думавших, что Екатерина может скрепить свои права на престол, выйдя замуж за правнука царя Иоанна Алексеевича. Иван был отвезен обратно в Шлиссельбург в прежнее помещение, приготовленное было для Петра III. Арестант был поручен надзору двоих офицеров — Власьева и Чекина, а коменданту шлиссельбургскому Бередникову не велено было вмешиваться в их дела; Власьев и Чекин должны были непосредственно обращаться к Никите Ив. Панину, который дал им инструкцию: ***«Разговоры вам употреблять с арестантом такие, чтоб в нем возбуждать склонность к духовному чину, т. е. к монашеству, и что ему тогда имя надобно будет переменить, а называть его будут вместо Григорья Гервасий. Ежели случится, чтоб кто пришел с командою или один, хотя б то был и комендант, без именного повеленья или без письменного от меня (Панина) приказа и захотел арестанта у вас взять, то оного никому не отдавать и почитать все то за подлог или неприятельскую руку. Буде же так оная сильна будет рука, что спастись не можно, то и арестанта умертвить, а живого никому его в руки не отдавать»***. На увещания Власьева и Чекина Иван отвечал: ***«Я в монашеский чин желаю, только страшусь Св. духа, притом же я бесплотный»***. Потом сказал, что ему позволено постричься, образам молиться и кланяться, но Гервасием называться не хочет, а пусть назовут его Феодосием.

Но все это содержалось в глубочайшей тайне; о неспособности Ивана к правлению знали очень немногие, и его имя являлось в устах каждого недовольного. К графу Григорию Григ. Орлову явился капитан Московского драгунского полка Побединский с известием о существовании партии, которая считает между своими членами Ив. Ив. Шувалова и которая хочет возвести на престол Ивана Антоновича, что он, Побединский, слышал об этом от поручика Петра Чихачева, а Чихачев — от капитан-поручика Измайловского полка Ивана Гурьева. Орлов сказал, чтоб Побединский с товарищами без боязни вступали в это дело для подробнейшего разведывания. Вследствие этого разведывания несколько офицеров были допрошены и показали: Семеновского полка подпоручик Вепрейский показал, что сержант Лев Толстой до коронации дней за семь сказывал ему, что он слышал от поручика Семена Гурьева, будто собирается партия, к которой и Толстой от Гурьева приглашен. Толстой сказывал Вепрейскому, что послан Лихарев за принцем Иваном, что Семен Гурьев приглашен Александром Гурьевым, знает о том Ив. Ив. Шувалов, князь Иван Голицын, да нет ли тут Измайловых также. В день коронации Вепрейский рассказал об этом Дмитрию Измайлову и предлагал на другой день ехать и объявить Григ. Григ. Орлову; но Измайлов сказал, что не с чем ехать, все это вранье, и если оговоренные запрутся, то доносчикам придется терпеть истязание. Измайловского полка капитан-поручик Иван Гурьев на допросе показал: говорил Петру Чихачеву, что Иван Шувалов и с ним четыре знатные особы, а прочих до 70 человек в согласии, чтоб быть государем Ивану Антоновичу, только скоро делать этого нельзя, потому что солдаты любят государыню, а со временем может быть великое кровопролитие, с Шуваловым называли и князя Никиту Трубецкого.

Измайловского полка капитан-поручик Домогацкий показал: свояк его Степан Бибиков сказывал ему, что слышал

от Петра Хрущова бранные слова против е. и. в. Петр же Хрущов, прощаясь с Бибиковым, говорил: ***«Чего трусишь? Нас в партии около 1000 человек!***» Михайла Шипов, разговаривая с Семеном Гурьевым, жаловался, что он несчастлив: другие произведены, а он не произведен; Гурьев его утешал. ***«Слышно,*** — говорил он, — ***что сбирается партия против государыни, можете быть в хорошей партии: тут Иван Шувалов, Александр Гурьев, князь Иван Голицын***». Михайла Шипов заметил, что тут и Никита Ив. Панин; Гурьев отвечал: ***«Это правда, что Никита Ив. Панин тут; но есть еще другая партия, в которой Корф: он сбирается восстановить Иванушку; наша партия гораздо лучше, мы стоим за то, для чего цесаревич не коронован, а теперь сомнение у Панина с Шуваловым, кому правителем быть***». Семен Гурьев показал, что говорил о некоторых противных партиях, к чему и солдаты армейские некоторых полков распалены; их сержантов в ту партию приглашал и сказывал им, что послан Лихарев за принцем Иваном, чтоб привезти его к оному делу; обо всем этом слышал от Петра Хрущова, а о посылке Лихарева сам выдумал с досады, что 28 июня был на карауле в Петергофе, обещаны были ему награды, но ничего не получил. Петр Хрущов на очной ставке с Гурьевым показал, что действительно все это говорил, а о князе Трубецком и Шувалове им объявлял по одной эхе, слышал на дороге, идучи с батальоном, а подлинно от кого слышал, показать не может.

Екатерина поручила исследовать дело без пыток. Из приведенных показаний открыто было оскорбление величества и умысел к общему возмущению. Сенат в полном собрании вместе с президентами коллегий приговорил Петру Хрущову и Семену Гурьеву отсечь головы, Ивану и Петру Гурьевым каторжную работу, а имение их оставить детям и наследникам. Императрица переменила смертную казнь на вечную ссылку в Камчатку, а каторжную работу на вечную ссылку

в Якутск. В манифесте об этом говорилось: «***Мы можем, не похвалившись, пред Богом целому свету сказать, что от руки Божией прияли всероссийский престол не на свое собственное удовольствие, но на расширение славы его и на учреждение доброго порядка и утверждение правосудия в любезном нашем отечестве. К сему достохвальному намерению мы приступили не словом, но истинным делом и о добре общем ежедневно печемся. Но при сих наших чистосердечных намерениях нашлися такие неспокойные люди, которые покусилися делать умысел к ниспровержению Божия о нас промысла и к оскорблению нашего величества и тем безумно вознамерились похитить Богом врученного нам народа общее блаженство, о котором мы беспрестанно трудимся с матерним попечением***».

Дело было ничтожное; Дмитрий Измайлов сказал справедливо, что «***все это вранье***». Но из этого вранья обозначилось, что может быть предметом вранья: восстановление Ивана Антоновича и то, зачем не коронован цесаревич. По отношению к первому Екатерина послала предложить свободу только одному принцу Антону: ***«Мы его одного намерены теперь освободить и выпустить в его отечество с благопристойностью, а детей его для государственных резонов, которые он по благоразумию своему понимать сам может, до тех пор освободить не можем, пока дела наши государственные не укрепятся в том порядке, в котором они к благополучию империи нашей новое свое положение теперь приняли. И ежели он, принц, пожелает быть свободен один, а надежду на нас положит, что мы детей его в призрении своем до времени оставим, содержа их не токмо в пристойном довольстве, но и, как скоро повод к свободе их усмотрим, выпустим и к нему пришлем: то он может искренне свое точное желание объявить. Ежели с детьми своими на обещанное нами время разлучиться не похочет, то бы принял на себя терпение до тех***

пор остаться в нынешнем его состоянии, доколе и в свободе детей его ту же удобность увидим, которая теперь для него только одного открылась». Принц Антон не согласился быть свободным без детей.

Дело Хрущова и Гурьевых было ничтожное, но оно должно было произвести сильное впечатление на Екатерину. Это было первое искушение. При всем ее старании представить своею деятельностию противоположность бывшему царствованию, при всем старании показать, что ***«о добре общем ежедневно печемся»***, при первом личном неудовольствии уже толкуют об Иване Антоновиче или, что еще хуже, о том, зачем цесаревич не коронован, решаются распалять солдат, прямо указывают на знатных людей как на соумышленников, и это болезненное настроение есть следствие события 28 июня: одним удалось тогда, отчего нам не может удасться теперь? Даже коронация не прекратила этого настроения.

Екатерина, несмотря на все свое уменье владеть собою, не могла в октябре 1762 года скрыть тяжелого состояния своего духа: печаль была написана на ее лице. Она призналась английскому посланнику графу Бекингаму, что в обществе она все больше и больше становится рассеянною, сама не зная отчего. Тот же посланник так описывает положение Екатерины: ***«Императрица по своим талантам, просвещению и трудолюбию выше всех ее окружающих. Стесненная обязательствами, полученными в последнее время, сознавая затруднительность своего положения и страшась опасностей, которыми до сих пор она должна была считать себя окруженною, она еще не может действовать самостоятельно и освободиться от многих окружающих ее людей, которых характер и способности она должна презирать. В настоящее время она употребляет все средства для приобретения доверия и любви подданных; если она успеет в этом, то воспользуется приобретенною властию для чести и пользы своей империи»***.

Татьяна Щербакова заканчивает свой очерк «*Неразгаданный Хрущов*» любопытными историческими аналогиями, в которые, может быть, трудно поверить…

БОЯРЕ, ХРУЩЕВ И ГЕНЕТИКА

1

Но как бы там ни было, а Никита Хрущев был последователем Ивана Грозного, уничтожавшего старинные боярские роды. Также, как он ненавидел Романовых, он не испытывал любви к русскому крестьянству. А кто такие русские крестьяне, особенно зажиточные? Многие из них — потомки старинных русских родов. Ибо не всегда и не все были они крепостными. Рабами, задавленными и униженными. Да, после вековых гонений и разорений множество бояр разорялось, становились нищими и попадало в кабалу, теряло память о своих предках. Но умение выживать их постоянно выдавало и раздражало большевиков. Лидеры которых, сами из дворян и бояр, уж точно знали высокую генетическую цену русскому крестьянину. Может, потому и не любил Никита Хрущев науку генетику и не позволял ей развиваться в СССР, предпочитая «мичуринца» Лысенко? Ведь генетика — это такая наука, которая безжалостно и невозмутимо срывает покровы со всех тайн…

Давайте вспомним, кого история обвинила в уничтожении Николая II и его семьи? Большевиков. Но решение принимал не народ — решение принимали люди, которые встали в Росси у власти в 1917-м, сначала в феврале, потом в октябре. И главные завоеватели, теперь уже советского, трона не имели биографий, не имели корней, предков. Они все были зашифрованы. И вот только теперь приоткрываются покровы их тайн. И что же под ними? В феврале 17-го власть захватили российские олигархи — купцы-раскольники, которые все вышли из тех самых древних боярских родов, которые уничтожал Иван

Грозный, а потом, после Раскола — все Романовы. Ульянов-Ленин — из клана астраханских раскольников, Молотов-Скрябин — из рода бояр Скрябы-Морозова, родственник Романовых, Никита Хрущев — поляк, уничтоживший о себе практически весь архив родословной, но почему-то очень похожий внешне и на бояр Хрущевых, и на Григория Отрепьева…

Всем им было за что мстить династии Романовых. А история обвинила в злодействе весь русский народ. Но разве справедливо было прятаться этим ненавистникам романовского режима за народными спинами?

2

Уничтожение передовой части русского народа — древнего боярства — происходило через «рациональное» море крови. Иван IV, уничтожив княжескую междоусобицу, стал первым венчанным русским царем-самодержцем. Но как представитель старого рода правителей — рюриковичей. А он желал закрепить новое устройство новой страны без их влияния, которое возбуждало бы бесконечные войны за удельные княжества местных царьков.

Так что первый этап Смуты начал сам Иван Грозный, произведя настоящую революцию по уничтожению боярских родов и переделу их собственности между своими сторонниками.

Следующий этап уничтожения боярско-крестьянских русских корней осуществился во времена крепостного права, через лишение большинства народа России гражданских прав. И следующий — после октябрьской революции, когда крестьянское сословие было репрессировано до такой степени, что по первой Конституции РСФСР от 1918 года на выборах в органы власти только пять крестьянских голосов могли представлять один полноправный голос.

И здесь нам очень интересно узнать, что разоренные многочисленные боярские роды не исчезли совсем с лица земли. Они хотя и пошли в буквальном смысле просить милостыню между дворами, стали работниками у сохранившихся и у новых помещиков, но многие выжили благодаря вековым навыкам житейской хватки и накопленному генетическому «образовательному» опыту. Многие затем даже стали крепостными крестьянами, но порода их выдавала себя в умении выжить и нажить. И выдвигались их потомки и при Романовых, и в СССР. О них говорят, что свои боярские фамилии они получили от своих хозяев-помещиков. Или по названию деревень. Так ли это?

Недавно опубликован интереснейший документ — ценнейший раритет генеалогии русской жизни: «Десятина новиков, поверстанных в 1596 году». Это рукопись из библиотеки Архива Министерства Иностранных дел в Москве. Документ времени окончания царствования сына Ивана Грозного — Федора Иоанновича, в котором перечислены фамилии боярских детей всего Московского государства, внесенных в государственную ведомость постановки на службу и начисленной им оплаты. Это произошло накануне Смуты, которая затем поглотила в своем разбое тысячи русских семей. Но какие фамилии остались нам на память?

Всеволодский, Колупаев, Горин, Федяшев, Ушаков, Опочинин, Шавров, Шишелов, Сабуров, Коблуков, Трегубов, Блудов, Зерцалов, Третьяков, Малыгин, Дурнев, Зворыкин, Борятинский, Бурцов, Баскаков, Жудовский, Щербачёв, Совенок (две последние — мои и из мест проживания моих предков).

Много в этом списке фамилий, которые наполовину забыты, наполовину изменены. Но это — российский этнографический и бесценный раритет.

И вот с этим самым «раритетом» я выросла неподалеку от села Хрущево, которым когда-то владели потомки

бояр Хрущевых. Только тот поселок, в котором я родилась и прожила до 18 лет, был построен перед Отечественной войной, и расселяли в него тех неблагонадежных, которым полагалось жить на высылке, подальше от больших городов. В этом поселке не было традиционных для одного села «местных» фамилий. Там была россыпь, как я теперь понимаю, этих самых «боярских» фамилий вот из этой ведомости «Десятины новиков». Включая мои две фамилии, были Дурневы, Носковы, Леоновы, Вишневские, Михайловы, Раевы, Корниловы, Молчановы, Волковы, Шабановы, Шаманаевы, Тараканова, Усовы, Уткины, Беседины…

Уж ровно четыреста лет со времен Ивана Грозного прошло к сороковым годам двадцатого века, а все не было древним русским родам покою, все гоняли их потомков по Руси, старались расселить в места дремучие, дальние, чтобы выхода в большую жизнь им не было.

ХРУЩЕВ, ГАГАРИН И СТАРОДУБЦЕВ

1

Известно, как Никита Хрущев не любил крестьян. Именно потому, что знал — они и есть соль земли русской, носители кода русской жизни. Хотя, конечно, как истинный троцкист он и не мог любить тех, кто никак не велся на мировую революцию, а все норовил обустроиться у себя в России. Мелкобуржуазный, вредный для коммунизма элемент, однако, эти русские крестьяне.

Но есть еще одна таинственная вещь, глубоко запрятанная в русском крестьянстве, олицетворяющем христианство и, соответственно ему, библейскую недопустимость ростовщичества. То есть, наживания на долгах. Это в христианской религии считается смертным грехом.

Если Иисуса Христа и придумали, то — очень гуманные люди, которые не хотели гибели человечества от Армагеддона алчности. Борьба с ростовщичеством — прибавочной стоимостью — началась с начала христианства. Она велась с костров Инквизиции и до социальных революций Новой истории. Маркс открыл точно такой же путь борьбы с капиталом, как и средневековые инквизиторы — огнем и мечом.

На Руси борьба за прибавочный капитал началась еще при Иване III — с ереси жидовствующих, которые хотели сделать православную церковь демократичнее. Иван Грозный огнем и мечом прошелся по тем, кто во имя наживы всегда был готов расколоть страну на мелкие княжества.

Романовы, устранив с помощью церкви династию Рюриков с политической арены России и мира, стали активно бороться за укрепление своей власти против церкви и раскололи ее. И странное дело: та часть русской православной церкви, которая была за строго соблюдение правил самоограничения людей, вобрала в себя тех — староверов, кто стал богаче всех в России как раз с помощью нарушения этого библейского завета самоограничения в виде запрета на ростовщичество. Но сами они «не грешили» — они просто впустили в Россию капитал из Европы, который завладел ею и погубил ее в конце концов. Романовы пали.

Пришли большевики и завели ту же самую песню о запрете ростовщичества в виде прибавочной стоимости ради обогащения немногих за счет обесцененного труда многих. Крестьяне были распознаны как раз теми, кто больше всех грешен в возникновении прибавочной стоимости.

Но большевики пошли наиболее радикальным путем: они не стали дискутировать и бороться с церковью, раскалывать ее, они просто запретили религию вообще. И христианскую, и любую другую. Они объявили, что не только Россия, но и весь СССР — это не религиозная, а атеистическая страна.

Но, заменив христианскую идеологию запрета на ростовщичество на коммунистический запрет на частный капитал, большевики ничего не добились. Сначала появился НЭП — государственный и частный капитализм, потом взамен него при Хрущеве образовался нелегальный капитализм в СССР. Коррупция такого масштаба, которая сожрала огромное государство и не подавилась. И самое большое распространение этот нелегальный капитал имел со времени правления Никиты Хрущева именно в сельскохозяйственном производстве. 80 процентов от всего в СССР.

2

Но Никита Хрущев боролся против любых проявлений буржуазности отчаянно и самыми странными методами. Прежде всего он вошел во власть в виде троянского коня в украинской крестьянской расшитой рубашке, широких белых штанах и с маской дурака на лице с ужасными бородавками Лжедмитрия. И в таком виде он очень полюбился советской интеллигенции — латентным представителям древних русских боярских родов — михалковым, симоновым, толстым и прочая, и прочая. Но его невзлюбили продвинутые к Западу демократичные иноверцы. И люто возненавидели советские крестьяне за гонение на русское село и православие.

Хрущев же под маской простака изобрел очень эффективное и беспощадное оружие против российских крестьян — модернизацию сельского хозяйства и, как сейчас принято говорить, оптимизацию русской деревни. Которая вскоре стала называться программой развития Нечерноземья.

Для воплощения своих планов Хрущев в начале шестидесятых годов подобрал команду молодых, здоровых, готовых на многое людей. Один из них — Василий Стародубцев, председатель колхоза имени Ленина в Тульской области, ныне покойный.

Всем этим молодым людям были заготовлены хорошие «крестьянские» биографии. Получалось, что это были выходцы из самой что ни на есть дремучей сельской глубинки, из беднейших семей колхозников.

Но руки выдавали этих «колхозников» — маленькие изящные руки представителей древнейших русских родов. И еще юношеские фотографии. На одной из них Василий Стародубцев представал в облике юноши утонченной, прямо-таки ангельской красоты. Но эту фотографию никто и никогда не видел. Ее опубликовала местная молодежная газета в 90-е годы, когда Стародубцев был гоним и уже отсидел в застенках «Матросской тишины» как один из заговорщиков не состоявшегося государственного переворота.

Но я и без этой фотографии понимала: выбор Хрущевым Стародубцева был совсем не случайным. С Василием я была близко знакома тридцать лет и поняла о нем столько, сколько мало кто понял.

Он до самой смерти горячо пропагандировал коммунистические взгляды. Но однажды, незадолго до смерти, спросил меня, крепко ли я стою на коммунистической платформе? На что я заверила — именно так. Но он услышал иронию в моем голосе и сказал, покачав головой: «Надо бы тебе еще полеветь…» Я хотела воскликнуть: «Да левее-то — только в сумасшедшем доме!» И только спустя некоторое время поняла, о какой «левизне» он говорил мне. О хрущевской, а она, как известно, была троцкистской. То есть, та самая левизна, которая обрекала СССР и Россию на борьбу за мировую революцию.

3

Но если отбросить коммунистическую и империалистическую риторики двух мировых враждующих лагерей на нашей планете, то получается то же самое, что и сто, и двести,

и пятьсот, и тысячу лет назад: получается борьба за ресурсы и экономическое лидерство.

Именно с этой целю Иван Грозный боролся с традиционализмом русской жизни, уничтожал старинные боярские роды и требовал подчинения от церкви, завоевывал земли и желал породниться с представителями английского престола, то есть вступить в европейское сообщество. Для чего? Для того, чтобы стать ближе к европейской цивилизации и сделать Россию равной ей.

Что делала Америка? С помощью внутренних войн и такого же «грозненского» геноцида она укрепила свою политическую структуру и территориальные границы и в 1917-м попыталась воздействовать с помощью троцкистов на распадавшуюся Россию с тем, чтобы привести туда свою власть и завладеть ее ресурсами. На царский трон вместо Ленина тогда готовился не кто иной, как американский шпион Рейли, который мог быть родственником русского поэта и масона Петра Вяземского по матери-ирландке. Сам же Вяземский происходил от рюриков — от Владимира Мономаха и многие годы своей жизни посвятил организации борьбе дворян в России против романовской династии.

Но и во времена Грозного, и во времена Хрущева помехой считались национальные корни, из которых всегда вырастал патриотизм и связывал любую власть по рукам и ногам. Поэтому их так ненавидели Грозный и Романовы, Ленин, Троцкий и Хрущев.

Поэтому при Грозном старинные боярские роды вырезали и на их место пришли опричники, при Романовых крестьяне были в кабале и лишены слова, при Ленине их обвинили в великодержавном шовинизме, а Хрущев пошел дальше всех: он вообще решил истребить корень русской деревни. Но выбрал для этого людей, родовые корни которых восходили к великим княжеским родам. Василий Стародубцев наверняка был «оттуда».

Стародубские — правители средневекового Стародубского княжества, ветвь Владимиро-Суздальских князей. Первым стародубским князем был Иван Всеволодович, седьмой сын великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо, получивший в удел от брата своего, великого князя Ярослава, в 1238 году, Стародуб Владимирский на реке Клязьме (ныне Стародуб-на-Клязьме).

Скоро род князей Стародубских распался на другие фамилии. Князь Василий Андреевич — родоначальник князей Пожарских, угасших в 1685 году. Князь Иван Андреевич — родоначальник князей Хилковых и ныне не существующих князей Ряполовских и Татевых. Князь Давид Андреевич — родоначальник угасших князей Гундоровых, Тулуповых, Палецких. Князь Иван Фёдорович — родоначальник князей Голибесовских, князь Василий Фёдорович — князей Ромодановских.

4

Князь Михаил Иванович по прозванию Гагара — родоначальник князей Гагариных. Это очень важно, потому что кроме непростого происхождения лидера крестьян в России, я полагаю, что такого же высокого происхождения был и первый космонавт в мире Юрий Гагарин. Хотя сам он публично отрицал это. Что, конечно, можно понять.

Но есть еще одна существенная деталь: Юрий Гагарин очень похож на старшего сына Никиты Хрущева — Леонида, летчика, который погиб при невыясненных обстоятельствах во время Отечественной войны. Когда смотришь на фотографии двух молодых людей, кажется, что это одно и то же лицо.

Вначале я предположила, что Хрущев выбрал молодого человека для полета в космос, просто похожего на его погибшего сына, которого горячо любил. Он постоянно его вспоминал и говорил о нем — даже с президентом США Кеннеди, который был ровесником Леонида.

Но потом я подумала, изучив материалы о боярском роде Хрущевых: да уж не родственники ли они с Юрием Гагариным? Но если фантастическое родство Василия Стародубцева и Юрия Гагарина можно предположить по одному родовому корню из князей Стародубских, то родство Хрущевых и Гагариных мне пока не удалось отыскать. Есть один документ — о владении селом Сергиевским в Плавском районе Тульской области в 1752 и 1763 годах одновременно Петром Михайловичем Хрущевым и князьями Гагариными. Здесь последний построил каменный дворец для остановки в нем в поездках лиц царской фамилии. Он напоминает дворец графа Бобринского в соседнем Богородицке.

А ведь пути одного из князей Гагариных и убитого в Путивле Петра Хрущева пересекались как раз в Смутное время. Оба они могли встречаться с Лжедмитрием Первым. Но если Петр Хрущев обличал самозванца, то Роман Гагарин, похоже, служил ему.

В то время как о Юрии Гагарине писали во всех изданиях мира, что он — из крестьянской семьи, князь Гагарин, из американских эмигрантов, объявил, что первый советский космонавт ему родственник. То есть в космос первым в Советском Союзе слетал не крестьянин, а князь? Но Юрий Гагарин тут же гневно отверг такое предположение, заявив: «Среди своих родственников никаких князей и людей знатного рода не знаю и никогда о них не слышал… Куда конь с копытом, туда и рак с клешней».

Юрий Гагарин очень не хотел, чтобы к его славе примазывались князья Гагарины. Интересно, переменила потом мнение об этом его дочь, которая теперь служит смотрителем кремлевских сокровищ русских царей, занимая должность, которую в начале XVII века исполнял князь Роман Иванович Гагарин?

В 1602 году он служил в Путивле, откуда шло руководство Смутой в России. В 1605-м, при Лжедмитрии I, — один

из голов при воеводе в Смоленске (место рождения Юрия Гагарина — Смоленская область). В 1609 году Роман Иванович Гагарин неудачно участвовал в свержении с престола Василия Шуйского, а в 1618–1621-х годах, при первом царе из династии Романовых, Михаиле, был объезжим головой для береженья от огня в Старом и Большом Кремле.

И весь последующий период истории России князья Гагарины играют серьезные роли при дворе. Иван Еремеевич (1752–1810) вместе с Алексеем Орловым по заданию Екатерины II похитил и привез в Россию княжну Тараканову, которая называла себя дочерью императрицы Елизаветы и ее фаворита графа Алексея Разумовского.

Николай Сергеевич Гагарин управлял императорскими фарфоровыми и стекольными заводами, а также восстановлением сгоревшего Зимнего дворца и был женат на Марии Алексеевне Бобринской, дочери графа Бобринского, внебрачного сына Екатерины Второй, и, значит, ее внучке. Он был убит одним из своих подчиненных.

Андрей Павлович Гагарин (1787–1828) служил в гражданской службе в экспедиции Кремлевского строения. Главноначальствующий Кремлевской экспедицией. Покончил жизнь самоубийством (как тут не вспомнить странную, таинственную смерь Юрия Гагарина?)

Павел Павлович Гагарин (1789–1872), выступавший против отмены крепостного права, был председателем в Верховном уголовном суде по делу Каракозова, неудачно стрелявшего в императора Александра Второго, отменившего крепостное право в России, и приговорил революционера к повешению.

Александр Григорьевич Гагарин (1827–1895) был женат на дочери князя Львова и внебрачной дочери Алексея Разумовского, одной из его пятерых внебрачных детей, получивших фамилию по названию деревни Перово, Софье Алексеевне Перовской. Двоюродной бабке народницы, «прародительницы»

меньшевиков и троцкистов, Софьи Перовской, успешно руководившей убийством императора Александра II. Она была повешена, как и Каракозов.

Григорий Андреевич Гагарин (1895–1963) ротмистр лейб-гвардии гусарского полка. Преподавал физкультуру в Пенсильванском государственном университете в Вашингтоне. По всей видимости, этот американский гражданин и поспешил признать свое родство с советским космонавтом Юрием Гагариным. Но тот от титула именитых родственников отказался. Хотя русские эмигранты лучше знали, кто кому в России родственник. У них историческую память никто не отбивал, она не представляла американским властям такой опасности, какую имела для «безродного пастушка» Никиты Хрущева в 1961 году.

Прошло четыреста лет, и представительница фамилии Гагариных снова на исторически предназначенном им месте — в Кремле, у сокровищ. Кто же это? А дочь космонавта Юрия Гагарина — Елена Юрьевна Гагарина — генеральный директор Государственного историко-культурного музея-заповедника «Московский Кремль».

ХРУЩЕВ: БЕЗ БОГА И КРЕСТЬЯН

1

Перед тем, как в центре России начали внедрять промышленное производство в сельском хозяйстве, которое требовало окончательно урбанизировать крестьянскую жизнь агрогородами, Хрущеву нужно было сломить извечное представление русских о своей богоизбранности. То есть подрубить крестьянский корень тысячелетней идеологии русского православия.

И не для этого ли в космос слетал первый советский космонавт Юрий Гагарин, который прилетел обратно с известием:

и выше неба Бога нет! Есть свидетельства того, как русская православная церковь публично отреагировала на этот полет. К примеру, архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов), по воспоминаниям его водителя, произнес краткую проповедь перед прихожанами: «Братья и сестры! Вы знаете, в какое время мы живем, какой прогресс совершается в мире! Много ученых изобрели много хорошего! А слышали вы — последнее событие произошло: наш молодой человек — Юра Гагарин — побывал в космосе! И оттуда вернулся! А ему, когда он полетел, Хрущев Никита Сергеевич сказал: "Юрочка, посмотри, есть там Бог, или нет?" Юрий Гагарин Бога не видел… а Бог его видел! И благословил!»

Космический проект СССР, как и аграрный, требовали огромных затрат. В центр воплощения этих денежных проектов Хрущев поставил особых людей, я думаю. И их имена снова остались в истории человечества, продолжая славные традиции в этом — боярском и героическом — звучании на протяжении тысячи лет (Гагарины, Стародубские-Пожарские, Хрущевы)…

Вот и пойми тут ненавистника царской России и православия коммуниста-фанатика Хрущева. Вместо того, чтобы дать путь в мировую известность какому-нибудь рабочему Кузнецову или Сергееву, он открывает дорогу к звездам мировой славы древним боярским фамилиям России!

Хрущев успел осуществить свой «антибожественный» космический проект. Народ ликовал и не думал о Боге. Он даже поначалу не думал о хлебе насущном, упиваясь славой Своей страны. Но вскоре в СССР начались проблемы с продовольствием. И решать их Хрущев взялся по-новому. Распашкой целинных земель — внедрением промышленных методов в сельское хозяйство. Но он успел только подобрать нужные и верные кадры для руководства будущими агрогородами — первое постановление ЦК КПСС по этому вопросу появилось уже после его смерти. В 1971 году.

2

Первопроходцем здесь стал Василий Стародубцев, который абсолютно непонятными путями пришел к своему невероятному взлету. И об этих путях знал только Никита Хрущев и его доверенные лица, когда Стародубцев, бортмеханик и шахтер, вдруг оказался во главе умирающего тульского колхоза из нескольких заваливающихся крестьянских дворов.

Именно сюда потекла первая полноводная река бюджетных денег для проекта раскрестьянивания — модернизации — российского села по западноевропейским образцам. И первое, что было заявлено — никаких подсобных хозяйств, никаких деревенских изб, нормированный рабочий день на ферме-заводе, а жизнь, беззаботная и богатая, в современных многоэтажных домах.

В чистом поле вырос агрогород Спасское — с европейским животноводческим комплексом, оригинальными многоэтажками, в которых были газ и горячая вода. Здесь построили современный детский сад и бассейн. Дворец культуры и торговый центр, гостиницу, куда приезжали иностранцы из Европы и Америки посмотреть на советское чудо в бывшей деревне. Только старинный храм посередине нового агрогородка был заколочен.

Здесь жили чуть ли не при коммунизме. Но — странное дело: народ отсюда уезжал! Сменяемость кадров была чуть ли не стопроцентная. Люди не выдерживали потогонной системы на производстве, жесткой дисциплины, а в новых домах им было скучно и неуютно. Сколько бы я ни приезжала в Спасское делать репортажи, каждый раз меня «отлавливали» местные жители и жаловались на неустроенную жизнь в этом советском раю. Чего же они хотели? Иметь свои огороды, жить в частном отдельном домике, иметь корову и овец, кур и гусей. И это при том, что с колхозного склада им продавали по низким ценам

любые продукты, а в Спасской столовой готовили ресторанные деликатесы для всех за копейки. И еще они хотели ходить в свой старинный храм молиться, крестить там своих новорожденных и отпевать умерших.

Огромные государственные вложения, а затем собственный бизнес вознесли знаменитый колхоз имени Ленина на вершину славы и известности. А также и его председателя — коммуниста, Героя Социалистического труда, Василия Стародубцева.

Кончился советский эксперимент по раскрестьяниванию очень плохо. В 1991-м ГКЧП, членом которого был Стародубцев, народ не поддержал. А потом сильно об этом пожалел — дорвавшиеся до власти демократы под патронатом США вообще раздербанили русскую деревню.

И в 1993 году Стародубцев стал сенатором, а с 1997 по 2005 — губернатором Тульской области.

В Спасском он восстановил старый храм (в котором его и отпели после кончины), построил отдельные дома для колхозников, выделил им землю под огороды, а сын его стал фермером.

Так замкнулся «боярский круг» Стародубцева. А разве вам не знакомы фамилии Нарышкина, Жукова, Ромодановского, которые сегодня снова в Кремле?.. Нарышкин успешно выхлопотал во Франции перезахоронение в Москве праха троюродного брата Николая II, внука Николая I, великого князя Николая Николаевича Романова.

Поистине фантастические тайны окутывают русскую жизнь на протяжении многих веков. И почему-то в России эти тайны и сегодня предпочитают не разгадывать.

С последним особенно сложно не согласиться.

Олег Платонов пишет: ***«Масонские корни, по-видимому, имел и заговор В. Я. Мировича, служившего в Шлиссельбургской крепости, где в заточении находился Иоанн Антонович. В 1764 году Мирович склонил на свою сторону часть охраны, чтобы освободить «царя Ивана». Однако при узнике постоянно находились два стража, имевшие инструкцию его убить при попытке освобождения. Они точно выполнили приказ, и Мировичу достался только труп свергнутого «царя». При расследовании, проведенном по этому делу, был обнаружен у сообщника Мировича, поручика Великолукского полка, отрывок масонского катехизиса»*** *[Брокгауз и Ефрон. Т. 72. С. 509].*

Мирович был «сыном и внуком бунтовщиков» против Русского государства, судя по всему, крепко связанных с зарубежными конспираторами. Его дед, переяславский полковник Федор Мирович, изменил Петру I и после поражения Карла XII бежал в Польшу, за что и был сослан в Сибирь, где в 1740 году и родился будущий «освободитель царя Иоанна».

У Андрея Федоровича Хрущова и его жены Анны Александровны Колтовской было четверо детей — Дарья, Иван, Николай и Елизавета: ***«По смерти Федора Федоровича Хрущова село Лукино принадлежало с 1734 г. его сыну Андрею»***. А. Ф. Хрущов был казнен в сентябре 1740 г. в правление императрицы Анны Иоанновны. Село Лукино от него перешло к его жене вдове Анне Александровне с детьми Николаем, Иваном, Марьею и Елизаветою и за ними оно утверждено в 1741 г. отказною книгою, в которой упоминается: ***«В селе Спасском, Лукино тож, церковь Всемилостиваго Спаса деревянная с церковною утварью»*** *(Вотч. колл. кн. 42, 72).*

Его родственник, Петр Федорович Хрущов, камчатский ссыльный, после участия в Большерецком бунте и бегства

с Камчатки в 1771 году, будучи капитаном французской армии с новой (теперь уже с русского на польский лад, а не наоборот, как у его предков) фамилией — Хрустовский был женат на вдове капитана мятежного галиота «Святой Петр» Максима Чурина, который успешно, первым среди отечественных мореплавателей, провел свое судно от Камчатки до Китая. Капитан Хрустовский погибнет, но его жена вернется в Россию. Сведений о том, что у супругов были дети, мы не имеем. Хотя кто его знает…

Говоря по поводу дела о заговоре братьев Хрущовых и Гурьевых, историк масонства Олег Платонов пишет следующее:

«С масонскими заговорщиками Екатерина II сталкивается в первый же год своего царствования. Представители древнего дворянского рода братья Гурьевы Семен, Иван и Петр уличаются в заговоре в пользу Иоанна Антоновича, содержащегося в Шлиссельбургской крепости. На следствии выяснились определенная их связь с масонами Н. И. Паниным и И. И. Шуваловым, а также непонятная осведомленность об Иоанне Антоновиче и месте его пребывания (что держалось в строжайшей тайне). Заговорщики признавались: «Мы стоим за то, для чего царевич не коронован, а теперь сомнения у Панина с Шуваловым, кому правителем быть» *[Русский Биографический Словарь. Павел — Петр. Санкт-Петербург, 1902. Т. 13. С. 194]**. Преступники были сосланы на Камчатку и в Якутск».***

Любопытно, что в 1745 году охрана Брауншвейгской семьи в Холмогорах была поручена премьер-майору Измайловского полка Ивану Васильеву Гурьеву. Условия содержания узников были таковыми, что вымерла большая часть охранников, а гвардии майор чуть не удавился от тоски и уже на следующий год сдал свой пост.

Граф Дмитрий Гурьев,
министр финансов Российской империи

Впоследствии один из Гурьевых стал даже министром финансов империи и породнился с министром иностранных дел графом Нессельроде, жена которого, урожденная графиня Гурьева, была «злым гением» Александра Сергеевича Пушкина: «Политический салон жены министра иностранных дел Нессельроде тоже был местом встреч бывших масонов аристократов. Вел. Кн. Михаил Павлович называл графиню Нессельроде «Господин Робеспьер».

У графини Нессельроде в доме по-русски говорить не полагалось. «Дом русского министра иностранных дел был центром так называемой немецкой придворной партии,

к которой причисляли и Бенкендорфа, тоже приятеля обоих Нессельроде. Для этих людей иностранец Геккерн был свой человек, а Пушкин был чужой» *(Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина. Т. II. М., 2010. С. 407)* — эта масонская группировка и спровоцировала дуэль великого поэта с Дантесом.

Граф Карл Нессельроде, канцлер Российской империи

Если бы граф Гурьев не был масоном — ему было бы не сделать такой политической карьеры в России. Вот ведь какой парадокс…

Кто и почему был заинтересован в смене екатерининского правительства, если дворцовый переворот только-только произошел?

И вот тут-то мы должны знать, что цель происшедшего дворцового переворота заключалась вовсе не в восхождении Екатерины на российский престол, почему столь быстро и охладели ее отношения с Екатериной Романовной Дашковой и почему те кандидаты в правительство, которым через Дашкову было обещано это место, оказались ни с чем…

Императором должен был стать царевич Павел Петрович, воспитателем которого и был масон Никита Иванович Панин, замышлявший превратить Россию в конституционную монархию, то есть вернуть к замыслам Фика, которые на корню были уничтожены Анной Иоанновной, расправившейся с «верховниками» — членами Верховного Тайного совета, претендующих на собственную — олигархическую — власть в стране двух семей — Долгоруковых и Голицыных.

Масонство в России, по всей видимости, складывалось первоначально на основе противостояния самодержавию со стороны самой правящей фамилии, включающей многочисленные кланы, и Гурьевы впервые появляются (но не проявляются) в родстве с Нарышкиными: Прасковья Степановна Гурьева (о которой мы практически ничего не знаем) была женой двоюродного брата отца царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной — Григория Филимоновича. Два его брата — Федор и Василий Филимоновичи были зверски убиты стрельцами в мае 1682 года во время восстания. Третий брат — Матвей Филимонович был первым «патриархом» Всепьянейшего собора.

Дети Нарышкина-Гурьевой тоже образовали любопытнейшие политические брачные союзы, которые в скором времени влились в масонские ложи. По крайней мере, нам известны:

Михаил Нарышкин (1669–03.03.1744), комнатный стольник царя, впоследствии камергер, женат на Ульяне Андреевне Колычевой (1675–1738). Имели 4 сыновей и 5 дочерей, их внук Василий Сергеевич Нарышкин, участник дворцового переворота 1762 года — генерал Нарышкин был женат на графине Анне Ивановне Воронцовой (12 (23) октября 1750–5 (17) мая 1805), старшей дочери графа И. И. Воронцова, внучке кабинет-министра Волынского.
Ирина (06.04.1671–21.06.1749), статс-дама, с 29 июня 1691 года замужем за князем Иваном Юрьевичем Трубецким (1667–1750), генерал-фельдмаршалом, отцом знаменитого масона Ивана Ивановича Бецкого.

Олег Платонов пишет, что Гурьевы были из древнего дворянского рода, но князь Петр Долгоруков только один раз упоминает эту фамилию в своей книге, где подробно освещена история практически всех древних аристократических родов России (по другой версии, Гурьевы пробились в высший свет из служилых при Дворе дьяков). Но и этого одного упоминания хватило, чтобы понять причину неожиданного взлета Гурьевых: будущий граф женился на царской родственнице Прасковье Николаевне Салтыковой («престарелой девке, от руки коей, несмотря на ее большое состояние, долго все бегали»), дочери Николая Владимировича Салтыкова (родственников царствующего дома Салтыковых-Романовых) и его супруги княгини Анны Сергеевны Гагариной, которая, в свою очередь, была дочерью уже известных нам по предыдущим очеркам Прасковьи Павловны Ягужинской и Сергея Васильевича Гагарина…

Но это будет потом. Крупнейшими фигурами из рода Гурьевых во время, предшествующее заговору братьев Гурьевых и братьев Хрущевых, был Иван Васильевич Гурьев, генерал-аншеф, полковник (то есть командир) Измайловского гвардейского полка (он умер в 1768 году), который и был с 1745 года смотрителем за Брауншвейгской семьей.

В биографии кавалергардов мы найдем его подробный послужной список:

Иванъ Васильевичъ Гурьевъ, 1693 —, въ Ноябрѣ 1709 года опредѣленъ солдатомъ въ Астраханскій пѣхотн. полкъ и, «будучи въ ономъ, въ 1710 г. находился при атакѣ г. Риги, гдѣ подъ палисадами и *раненъ*, а по взятіи онаго, въ 1711 г., при Высочайшемъ ..... присутствіи былъ на Турецкой акціи подъ Прутомъ, гдѣ *раненъ же* и пожалованъ изъ сержантовъ прапорщикомъ (15 Іюля 1711 г.)». Въ 1712 г. Гурьевъ былъ во всѣхъ походахъ Шведской войны: въ Померапіи, подъ Штетиномъ, въ Голштиніи, въ Финляндіи, въ Швеціи, а по окончаніи Шведской войны былъ въ Персидскомъ походѣ. 15 Мая 1714 г. онъ произведенъ въ подпоручики, а 10 Января 1726 г. въ поручики. 8 Апрѣля 1726 г. Гурьевъ «взятъ въ кавалергарды, въ рангъ капитанскій». При вопареніи Анны Іоанновны подписалъ прошеніе кн. Черкасскаго. 3 Октября 1730 года онъ переведенъ капитанъ-поручикомъ въ лб.-гв. Измайловскій полкъ [1]); 25 Февраля 1735 года произведенъ «по старшинству» въ капитаны и 29 Ноября 1741 г., по вступленіи на престолъ Елисаветы Петровны—въ секундъ-майоры. Въ Мартѣ 1745 г. онъ былъ назначенъ въ Холмогоры на смѣну барона Корфа для надзора содержащейся тамъ Брауншвейгской фамиліи. Передъ отправленіемъ въ Холмогоры Гурьевъ получилъ 29 Марта слѣдующій Высочайшій указъ: «Указъ Нашей лейбъ-гвардіи майору Гурьеву. Указали Мы Нашему камергеру Корфу быть сюда, а при извѣстныхъ персонахъ команду поручить вамъ, а для всякаго случая посылается къ вамъ въ помощь Нашей гвардіи капитанъ Максимъ Вындомскій. По отъѣздѣ вышеупомянутаго Нашего камергера Корфа имѣете вы поступать по Нашимъ указамъ, о чемъ велѣно ему, Корфу, дать вамъ полное наставленіе, сверхъ же того повелѣваемъ вамъ во время наступающаго лѣта принцессу съ мужемъ ея, когда на воздухъ пожелаютъ, выпускать въ имѣющійся въ архіерейскомъ домѣ огородъ и всегда съ ними быть самому или капитану Вындомскому и наблюдать того, чтобы ниоткуда никому постороннимъ видѣть ихъ было невозможно; ходъ въ тотъ огородъ, когда понадобится, отворять, гдѣ есть изъ палатъ, а со двора ворота въ тотъ огородъ наглухо затворить». Въ командѣ Гурьева, кромѣ упомянутаго въ указѣ лб.-гв. Семеновскаго полка капитана Максима Вындомскаго, были: лб.-гв. Измайловскаго полка подпоручикъ Левъ Писаревъ, Пензенскаго полка премьеръ-майоръ Александръ Миллеръ, штабъ-лѣкарь Михаилъ Манзей, нижніе чины гвардейскихъ и армейскихъ полковъ и «дворовые служителя». 12 Іюня 1745 г. Гурьевъ доносилъ изъ Холмогоръ въ «Высокій Кабинетъ», что камергеръ Корфъ сего числа отправился въ Петербургъ и «какъ имѣющуюся здѣсь команду, такъ и извѣстныхъ персонъ» ему поручилъ. Корфъ передалъ Гурьеву инструкціи для содержанія «извѣстныхъ персонъ», а на случай смерти принца Іоанна, онъ получилъ особый Высочайшій указъ. «Какъ вамъ поступать въ такомъ случаѣ, ежели по волѣ Божіей случится иногда изъ извѣстныхъ персонъ кому смерть, особливо же принцессѣ Аннѣ или принцу Іоанну, тогда имѣете учинить по указу Нашему, каковъ объявленъ вамъ отъ Нашего камергера Корфа; а нынѣ въ дополненіе того, въ случаѣ смерти принца Іоанна (ежели ему прежде отца и матери случится),

---

[1]) Въ формулярѣ Гурьева за 1751 г. сказано, что 3 Октября 1730 г. онъ пожалованъ капитанъ-поручикомъ, а въ своемъ прошеніи объ отставкѣ отъ 31 Мая 1762 г. Гурьевъ говоритъ, что въ этотъ чинъ пожалованъ въ 1731 г.

повелѣваемъ вамъ тотчасъ его мертваго показать отцу и матери, чтобы они его видѣли и о томъ, что умеръ, знали, и потомъ (какъ уже показано будетъ отцу и матери) учинить съ умершимъ тѣломъ по силѣ указу, объявленнаго вамъ отъ Нашего камергера Корфа, во всемъ непремѣнно, и сіе повелѣваемъ вамъ содержать въ крѣпкомъ секретѣ. Елисаветъ. Въ 11 день Іюля 1745 г. Въ селѣ Гостилицахъ». 27 Февраля 1746 г. «извѣстная персона» (Анна Леопольдовна) родила сына, и для кормленія ребенка потребовалась кормилица. Гурьевъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Вындомскимъ, составили слѣдующій актъ: «1746 г., Февраля 27 дня, согласно опредѣлили, ибо сего Февраля 27 дня извѣстная персона родила сына, чего-для по крайней необходимости взятую отъ города Архангельска Архангелогородскаго гарнизона, Устюжскаго полку солдата Евдокима Шононова жену его Татьяну Никитину въ кормилицы ко младенцу допустить съ примѣру прежде присланнаго Ея Имп. Величества Высочайшаго позволительнаго указу къ прежде бывшему здѣсь Е. И. В. г. камергеру и кавалеру Корфу о допущеніи-жъ кормилицы въ таковомъ же случаѣ. Иванъ Гурьевъ».

25 Марта 1746 г. Императрица отозвала Гурьева въ Петербургъ, разрѣшивъ ему сдать его обязанности капитану Вындомскому. 1 Мая Гурьевъ передалъ Вындомскому «порученное ему дѣло и команду», а также Высочайшіе указы или копіи съ нихъ (въ числѣ послѣднихъ былъ «указъ секретный, списанный моею рукою»), а самъ возвратился въ Петербургъ.

1 Января 1748 г. Гурьевъ былъ произведенъ въ премьеръ-майоры гвардіи и въ генералъ-майоры, а 25 Декабря 1755 г. въ генералъ-поручики. Въ Январѣ 1762 г. онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ отставкѣ и о томъ, что умеръ, знали, и потомъ (какъ уже показано будетъ отцу и матери) учинить съ умершимъ тѣломъ по силѣ указу, объявленнаго вамъ отъ Нашего камергера Корфа, во всемъ непремѣнно, и сіе повелѣваемъ вамъ содержать въ крѣпкомъ секретѣ. Елисаветъ. Въ 11 день Іюля 1745 г. Въ селѣ Гостилицахъ». 27 Февраля 1746 г. «извѣстная персона» (Анна Леопольдовна) родила сына, и для кормленія ребенка потребовалась кормилица. Гурьевъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ Вындомскимъ, составили слѣдующій актъ: «1746 г., Февраля 27 дня, согласно опредѣлили, ибо сего Февраля 27 дня извѣстная персона родила сына, чего-для по крайней необходимости взятую отъ города Архангельска Архангелогородскаго гарнизона, Устюжскаго полку солдата Евдокима Шононова жену его Татьяну Никитину въ кормилицы ко младенцу допустить съ примѣру прежде присланнаго Ея Имп. Величества Высочайшаго позволительнаго указу къ прежде бывшему здѣсь Е. И. В. г. камергеру и кавалеру Корфу о допущеніи-жъ кормилицы въ таковомъ же случаѣ. Иванъ Гурьевъ».

25 Марта 1746 г. Императрица отозвала Гурьева въ Петербургъ, разрѣшивъ ему сдать его обязанности капитану Вындомскому. 1 Мая Гурьевъ передалъ Вындомскому «порученное ему дѣло и команду», а также Высочайшіе указы или копіи съ нихъ (въ числѣ послѣднихъ былъ «указъ секретный, списанный моею рукою»), а самъ возвратился въ Петербургъ.

1 Января 1748 г. Гурьевъ былъ произведенъ въ премьеръ-майоры гвардіи и въ генералъ-майоры, а 25 Декабря 1755 г. въ генералъ-поручики. Въ Январѣ 1762 г. онъ подалъ на Высочайшее имя прошеніе объ отставкѣ и просилъ о награжденіи его чиномъ и дарованіи ему до смерти полнаго содержанія генералъ-поручика, такъ какъ имѣлъ «только за собою дворовыхъ людей 8 душъ». Изложивъ свою службу, Гурьевъ въ своемъ прошеніи писалъ: «Нынѣ же, Всемилостивѣйшій Государь, пришедъ въ слабость моихъ силъ, продолжаючись въ службѣ 53-й, а отъ роду имѣю 69-й годъ, не въ состояніи понесть ни военной, ни гражданской службы... Имѣя отъ Ея И. В. разныя ввѣренныя мнѣ секретныя коммиссіи, которыя исправлялъ всегда усердно съ полученіемъ отъ Ея И. В. милостивой апробаціи, за которыя мои рабскія службы награждаемъ былъ отъ Ея материнскихъ щедротъ генералитетскими чинами, и слышалъ неоднократно изъ устъ Ея И. Вел-ва отзывъ о награжденіи меня по недостатку моему пропитаніемъ, но случай во время державствованія Ея И. В. не допустилъ сего докончить». 31 Мая 1762 г. Императоръ Петръ III положилъ слѣдующую резолюцію на прошеніи: «Въ вѣчную отставку гвардіи подполковникомъ съ чиномъ генералъ-аншефа, а жалованья получать по его прошенію по смерть. *Петръ*» [1]).

Но ближе его ко двору был другой Гурьев — генерал-рекетмейстер (умер в 1770 г.), действительный статский советник (то есть человек, не только входивший в четвертую строчку имперской иерархии того времени, но еще и главное должностное **лицо, принимавшее и докладывавшее прошения и жалобы в Российской империи XVIII века.**) Иван Григорьевич Гурьев.

Его брат Александр Григорьевич, отец будущего министра финансов Дмитрия Александровича Гурьева, секунд-майор лейб-гвардии Измайловского полка, был женат (внимание!) … на Анне Михайловне Еропкиной — родной сестре конфидента Артемия Волынского, Петра Михайловича Еропкина, казненного вместе с опальным кабинет-министром.

У Михаила Матвеевича Еропкина (1663–1721), который был служилым московским дворянином, а происходил от князей Фоминских (одного из колена Рюриковичей), в шестой части родословца «Дворянского сословия Тульской губернии» (в которой обозначены самые древние русские династии) названы его прямые потомки — Николай, Петр, Авдотья, Анна и Алексей.

Петр Михайлович Еропкин

Петр Михайлович, знаменитый архитектор, построивший тот самый Ледяной Дом, в котором была сыграна свадьба камчадалки Буженинова и князя Голицына, был, согласно последним генеалогическим изысканиям В. И. и В. В. Мильковых *(«Памятник ему — город», РГАДА. Фонд № 1239. Ед. хр. 1563. Л. 242)*, сыном Михаила Матвеевича Еропкина.

Его родной брат Алексей Михайлович (умер в 1763 году) был женат первым браком на Прасковье Петровне Сумароковой, вторым — на Анне Васильевне Олсуфьевой *(ЦИАМ. Фонд № 4. Оп. 1 Ед. хр. 654. Л. 20–20 об.)*. В 1762 году произведен в действительные статские советники.

Обратим внимание на его жен. Первая — родная сестра масона и драматурга Александра Петровича Сумарокова.

Вторая — родная сестра масона и поэта-переводчика Адама Васильевича Олсуфьева, которой и оставил в отечественной истории сведения о первой русской масонской ложе, членом которой был сам.

И еще одна важная деталь: и Сумароков, и Олсуфьев учились вместе с Петром Ивановичем Паниным в первом наборе Сухопутного шляхетского корпуса, а именно Панин, воспитатель наследника Павла, и был идеологом свержения Екатерины, нарушившей планы масонов по установлению конституционной монархии, которую она им якобы гарантировала в случае своего вступления на престол.

Артемий Волынский, кабинет-министр, третий после императрицы и Бирона человек в Российской империи, был женат дважды. Первый раз — на дочери Льва Кирилловича Нарышкина, двоюродной сестре царя Петра I. Второй раз он женился на сестре… Петра Михайловича Еропкина — Софии.

Так что Сумароковы, Волынские, Олсуфьевы были в свойстве.

И, конечно, не могло быть случайностью то, что другая сестра «конфидента» Петра Михайловича Еропкина вышла

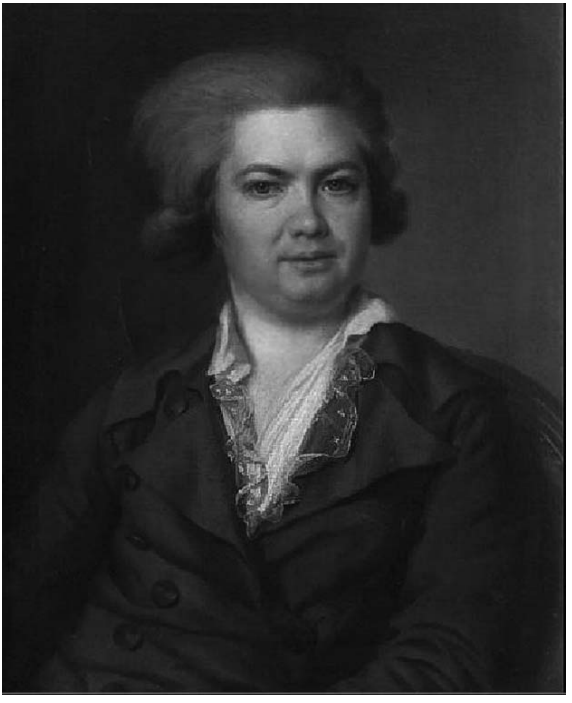
замуж за Александра Григорьевича Гурьева, родным братом которого был генерал-рекетмейстер Иван Григорьевич Гурьев.

Дочь Артемия Волынского, отказав таким блистательным женихам, как сыновья графини А. И. Чернышевой (прямым потомкам Петра I), и даже П. А. Румянцеву (тоже сыну Петра I!), за которого хотела выдать ее сама императрица Елизавета Петровна, не говоря уже о каких-то там князьях А. М. и Д. М. Голицыных (кстати, также поступившими в один год и обучавшихся в Сухопутном шляхетском корпусе вместе с камчатским ссыльным Батуриным, Сумароковым и Олсуфьевым), Мария Артемьевна вышла замуж за избранника, политический вес семьи которого был к тому времени наиболее высоким, — за графа Ивана Илларионовича Воронцова, чья сестра — Дарья Илларионовна — была женой Петра Федоровича Хрущова, однородца еще одного «конфидента» Волынского — Андрея Федоровича и камчатского ссыльного Петра Федоровича Хрущовых.

Д. Г. Левицкий. Портрет Прасковьи Федоровны Квашниной-Самариной (в замужестве Воронцовой)

А родной внук Артемия Волынского — Артемий Иванович Воронцов, крестный А. С. Пушкина, был женат на родственнице еще одного камчатского ссыльного — Ивашкина — на Прасковье Федоровне Квашниной-Самариной (которая была прямым потомком того самого Матвеева, который в качестве сводни привел на российский престол Наталью Нарышкину). Сестра же Артемия Ивановича, о чем мы писали выше, вышла замуж за внука Прасковьи Степановны Гурьевой — Василия Сергеевича Нарышкина, участвовавшего вместе с другими масонами в дворцовом перевороте 1762 года.

Артемий Иванович Воронцов

Не слишком ли много совпадений?

Да и нет никаких совпадений — это четкая генеалогическая линия, построенная на политическом расчете.

И уж коли мы коснулись «фамильного династического братства» Чернышевых, Румянцевых, Голицыных, составляющих, по нашему мнению, единое тайное политическое ядро с «братьями» Воронцовыми, сформированное в России XVIII столетия при прямом участии якобитов, мы постараемся показать, что и они были вовсе не случайными людьми в этом внутрироссийском тайном политическом семейном союзе.

Братья Голицыны были не только сыновьями фельдмаршала Михаила Михайловича Голицына, родного брата главы Верховного Тайного совета Дмитрия Михайловича Голицына, которого императрица Анна Иоанновна уничтожила вслед за Долгоруковыми, уморив в Шлиссельбургской крепости за его конституционные идеи ограничения российского самодержавия, ослабив на время политический вес этих двух родов, связанных многочисленными брачными союзами с царствующими семьями Нарышкиных и Салтыковых.

Михаил Михайлович был женат дважды: первым браком на дочери Кирилла Алексеевича Нарышкина, а вторым браком — на дочери сподвижника и свояка царя Петра I (женат на сестре царицы Ксении Федоровны Лопухиной), знаменитого русского дипломата Бориса Ивановича Куракина, первого постоянного посла России за рубежом и действительного тайного советника.

У Михаила Михайловича было трое сыновей: Дмитрий (названный в честь своего великого дяди), Александр и Михаил.

Александр Михайлович Голицын — старший сын генерал-адмирала, русский посланник в Великобритании, вице-канцлер империи, вице-президент Коллегии иностранных дел, кавалер ордена Александра Невского (1762),

действительный тайный советник (1764), в 1774 году он получил орден Андрея Первозванного, стал сенатором и обер-камергером (1775). У него были незаконнорожденные дети, впоследствии получившие дворянство Де-Лицыны, так вот Дарья-Генриетта Александровна (1761–1828) была замужем за Дмитрием Адамовичем Олсуфьевым (1769–1808), сыном все того же масона Адама Васильевича, о котором мы часто вспоминаем.

Борис Иванович Куракин

Дмитрий Михайлович с 1751 года был женат на светлейшей княжне Екатерине-Смарагде Дмитриевне Кантемир, камер-фрейлине, статс-даме императрицы Елизаветы Петровны,

дочери бывшего молдавского господаря Дмитрия Кантемира, сестра которого была любовницей царя Петра I, а ее родным братом был один из первых русских поэтов, дипломат и масон Антиох Дмитриевич Кантемир.

Их сестра Анна Михайловна Голицына (1699–1727) была замужем за генерал-фельдмаршалом Александром Борисовичем Бутурлиным (фаворитом принцессы Елизаветы, которого из ревности император Петр II отправил служить в Малороссию). Его сын от второго барака с Екатериной Борисовной Куракиной, — Петр Александрович (1734–1789), в крещении Иона, тайный советник, камергер; с 1758 года женат на фрейлине графине Марии Романовне Воронцовой (1738–1765), их дети Дмитрий Бутурлин и Елизавета Дивова (ее сын Николай Адрианович (1792–1869), генерал-майор, участник Бородинского сражения; с 1827 года женат на Зинаиде Сергеевне Кагульской (1811–1879), незаконной дочери графа С. П. Румянцева, был известным масоном).

Дмитрию Петровичу Бутурлину было всего два года, когда умерла его мать, и он воспитывался у своего дяди — холостяка Александра Романовича Воронцова, будущего канцлера Российской империи. Благодаря своему дяде он с юных лет увлекался передовыми воззрениями эпохи Просвещения, был страстным поклонником Вольтера и Руссо. Просил императрицу отпустить его в Париж, где началась революция. Получив отказ, в знак протеста в возрасте двадцати двух лет вышел в отставку. Оставив двор, Бутурлин перебрался в Москву *(Васильева З. В. Усадьба Белкино и Боровский уезд в Отечественной войне 1812 г., сб-к «У истоков российской государственности (Роль женщин в истории династии Романовых): исследования и материалы., Спб, 2010)*.

Любопытны для нас и браки (политические союзы) детей Бориса Ивановича Куракина, игравших в отечественном масонстве важную роль.

Борис Иванович Куракин был женат дважды и имел пятерых детей.

Первая жена с 1691 года Ксения Федоровна Лопухина (1677—февраль 1698), родная сестра Евдокии Лопухиной, первой жены Петра I, умерла от чахотки.

Дочь Татьяна (1 (14) января 1696–1757) — вторая супруга генерал-фельдмаршала князя М. М. Голицына.

Сын, князь Александр Борисович Куракин женился 26 апреля 1730 на Александре Ивановне Паниной (1711–1786), родной сестре Петра и Никиты Ивановичей Паниных, приходившейся, как утверждалось в дореволюционных публикациях, внучатой племянницей светлейшему князю Меньшикову. Ее родная сестра была замужем за другим дипломатом петровского времени, Иваном Неплюевым (дипломат, адмирал).

Татьяна Александровна Куракина (1732–1754) была первой супругой А. Ю. Нелединского-Мелецкого (1729–1804) (русский поэт; тайный советник, сенатор, статс-секретарь Павла I, масон). «Живя в доме своей московской бабки, Нелединский-Мелецкий находился под влиянием и воздействием бытового склада и нравов древней столицы; в Петербурге же для него наступило время влияний в европейском духе. Семейство кн. Куракиных вследствие долгой службы в заграничных посольствах отличалось лоском европейского просвещения. Здесь, кроме Юрия, воспитывались еще несколько сирот мальчиков кн. Куракиных и кн. Лобановых-Ростовских. Княгиня А. И. Куракина пользовалась большим почетом в высшем петербургском обществе; так как брат ее, граф Никита Иванович Панин, был воспитателем великого князя Павла Петровича. Благодаря последнему обстоятельству, молодой Нелединский имел случай бывать в обществе будущего Императора» *(Большая биографическая энциклопедия)*. Второй женой поэта-масона была с 1774 года графиня Анастасия Николаевна Головина (1754–1803), дочь графа Н. А. Головина и А. С. Лопухиной, сестра

Н. Н. Головина и внучка статс-дамы Н. Ф. Лопухиной. Была известна в свете красотой и легкостью нравов. В 1775 году в нее до «сумасшествия» был влюблен граф Андрей Разумовский; после она родила от 16-летнего Степана Сергеевича Ланского (1760–1813) сына Александра Степановича Лавинского (1776–1844), получившего права потомственного дворянства. Была любовницей Н. В. Репнина, их сын генерал-майор Степан Иванович Лесовский (1782–1839), затем С. П. Румянцева (1755–1838), от него имела трех дочерей, носивших фамилию Кагульских.

(И при этом повторяются одни и те же фамилии — Разумовский, Румянцев, Головин, Лопухины).

Куракин, Борис Александрович (1733–1764), гофмейстер, сенатор, президент ряда коллегий, женат на Елене Степановне Апраксиной, дочери масона Степана Федоровича, который был отдан под суд за предательство в пользу Пруссии. После смерти 31-летнего князя воспитание его детей взял на себя его дядя Никита Панин.

Екатерина Александровна Куракина (1735–1802) была замужем за князем Иваном Ивановичем Лобановым-Ростовским, и от них пошли все мужские представители Лобановых-Ростовских в XIX–XX веках, в том числе и А. А. Лобанов-Ростовский, известный масон.

Наталья Александровна Куракина (1737–1798), статс-дама, жена фельдмаршала князя Н. В. Репнина, одного из крупнейших русских масонов.

А вот как складывалась судьба одного из ведущих масонов России Александра Борисовича Куракина *(Википедия)*: «Александр был первенцем князя Бориса Александровича и его жены Елены Степановны, дочери фельдмаршала С. Ф. Апраксина. Незадолго до безвременной кончины отца взят на воспитание братом своей бабушки — Никитой Ивановичем Паниным и привезен из Москвы в Петербург.

Панин собственных детей не имел и, будучи воспитателем великого князя Павла Петровича, поощрял его общение и игры со своим племянником. С того времени князь Куракин сделался одним из самых близких друзей будущего императора, которого в частных письмах величал Павлушкой. Однажды он даже заложил свое имение, чтобы доставить необходимую сумму цесаревичу, нуждавшемуся в то время в деньгах.

В 1766 г. князь Куракин отправлен был для обучения в Киль, в Альбертинскую коллегию, где слушал лекции около года, числясь в то же время при русском посольстве в Копенгагене и получив даже в 1766 г. датский орден. Образование свое довершил в Лейденском университете в компании таких блестящих молодых людей, как Н. П. Шереметев (впоследствии обер-камергер, действительный тайный советник, сенатор), Н. П. Румянцев (будущий министр иностранных дел), Н. Б. Юсупов (дипломат, министр, член Государственного Совета), С. С. Апраксин (единственный сын фельдмаршала, генерал от кавалерии)».

То есть список имен практически не изменился — все та же золотая первая-четвертая строка в Табели о рангах Российской империи, русская политическая элита. Александр Борисович — русский дипломат, вице-канцлер (1796), член Государственного совета (1810), сенатор, канцлер российских орденов (1802), действительный тайный советник 1-го класса (1807).

Так что появление в этом семейном кругу фамилии Гурьевых могло означать только одно: и эта семья вошла в избранный масонский круг, и поэтому столь стремительно пошла вверх карьера Дмитрия Александровича Гурьева, сына простого бригадира, удачно женившегося на Салтыковой, ставшего министром финансов империи и тестем министра иностранных дел России…

В. Боровиковский.
Князь Александр Борисович Куракин

Когда же это могло случиться?

12 января 1722 года для борьбы с коррупцией в стране царь Петр I создает прокуратуру. Генерал-прокурором назначен небезызвестный Павел Иванович Ягужинский, обер-прокурором — Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев, который «отлично» зарекомендовал себя перед царем в первом «Деле Лопухиных», подготовив смертный приговор для царевича Алексея.

17 апреля 1722 года Петр I назначает прокурором Коммерц-коллегии, то есть «оком Ягужинского», драгунского майора Сильверста Даниловича Гурьева.

Весьма любопытно, что примерно в это же время прокурором Малороссийской коллегии был назначен гвардии капитан-поручик Михаил Хрущов.

Мы нашли их биографии. Они достаточно рядовые *(«Прокуратура Петра I: истоки создания», Серов Д. О. Прокуратура Петра I)*.

ГУРЬЕВ СЕЛИВЕРСТ ДАНИЛОВИЧ. Службу начал в 1696 г., с 1703 г. в драгунских полках. 7 февраля 1722 г. из армейских майоров назначен экзекутором Сената. **17 апреля 1722 г. назначен прокурором Коммерц-коллегии.** 7 ноября 1726 г. уволен от должности по состоянию здоровья. 22 июля 1728 г. назначен в следственную комиссию о подрядах Ю. С. Нелединского-Мелецкого (отец крупного русского масона). Впоследствии полковник и воевода Симбирской провинции. С 16 апреля 1733 г. отдан под следствие по делу о злоупотреблениях по винному и провиантскому подрядам. 23 апреля того же года отстранен от должности воеводы. 23 марта 1736 г. при учреждении Походного комиссариата назначен одним из пяти обер-кригс-комиссаров. 11 апреля того же года уволен от должности в связи с продолжением следствия по симбирским делам. 18 декабря 1753 г. произведен в бригадиры.

ХРУЩОВ МИХАИЛ СЕМЕНОВИЧ. 1 января 1721 г. из поручиков 2 роты Семеновского полка произведен в капитан-поручики в 4 роту того же полка. **15 июня 1722 г. назначен прокурором Малороссийской коллегии «на нынешней год».** Фактически находился в должности по октябрь 1725 г. В дальнейшем вновь на строевой службе в Семеновском полку, в котором дослужился до майора.

2 января 1732 г. назначен в следственную комиссию о соликамских кабацких сборах. 20 июня того же года командирован в Белгородскую губернию для переписи жителей слободских полков. 16 сентября 1734 г. произведен в бригадиры и назначен в Канцелярию Малороссийских дел при Сенате. С 13 июля 1736 г. глава Башкирской комиссии. 24 января 1737 г. произведен в генерал-майоры. 26 января того же года с должности главы Башкирской комиссии направлен в действующую армию. Впоследствии генерал-лейтенант. 3 марта 1740 г. назначен сенатором. С 20 марта 1741 г. управляющий Ладожским каналом. В связи с причастностью к делу А. И. Остермана 22 января 1742 г. Генеральным судом приговорен к разжалованию в генерал-майоры и направлению «к дальней команде». 22 апреля того же года восстановлен в чине генерал-лейтенанта. 13 сентября 1742 г. направлен в действующую армию в Финляндию. 5 октября 1743 г. назначен для проведения ревизии населения в Московской губернии. 25 июля 1744 г. пожалован шпагой с бриллиантами. Ум. до 1757 г.

Уже в 1726 году Верховный тайный совет, возглавляемый тогда А. Д. Меншиковым, фактически упразднил прокуратуру и прокуроров.

Но этого скоротечного «государственного» озарения могло хватить, чтобы попасть в тайную команду Ягужинского.

Сенатор Михаил Семенович Хрущев был одним из судей Волынского. Князь Петр Долгоруков дает этим судьям такую характеристику: «***…была назначена следственная комиссия, состоявшая из девяти членов; постарались не вводить в нее ни одного немца, чтобы представить обществу видимость непредвзятости. Это были генерал-аншефы Чернышев, Ушаков, Румянцев; генерал-лейтенанты князь Никита Трубецкой (недавно назначенный генерал-прокурором империи и один из застольников Волынского), Михаил Хрущев***

и князь Василий Репнин, тайные советники Василий Новосильцев и Иван Неплюев и генерал-майор Петр Шипов. За исключением одного Репнина, восемь других были угодливыми придворными лакеями, раболепствовавшими перед Бирен и способными на любую низость».

Судя по наличию в этой комиссии большой группы масонов, Волынский и его «конфиденты» были приговорены к смерти тайным обществом, а не Анной Иоанновной. Вероятно, был сговор, так как креатура Волынского не устраивала ни одну из сторон. Или перестала устраивать обе высокие договаривающиеся стороны, которые уже делили между собой власть еще не умершей императрицы Анны Иоанновны…

И в заговоре в пользу Иоанна Антоновича вновь объединяются эти две фамилии — Хрущовых и Гурьевых, которые были всего лишь маленькой частицей большого заговора.

Они просто стали «стрелочниками»…

То есть следствием по делу Хрущовых-Гурьевых занимались сами масоны, которые сводили это делу к банальной пьянке и пьяной болтовне.

А вот и некоторые подробности политического сыска по этому делу от историка *Евгения Анисимова*: ***«Рассмотрим ранжирование преступлений участников дела Хрущова и Гурьевых, совершивших “богомерзкое и злодейское дело”, — так была расценена их попытка организовать заговор.***

Поручик Петр Хрущов. Его вина: “Обличен и винился в изблевании оскорбления величества и что он старался других привлекать к умышляемому им возмущению противу нас и общего покоя, затевая якобы уже он и многих людей имел в своем согласии”.

Поручик Семен Гурьев. Его вина: “Яко сообщник с первым, не токмо в злодейском его умысле соглашался, но и сам других к тому подговаривал с прибавлением от себя разных лживых внушений, из чего во многом в первом допросе, а по обличении от свидетелей и во всем сам признался”.

Копія

2

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая
Великая Государыня Императрица
Государыня Всемилостивѣйшая.

Нынѣшняго мѣсяца 3. числа Ваше Императорское Величество нами нижеподписавшимся изустно Всевысочайше указать соизволила, чтоб мы секретно по самой справедливости ближайшими способами по отпрошеніи Граббе и тѣхъ Рыцарей произвели слѣдствіе надлежащее Сухамъ, о умышлях противо общей тишины, и благополучія, между непоторбимо отдаленными лѣтами; и что мы отпроемъ, оттомъ бы Всеподданнѣйше донесли Вашему Императорскому Величеству.

Мы держась точно предписанныя намъ Монархинѣ правиль сред многія разстроясь и отмѣня ставши Слѣдователями Отпрошли Осворбленіе

Величества и совершенной Умыселъ къ общему
Возмущенію отъ злыхъ нерассмотренныхъ,

Первой лейбъ гвардіи измайловского полку
Поручикъ Петръ Хрущовъ донесъ в повинился,
въ избѣжаніи того оскорбленія и что онъ старался
другихъ привлекать къ намѣряемому имъ возмуще-
нію противъ Вашего Императорскаго
Величества и общаго покоя, дабы какая ябеды
у васъ и многихъ имѣлъ въ своемъ согласіи.

Второй инкерманландского пехотнаго полку
Поручикъ семенъ Гурьевъ явно сообщилъ что
нѣкоторое отъ злаго умысла согласился,
но и самъ другихъ къ тому подговаривалъ скло-
баженіемъ отъ себя разныхъ словъ внушеній изъ чего
во многомъ въ переводѣ языковъ а подлинно видѣлъ
и во всемъ самъ признался,

Третей: лейбъ гвардіи измайловскаго полку Капитанъ порутчикъ Иванъ Урлевъ. Сотлалъ себя съ ними сочастникомъ тѣмъ, что Зная ихъ умыслъ объ оном[у] ни кого не донесъ, и самъ яко сопрящей одной персоне отомъ внушалъ. Осемъ Ответомъ своемъ злость утаилъ, а по[с]торичнѣсъ и наконецъ отъ явныхъ ставахъ то изъ обличенія Синился.

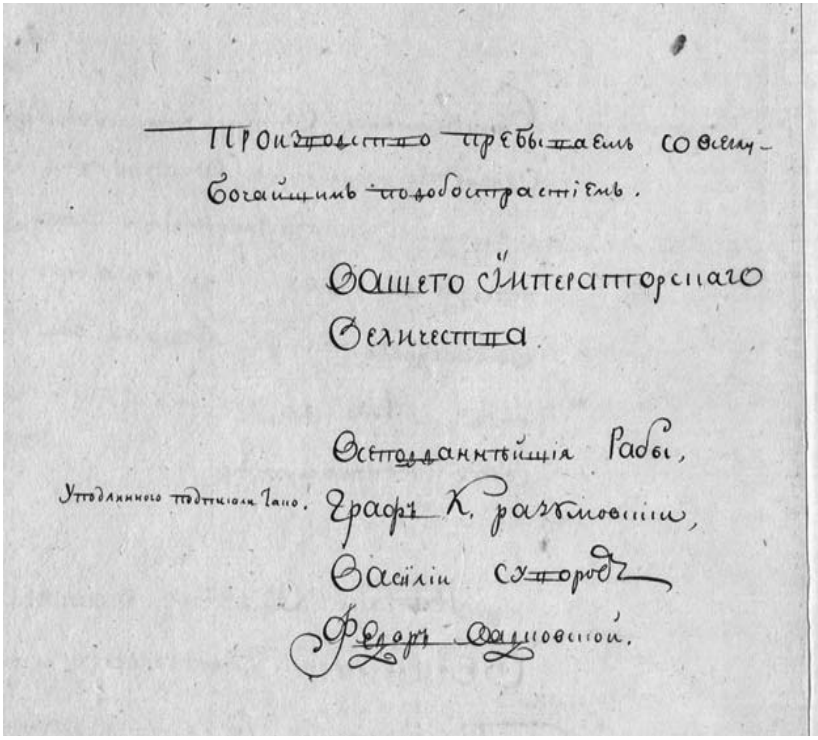
Четвертой: лейбъ гвардіи изъ измайловскаго Полку Квартермистръ мистръ Урлевъ слыша Отъ мистра Хрищова противу Вас его Императорскаго Величества оскорбительныя слова таил и озлоимъ умыслъ и возмущенія отомъ недонесъ и съ начала Декабря Анаконецъ Отвѣтствіи изъ обличія Сего

Отъ частныхъ и добровольного признанiе приемъ и винился.

Пятой: Коллежской ассесоръ Алексѣй Хрущовъ изобличаемъ Однимъ доносителемъ Яковымъ и онъ его спрашивалъ о общемъ явномъ помянутомъ зломъ намѣренiи, но какъ сообщелей того нѣтъ, а онъ Хрущовъ запирается, что остается одно къ немъ подозренiе первое вышеписанное; что онъ слышалъ отъ брата Хрущова изъ которыхъ доношенiя слова не доносилъ, однакожъ сообщницу поставлялъ изъ заключенiя, потому, что для перевороту объ оныхъ приказовъ того которой какого либо доносилъ,

Общеписанное; Второе: что онъ пообличаетъ
Однемъ посторонним свидѣтелемъ Отъ
Священія или подозрительнаго слова Второй
того сея дня, и отъ тойже Комитаніи
Повелѣлъ истцу Христову Отъ чина
онъ Алексѣй Христовъ Признанія
своего неприкосновенъ.

Милано Отъ силъ Вашего
Величества Императорскаго
Повелѣнія Всепокаянныя
ще по моея сіе нашед

Пребываемъ со всемъ
совершенным подобострастіемъ.

Вашего Императорскаго
Величества

Всеподданнѣйшія Рабы,
Утвержденного подписью Гаше. Графъ К. Разумовскій,
Василій Суворовъ
Ѳедоръ Вадковской.

Подписи следователей:
граф Кирилл Григорьевич Разумовский (масон), генерал-поручик Василий Иванович Суворов (отец генералиссимуса, масона А. В. Суворова, крестник и денщик Петра I, следователь по делу Ивана Долгорукова, принимал участие в низложении Петра III, занимался политическим сыском, прадед декабриста Александра Суворова), генерал-поручик Федор Иванович Вадковский (участник дворцового переворота 1762 года, муж Екатерины Ивановны Чернышевой, дед декабристов Александра и Федора Вадковских).

Капитан-поручик Иван Гурьев. Его вина: "Сделал себя им соучастником тем, что, знав их умысел, об оном нигде не донес и сам, яко сведущий другому о том внушал, о чем в первом своем допросе утаил, а во вторичном и на очных ставках, по изобличении, винился".

Квартирмейстер Петр Гурьев. Его вина: "Слышал… противу Нас оскорбительные слова, как и о злом умысле к возмущению, о том не доносил и сначала запирался, а наконец, отчасти изобличен был, отчасти же и добровольное признание принес и винился".

Коллежский асессор Андрей Хрущов. Его вина: "Остался подозрительным в том, что он обличаем одним, но без свидетеля, якобы и он ему сказывал об общем вышеупомянутом злом намерении, и притом он… слышал… некоторые двоякие и сумнительные слова, в чем и одним свидетелем обличаем был".

Теперь рассмотрим приговоры, которые вынес преступникам суд. Приговор Петру Хрущову и Семену Гурьеву гласил: "Лиша чинов, исключа из звания их фамилий и из числа благородных людей… ошельмовать публично, а потом послать их в Камчатку в Большерецкой острог на вечное житье и имение их отдать ближним в родстве". Иван и Петр Гурьевы приговаривались к "отнятию чинов" и вечной ссылке в Якутск. Наконец, Хрущов услышал приговор: "Лишив его всех чинов, жить в своих деревнях, не выезжая в наши столицы".

Итак, прослеживается устойчивая градация преступного состояния: 1) зачинщик, 2) сообщник, 3) соучастник, 4) неизветчик, 5) подозреваемый (подозрительный за недоказанностью). Эго привычное для того времени ранжирование вида причастности к государственному преступлению. Ему соответствуют и понижающиеся по степени суровости наказания. Особенно хорошо это видно в первоначальном проекте решения суда, когда зачинщика

и сообщника приговаривали к четвертованию и отсечению головы, а соучастника и недоносителя — к простому отсечению ГОЛОВЫ. В целом весь сыскной процесс и обосновывающие его законы не входят в противоречие сданным приговором. Зачинщик и сообщник мало в чем различались по степени тяжести».

«…В докладе Сената, одобренном Елизаветой в марте 1753 г., было уточнено, что политическая смерть — это «ежели кто положен будет на плаху или взведен на виселицу, а потом наказан будет кнутом с вырезанием ноздрей, или хотя и без всякого наказания, токмо вечной ссылке». Простым же наказанием признавалось кнутование, вырывание ноздрей, но без объявления помилования. К политической смерти как виду наказания близко шельмование, хотя это и не одно и то же; в приговоре Сената 1762 г. о казни Гурьевых и Хрущова сказано: учинить им «политическую смерть, то есть положить на плаху и потом, не чиня экзекуции, послать в вечную каторжную работу». Однако перед этим двоих из них — Петра Хрущова и Семена Гурьева — на Красной площади публично «по силе Воинского артикула ошелмовать». Казнь шельмованием, появившаяся при Петре I, так же, как и политическая смерть, непосредственно не вела к физической гибели человека, а представляла собой сложный позорящий преступника ритуал, о чем подробно будет сказано ниже. Тем самым его «бесчестили» или «шельмовали», исключая из числа честных людей (шельма — плут, обманщик, негодяй, пройдоха). В указе Петра 1714 г. об этом говорится: «Шел[ь]мован и из числа добрых людей извержен». Авторы указа 1762 г. о казни Гурьевых и Хрущова под шельмованием понимали то же самое: «Исключить их из числа благородных и честных людей».

Последствия шельмования указаны в Генеральном регламенте. Шельмованный исключался из общества, изгонялся

из своей социальной группы, дома, семьи, он терял службу, чины, не мог выступать свидетелем, его челобитные о грабежах и побоях в судах не принимались. Такого человека запрещали под страхом наказания принимать в гости или навещать его — «единым словом, таковый весма лишен общества добрых людей».

Слово «шельм» (или «шельма») считалось, как слово «изменник», позорящим человека, и называть им, даже в шутку, честных людей означало нанести им оскорбление. Шельмованный терял даже свою фамилию. В приговоре 1768 г. о Салтычихе сказано: «Лишить ее дворянскаго названия и запретить во всей нашей империи, чтоб она ни от кого никогда, ни в судебных местах, и ни по каким делам впредь так как и ныне в сем нашем указе именована не была названием рода ни отца своего, ни мужа». После подобного приговора среди узников Соловков в 1772 г. появился «бывший Пушкин». Это — дворянин Сергей Пушкин, приговоренный к заключению и шельмованный по указу 25 октября 1772 г. В списке 1775 г. о людях, которым было запрещено въезжать в столицы, отмечены ранее шельмованные «бывшие Семен, Иван, Петр Гурьевы».

…Самым знаменитым узником Шлиссельбургской крепости стал бывший император Иван Антонович, живший там в 1756–1764 годах. Содержали этого «безымянного колодника» с большой строгостью. Особенно она усилилась после того, как в 1762 году началось дело Хрущова и братьев Гурьевых, которых обвиняли в намерении возвести Ивана на престол.

Бывший император жил в отдельной казарме. Ее охраняла особая воинская команда во главе с офицерами, которые состояли в непосредственном подчинении начальника Тайной канцелярии. Узник находился безвыходно в камере. Окна ее не были забраны решетками, но их тщательно закрывали и замазывали белой краской, свечи в казарме

горели круглосуточно. Ивана Антоновича держали без оков, спал он на кровати с бельем, в камере стояли стол и стулья. Узник имел цивильную, неарестантскую одежду и, возможно, книги духовного содержания. Ни на минуту его не оставляли одного — караул из нескольких солдат постоянно сидел с ним в камере. Дежурный офицер жил в соседней комнате и обедал за одним столом с узником. Кроме внутреннего караула снаружи был особый внешний караул. На время уборки, которую делали приходившие из крепости служители, секретного арестанта отводили за ширму.

В 1763 году, после приезда в Шлиссельбург Екатерины II, караульные офицеры Данила Власьев и Лука Чекин получили новую инструкцию. Согласно ей, они имели право убить узника, если кто-то попытается освободить его. Такая попытка и произошла в 1764 году. Когда в ночь с 4 на 5 августа подпоручик Василий Мирович с солдатами попытались захватить казарму, в которой сидел Иван Антонович, Власьев и Чекин умертвили узника. В рапорте начальству они писали: «И потом те же неприятели и вторично на нас наступать начали и ограживать, чтоб мы им сдались. И мы со всею нашею возможностию стояли и оборонялись, и оные неприятели, видя нашу неослабность, взяв пушку и зарядя, к нам подступили. И мы, видя оное, что уже их весьма против нас превосходная сила, имеющегося у нас арестанта… умертвили».

«Свидетельства современников, в том числе приведенные в этой книге, также подтверждают применение телесных наказаний в Тайной экспедиции; не случайно Потемкин, встречаясь с Шешковским, спрашивал его, как тот "кнутобойничает". Так, по приказанию Екатерины 6 октября 1762 года был подвергнут пытке — "для изыскания истины с пристрастием под батожьем распрашиван" — Петр Хрущов, а потом Семен Гурьев; в данном случае речь

шла не о пьяных мужиках, а о гвардейцах, пытавшихся "повторить" дворцовый переворот уже с целью устранения самой Екатерины II. В ряде процессов также имеются косвенные указания на применение пыток *(Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы. С. 106–107).* ***Как правило, по конкретным делам следователи получали высочайшие директивы: использовать угрозу пытки для давления на подследственных, не применяя ее».***

«Память о свержении младенца-императора пережила и переворот 1762 года. Первые годы на троне были для Екатерины II, пожалуй, более тревожными, чем для Елизаветы, — немецкая принцесса София Фредерика Августа не была дочерью Петра Великого, никаких прав на престол не имела, да и гибель мужа-императора легла пятном на ее репутацию.

Материалы Тайной экспедиции дают возможность представить общественную атмосферу после переворота. Уже в августе 1762 года отставной прапорщик Прохор Лазарев из Пскова заявлял, что "взбунтовался лейб-гвардии Преображенской и лейб-кирасирской полки и в подданстве быть не хотят", к тому же "бывшего правления принц Иоанн найден". Присланный в столицу по распоряжению Панина отставник божился, что все это ему рассказывали конногвардейцы, действительно опасавшиеся нападения соперничавших полков *(Сивков К. В. Тайная экспедиция, ее деятельность и документы. Оп. 2. № 2068. Л. 3, 7, 13 об).*

Прусский и французский дипломаты уже в 1762 году отмечали существование оппозиции фавориту императрицы Григорию Орлову и его братьям, против которых интриговали недавние друзья и сторонники. Так, в дни коронационных торжеств возникло дело поручиков Петра Хрущова и Семена Гурьева, намеревавшихся посадить на престол "Иванушку". Инициатива ограничилась "матерной

бранью" в адрес императрицы и похвальбой в "велием пьянстве"; но власть отреагировала всерьез: виновные были "ошельмованы", лишены дворянства и отправлены на Камчатку *(Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии XVIII века. М., 2008. С. 85).*

…С подобными заговорами столкнулась и вступившая в июне 1762 года на престол Екатерина II. По многим обстоятельствам дело гвардейцев Петра Хрущова и братьев Гурьевых, начатое в октябре 1762 года, напоминает дело Турчанинова. Опять у власти был узурпатор — на этот раз совершившая государственный переворот Екатерина II, опять (причем — тот же самый) сидящий под арестом экс-император Иван Антонович, снова горячие застольные разговоры измайловских офицеров братьев Гурьевых. Они, участники успешной "революции" 1762 года, недовольны своим положением и завидуют братьям Орловым — те ведь сразу стали вельможами, а они по-прежнему не у дел и без денег. Власть, узнав о заговоре и арестовав заговорщиков, была встревожена как зловещими слухами в обществе о подготовке нового переворота, так и показаниями самих арестованных, говоривших, что "у нас-де в партии до тысячи человек есть", что "солдаты армейских некоторых полков распалены". Учитывая потенциальную опасность заговора, Екатерина II поступила для себя необычно сурово: братья Гурьевы и Петр Хрущов были приговорены к смерти, но потом сосланы в Сибирь. Однако не прошло и двух лет, как снова возникла опасность государственного переворота. Подпоручик В. Я. Мирович пытался освободить из Шлиссельбургской крепости свергнутого в 1741 году императора Ивана Антоновича.

Почти всегда решение о смягчении участи казнимых принималось заранее, но объявление об этом оставляли на последний момент. С одной стороны, власти хотели

напугать толпу предстоящей неминуемой жестокой казнью, а с другой стороны, хотели поразить народ своим бесконечным милосердием даже к отъявленным преступникам. Для казни Гурьевых и Хрущова в 1762 году Екатерина II составила своеобразный сценарий: "Приготовить преступников к им по законам принадлежащему воздаянию, а полиции оное публично совершить… А между тем весь город будет в ожидании, чего одно немалаго страха произведет в народе, и никому без изъятия не должно открывать, что при самом исполнении экзекуции Корфу *(директору полиции. — Е. А)* ***в карман дан будет указ облегчительный…"***

От тюрьмы до места казни приговоренного сопровождал конвой. Начальник конвоя назначался особым указом заранее, и его миссия была очень важной: вся ответственность за проведение экзекуции и порядок на месте казни лежали на нем. До наших дней дошла одна из таких инструкций начальнику конвоя. Так, в день казни братьев Гурьевых и Петра Хрущова в Москве гвардейский офицер, назначенный начальником конвоя, должен был явиться к сенатору В. И. Суворову и "требовать известных преступников письменно". Оформив прием и получив приговоренных на руки, он назначал к каждому из преступников по восемь солдат и одному сержанту под командой офицера. Другие солдаты вставали в каре вокруг преступников. Следовал сигнал, и под бой барабанов начиналось движение к лобному месту».

Июля 10

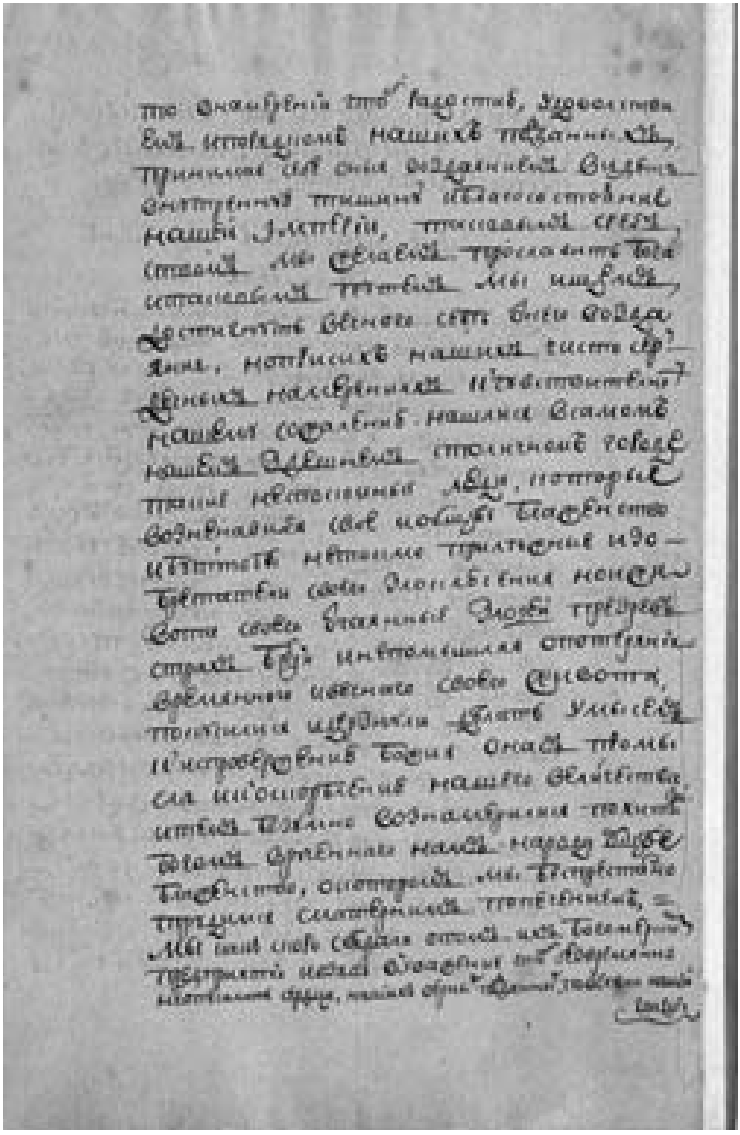
Божиею милостию мы Екатерина
Вторая Императрица и Самодержица
Всероссийская, и прочая, и прочая, и прочая,

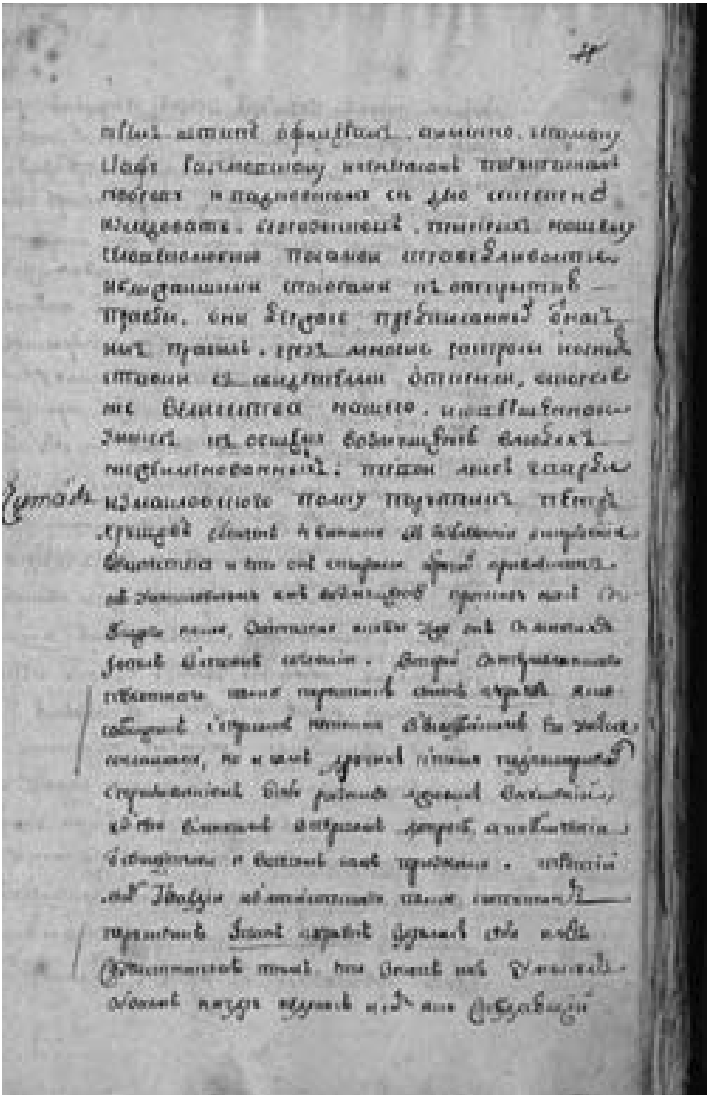
Всем ведомо нам подданным
Объявляем

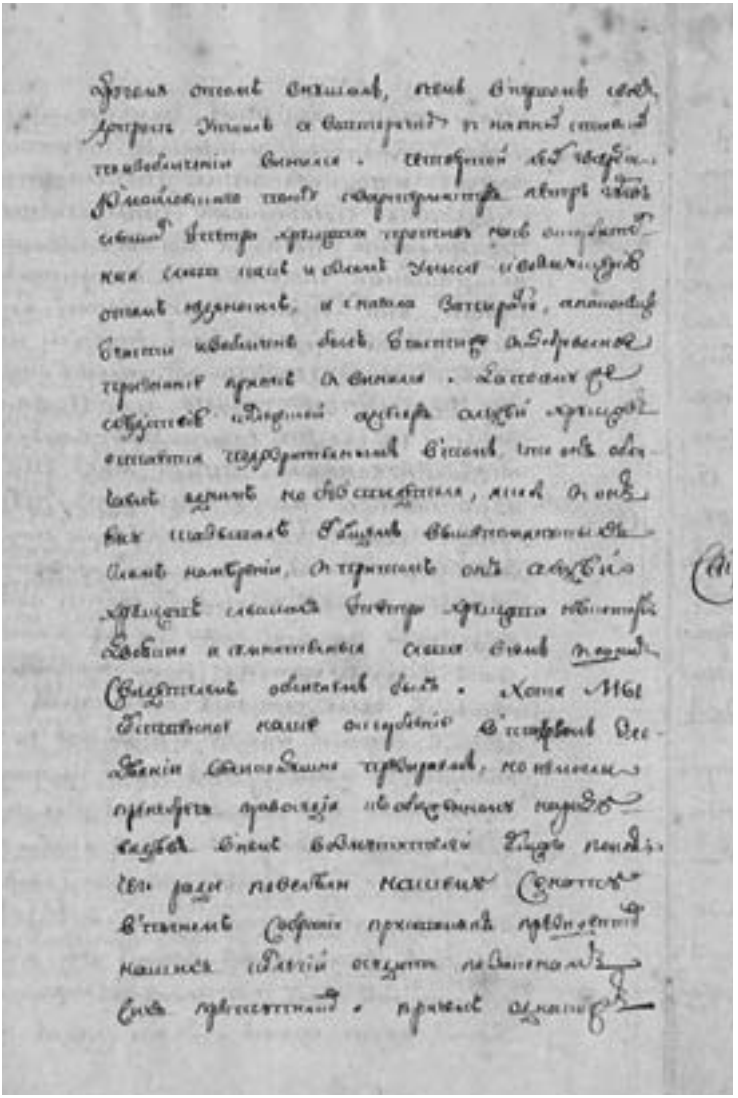
Каждой отдавать разумной благонамеренной
сын отечества что власть надним[ъ] тем
держащая, для всего добра уставлена Бога,
которой они повиноватся должен для
своего полезнаго своего благодеятеля, тогда
неспокойствия онымю противляющейся Бог
мимо нарушителя общаго покоя, сыщет та
ким преступникам которым слово вскоре
изданной гражданской объявлять быть
Подлинной
неотомно извергами своего отечества и
поневоле человечеством нетерпимыми,
мы можем нетохвалившися. предъ
богом целым светом сказать, что от
других Божией правил всероссийской престо
ненавое собственное удовольствие но
наразширение славы его инаучреж
ние добраго порядка и утверждение
правосудия вовсенародъ нашем
отечестве. нем достохвалном
намерении мы приступили неслово
но истинным делом подобрь общем
ежедневно течения едино полагая

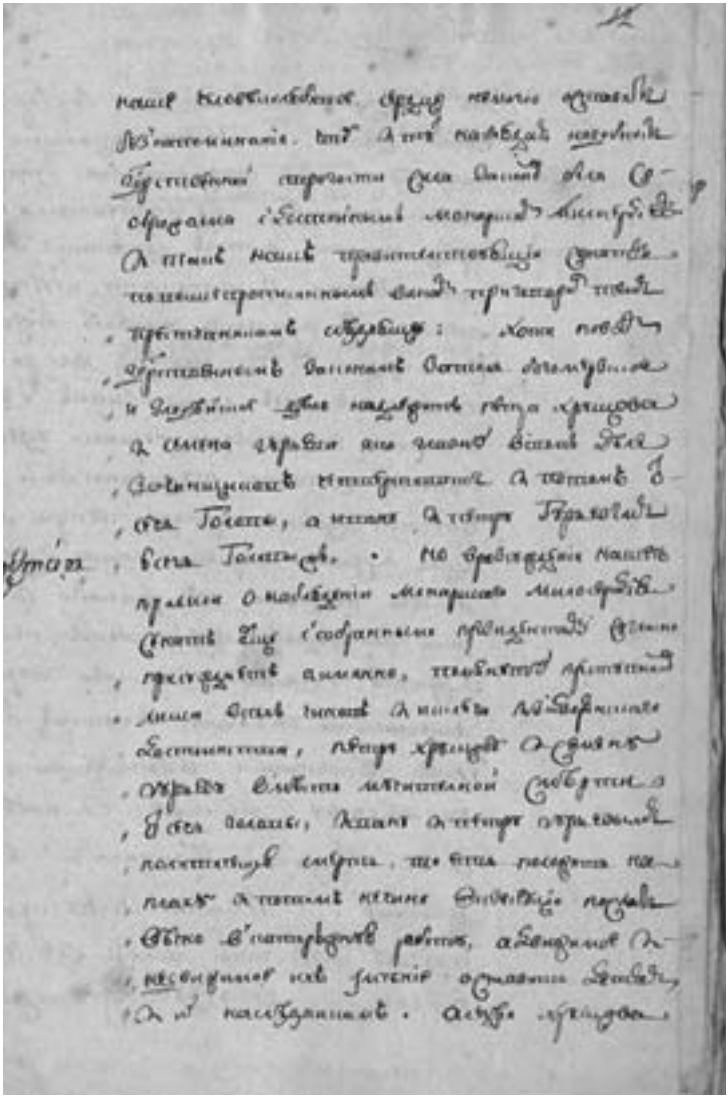
Сентября 24
1762 го.

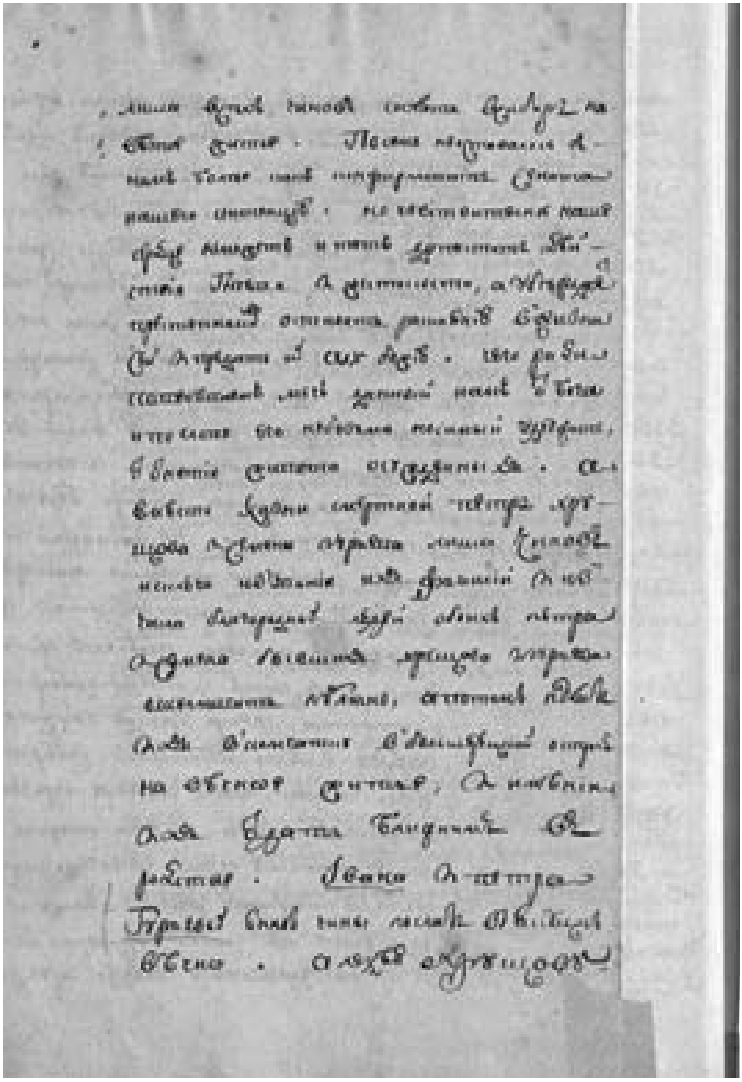
//

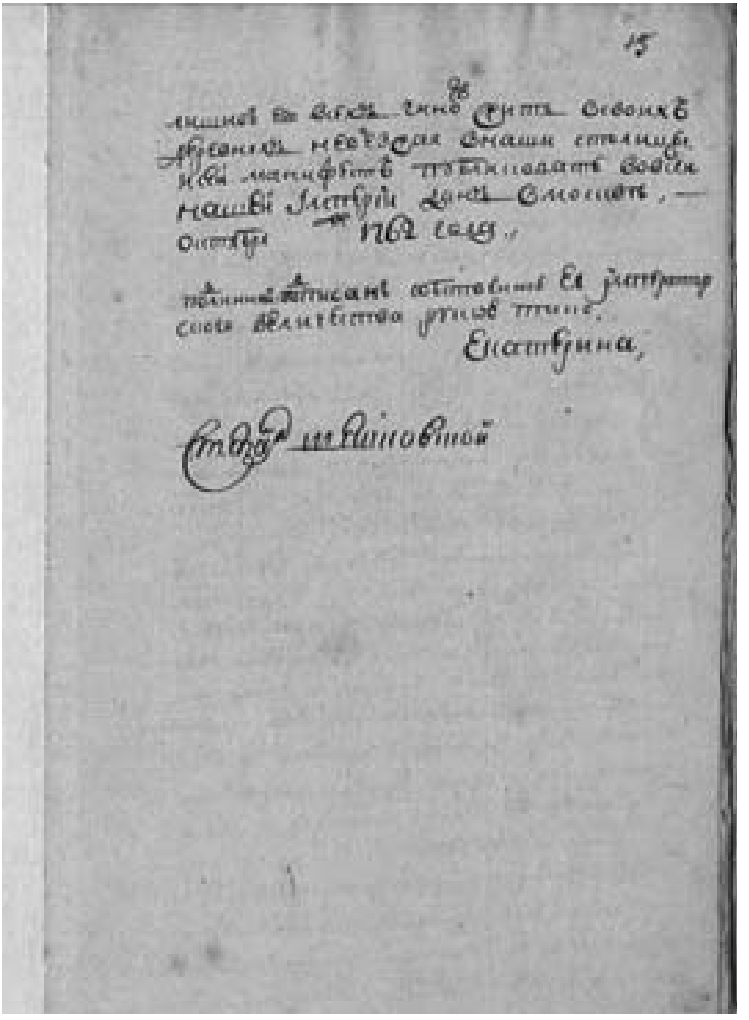

…Десять лет провели Петр Хрущов и Семен Гурьев в камчатской ссылке. Впоследствии Петр Федорович примкнул к Большерецкому бунту 1771 года и бежал с Камчатки с Беньевским, но это уже другая история.

Семен Гурьев отказался от участия в этом новом заговоре и был впоследствии возвращен Екатериной II из ссылки в серпуховские деревни своих братьев, также помилованных императрицей. На Камчатке он женился на внучке ссыльного Козьмы Секирина, и в этом браке у него было две дочери, которые рано остались без родителей и воспитывались тетей — Матреной Селиверстовной Гурьевой.

2 сентября 1793 года своим Указом Екатерина II повелела «детям помянутого Гурьева 2-м дочерям пользоваться правом дворянства отца», которого сам он был лишен в 1762 году.

А помогло в этом Матрене Селиверстовне, обратившейся с просьбой к императрице, дело Бывшего Пушкина, дальнего родственника Александра Сергеевича, фальшивомонетчика, который был лишен дворянского звания и сослан в Тобольск, куда за ним добровольно отправилась в ссылку и жена, Наталья Абрамовна, урожденная княжна Волконская, и где появились на свет две дочери, которые не могли быть по вине отца дворянками.

Но в память о князе Сергее Абрамовиче Волконском, брате Натальи Пушкиной, сложившем свою голову под Очаковым, императрица даровала дворянство и фамилию Пушкиных дочерям Бывшего Пушкина или НеПушкина — Варваре и Екатерине. Варвара впоследствии стала княжной Гагариной, а ее дочь Мария — Бутурлиной. Ее сыном был тот самый князь Иван Гагарин, который вместе с князем Петром Долгоруковым и супружеской парой Гурьевой-Нессельроде обвинялся в создании диплома рогоносца, присланного Александру Сергеевичу Пушкину и послужившего одной из причин трагической дуэли на Черной речке.

В Российском государственном архиве древних актов сохранились бумаги того времени. Но о дальнейшей судьбе дочерей Семена Гурьева нам пока ничего не известно…

Сестра бывшаго Семена Гурьева дѣвица Матрена Гурьева просила высочайшей вашего императорскаго величества милости, чтобъ дѣвиц племянницам ея рожденным отъ брата ее позволить полозоваться правом дѣвичества.

Ваше императорское величество повелѣть соизволили выправить былые на то пружьеры, и особливо сообразить объ пожаловании дѣвичеством отъ бывшаго Пушкина то просьбы их матерях.

Сей Матрен братъ родной Гвардеи Маіоръ князь Волконской беспрестанно службу свою продолжа лишась жизни на штурмѣ отечествомъ, а бывшей Семен Гурьеву равно что приходится, тоюжь можно въ одобреніе, что онъ во время тебывания его въ большерецкомъ остроге когда отпрылося тамъ мышкотворое возмущеніе, что онъ совсем неустрашимъ покоем.

Единое всемилостивѣйшее вашего императорскаго величества милосердіе удобно только возставить благодѣтельствіе помянутым дѣвиц его дочерям, и тогдашнее прошеніе третіи их ежели удостоится высочайшаго вашего величества благоволенія, что монаршее ваше соизволеніе можетъ изъявлено быть въ указѣ нам для моем.

умерший брат ее был в Камчатке женился на дочери Ивана Секирина там же рожденной от сосланного Козмы Секирина, сей помянутый Самен Гурьев прижил одну дочь, которой теперь 19 лет, а другая рождена по возвращении его из камчатки, которой 17 лет и у нее воспитаны, она их купно с матерью их мне представляла и девицы весьма изрядные.

С совершенным почтением и преданностию имею честь быть

Милостивый Государь мой!

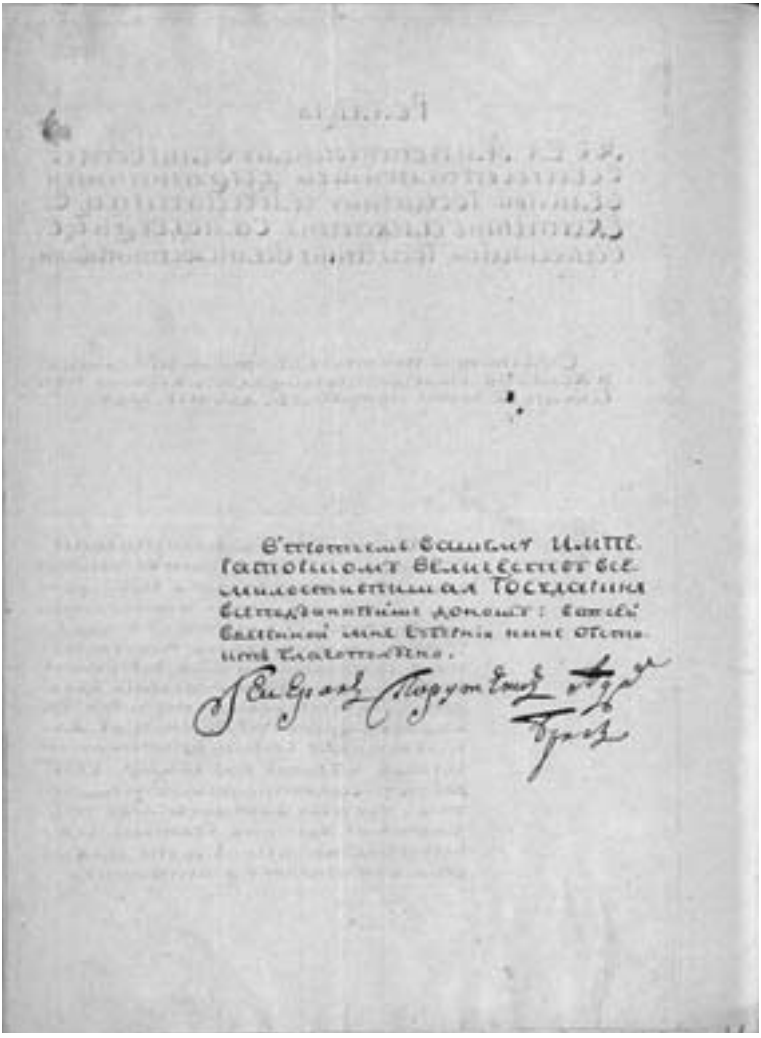
Вашего Высокопревосходительства

покорный слуга

Петр Кутузов

Мая 25 дня
1794 года
Москва

Его Высокопревосх: Самойлову.

Реляція

Кѣя императорскоя Величествѣ
всепресвѣтлѣйшей державнѣйшей
великой государынѣ императрицѣ
Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ
всероссійскоя государынѣ всемилостивѣйшей

Отъ генерала генералитета и кавалера князя отъ-ѣзжаго
ленника императорска посланника тайнаго дѣлъ декабря 16
дня 1777 года.

Всемъ вашего императорскоя Величества
всемилостивѣйшаго указа: Знатнѣйшимъ
описуя Енисейскъ 1647, Енисейскъ былъ бли-
ско нашего нынѣшнаго зимъ дѣленія; нынѣ
Канскъ нынѣ нѣсколькими мѣсяцами болѣе
Енисейскъ имѣетъ отъ Енисейскъ
Енисейскъ Енисейскъ Енисейскъ
Енисейскъ Енисейскъ Енисейскъ
Енисейскъ Енисейскъ Енисейскъ
Енисейскъ Енисейскъ Енисейскъ
Енисейскъ Енисейскъ Енисейскъ
Енисейскъ Енисейскъ Енисейскъ
Енисейскъ Енисейскъ Енисейскъ

Изъ книгъ
Козмина
Свиная 19
№ 11

Реляція.

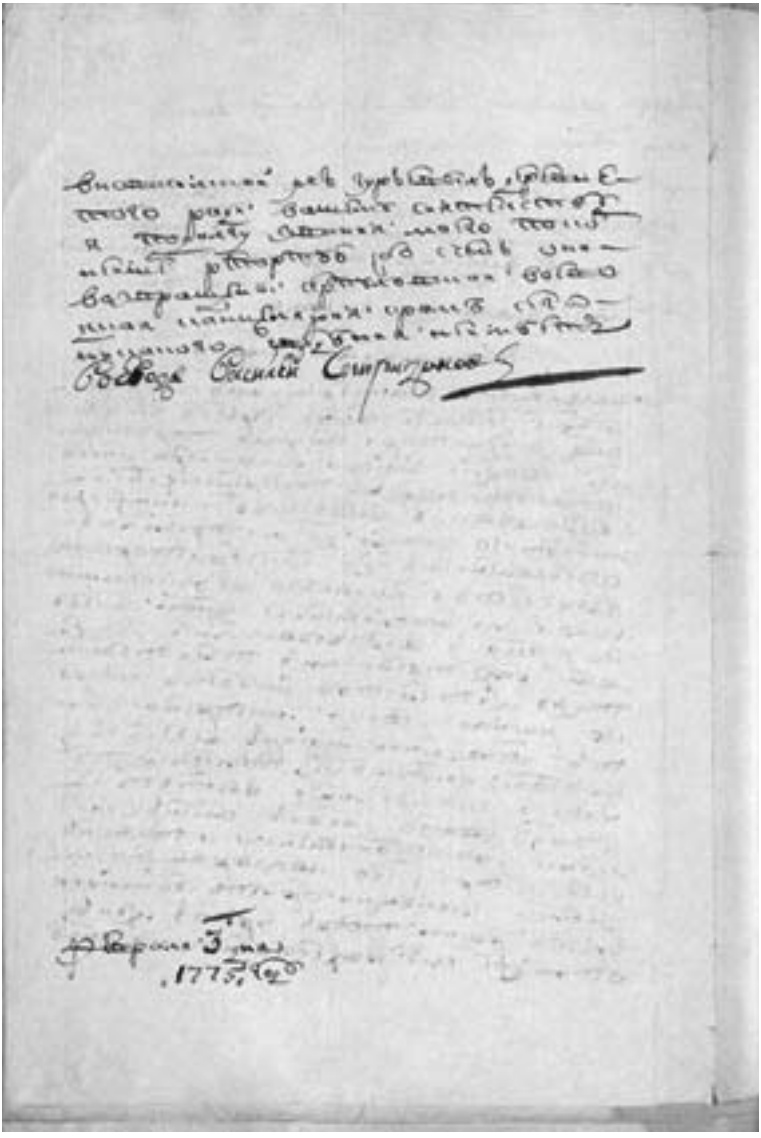
Къ Ея Императорскому Величеству, Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Самодержицѣ Всероссійской Государынѣ Всемилостивѣйшей.

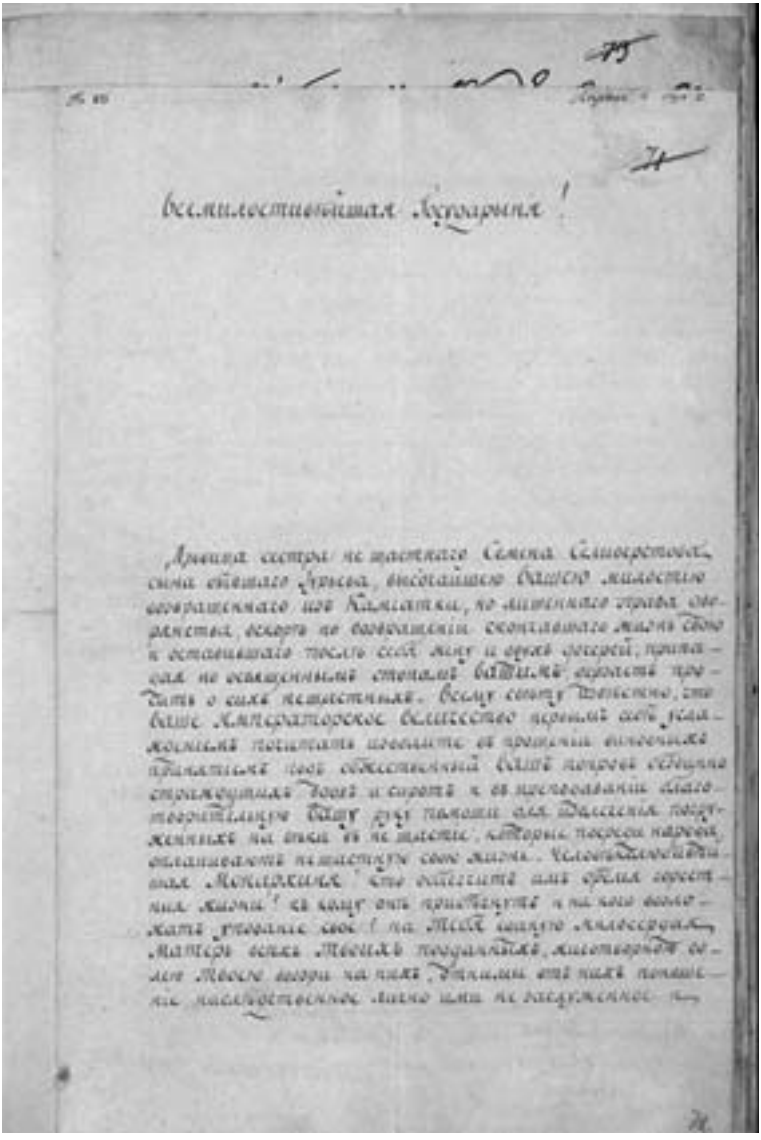
Отъ генералъ поручика и кавалера князя Волконскаго: Отправленная изъ Константина подъ Краковомъ почтѣ сентября 16. дня 1793. года.

Къ VI разряду

Отъ Всемилостивѣйшаго Вашего Императорскаго Величества Отъ 19. ноября прошлаго года данного мнѣ указа: мнѣ повелѣвающаго изъ Литвы бывшіе тамъ войски Ивань и третій Гребень, поднятіи съ ними въ потребленной силѣ здѣсь никоподступися, для отправленія въ ихъ деревни. Отправленъ отъ меня за надлежащимъ письмомъ къ Прабольскому Господину Губернатору: а когда и брать ихъ семена увѣдаетъ и спомагать по мнѣ пришлется, что небо затмившимъ письмомъ вдѣлѣни брать бы свѣтоподданническое моею должности отправить я не премину.

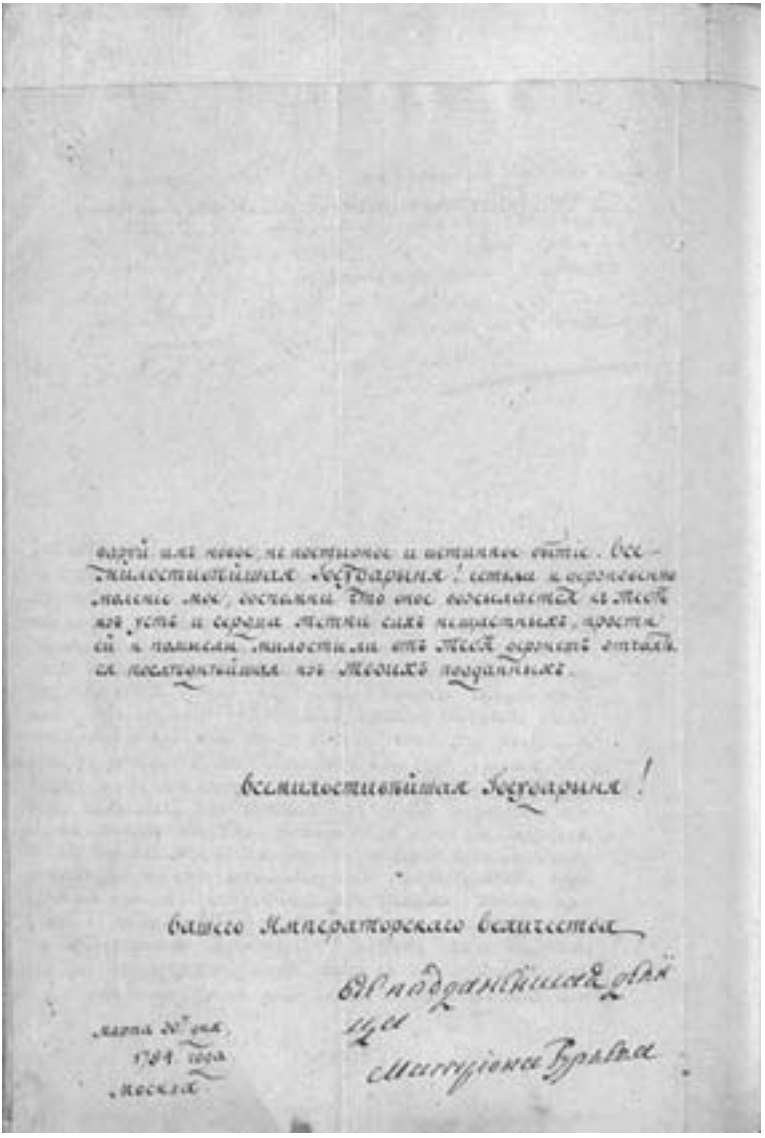
Изъ дѣлъ Козмина
сост. кат.
Связка 23
№ 16

всемилостивейшая Государыня!

Архива сестры не застатного Семена Самоилова сына бывшего Урядника, высочайшею Вашего милостию возвращенного изо Камчатки, по мятежного тогда обстоятельства, вскоре по возвращении скончавшаго жизнь свою и оставившаго после себя жену и двух сирот, принадлежащих по всенижайшему своему долгу просить о сих несчастных. Всему свету известно, что выше Императорское величество щедрый свой усмотрение почитать изволите во прощении виновных приказные свои обязательный Вашей покорной общины стремящихся вдов и сирот к воспользованию благотворительную Вашу руку помощи для обрасления подверженных на оных от несчастия, которых поверх народа, облегченного несчастную свою жизнь. Человеколюбивейшая Монархиня! кто обрасится или обрел горестных жизни! к кому они прибегнут и на кого возлагать упование свое! на Твой высокий милосердный Матерь всех Твоих подданных, милостивое оделение Твоего взора на них, дающий отрадный покой, наследственное имение или не нажитое

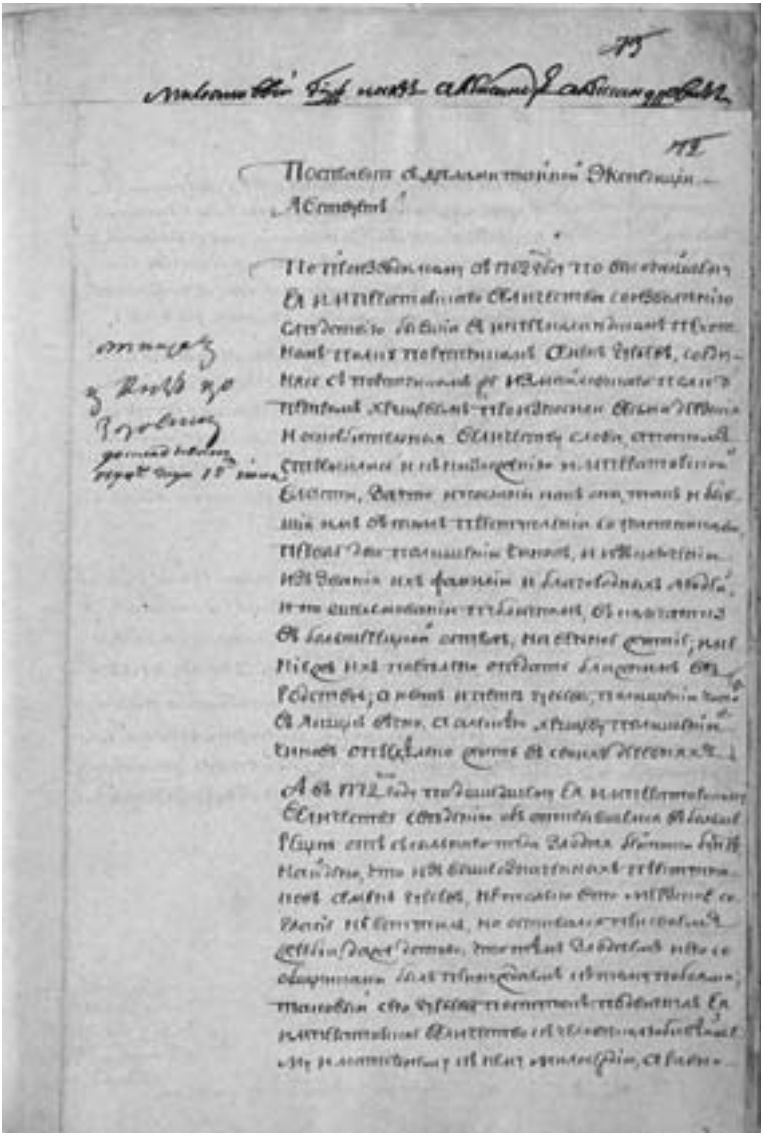
ворят или новое не постоянное и штанное быть. Всемилостивейшая Государыня! сильна и ограждает нашего нас, сосущих Ею отнюдь всемилостивейшая Государыня! Ею отнюдь всемилостивейшая Государыня! Ею отнюдь всемилостивейшая Государыня!

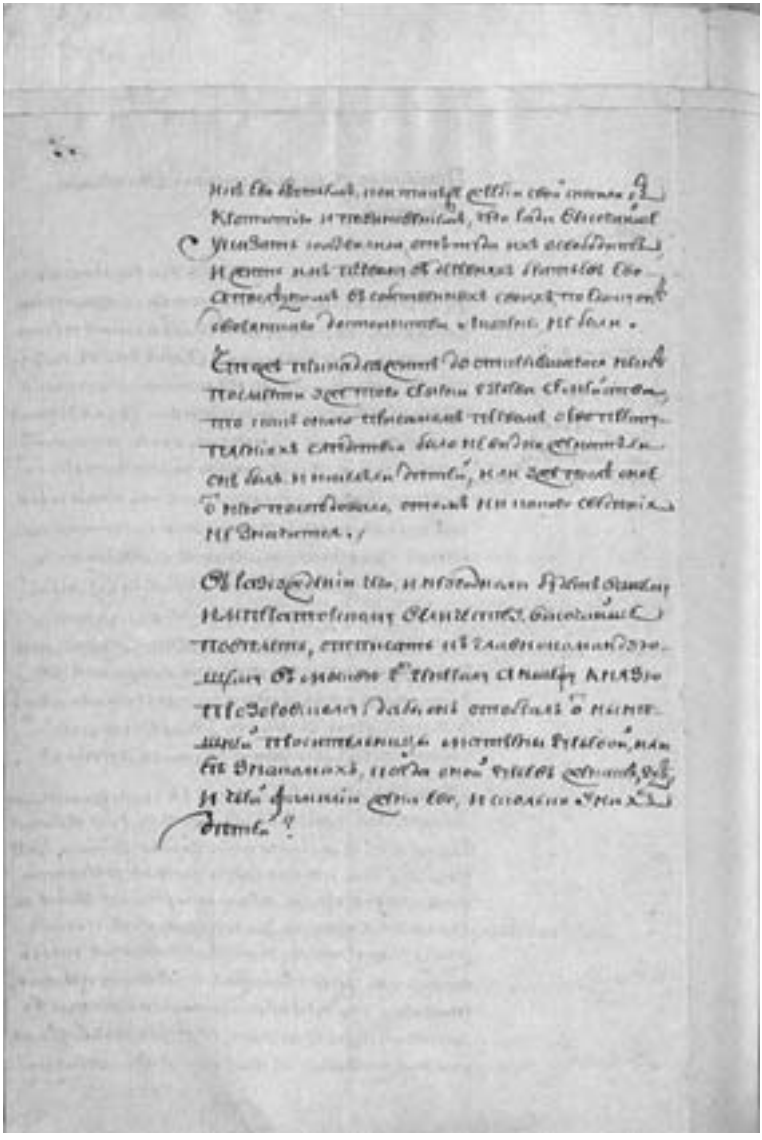
Всемилостивейшая Государыня!

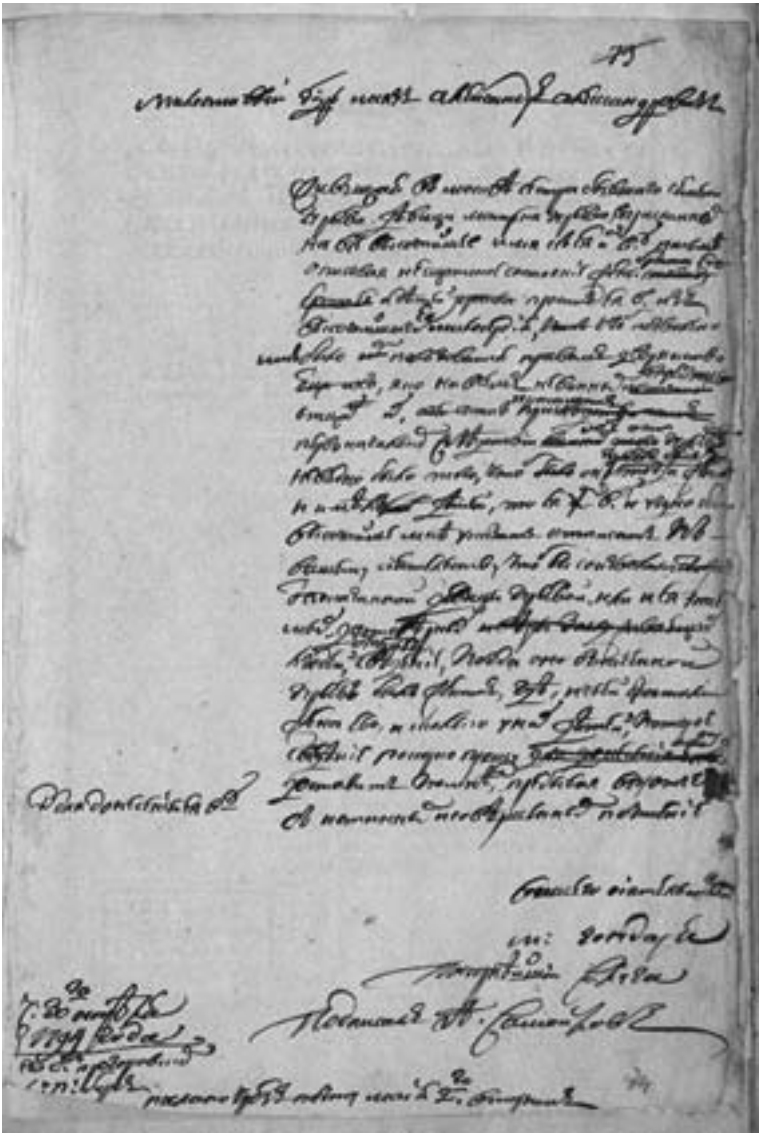
Вашего Императорского величества

Вернейшая раба
и богомолица Ирина

марта 27 дня
1794 года
Москва.

Но известно другое. Министр финансов Российской империи Дмитрий Александрович Гурьев остался в истории как лицо, имеющее непосредственное отношение к «гурьевской каше», и крупнейший казнокрад.

Но настоящую историческую кашу заварила его дочь Мария Дмитриевна Гурьева, вышедшая замуж за Карла Нессельроде (с 1823 года вице-канцлер Российской империи, с 1844 года — канцлер). Язвительный Ф. Вигель, оставивший в своих «Записках» уничижительные характеристики многих влиятельных представителей своей эпохи, писал об этом браке: «Вот чем сумел он тронуть сердце первого гастронома в Петербурге, министра финансов Гурьева. Зрелая же, немного перезрелая дочь его, Марья Дмитриевна, как сочный плод, висела гордо и печально на родимом дереве и беспрепятственно дала Нессельроде сорвать себя с него. Золото с нею на него посыпалось: золото для таких людей, как он, то же, что магнит для желез».

То есть этот брак был политическим расчетом. В таком случае Нессельроде — будущий канцлер Российской империи — попал в «десятку».

Ее общественное влияние было огромным. Вот, например, мнение барона М. А. Корфа: ***«С суровою наружностью, с холодным и даже презрительным высокомерием ко всем мало ей знакомым или приходившимся ей не по нраву, с решительною наклонностью владычествовать и первенствовать, наконец, с нескрываемым пренебрежением ко всякой личной пошлости или ничтожности, она имела очень мало настоящих друзей, и в обществе, хотя, созидая и разрушая репутации, она влекла всегда за собою многочисленную толпу последователей и поклонников; ее, в противоположность графу Бенкендорфу, гораздо больше боялись, нежели любили. Кто видел ее только в ее гостиной прислоненную к углу дивана, в полулежачем положении, едва приметным движением головы встречающую входящих, каково бы ни***

было их положение в свете, тот не мог составить себе никакого понятия об этой необыкновенной женщине, или разве получал о ней одно понятие, самое невыгодное».

Князь Петр Долгоруков был еще более конкретен: ***«… женщина ума недальнего, никем не любимая и не уважаемая, взяточница, сплетница и настоящая баба-яга, но отличавшаяся необыкновенной энергиею, дерзостью, нахальством и посредством этой дерзости, этого нахальства державшая в безмолвном и покорном решпекте петербургский придворный люд, люд малодушный и трусливый, всегда готовый ползать перед всякою силою, откуда бы она не происходила, если только имеет причины страшиться от нее какой-нибудь неприятности»***.

Согласно воспоминаниям князя П. П. Вяземского, ***«ненависть Пушкина к этой последней представительнице космополитического олигархического ареопага едва ли не превышала ненависть его к Булгарину»***.

За что же Александр Сергеевич возненавидел столь влиятельную особу?

Наверное, за то, что она сама весьма последовательно и весьма хладнокровно его травила: Пушкин написал эпиграмму на ее отца. То есть нанес ей лично общественное оскорбление. Хотя сегодня авторство Пушкина оспаривается, но дыма без огня не бывает:

Встарь Голицын мудрость весил,
Гурьев грабил весь народ,
Аракчеев куролесил,
Царь же ездил на развод.

Но, скорее всего, эта эпиграмма была лишь поводом. Поводом для расправы над великим русским поэтом. Который при всем своем величии был простым человеком. То есть человеком со своими слабостями, на которых можно было сыграть.

Главной слабостью Пушкина была его жена Наталья Гончарова, которая не стала поэту другом и единомышленником.

Она была обыкновенной женщиной. И этой женщине хотелось блистать в высшем свете, нравиться мужчинам, ловя их восхищенные взоры.

А Жан Дантес, убийца Александра Сергеевича Пушкина, приходился родственником Карлу Нессельроде.

Согласно воспоминаниям П. В. Нащокина, графиня Нессельроде, разумеется, без разрешения поэта (в этом и заключалась афера), отвезла Наталью Пушкину в Аничков дворец на бал, где та «очень понравилась императрице». Но сам Пушкин «ужасно был взбешен, наговорил грубостей графине».

В ходе интриги графиня была «поверенной сердечных тайн» Дантеса.

Она была посаженной матерью на свадьбе Дантеса с Екатериной Гончаровой, родной сестрой Натальи.

Пушкин и ряд его друзей подозревали графиню Нессельроде в сочинении диплома рогоносца. А. И. Тургенев 17 февраля 1837 года записал в дневнике: «Подозрения. Графиня Нессельроде». Позже появилось сообщение, что однажды за обедом в Зимнем дворце император Александр II сказал: «Ну, вот теперь известен автор анонимных писем, которые были причиной смерти Пушкина; это Нессельроде».

Вечер и ночь после дуэли супруги Нессельроде провели у Геккерна, покинув его дом лишь в час пополуночи. Когда весь Петербург отвернулся от дипломата, Мария Дмитриевна пригласила Геккерна на званый обед. Князь Вяземский писал А. Я. Булгакову: «Под конец одна графиня Нессельроде осталась при нем, но все-таки не могла вынести его, хотя и плечиста и грудиста и брюшиста».

Все это так. И все это не совсем так или совсем не так.

Вот мнение другого рода: «Она была представительницей той международной олигархии, которая влияла на политику и дипломатию через своих единомышленников в салоне князя Меттерниха в Вене и здесь, в Петербурге, в доме министерства иностранных дел.

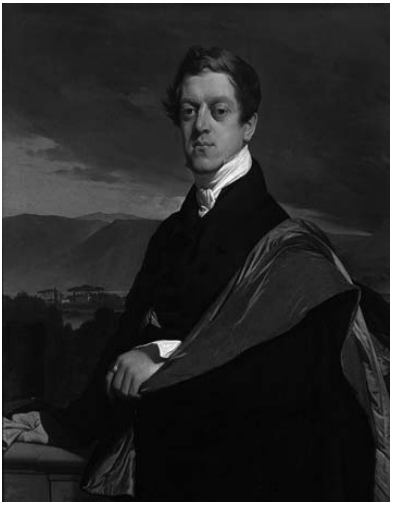
Мария Дмитриевна Нессельроде, плохо говорившая по-русски, вся проникнутая идеями австрийской политики, никак не связанная с русской культурой, дружившая с такими грязными интриганами, как Геккерен, бесстыдная и циничная, была ненавистна Пушкину. Она была достойной спутницей своего супруга, графа Нессельроде, лакея Меттерниха.

М. Д. Нессельроде инстинктивно чувствовала, что Пушкин является выразителем какой-то иной культуры, глубоко враждебной тому международному осиному гнезду, в котором велась проповедь Священного союза. Мадам Нессельроде была, по уверению мемуариста, «совершенным мужчиной по характеру и вкусам, частию по занятиям, почти и по наружности». Барон Корф в своих записках говорит, что ее вражда была «ужасна и опасна». И вот она-то и стала главным врагом поэта. Она-то и повезла тайно от Пушкина его жену в Аничков дворец на интимный бал для удовольствия Николая Павловича Романова» (Г. И. Чулков. Жизнь Пушкина. М. 1999. С. 77).

То есть Нессельроде сталкивали лбами в некой любовной интриге (о которой судачат по сей день) одинаково ненавистных международному масонству императора Российской империи и великого русского поэта-патриота.

И становились фактическими властителями этой империи. Поражение России в Крымской войне — это тоже подлое дело клана Нессельроде-Гурьевых и их единомышленников…

Если продолжить брачно-политический пасьянс, то карты лягут так: женой Николая Дмитриевича Гурьева с 1819 года «была Марина Дмитриевна Нарышкина (1798–1871), фрейлина двора (1819), старшая дочь обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина и Марии Антоновны Четвертинской, пользовавшейся расположением Александра I. Нарышкин признал ее своей дочерью и ей одной оставил свое состояние».

Тайный советник Николай Дмитриевич Гурьев, русский посланник во многих европейских государствах. Единственный русский, запечатленный на портрете Ж. Энгра (хранится в Эрмитаже)

А дочь его брата, известного масона, Александра Дмитриевича Гурьева, Мария была замужем с 1837 года за генерал-майором князем Александром Борисовичем Куракиным (1811–1870).

Опять одни и те же имена.

А вот и последний штрих: «Куракин был сослуживцем и близким другом Ж. Дантеса, наряду с которым входил в ближайшее окружение императрицы Александры Федоровны. Князь П. А. Вяземский писал, что Куракин соболезновал по поводу высылки Дантеса из России:

«У них достало бесстыдства превратить это событие в дело чести партии, в дело чести полка. Они оклеветали Пушкина, и его память, и его жену…»

В 1756 году масон Адам Васильевич Олсуфьев сообщал руководителю Тайной канцелярии Александру Ивановичу Шувалову о наличии масонской ложи семьи Воронцовых, имеющей пропрусскую ориентацию и объединяющую, как мы выяснили, многих кровных представителей царствующей фамилии.

Шуваловы не входили в это число, так как не блистали своим аристократическим происхождением и совершенно случайно, пользуясь только личным расположением Елизаветы Петровны, попали в число первых лиц империи, как и Алексей Григорьевич Разумовский и его брат Кирилл Григорьевич — сыновья обыкновенного казака. Александр Иванович Шувалов, сын военного в невысоких чинах, заведывал дворовым хозяйством царевны Елизаветы Петровны. Его звезда воссияла в день государственного переворота 25 ноября 1741 года, когда он вместе с братом Петром из обыкновенных дворовых завхозов царевны сразу превратились в царедворцев. Александр Иванович стал одним из руководителей Тайной канцелярии, которую в 1746 году и возглавил. В 1749 году их двоюродный брат Иван Иванович становится фаворитом Елизаеты Петровны, оттеснив ее тайного мужа и став самым влиятельным вельможей империи.

Михаил Илларионович Воронцов, столь же неродовитый, как и Шуваловы, был их постоянным компаньоном при дворе царевны, камер-юнкером и возвысился вместе с ними в один день.

Скоро все они были уже графами.

Поэтому рассматривать сообщение Олсуфьева о тайном масонском обществе как донос на своих братьев было бы неправильно. По мнению самого Олсуфьева, масонство не что иное, ***«как ключ дружелюбия и братства, которое бессмертно во веки пребывать имеет и тако наметшихся их общества, называемые просвещением, оных удостаивает»***.

Правда, совсем уже вскоре это «просвещение» удостоило императора Петра Федоровича, который был зверски убит гвардейцами по наущению масонов.

Вопрос в другом — а зачем нужен был Александру Ивановичу Шувалову этот донос, если масоном был первый царедворец, его собственный племянник Иван Иванович Шувалов, и брат тайного мужа Елизавеиты — Кирилл Григорьевич Разумовский, о чем в один голос говорят исследователи отечественного масонства.

Или Разумовские и Шуваловы по своему династическому статусу входили в другую масонскую ложу, ориентированную в своем политическом раскладе не на Пруссию, королем которой восхищался будущий император и бредило все «воронцово гнездо», идя даже, как фельдмаршал Апраксин, на прямое военное предательство? Его дело, кстати, тоже расследовал Александр Иванович Шувалов.

В 1754 году начинается сближение принцессы Екатерины Алексеевны с канцлером империи Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым, но в 1758 году семьям Шуваловых и Воронцовых удается свергнуть канцлера.

Тогда начинается сближение Екатерины с племянницей канцлера М. И. Воронцова — княгиней Е. Р. Дашковой, которое окончательно оформилось в конце 1761 года по вступлении на престол Петра III.

Мы уже не раз писали, что для достижения своих политических целей масоны не жалели ничего и никого.

Так было и на этот раз: «***Дашкова участвовала в перевороте против Петра III, несмотря на то что император был ее крестным отцом, а ее сестра Елизавета была его фавориткой и могла стать его новой женой. Задумав государственный переворот, и вместе с тем желая до времени оставаться в тени, Екатерина Алексеевна избрала главными союзниками своими Григория Григорьевича Орлова и княгиню Дашкову. Первый пропагандировал среди войск, вторая — среди сановников и аристократии. Благодаря Дашковой были привлечены на сторону императрицы граф Н. И. Панин, граф К. Г. Разумовский, И. И. Бецкой, Ф. С. Барятинский, А. И. Глебов, Г. Н. Теплов и др.***

Когда переворот совершился, другие лица, против ожиданий Екатерины Романовны, заняли первенствующее место при дворе и в делах государственных; вместе с тем охладели и отношения императрицы к Дашковой».

Обратим внимание на перечень лиц, которых Дашкова привлекла для участия в государственном перевороте: родственник пирожника Александра Меншикова Панин, сын казака Розума, незаконнорожденный сын князя Трубецкого Бецкой, незаконнорожденный сын Феофана Прокоповича Теплов.

Об Александре Ивановиче Глебове отдельная песня: «***Самый брак Г. с Чоглоковой был делом рук Шувалова. Заметив охлаждение к себе императрицы Елизаветы Петровны, Шувалов, по словам Г., «принял намерение сведать все намерения и действия меньшого двора, а особливо поелику они касались до брата его Ивана Ивановича», через лицо близкое к великой княгине Екатерине Алексеевне; наиболее удобной для такой роли он признал ее обер-гофмейстерину, но так как был с ней в дурных отношениях, то орудием для сближения с нею выбрал Г., которого стал убеждать попытать счастия с «изрядной вдовушкой». При посредстве И. И. Юшкова Г. познакомился с Чоглоковой 25 апреля 1755 г. и вскоре добился ее любви, победив соперника в лице***

барона Серг. Гр. Строганова. Карабанов рассказывает, что императрица, узнав о любви своей двоюродной сестры к Г., сказала: «сестра моя сошла с ума, влюбилась в Г., как отдать ее за подьячего?» и пожаловала его в обер-прокуроры, т. е. сделала ближайшим помощником генерал-прокурора. Расчет Шувалова оказался ошибочным: вследствие разных недоразумений Мария Симоновна была удалена от молодого двора и, следовательно, не могла играть той роли, для которой он предназначал ее. Самое супружество Глебовых было очень недолговременно: молодая была в последнем градусе чахотки и скончалась через полтора месяца после свадьбы, 19 марта 1756 г., оставив мужу несколько человек пасынков и падчериц, доставивших потом отчиму много хлопот» *(Русский биографический словарь. / Под ред. Н. М. Чулкова. М., 1914. Т. 4).*

Александр Иванович Глебов

И остается у нас из того списка только князь Барятинский, о котором писал Екатерине Орлов сразу после убийства ее мужа — императора: ***«Мы были пьяны, и он тоже. Он заспорил за столом с князем Федором. Не успели мы разнять, а его уже не стало…»***.

Именно князь Барятинский, по всей видимости, имеет к нашей нынешней истории самое непосредственное отношение: дело в том, что второй женой князя Сергея Ивановича Барятинского, капитана лейб-гвардии Измайловского полка, и матерью князя Федора Сергеевича Барятинского, примкнувшего 29 июня 1762 года к дворцовому заговору и участвовавшего 6 июля в убийстве императора, была Мавра Степановна Степанова (по другим источникам, Мавра Афанасьевна Савелова, в первом замужестве — Степанова, позже мы уточним ее отношение к роду Степановых).

Князь Барятинский, казалось бы, был единственным исключением из того списка безродных людей, на которых опиралась княгиня Дашкова, организуя вместе с гвардейцами дворцовый переворот. Но прадедушкой князя Федора Сергеевича был сам канцлер граф Головкин, потомки которого составляли ядро тайного общества семьи Воронцовых (с 25 апреля 1764 года князь был женат на фрейлине княжне Марии Васильевне Хованской — младшей дочери шталмейстера князя Василия Петровича Хованского и баронессы Екатерины Петровны Шафировой, дочери все того же вице-канцлера Шафирова… Как тесен был мир масонов в России!).

«Канцлер Гавриила Иванович Головкин обязан был скорому возрастанию своего положения в обществе родственным связям и дружбе с Нарышкиными. Сын бедного дворянина, владевшего всего пятью семьями крепостных в Алексинском уезде, он стал графом обеих империй, Священной Римской и Российской, и владельцем 25 тысяч крестьян. Фамилия Головкиных впервые появляется на Земском соборе 1598 года,

во время выборов Годунова на русский трон. На этом соборе на скамье духовенства восседал Евстафий Головкин, монах знаменитого Троице-Сергиева монастыря.У его племянника, Родиона Дмитриевича было два сына: Семен … и Лука… Семен женился на Акулине Ивановне Раевской, из семьи небогатых дворян, у которой была сестра Полина, также бывшая замужем за бедным дворянином Леонтием Леонтьевым, от брака с которым у них среди прочих детей была дочь Анна, вышедшая замуж за Кирилла Нарышкина. Она стала матерью царицы Натальи, крестным отцом которой был двоюродный дядя Иван Головкин, единственный сын Семена. Восшествие на трон Петра I обернулось для Ивана Головкина боярским чином и открыло его единственному сыну Гавриилу карьеру, которую тот и сделал. С успехом, но самым недостойным образом. Он имел заслуги, но, раболепствовавший перед царскими любимцами, был человеком льстивым и низким. Гавриил был скуп, более того, отвратительно скареден; корыстолюбив и до крайности любостяжателен. Как и вице-канцлер барон Шафиров, он состоял на жалованье у Мазепы…».

Несмотря на то, что фамилия Степановых — одна из самых распространенных в России (наряду с Ивановыми и Сидоровыми), фамилия ЭТИХ Степановых, о которых пойдет у нас речь, была особо выделенной в истории нашего Отечества. Секрет же, по одной из версий, заключается в следующем: эти Степановы происходят из древнего княжеского рода, берущего начало от серпуховско-боровских князей, предком которых был сын князя Михаила Андреевича, внук Ивана Калиты. То есть они были Рюриковичами, некогда потерявшими свой княжеский титул, перейдя на службу к великому князю.

Возможно такое? Сколько угодно — примеров знатных дворянских фамилий, потерявших связь со своими княжескими корнями, в отечественной истории предостаточно.

Канцлер Г. Головкин

При Великом князе Василии III Степановы жалованы были поместьями по Хопру. Один из них — новгородский думный дьяк Василий Степанов — был казнен Иваном Грозным в 1570 г. и внесен им в синодик. Но, тем не менее, в 1573 году, по завершению опричного террора, в «Списке опричников Ивана Грозного» перечислены многочисленные дворовые Степановы:

Степанов Безсонко Игнатьев
Степанов Беляй
Степанов Бориско
Степанов Васка («По 4 рубли…»)
Степанов Васка («Сторожи постелные»)

Степанов Васка («Хлебенного ж дворца… Сторожи»)
Степанов Васюк («По 3 рубли…»)
Степанов Васюк («У государевых лошадей у стряпни. По 4 рубли…»)
Степанов Гриша
Степанов Ивашко
Степанов Митка («По 3 рубли»)
Степанов Митка («Стряпчие конюхи. По 3 рубли…»)
Степанов Молашко
Степанов Петеляй Игнатьев
Степанов Савка
Степанов Юшко».

Вполне возможно, что все они или многие из них — однофамильцы. Но есть одна закономерность, объединяющая многих опричников, — как правило, они не были знатными или потеряли былую связь со своими родами и горели желанием возвыситься, поддерживая действующую власть во всех ее преступлениях, связанных с Опричным террором.

Позже, уже в Смутное время, мы находим сведения об одном из Степановых, которые чураются своей возможной связи с «ворами» и «ызменниками», в составе которых были многие из потомков опричников. Но это было скорее исключение из общего правила…

Сказка Митрофана Владимирова сына Степанова о службе своего отца Владимира Кириллова сына Степанова
{Л. 510) Сказал Митрофанко на очной ставке.

Отец мой Володимер Степанов служил царю Василью Ивановичи, в Нижнем в осаде сидел, и в походы с воеводою с Ондреем Алябьевым на воров ходил, и в посылках во многих был, царю Василью служил. А в ызмене негде не бывал, вором тушинскому, и колужскому, и псковскому, и иным

вором креста не целовал. И за ту службу дана отцу моему вотчина и вотчинная грамота.

Взять к делу.

РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Нижнему Новгороду, № 866/21135. Л. 404–420, 470–472, 476, 477, 481, 487–489, 491–493, 499, 500, 502, 504, 505, 507, 508, 510.

В восемнадцатом столетии дворяне Степановы имели уже свой герб.

Герб Степановых

Щит разделен с правого верхнего к левому нижнему углу на два поля — серебряное и красное, из коих в верхней части диагонально изображены три голубые полосы. На обоих полях стоит лев, обращенный в левую сторону, и держит передними лапами две полосы. Щит увенчан дворянскими шлемом и короной с тремя страусовыми перьями. Намет на щите красный, подложен серебром.

Ипполит Семенович Степанов, будущий камчатский ссыльный, в 1763 году жил в Саратовском уезде, в древних родовых местах, в деревне Дмитриевка, где имел 24 души м. п. и 14 душ ж. п. и был предводителем дворян Верейского уезда.

Здесь же, в деревне Степановка, в других деревнях и селах, проживали его небогатые однородцы.

Князь Лобанов-Ростовский составил подробную поколенную роспись рода Степановых, точнее, одной из ее ветвей — Моисея Савельевича, к которой Ипполит Семенович имел самое непосредственное отношение.

СТЕПАНОВЫ.

При великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ Степановы жалованы были помѣстьями по Хопру (въ нынѣшней Саратовск. губ.), доселѣ принадлежащими ихъ потомкамъ. Одинъ изъ нихъ, новгородскій думный дьякъ Василій Степановъ, былъ казненъ Іоанномъ Грознымъ въ 1570 г. и внесенъ имъ въ синодикъ.

I.

1. Ефремъ Степановъ.

II.

2. Ѳедоръ Ефремовичъ, атемарецъ (1670) . . . . . }
3. Савелій Ефремовичъ, атемарецъ (1670—81) . . . . . } 1.
4. Иванъ Ефремовичъ, пензенецъ (1681) . . . . . }

III.

5. Осипъ Савельевичъ, рейтаръ, пензенецъ (1677) . . . . . }
6. Тимоѳей Савельевичъ, † до 1704. Ж. Елена Никитична N., во 2-мъ бракѣ за Сергѣемъ Ерофеевичемъ Ивинскимъ . . . . } 3.
7. Моисей Савельевичъ, рейтаръ, пензенецъ (1677—1713). . . }
8. Иванъ Савельевичъ, рейтаръ (1677) . . . . . }
9. Илья Ивановичъ . . . } 1685 сибирскіе помѣщики . . . } 4.
10. Василій Ивановичъ . . }

IV.

11. Семенъ Моисеевичъ, жилъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Ж. Агаѳія Михайловна Дурново . . . . . } 7.
12. Алексѣй Моисеевичъ . . . . . }
13. Иванъ Ивановичъ, капитанъ Астраханск. гарнизона, † безд., 1758 . . . . . 8.

V.

14. Ипполитъ Семеновичъ, ротмистръ, депутатъ отъ дворянства Верейскаго уѣзда въ комиссіи уложенія 1767 г. (въ которой вышло у него столкновеніе съ граф. Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ, по поводу презрительнаго его отзыва о каргопольскихъ крестьянахъ, и въ коей онъ поддерживалъ притязанія историка кн. Михаила Михайловича Щербатова на привилегіи для дворянства). За сопротивленіе наказу Екатерины II сосланъ въ Камчатку, въ Большерѣцкій острогъ. Въ началѣ 1771 г. бѣжалъ оттуда въ числѣ заговорщиковъ съ Беньовскимъ; въ Ма-

кaо поссорился съ нимъ и въ январѣ 1772 г., при отзывѣ Беньовскаго въ Кантонъ, оставленъ былъ въ Макао. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна; вѣроятно онъ тамъ и умеръ (см. «Р. Стар.», 1876, III, 760) . . . . . 11.

15. Руфъ Семеновичъ, основатель гернгутерской колоніи въ Саратовской губерніи, извѣстный мистикъ, игравшій въ началѣ XIX вѣка весьма важную роль въ русскомъ масонствѣ, † слѣпымъ въ Москвѣ, 1828 . . . . . .

16. Петръ Семеновичъ, надв. сов., городничій города Мещовска, кандидатъ своего брата Ипполита по званію депутата въ комиссіи уложенія 1767 г.; поклонникъ Вольтера и философовъ XVIII вѣка; р. 16 ноября 1739, † 28 ноября 1782; погребенъ въ Мещовскомъ монастырѣ св. Георгія. Ж. Пелагея Степановна Кашталинская, р. 1 мая 1752, † 23 дек. 1826 (старшая изъ трехъ дочерей оберъ-церемоніймейстера С. Ѳ. Кашталинскаго)

17. Дмитрій Алексѣевичъ, капралъ Ревельскаго драгунскаго полка (1768). . . . . 12.

VI.

18. Аркадій Руфовичъ, воспитывался въ Парижѣ, губернск. секр. (1801), † въ Подъячевскѣ, Саратовск. губ., Сердобск. уѣзда. Ж. Александра Дмитріевна Степанова, р. 1789, † 1837, погребена въ с. Рогожинѣ, Тульск. губ. и уѣзда . . . . . 15.

19. Александръ Петровичъ, р. въ с. Зеновкѣ 4 мая 1781, † 25 ноября 1837; служилъ въ 1799 при Суворовѣ въ Италіи, впослѣдствіи д. с. с., губернаторъ Енисейскій (1822—31) и Саратовскій (1836—37); извѣстный литераторъ, авторъ романа «Постоялый дворъ» и др. Ж. Екатерина Ѳедосеевна Быкова, † 15 февр. 1827, возвращаясь изъ Сибири . . . . . 16.

20. Александръ Дмитріевичъ . . . . . }
21. Павелъ Дмитріевичъ . . . . . } 17.
22. Петръ Дмитріевичъ . . . . . }

VII.

23. Аркадій Аркадіевичъ, † въ Тулѣ, 3 февр. 1871 . . . . . }
— Анна Аркадіевна, р. 1815, † 1868, погр. въ с. Андрейщинѣ, Тульск. губ., Одоевск. уѣзда; 1) за гв. полковн. Иван. Петров. Щепотьевымъ; 2) за Николаемъ Яковлевичъ. Рикманомъ .
— Софія Аркадьевна, р. 1817; за Миліемъ Адріановичемъ Аничковымъ (Руммель, № 290) . . . . . } 18.
— Александра Аркадіевна, р. 1818, † 1885; за Христіаномъ Христіановичемъ Карлгофомъ . . . . . .
— Агнія Аркадьевна, р. 1820; за Николаемъ Михайловичемъ Верещагинымъ . . . . . .
— Юлія Аркадіевна, р. 1823, † 1889; за Тихономъ Платоновичемъ Каншинымъ . . . . . }
24. Петръ Александровичъ, р. 28 сент. 1805, † 30 марта 1891,

генер.-отъ-инф., царскосельскій комендантъ, другъ М. И. Глинки и Карла Брюлова. Ж. Вѣра Александровна Слуцкая (по первому мужу Вульфъ), р. 23 дек. 1818 . . . . . .
25. Николай Александровичъ, р. 21 апр. 1807, † 23 ноября 1877; извѣстный карикатуристъ и редакторъ «Искры» и «Будильника». Ж. Софія Сергѣевна Даргомыжская (сестра композитора), † 4 іюля 1882 . . . . . } 19.
26. Владиславъ Александровичъ, р. 1821, † 24 авг. 1864 . . .
27. Ростиславъ Александровичъ, † въ млад. . . . . .
28. Анатолій Александровичъ, † въ млад. . . . . .
— Людмила Александровна, р. 10 сент. 1822, † 18 февр. 1855 .
— Надежда Александровна, р. 1 мая 1825, † 5 февр. 1857; за Александромъ N. Соколовскимъ . . . . . .
— Марія Александровна; за Вас. Серг. Глинкой. . . . . }

VIII.

29. Анатолій Аркадіевичъ, р. 1839 . . . . . 23.
30. Александръ Петровичъ, р. 15 іюня 1850, камеръ-юнкеръ, состоитъ по М-ву Внутр. Дѣлъ . . . . . }
31. Николай Петровичъ, р. 23 ноября 1851, полковн., состоитъ при Главномъ Интендантствѣ . . . . . }
32. Михаилъ Петровичъ, р. 10 февр. 1853, ген.-маіоръ, состоитъ при Московскомъ генералъ-губернаторѣ . . . . . } 24.
33. Филиппъ Петровичъ, инж.-капит., начальн. дистанціи Самаро-Златоустовской ж. дор. въ Уфѣ, р. 3 іюля 1857. Ж. Надежда Ивановна Рудель, р. 7 іюня 1865 . . . . . }
— Екатерина Петровна, р. 16 дек. 1858; за полковн. Давыдомъ Александровичемъ Озеровымъ . . . . . }
34. Сергѣй Николаевичъ, р. 12 сент. 1844, электротехникъ. Ж. Александра Григорьевна Перетцъ. . . . . 25.

IX.

35. Николай Филипповичъ, р. 9 мая 1886 . . . . . }
36. Петръ Филипповичъ, р. 7 янв. 1891 . . . . . } 33.
— Вѣра Филипповна, р. 27 апр. 1885. . . . . }
— Марина Филипповна, р. 14 іюня 1887 . . . . . }
37. Александръ Сергѣевичъ, р. 20 ноября 1873 . . . . . } 34.
— Татьяна Сергѣевна, р. 27 февр. 1870 . . . . . }

Въ роспись не вошли:

1) Василій Петровичъ Степановъ, т. с., секретарь верховнаго тайнаго совѣта (1730).

2) Василій Васильевичъ Степановъ, т. с. Ж. Степанида Ивановна N. (во 2-мъ бракѣ за кн. Серг. Ив. Барятинскимъ, въ 3-мъ бракѣ за барономъ Аѳанасіемъ Алексѣевичемъ Соловьевымъ, † 1755). Отъ этого брака была дочь Анна Васильевна, р. 1725, † 1793; 1) за Серг. Алексѣев. Титовымъ, † 1750; 2) за Иваномъ Ивановичемъ Ларіоновымъ, † 1773.

Обратим внимание на примечание: в роспись не вошел Василий Петрович Степанов, секретарь Верховного тайного совета (1730), о котором князь Петр Долгоруков делал соответствующую отметку в списке высших должностных лиц империи: «***Василий Петрович Степанов, секретарь Верховного тайного совета и в этом звании — очень важное лицо***». Он занимал предпоследнюю строчку в иерархиии Табели о рангах, будучи тайным советником. Его сын — Василий Васильевич — и был в браке со Степанидой Ивановной N., на самом деле — с Марфой Афанасьевной Савеловой, дочерью Афанасия Тимофеевича Савелова, которая после второго брака и смерти князя Сергея Ивановича Барятинского вышла замуж в третий раз за Петра Федоровича Бутурлина.

Мать камчатского ссыльного Ипполита Семеновича, Степанова Агафья Михайловна Дурново была из рода Толстых.

Родоначальником одной из ветвей Толстых был ее прадед Микула Федорович Дурново, внук Василия Юрьевича Толстого (его родными братьями были Даниил и Василий, от которых пошли соответствующие известные дворянские фамилии Даниловых и Васильчиковых). Потомки Дурново были записаны в 6-ю часть (касающуюся представителей самых древних родов) Вологодской, Калужской, Костромской, Московской, Орловской, Санкт-Петербургской, Тамбовской и Тверской губерний.

Наиболее подробные сведения о нашем герое мы находим в интернет-проекте «Дворяне-Вики». Именно здесь впервые подвергнуто сомнение утверждение многочисленных историков (в том числе и замечательного генеалога князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского) о том, что Ипполит Семенович Степанов был сослан на Камчатку в связи со столкновением на Комиссии об уложении с фаворитом императрицы Григорием Орловым, и определена суть истинной причины этой ссылки:

СТЕПАНОВ ИППОЛИТ СЕМЕНОВИЧ

ФИО: Степанов Ипполит Семенов сын [1] (м.)
ГОДЫ ЖИЗНИ: Ок. 1732 г. —?
СОСЛОВНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ: Дворянин.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ:

Депутат от дворян Верейского уезда в Уложенной комиссии.

Явился в комиссию 19 июня 1767 г.

На 7 заседании Комиссии, 14 августа 1767 г., вторник, был баллотирован в комиссию о разборе наказов. Получил 140 избирательных и 317 неизбирательных голосов.

На 9 заседании, 21 августа 1767 г., принимал участие в обсуждении наказа, данного депутату Каргопольского уезда от черносошных крестьян Василию Белкину, и сказал, «что крестьяне Каргопольского уезда ленивы и отягощены, утороплены и упорны. Если же у них недостаточный урожай в хлебе, то им полезнее заниматься хлебопашеством, чем другими промыслами, поэтому и не следует увольнять их от работы с апреля месяца. По прочим статьям Каргопольского указа Верейский депутат предлагал не дозволять крестьянам продавать свои земли; на каждые 2000 душ определить досмотрщика, на всякой почту назначить комиссара и, наконец, содержание мостов возложить на тех обывателей, которые живут в ближайшем от них расстоянии. <…> По окончании чтения всех <…> мнений и замечаний маршал вызвал Капорского депутата от дворянства графа Григория Григорьевича Орлова, который объявил ему, что Верейский депутат от дворянства г. Степанов в возражении своем сделал два противоречия: во-первых, назвал крестьян Каргопольского уезда ленивыми и отягощенными, чего вместе быть не может, и во-вторых, утороплеными и ленивыми, каковые свойства также одно с другим не согласуются. К сему граф Орлов прибавил, что подобные названия, относящиеся ко

всем вообще крестьянам, не должны быть употребляемы при обсуждении дела, и он полагает, что выражения сии, обращенные в порицание всех крестьян, были помещены по ошибке писца, а не по мнению депутата. Может быть, он хотел сказать, что только некоторая часть крестьян имеет означенные недостатки, ибо между всякого рода людьми есть хорошие и дурные. В заключении Копорский депутат сообщил маршалу, не признает ли он нужным спросить у Верейского депутата, справедливо ли высказанное им предположение, что в мнение сего депутата вкрались ошибки писца, как ему это кажется. <…>. Все, сказанное Копорским депутатом, было немедленно записано, и маршал, прочитав собранию это мнение, спросил у него, согласно ли оно призвать Верейского депутата к объяснению. Собрание изъявило на это свое согласие, и г. Степанов по призыве его отвечал, что требуемое от него объяснение он сообщит письменно».

На 16 заседании, 3 сентября 1767 г., понедельник (10.00 — «третья четверть первого часа»), «читано изъяснение г-на депутата Верейского от дворянства **Ипполита Степанова** на поданной голос от г-на депутата Капорского графа Григория Орлова. В нем написано, что он в поданном от него голосе не о всех, но о большей части крестьян разумеет и примеченное им в нравах крестьян изъяснить почел за должность».

На 18 заседании, 5 сентября 1767, среда (10.00 — «в исходе первого часа»), баллотирован в «частную Комиссию о правах всем и каждому особливо, или разделении государственных чинов, т. е.: дворян, мещан и земледельцев». Получил 94 избирательных и 345 неизбирательных голосов.

На 24 заседании, 17 сентября 1767 г., понедельник (9.45 — «вторая четверть первого часа»), был баллотирован в «Юстицкую» комиссию. Получил 138 избирательных и 256 неизбирательных голосов.

На 25 заседании Комиссии, 17 сентября 1767 г., согласился с возражением депутата от Ярославского дворянства

кн. М. М. Щербатова, поданным на мнение депутата от города Енисейска Степана Самойлова. Оба касались законодательства о дворянстве, читавшегося на 21 заседании, 11 сентября 1767 г. К возражению кн. М. М. Щербатова **И. Степанов** добавил, что «губернаторам в Сибирской губернии не дозволено производить в дворянское достоинство, потому что оно, кроме самого государя, никем иным пожаловано быть не может».

На 26 заседании Комиссии, 21 сентября 1767 г., согласился с возражением депутата от Ярославского дворянства кн. М. М. Щербатова на голос депутата Днепровского пикинерного полка Якова Козельского.

На 66 заседании Комиссии, 22 ноября 1767 г., высказал свое опровержение на мнение депутата от Кромского дворянства А. Похвиснева, представленное последним 19 ноября на 64 заседании Комиссии. **И. Степанов** представил, «что купцы обязываются векселями для прибыли, а дворяне по нужде, и что последствия, происходящие от писания векселей дворянами, часто служат к их разорению. За тем он сообщил свое мнение, чтобы дворянам разрешено было занимать деньги по аттестатам и брать имения их под заклад в банки, которые на сей конец необходимо устроить в провинциях. Объясняя подробное свое об этом мнение и почитая закладные вредными, он думает, что по изложенным им правилам и купцу можно одолжать дворянина». Согласился с мнением депутата от дворянства Любимского уезда, касавшимся привилегий Лифляндской, Эстляндской и Выборгской губерний.

На заседании 21 февраля 1768 г. передал депутатские полномочия сыну, капитану Степанову Петру Ипполитовичу.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА:

В службе с 1752 г.;

05.07.1762 г. переведен поручиком в Нарвский карабинерный полк;

12.11.1763 г. отставлен «на свое пропитание по манифесту о вольности дворянской и за слабостью здоровья» подпоручиком;

отставной ротмистр;

ротмистр (на 1763 г.).

ГРАЖДАНСКАЯ СЛУЖБА: Экономический казначей в Дмитрове (1766).

БЫЛ ПОД СУДОМ/СЛЕДСТВИЕМ:

За планы по свержению Екатерины II вместе с капитаном Преображенского полка Николаем Озеровым, капитаном Василием Пановым, отставным майором Ильей Афанасьевым и отставным премьер-майором, Одоевским депутатом Никитой Жилиным был сослан на Камчатку, в Большерецкий острог, где в 27 апреля 1771 г. участвовал в бунте и сбежал с группой лиц, в т. ч. с поляком М. А. Беньовским. Беглецы захватили галиот (род судна)»Св. Петр» и на нем отплыли, побывали в Японии, на о. Формозе (Тайвань). Здесь они продали судно и зафрахтовали два французских корабля, решившись плыть во Францию. В апреле 1773 г. прибыли на о. Мадагаскар. Во время путешествия И. Степанов вел записки. Есть сведения, что со своими спутниками у него вышла стычка в порту Макао, после чего Беньовский уехал в Кантон, а Степанов остался в Японии. Дальнейших сведений о его судьбе нет, видимо, он умер в Японии.

Другой источник указывает, что Степанов, несмотря на то, что А. Беньовский характеризовал его как человека вздорного, пьяницу, спорщика, скандалиста, завистника и честолюбца, был на самом деле личностью значительной. В Большерецком бунте 1771 года он играл роль идеолога. В Чекавинской гавани на Камчатке Степанов составил документ, в котором обличал Екатерину II, порицал ее абсолютизм. Согласно этому источнику, он не остался в Японии, а жил в Лондоне. По пути беглецы обогнули и Азию, и Африку, совершив грандиозное путешествие. Императрица

простила его и предложила вернуться, но Степанов отказался.

ИМЕНИЯ:

Московская губ., Верейский у.:

- пустошь Божино, Верейский/Можайский у., Московская губ. (Крапивенского стана);
- сц. Иевлево, Верейский/Можайский у., Московская губ..

Саратовская губ.:

- Дмитриевка, Саратовская губерния.

ДУШ (ВСЕГО): В Дмитриевке Саратовской губернии, 24 души м. п. и 14 душ ж. п.

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: Согласно предположению Семевского, являлся автором работы № 23, представленной на проводимый Вольным экономическим обществом конкурс работ о том, должны ли крестьян иметь собственность. Основание — сходство характеристики крестьян в этой работе с высказыванием Степанова в Уложенной комиссии на заседании 21 августа 1767 г. («крестьяне Каргопольского уезда ленивы и отягощены, утороплены и упорны»).

Уже на Камчатке письменно изложил причины своего недовольства работой Уложенной комиссии.

ФРАГМЕНТЫ ТЕКСТОВ, ЦИТАТЫ: *РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 409:*

«Новые законы сочинять депутаты хотя и собраны, с тем, чтобы пояснять об тягощениях обществу и полагать свои мнения. А как собрались, тогда дали наказ и обряды. И всего посмотрите: какое депутаты имеют право на себя законы полагать, когда недалее велят трактовать, как то единое, что в Наказе написано, следственно не сами они на себя полагают закон, и велят повиноваться тому, что пристрастию угодно, требуют, что дела продолжают, и чрез того отягощение чувствуют, а Наказ повелевает оные неторопно решить. Народ от

того не получает правосудия. Что апелляций много и к до государя доступу не имеют: а Наказ еще больше прибавляет судебных мест, а полновластие не мало ни ограничивается». <…> «А в России начальники единое только имеют право делать людям несчастие…». «<…> должно с сожалением сказать, сколь нещастлив народ российский <…> не получает облегчения, а всего больше усиливается начальник, а не закон». «Народ российский терпит единое тиранство». «Понеже в России не только крестьяне, но и дворянства малейшая часть обучается наукам <…> Вот причина рабства, что богатый человек имеет случай угнетать бедных людей. Ежели он и мало знает законов, то судьи ему за деньги помогают растолковать сему бедному народу в пользу богатого Указы, а богачи их исходатайствуют от Сената в свою пользу». «Государь есть — человек, а особливо такой, каков был Борис Годунов <…>». «<…> теперь, когда дворянство мало просвещено, не имеет сил и не позволено пешися о своем Отечестве, а каждый старается только в том сделать подлым образом от начальника милость и чин. А получа оный, быть вредом народным, понеже в сем чине жалованье само беднейшее, кто вышней у нижнего отнять властен и отрешить от должности». «Грабя народ и из общественной казны богатящиеся, из-за неправосудия наказания не получающие, оканчивают жизнь благоденственно <…> невзирая, что Отечеству вредно». «<…> всякий знает, что в России за истинную заслугу Отечеству ни о ком еще народу неизвестно. И кто награжден был, кроме как Шуваловы проекты об гнании вина и соли <…> Да за убийство государей своих и нарушение присяги ныне прославлены. И из таких людей, которые не только делом, но мыслями Отечеству не доказали полезного и к высоким делам допущены <…>». «Есть самым доказательством Камчатская земля: какое попечение имеет правительство о народе. Народ данной

натуральную наклонность имел к добру, и никаких обманов между ним не было, а еже <ныне> непорядочные законы и самовластие начальников не только к злым обычаям вредным интересам приучены. Поморены оспою в 768 году. Понеже о сех болезнях они никаковых понятиев не имели, а правительство не предуведомлено, ни лекарей никаких в таком отдаленном месте не заведено, и о том им не растолковано. Когда не сохранять их, то зачем же тратить государственные интересы, но и более терять национальных <русских> людей для сыскания и завладения дикого народу, а оставить лучше с их обычаями <…>».

Итак, версии о ссылке Степанова на Камчатку за «сопротивление Наказу» и ссору с всесильным временщиком Григорием Григорьевичем Орловым — просто чушь, запущенная в официальную историю его высокими покровителями. Орлов получил сатисфакцию — Степанов публично признал, «что он в поданном от него голосе не о всех, но о большей части крестьян разумеет и примеченное им в нравах крестьян изъяснить почел за должность». Григорий Орлов был удовлетворен объяснением Степанова (более того — он изначально считал эти слова опиской писца: «Верейский депутат от дворянства г. Степанов в возражении своем сделал два противоречия: во-первых, назвал крестьян Каргопольского уезда ленивыми и отягощенными, чего вместе быть не может, и во-вторых, утороплеными *(торопливыми — С. В.)* и ленивыми, каковые свойства также одно с другим не согласуются»).

Причина ссылки гораздо более серьезная, нежели нам пытаются это внушить на протяжении более чем двух столетий: «За планы по свержению Екатерины II вместе с капитаном Преображенского полка Николаем Озеровым, капитаном Василием Пановым, отставным майором Ильей Афанасьевым и отставным премьер-майором, Одоевским депутатом Никитой Жилиным»

Что могло связывать между собой всех этих людей?

В книге *Елены Никулиной и Игоря Курукина «Повседневная жизнь Тайной канцелярии XVIII века»* мы найдем некоторые подробности:

«В том же** (1765, на самом деле, в 1769 — С. В.) **году к следствию были привлечены преображенский капитан Николай Озеров и его друзья — бывший лейб-компанец Василий Панов, отставные офицеры Ипполит Степанов, Никита Жилин и Илья Афанасьев. Заговорщики не просто ругали императрицу и ее фаворита — критике подвергалась вся внутренняя и внешняя политика Екатерины. "Прямые сыны отечества" (так называли себя приятели) были возмущены тем, что не выполнены "при вступлении '…' разные в пользу отечества обещании, для которых и возведена на престол". О каких обещаниях в данном случае шла речь, не вполне понятно; но другие упреки были конкретизированы: "народ весь оскорблен", "государственная казна растащена" и делаются заграничные займы, "не рассматриваны" полезные предложения Сената, "дано статским жалованье бесполезно"; гвардия пребывает "в презрении", а Орловы за границу "пиревели через аднаво немца маора двацать милионов"; в екатерининском "Наказе" "написана вольность крестьяном; это де дворяном тягостно, и буде разве уже придет самим пахать"; наконец, осуждался разрыв с Австрией, "с коею всегда было дружелюбие". Заговорщики планировали возвести на престол Павла, надеясь, что при нем земли дворянам раздадут "безденежно" и ликвидируют откупа, поскольку "винный промысел самый дворянский". Екатерину же намеревались заточить в монастырь; а если бы она пыталась вырваться оттуда, то "во избежание того дать выпить кубок, который она двоим поднесла". Озеров накануне ареста успел приготовить план Летнего дворца. Но Степанов имел

неосторожность проговориться вдове-полковнице Анне Постниковой, которая спешно донесла на приятеля.

Это едва ли не самое серьезное "дело" той поры интересно проявившимся в документах следствия кругом представлений гвардейских офицеров нового поколения. Темы их разговоров уже не сводились только к чинам и "деревням" — они обсуждали и внешнюю политику, и реформу государственной службы, и состояние казны (заграничные займы). В то же время критика существовавшего порядка велась ими с точки зрения специфических военно-служилых интересов: императрица недопустимо "заигрывала" с крестьянским вопросом, "статским" неведомо за что давали постоянное жалованье, а купцы-откупщики теснили "самое дворянское" винокурение. "Сыны отечества" (более просвещенные, чем их собратья первой половины столетия) считали возможным предотвратить "падение" страны только с привлечением "больших людей '…', которые издавна народ любят": К. Г. Разумовского, Ф. М. Воейкова, А. И. Глебова, графов Паниных. Из дела следует, что таких попыток у заговорщиков не было, как не было у них и опоры в солдатских рядах».

Любопытно, что в данном случае, независимо друг от друга, повторяются, как и в заговоре Батурина, братьев Гурьевых-Хрущовых, одни и те же имена «больших людей» — Кириллы Разумовского, графов Паниных…

Случайно ли это?

А ведь это были известные русские масоны и главные заговорщики в дворцовом перевороте, который привел на трон Екатерину II.

Случайно ли и другое? Петр Семенович Степанов, родной брат Ипполита Семеновича, выпускник Шляхетского корпуса, был ***«поклонником Вольтера и философов XVIII века»***, о чем пишет князь Лобанов-Ростовский и что

означало в переводе на современные понятия, что Петр Семенович был, как и Радищев, республиканцем.

И вот теперь, говоря о Радищеве и радищевых, мы снова вспомним опричников Ивана Грозного:

В известных «Записках князя Петра Долгорукова» мы находим следующее: ***«В бумагах, завещанных мне уважаемым Павлом Федоровичем Карабановым, находится любопытный список семей, ведущих свое начало от опричников Иоанна Грозного; я привожу здесь этот список в качестве исторического документа, и пользуюсь случаем еще раз и окончательно объясниться по поводу фактов, содержащихся в этих "Записках". Я твердо и непоколебимо убежден, что дурные деяния, совершенные предками и родственниками, ни в чем не могут запятнать добропорядочность их детей и потомков; славные деяния, таланты, добродетели имеют отношение и к их потомству; преступления же и тем паче злодеяния отношение имеют лишь к тем, кто оные совершил. Среди семей, ведущих свое происхождение от опричников, многие искупили преступления своих предков службою на благо страны, а три семейства из этого списка даже внесли свой вклад в дело русских свободолюбивых мучеников, имена которых всегда будут глубоко почитаться (Рылеев, Радищев, Ивашев)»***.

Кстати, мы часто вспоминаем Адама Васильевича Олсуфьева, так вот князь П. В. Долгоруков и о его происхождении сообщает то же самое: ***«Олсуфьевы происходят от Михаила Олсуфьева, опричника Иоанна Грозного, пожалованного им думным дворянином. … Его потомки оставались в полнейшей безвестности до начала царствования Петра I, при котором Матвей Дмитриевич Олсуфьев и его брат Василий начали свою службу в качестве простых слуг. Матвей, вкрадчивый и хитрый придворный, вошел в доверие к Екатерине и стал обер-гофмейстером ее двора, а его***

брат Василий получил ту же должность при царском дворе. Василий Олсуфьев, овдовев в первом браке, тотчас же вновь женился на шведке, Еве Холлендер. Она родила ему сына: Петр I, согласившись быть его крестным, сказал по этому поводу: "Первая Ева вышла из ребоа Адама, ну а на этот раз Адам вышел из Евы". Новорожденного крестили именем Адам; позднее он стал государственным секретарем Екатерины II и был отцом первого графа Олсуфьева».

Можно согласиться с князем Долгоруковым в отношении того, что служение потомков Отечеству искупает преступления предков. При условии, что это «служение» не подчинено все той же цели, что и у опричного бесовского Ордена кромешников, и не направлено на разрушение этого самого Отечества и его Православного ядра, к чему призывали и вели масоны Олсуфьев, Рылеев, Радищев и Ивашев…

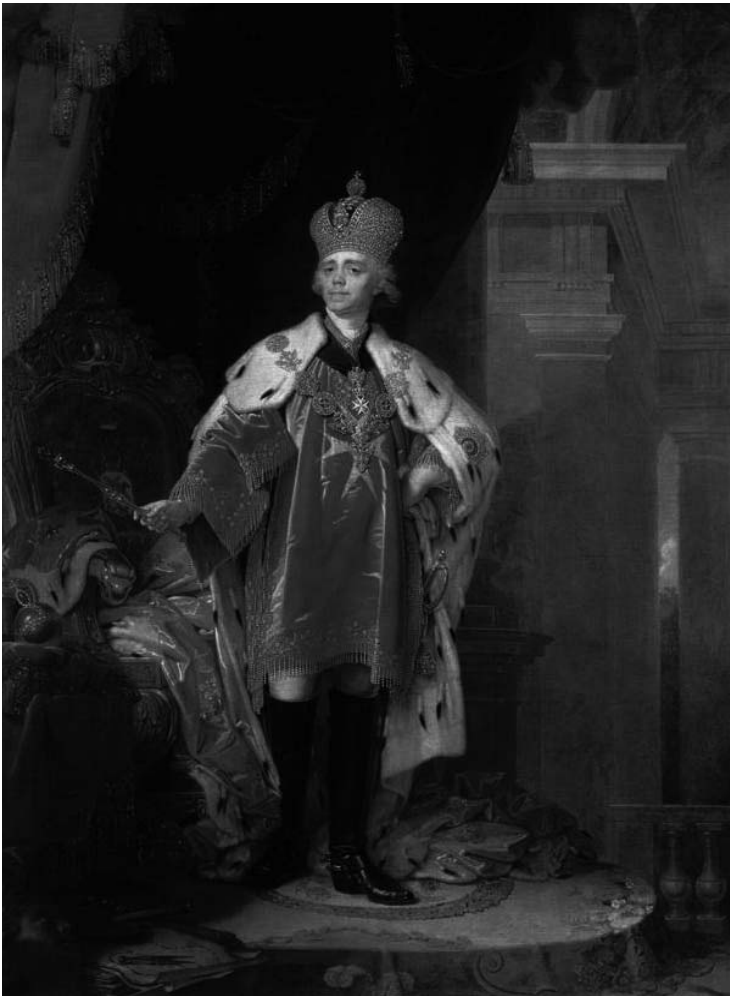
Почему мы вспомнили об этом? Потому, что Шляхетский кадетский корпус, в котором преподавали в основном иностранцы и который окончил вольтерьянец Петр Семенович Степанов и Адам Васильевич Олсуфьев, как утверждают специалисты по истории русского масонства, и был рассадником этих революционных — «свободолюбивых» — идей, которые и привели в конечном итоге к декабризму, революционному террору и очередной Великой Смуте 1917 года: ***«Масонами были многие из высших сановников, офицеры гвардейских полков, учителя и воспитатели Шляхетского Кадетского Корпуса, большинство профессоров созданных при Елизавете высших учебных заведений — Московского Университета и Академии Художеств. Молодежь, воспитывавшаяся в этих учебных заведениях, вводится воспитателями в круг идей вольтерьянства и масонства. Шляхетский кадетский корпус, в котором получали воспитание дети русской аристократии и русского дворянства, становится очагом масонского просвещения. В корпусе получили воспитание многие из***

видных русских масонов Елизаветинской и Екатерининской эпохи. В нем учились Болтин, Сумароков, будущий обер-прокурор Святейшего Синода П. И. Мелиссино, историки Болтин и М. М. Щербатов и другие.

Воспитание, которое получала русская молодежь в Шляхетском корпусе и в Московском Университете, — носило космополитический характер. Ничего русского в этом воспитании не было. Русские образованные люди с каждым поколением все дальше удалялись от русского миросозерцания».

Петр Семенович был женат, как сообщает Михаил Семевской в родословной Степановых, на Пелагее Матвеевне Кашталинской, дочери Матвея Федоровича Кашталинского, церемониймейстера (1741–1765), управляющего церемониальной экспедицией при Коллегии иностранных дел, сенатора (1797), действительного статского советника, который состоял в ложе «Равенства» и был известным масоном. Сыном Петра Семеновича и, соответственно, племянником Ипполита Семеновича был первый енисейский губернатор, друг ссыльных декабристов масон Александр Петрович Степанов («В 1815 г., будучи в Петербурге, С. вступил в масонскую ложу «Les amis réunis»; любопытное описание принятия в ложу, сохранившееся в бумагах С., напечатано в «Русской Старине» (1870 г., т. I); там же помещено и письмо С. по этому же поводу к дяде его, известному московскому масону Руфу Семеновичу Степанову» — «РБС»). Филипп Петрович Степанов, о котором пойдет речь ниже, приходился ему внуком, а Николай Филиппович — правнуком.

И вот что интересно. 29 ноября (10 декабря) 1798 года Павел I издал высочайший Манифест об установлении в пользу российского дворянства ордена Св. Иоанна Иерусалимского (Мальтийский командорский крест) и Правила для принятия дворянства Российской империи в сей орден.

Боровиковский В. Л.
Портрет Павла I в костюме гроссмейстера Мальтийского ордена. 1800. Холст, масло. 266х202 см. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

В годы правления Павла I орден Св. Иоанна Иерусалимского стал, по существу, высшим знаком отличия, жалуемым за гражданские и военные заслуги. Пожалование же командорства превосходило по своему значению даже награждение орденом Св. Андрея Первозванного, так как этим выражалось личное благорасположение государя. В день своей коронации 5 апреля 1797 года Павел I объединил существующие в России орденские корпорации в единый Российский кавалерский орден, или Кавалерское общество Российской империи. Однако в него не вошли кавалеры орденов, учрежденных императрицей Екатериной II, — Св. Георгия и Св. Владимира.

Этой высшей в империи наградой был удостоен подпоручик Александр Петрович Степанов за некую малость: «***…был переведен прапорщиком в Московский гренадерский полк, который вошел в состав войск, двигавшихся в Италию под предводительством Суворова; юноша назначался то ординарцем, то адъютантом, находился в свите у Кушникова и Багратиона, а потом поступил в штаб самого Суворова, который, узнав, что С. хорошо владеет пером, поручал ему писать ответ на поздравительные оды, которые присылались во множестве в главную квартиру, и в шутку называл его "своим маленьким Демосфеном"; довольный сочиненными С. словами к одному "польскому", Суворов наградил его командорским крестом ордена Иоанна Иерусалимского — "РБС"***».

Пренебрежение к Ордену появилось уже после убийства императора Павла I. На самом деле этот Орден в свое время объединял главных русских масонов и их потомков, в числе которых был и Александр Васильевич Суворов (отец которого исполнял самые щепетильные поручения правительства, а сын его стал Рымникским за подавление восстания Емельяна Пугачева), и князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, сдавший в 1812 году Москву французам,

и подпоручик Степанов, племянник Руфа (Руфина) Семеновича, будущего главы российских розенкрейцеров, являвшихся главными идеологами декабристов, попытавшихся неудачно, как и их предшественники — камчатские ссыльные — совершить очередной (что становилось уже российской практикой) государственный переворот, чтобы устранить от власти царевича Николая Павловича, приход к власти которого не устраивал целый ряд европейских государств, прежде всего, — Англию и Францию.

«Руф Семенович Степанов — коллежский асессор, губернский землемер при Саратовском Наместническом правлении (1782), устроитель колонии гернгутеров, мистик и масон первой четверти XIX столетия. Основал близ Сарепты первую в России колонию гернгутеров, бежавших из Германии от религиозных преследований. Последние годы своей жизни он жил в Москве, где играл видную роль среди масонов и после смерти Поздеева сделался главою масонских лож, когда они были запрещены правительством. Умер в Москве слепым, в 1828 г.».

Не маловато ли биографии для того, чтобы стать главой всех российских розенкрейцеров?

Но большего о нем мы пока не нашли. Впрочем, есть кое-что: ***«…до 1783 года через Пензу летом в июле, вероятно, по Екатерининской дороги из Саратовской губернии после посещения немецких колоний на Волге возвращался вот этот малоизвестный у нас, но очень интересный человек: Иоганн фон Бебер Johann von Böber 22 декабря 1746 (Веймар) — 14 июня 1820 (СПб.) — энтомолог, ботаник, масон, путешественник, педагог, действительный статский советник. Занимался педагогической деятельностью: состоял "по инспекторской должности в артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе", затем директором училищ Екатеринославской губернии. В ходе путешествий по Югу России собрал коллекции растений,***

насекомых и минералов. Собирал материалы по фауне насекомых Санкт-Петербурга и его окрестностей. Член Вольного экономического общества, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук с 22 февраля 1796 года. Играл видную роль в петербургских масонских ложах шведской системы. Около 1803 года во время аудиенции у императора Александра I убедил его выступить покровителем масонства.

Бебер, один из виднейших представителей масонства в России. Вступил в масонский орден в 1776 г., участвовал на всеобщем масонском конвенте в Вильгельмсбаде в 1783 г. 9 ноября 1778 г. Бебером была основана ложа Трех Секир в Ревеле по шведской системе, закрывшаяся 29 ноября 1785 г.; кроме того, он был великим секретарем Провинциальной или Национальной ложи. Беберу принадлежала выдающаяся роль в реставрации масонства в России, подвергшегося крутым стеснениям со стороны правительства под влиянием французской революции. По некоторым известиям дело представляется в таком виде, будто Бебер исхлопотал аудиенцию у Императора Александра I и сумел так доказательно защитить масонство, что Император разрешил свободное существование масонства и даже сам пожелал быть принятым в орден. Сам Бебер в своей записке о масонстве в России *(напечат. в "Allgemeines Handbuch der Freimaurerei", Leipz., b. III, 612–615)* ***рассказывает, что им была представлена Имп. Александру записка о масонстве, которая имела результатом официальное признание масонских лож в России (в авг. 1810 г.). Во всяком случае выдающееся участие Бебера в этом деле не подлежит сомнению, так как из официальных источников известно, что гражданская власть вела свои сношения с масонами чрез Бебера (ему, например, возвращены были все рассматривавшиеся министром полиции акты управляющих ложами). С 1810 г.***

Бебер является гроссмейстером Директориальной ложи Владимира к Порядку; в 1814 г. он оставил это звание вследствие несогласий, возникших среди масонов из-за вопроса о высших степенях, столь развитых в шведской системе, представителем которой был Бебер, имевший высшую степень "викария Соломона". Кроме того, Бебер управлял, в качестве мастера стула, ложей "Александра к Коронованному Пеликану" и был (до 1815 г.) гроссмейстером Провинциальной ложи. В делах масонства Бебер всегда играл руководящую роль; его имя пользовалось широкой известностью, так что заграничные масоны направляли корреспонденцию по делам ордена преимущественно на его имя. Бебер имел чин действ. ст. советника» *(Пыпин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб. 1871; Материалы для истории масонских лож // Вестник Европы. 1872. Январь, февраль и июль; Хронологический указатель русских лож. СПб., 1873).*

А устроителем первой немецкой колонии на Волге, в сердце России, в которой побывал Бебер, как раз и был «губернский землемер» Руф Семенович Степанов.

Интересно и другое. Последовательным продолжателем дела отца стал его сын Аркадий Руфович Степанов. Вот цитата из «Записки о собраниях масонской ложи в Москве» 1818 года Дмитриева-Мамонова: «Совершено принятие в Ученическую степень надворного советника Аркадия Руфовича Степанова, помещика Пензенской губернии».

«Степанов Аркадий Руфович. Ок. 1779, Тульская губерния — 1822/3, Подъячевск (с. Подъячево), Сердобский уезд Саратовской губернии. Отставной поручик. Надворный советник. В 1821 предводитель дворянства Сердобского уезда. Помещик Пензенской губернии».

Аркадий Руфович был женат на своей троюродной сестре — Александре Дмитриевне Степановой. В этом нет ничего предосудительного, но Александра Дмитриевна,

в свою очередь, была родной сестрой Павла Дмитриевича Степанова.

А это уже не просто интересно.

Вот какую запись находим мы в «Родоводе», посвященном роду Степановых: ***«В Месяцеслове за 1815 год в числе служащих Сердобского уездного земского суда упоминается титулярный советник ПАВЕЛ ДМИТРИЕВИЧ СТЕПАНОВ. Павел Дмитриевич происходил из древнего дворянского рода Степановых, владевших в Сердобском уезде соседними со Жмакиным селами — Песчанкой и Подъячевкой. Его отец Дмитрий Алексеевич, капрал Ревельского драгунского полка, фигурирует среди землевладельцев Саратовской губернии в 1782 году.***

П. Д. Степанов упоминается в «Русской родословной книге» В. В. Руммеля, однако ни годы его жизни, ни имя жены не указаны и потомство его не показано.

Двоюродным дядей Павла Дмитриевича был известный русский масон и мистик Руф Семенович Степанов. Он основал в Сарепте Саратовской губернии колонию гернгутеров — пламенных последователей моравских братьев, переселившихся из Германии. В Москве Руф Семенович сделался главой ложи розенкрейцеров.

Внучкой Руфа Семеновича была мать Александры Милиевны Аничковой-Каракозовой-Владимировой — Софья Аркадьевна Степанова. Это значит, что на протяжении семидесяти лет семьи Каракозовых и Степановых породнились как минимум дважды».

Продолжения этой родословной ветви нет ни у князя Лобанова-Ростовского, ни у Михаила Семевского — генеалоги ее просто обрубают как несуществующую. И для этого были очень серьезные причины.

«Ларчик» открывался просто — женой Павла Дмитриевича Степанова была Анна Ивановна Каракозова, родными племянниками которой были террористы-«цареубийцы»

Дмитрий Владимирович Каракозов и Николай Андреевич Ишутин. А правнучка Руфа Семеновича Степанова, Александра Милиевна Аничкова была женой родного брата Дмитрия Каракозова — Николая Владимировича Каракозова, который впоследствии, скрываясь от фамильного позора, стал писаться Владимировым ***(«Николай Владимирович Каракозов (Владимиров) (28.11.1833–16.11.1880) — сын Владимира Ивановича Каракозова, губернский секретарь. Уже достаточно поздно — в 1869 году — Николай женится. Его женой становится девушка на шестнадцать лет моложе, Александра Милиевна Аничкова (1839–1899). Аничковы — старинный дворянский род, и что заставило родственников выдать молодую девушку за небогатого, незнатного, необразованного сельского помещика с сомнительной репутацией? Поговаривали, что дядя купил Александре Милиевне мужа. Подноготная этого брака совершенно непонятна. У них дети: Аркадий (1870—?), ровесник и товарищ А. И. Куприна, Софья (1871—?) и Ольга (1875—?)»).***

Дедом знаменитого террориста Дмитрия Владимировича Каракозова, стрелявшего из пистолета в императора Александра II, был Иван Федорович Каракозов: ***«Из копии с формулярного списка о службе подпоручика Ивана Федорова Каракозова, доставленного из инспекторского департамента Военного министерства, видно, что означенный Каракозов показан из российских дворян и за отцом его состоит в Симбирском уезде 80 душ. В военную службу вступил в 1768 году подпрапорщиком.***

С 1770 года — сержантом, 1773 года — прапорщиком. Был в походах 1769 года в Турции под Хотином. В сражениях с неприятелем в 1771 г. в августе при штурме г. Журжи, где и ранен в ногу пулею. В 1772 и 1773 годах в Валахии при нападении турок на Журжевскую крепость. Отставлен в 1777 году подпоручиком, с 1780 года

на статской службе, с 1796 года титулярным советником, с 1798 — в Сердобском суде судьей.

Выйдя в отставку, И. Ф. Каракозов обосновался в Саратовской губернии. Он приобрел у отставного поручика Алексея Жмакина *(который также вместе с Семеном Моисеевичем Степановым владел соседней деревней Подъячевка — С. В.)* ***сельцо Жмакино Сердобского уезда.***

Каракозов женился на девушке из старинного дворянского рода ИРИНЕ СЕМЕНОВНЕ УНКОВСКОЙ, дочери капитана Семена Марковича Унковского.

В этом браке родились дети:

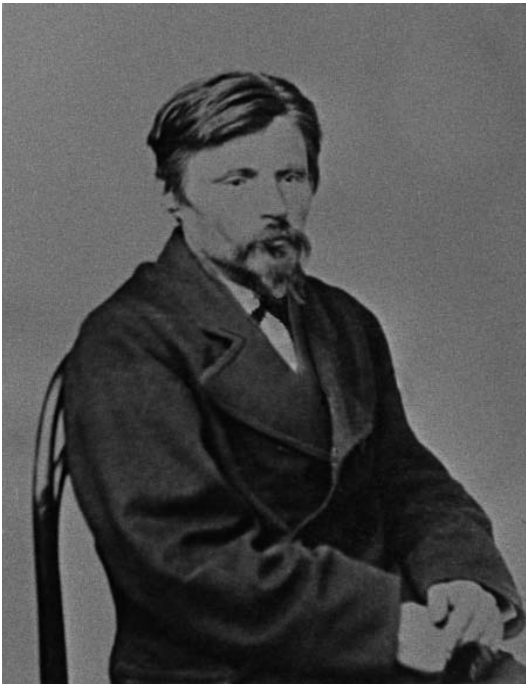
Наталья Ивановна (1784 — п. 1812)

Владимир Иванович (1786–1856), жена Мария Алексеевна Ишутина, дочь Сердобского 1-й гильдии купца, почетного гражданина Алексея Ивановича Ишутина (с 1842 года в семье Владимира Ивановича воспитывался рано осиротевший племянник его жены Марии Алексеевны — НИКОЛАЙ АНДРЕЕВИЧ ИШУТИН, ровесник младшего сына Каракозовых Дмитрия. Советские историки, изучавшие ишутинский кружок, всячески подчеркивали, что Николай Ишутин происходил из семьи небогатых купцов, бедствовал и ходил в простой холщовой рубахе. Возможно, к середине 1860-х семья Ишутиных и обнищала, но в середине 1830-х никто в Сердобске не назвал бы Ишутиных небогатыми. Возможно, холщовая рубаха Николая Ишутина столько же отражала его материальные затруднения, сколько и холщовая рубаха графа Льва Николаевича Толстого…).

Алексей Иванович (1788 —?).

Мария Ивановна (1796 —?).

А также Александра Ивановна (Бутлерова) и Анна Ивановна (Степанова).

Николай Андреевич Ишутин

Как выяснилось на следствии, в заговоре, целью которого было убийство царя, было замешано много лиц. Помимо организации тайного общества и заговора против царя подсудимым было инкриминировано и укрывательство бежавших из московской пересыльной тюрьмы польских политических преступников, в том числе и будущего участника Парижской Коммуны Ярослава Домбровского.

Вряд ли нечто подобное было под силу Ишутину с Каракозовым. В заговоре принимали участие юный князь Варлаам Черкезов, дворяне Кутыев, Ермолов, Юрасов, Странден, Загибалов, Шаганов, Кичин, чиновник Малинин, студент Московского

университета Иванов, слушатель Петровской Академии, сын священника Лапкин, государственный крестьянин Борисов, сын дьячка Воскресенский, провизор Лаунгауз, коллежский советник Трусов и многие другие.

Особенно обращает на себя внимание следующий факт из обвинительного заключения: «Дворянин Павел Маевский — в укрывательстве и снабжении для побегов фальшивыми паспортами и деньгами польских политических преступников Домбровского, Ковалевского, Оржеховского, Верницкого, Ольтаржевского и друг. (то есть их было гораздо больше? — С. В.), в недоведении до сведения правительства о существовании в Москве тайного общества, имевшего противную установленным законами образу и порядку правления цель и в имении сочинений возмутительного содержания». Помощником Маевского был сын чиновника Болеслав Шостакович (родной дед знаменитого композитора Дмитрия Шостаковича), который был обвинен «в укрывательстве осужденного в каторжные работы государственного преступника Домбровского и составлении на него подложных видов» ***(Болеслав Шостакович оказался в ссылке, впоследствии в Иркутске, где он потом даже стал иркутским городским головой и вообще известным сибирским общественным деятелем. От него пошла иркутская династия Шостаковичей — ученых и общественных деятелей. Композитор Дмитрий Шостакович — внук Болеслава Шостаковича. А недавно умерший иркутский историк Болеслав Сергеевич Шостакович, исследователь сибирской политической ссылки, — его правнук)***.

Но бегства (как выясняется — массового) политических преступников оказалось для заговорщиков мало — и из городка Ардатова Нижегородской губернии была тайно вывезена жена Домбровского, находящаяся в ссылке, без которой будущий генерал Парижской Коммуны отказывался выезжать из России… И ему пошли на встречу — вывезли и жену.

Этот факт говорит не о немощности царской полиции, а о существовании мощной, хорошо законспирированной организации, способной подготовить массовый побег политических заключенных и их отправку за границу. Маевский, как и Шостакович, скорее всего, существовали для отвода глаз, были «стрелочниками» для следствия. Кстати, вслед за Шостаковичем в ссылку приехала из Москвы его невеста Варвара Калистова. Она была близкой подругой Ольги Чернышевской, жены писателя-революционера Николая Чернышевского. А Владимир Михайлович Озеров (вспомним подельника Ипполита Степанова по заговору — капитана Преображенского полка Николая Озерова), один из главных организаторов этого побега, был одновременно и членом «Земли и Воли», и членом «Комитета русских офицеров в Польше».

Так что, вероятнее всего, Ишутин и Каракозов были обыкновенными марионетками.

«…Средь бела дня 4 апреля 1868 года в центре Санкт-Петербурга у ограды Летнего сада в гулявшего императора стрелял, но промахнулся приехавший из Москвы молодой человек по имени Дмитрий Каракозов. Как выяснило следствие, Каракозов принадлежал к группе юных радикалов, не брезговавших уголовщиной во имя своих высоких целей.

Шестеро главных персонажей этого очерка дружили с детства, с первых лет учебы в Пензенской губернской гимназии. На глазах у этих юношей — Дмитрия Юрасова, Николая Ишутина, Дмитрия Каракозова, Максимилиана Загибалова, Петра Ермолова, Виктора Федосеева — крепостная, дворянско-помещичья Россия потерпела поражение в Крымской войне 1853–1856 годов. Не выдержав такого позора, царь Николай I, державший Россию "замороженной" все 30 лет своего правления, ушел из жизни. Сменивший его на троне Александр II начал в России

реформы, но неспешные и половинчатые: крестьянам дали личную свободу, но без земли, горожанам — местное самоуправление, но не независимый парламент. В стране оживились торговля и промышленность, а вот перемены в сельском хозяйстве шли медленно. Волнения назревали на западных окраинах империи — на землях нынешней Литвы и Беларуси.

Юные пензенцы с нетерпением следили за шедшими в стране переменами и по гимназической моде тех лет зачитывались тогдашним "самиздатом" — сочинениями Герцена и Огарева, Полежаева и Достоевского. Под воздействием их книг пензенские гимназисты, как и многие их сверстники, к 16–17 годам были полны решимости добиваться освобождения России от самодержавия и бюрократии. Свой путь к воплощению этих замыслов выпускники связывали с продолжением учебы в университетах. Осенью 1860 года один из них, Дмитрий Каракозов, поехал учиться в Казанский университет, остальные пятеро друзей продолжили учебу в Московском университете.

Именно в Москве юные провинциалы, признанным лидером которых с детства был кособокий книгочей Николай Ишутин, впервые участвовали в бурных политических событиях. Правительство, опасаясь притока в университеты массы крестьянских детей, получивших в 1861 году личную свободу, в том же году ввело плату за высшее образование, отсекая от него малоимущих. Недовольные студенты ответили массовыми демонстрациями в Санкт-Петербурге и Москве. Их зачинщики были отчислены из университетов и взяты под арест, а их товарищи прервали учебу. Студенческие волнения в Москве длились до 12 октября 1861 года, когда тысячная демонстрация молодежи вышла к дому генерал-губернатора на Тверской улице, 13, где ныне расположена столичная мэрия.

В тот день, вошедший в историю Москвы как "день битвы под 'Дрезденом'" (по имени гостиницы на Тверской площади, у стен которой происходили основные события), полиция и казаки при содействии купцов и приказчиков из соседнего Охотного ряда вступили в массовую драку со студентами, перешедшую на соседние Дмитровку и Большую Никитскую улицы. В тот раз Ишутин с товарищами отделались синяками и несколькими днями ареста в Тверской полицейской части. Зато они впервые почувствовали себя революционерами, и в начале 1862 года вступили в созданную тогда в Питере и Москве тайную организацию "Земля и Воля".

"Общество взаимопомощи"

Для пущей конспирации "землевольцы" собирались не в знаменитом квартале тогдашних студенческих общежитий между Большой и Малой Бронными улицами, где снимали комнаты Ишутин и большинство его земляков. Излюбленным местом встреч молодых заговорщиков стал трактир "Крым" на Трубной площади.

Вероятно, первым московским студентом, освоившимся там, был Иван Гаврилович Прыжов — сын швейцара московской Мариинской больницы на Божедомке. Окончив Первую московскую гимназию, Иван Прыжов в 1848–1851 годах посещал Московский университет, а затем, так и не закончив его, занял низшую должность в канцелярии Московского суда.

Учебу, а затем и службу Прыжов сочетал с изучением народного быта России, сосредоточившись на истории и нравах российских кабаков. В конце 1860-х гг. это его увлечение воплотилось в весомый научный труд "История кабаков на Руси". Но в 1850-х годах грамотей, балагур и любитель застолий Иван Прыжов лишь подступал

к своей главной теме, попутно сведя знакомство со всей тогдашней "Москвой кабацкой" и делясь своими связями с другими студентами, таившимися от полиции. Благо те всерьез интересовались бытом и нравами "трущобных людей". Так, тогдашний духовный вождь революционной молодежи, один из основателей упомянутой выше организации "Земля и Воля" Николай Чернышевский видел возможных союзников в борьбе с самодержавием в бродягах из сектантов и раскольников, в полуголовных артелях волжских бурлаков и в прочих маргиналах.

Работа московской организации "Земли и Воли" продлилась несколько месяцев, ограничившись собраниями в подвалах трактира "Крым" и выпуском нескольких рукописных прокламаций. В июле 1862 года Чернышевский был арестован в Петербурге по обвинению в подстрекательстве крестьян к бунту и сотрудничестве с политэмигрантами Герценом и Огаревым. Его немногочисленные сподвижники в Питере также оказались за решеткой либо покинули Россию. Московские "землевольцы" на время оставили конспирацию и переключились на "пропаганду делом" социальных идей "обобществленного труда". Их автором был все тот же неутомимый Чернышевский — благо режим содержания под следствием в Петропавловской крепости не помешал ему в 1862–1864 гг. написать и передать на волю рукопись — известный всем поколениям советских школьников роман "Что делать?".

В полном соответствии с содержанием романа московские студенты и курсистки, среди которых был и Николай Ишутин с товарищами, осенью 1864 года основали в Москве "Общество взаимопомощи" с переплетными мастерскими, где сами работали в свободное от учебы время. Впрочем, именно для учебы его оставалось все меньше, поскольку к концу 1864 года юные революционеры, лишившиеся прежних вожаков, свели знакомство с новыми, еще

более "авторитетными" наставниками — уцелевшими повстанцами-сепаратистами из Польши и Литвы, переселившимися в Москву. К слову, большинство этих "борцов за свободу" были выходцами из местного дворянства-шляхетства. Добиваясь полного суверенитета от России, они в случае победы отнюдь не собирались делиться своей землей с земляками-крестьянами.

Но мелкие нестыковки в политических взглядах не помешали московским и польским заговорщикам совместно устроить побег из тюрьмы уроженца Житомира Ярослава Домбровского. После подавления восстания 1863 года военно-полевой суд приговорил 27-летнего штабс-капитана российской армии Домбровского, изменившего присяге и перешедшего на сторону бунтовщиков, к расстрелу с заменой 15 годами каторги. По дороге в Сибирь Домбровского в ожидании этапа поместили в Московскую пересыльную тюрьму.

"Ад"

1 декабря 1864 года Ярослав Домбровский собрался в тюремную баню, но задержался в предбаннике, где торговки предлагали "арестантикам" калачи и сбитень. Накинув загодя приготовленный женский платок и полушубок, Домбровский вышел в группе торговок мимо осоловевшей от банного тепла и пара охраны за ворота тюрьмы. Там его ждал 19-летний вольнослушатель Московского университета Болеслав Шостакович (родной дед знаменитого советского композитора), который отвел Домбровского на ночлег в трактир "Ад" на Трубной площади.

Следующую ночь беглец провел в комнате, которую Николай Ишутин и Петр Ермолов снимали тогда в доме Ипатова в Трехпрудном переулке. Из Москвы Домбровский благополучно скрылся во Францию, где погиб в 1871 году

в дни Парижской Коммуны, сражаясь на баррикадах во главе местных революционеров.

Участие в побеге Домбровского вдохновило Ишутина и его друзей на новые дерзкие планы. Как вспоминала их тогдашняя коллега по переплетной артели Елена Козлинина, более полувека проработавшая хроникером Московского окружного суда, "…Ишутин был озлобленным человеконенавистником — возможно, по причине своего физического уродства. Его ближайший друг Петр Николаев — типичный хулиган, до последней степени беспринципный. Другие фигуры, окружавшие их, по большей части представляли зеленую молодежь, очень неуравновешенную и до последней возможности распропагандированную…"

В феврале 1865 года Ишутин, оттеснивший от лидерства в "Обществе", объединявшем более 600 студентов и курсисток, его устроителя Петра Свиридова, предложил превратить общество в "Политическую организацию". Участвовать в ее работе согласилось не больше половины членов "Общества". Но неугомонного Ишутина это не смутило — к концу 1865 года он создал в составе "Организации" еще более тайное общество под названием "Ад". Его членами, помимо самого Ишутина, стали его кузен Дмитрий Каракозов (он переехал в Москву из Казани после того, как был отчислен из тамошнего университета и долго лечился от хронических желудочных болезней и алкоголизма), а также их земляки Дмитрий Юрасов и Петр Ермолов.

Неизвестно, как долго длилась бы деятельность "Ада", члены которого с гордостью именовали себя "мортусами" ("смертниками"), если бы 4 апреля 1866 года Каракозов не был задержан в Петербурге сразу после неудачной попытки убийства царя — во время выстрелов его руку случайно оттолкнул оказавшийся поблизости мастеровой О. И. Комиссаров.

При аресте стрелок пытался принять яд, но его тут же вырвало. Поначалу террорист отказался назвать себя, но 7 апреля его опознал содержатель питерской гостиницы "Знаменская". При обыске в гостиничном номере жандармы нашли разорванные конверты, сложив из клочков адреса: "На Большой Бронной дом Полякова, Ишутину" и "Ермолову, Пречистенка".

9 апреля 1866 года земляки и сожители Ишутина Максимилиан Загибалов и Дмитрий Юрасов были арестованы в их съемной комнате доходного дома, принадлежавшем московскому богачу Лазарю Полякову. Самого Николая взяли в ночь с 9 на 10 апреля в переплетной мастерской Общества. Всего до конца апреля в Москве и Санкт-Петербурге по делу о покушении на царя было опрошено 2 тысячи человек. Следователи, действиями которых лично руководил генерал-губернатор Москвы князь В. А. Долгоруков, ежедневно допрашивали по 60–100 человек, работая с 10 утра до часа ночи. В итоге под арестом на время следствия оказалось 196 человек, а на скамью подсудимых в августе 1866 года попали Каракозов, Ишутин и еще 32 их знакомца по "Организации" и "Аду".

Как удалось доподлинно установить следствию и суду, замысел цареубийства возник у Каракозова и Ишутина еще в декабре 1865 года и был внесен ими в так называемый "Устав". Юрасов, Ермолов и Загибалов знали об этом намерении, но не поддерживали его, считая главной задачей "мортусов" укрепление связей с революционными кружками в провинции, со ссыльными поляками и организацию побега с каторги Н. Г. Чернышевского. Впрочем, спорщики были одинаково заинтересованы в изыскании денег на свои замыслы — и даже уговорили одного из членов "Общества", 23-летнего Виктора Федосеева, отравить своего отца, пензенского помещика, чтобы затем употребить его наследство на нужды революции. Правда, заговорщики не

успели реализовать этот замысел, и Ишутин передал яд (стрихнин) добровольно вызвавшемуся на цареубийство и смерть Каракозову.

В обвинительном заключении было указано, что пистолет и пули для покушения на царя Каракозов приобрел в марте 1866 года на рынке в Санкт-Петербурге на деньги, тайно "одолженные" (а попросту украденные) Ишутиным из кассы "Общества взаимопомощи".

Лишь через несколько лет после суда и казни Каракозова ссыльный "ишутинец" Иван Худяков случайно проговорился о том, что еще накануне отъезда из Москвы в феврале 1866 года Каракозов потратил часть денег на покупку двуствольного револьвера, из которого потом стрелял в царя на Трубной площади. Второй револьвер в день покушения находился у испугавшегося стрелять в императора террориста-дублера Петра Ермолова. Сразу после ареста Каракозова он скрылся в Москве, но его роль в замысле цареубийства тогда так и осталась нераскрытой.

Впрочем, Ермолов и другие причастные к деятельности "Ада" понесли суровое наказание. Сам Каракозов, производивший на большинство знавших его людей впечатление ненормального человека, был повешен при большом скоплении народа на Смоленском поле в Санкт-Петербурге 3 сентября 1866 года. Также приговоренный к смерти, но подавший прошение о помиловании Ишутин узнал о "царской милости" — замене смертной казни бессрочной каторгой — уже стоя под петлей на эшафоте. Перенесенное им тогда потрясение повлекло за собой потерю рассудка и долгое угасание в каторжной больнице, откуда его увезли хоронить в 1879 году.

Большинство членов общества "Ад" — те же пензенцы Дмитрий Юрасов, Петр Ермолов, Максимилиан Загибалов, которым в то время было по 20–22 года, — были приговорены к каторжным работам на срок от 12 до 20 лет.

Правда, в 1871 году, после пяти лет пребывания на каторге, все они были переведены на поселение, а в 1884 году получили от царя Александра III полное помилование и разрешение возвратиться на жительство в Россию» *(“Интересная газета. Тайны истории”. 2012. № 22).*

Гринер В. В. Покушение Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 у Летнего сада в Петербурге

Выстрел Д. В. Каракозова

Художник Илья Ефимович Репин присутствовал при повешении Каракозова.

Он писал:

«Первое покушение на жизнь Александра II озадачило всех простых людей до столбняка. Вместе с народною молвою средние обыватели Питера быстро установили, что это дело помещиков — за то, что у них отняли их собственность — тогда с душою и телом — крепостных; вот они и решились извести царя. Интеллигенция, конечно, думала иначе…

"Избавитель" Осип Иванович Комиссаров-Костромской быстро становился героем дня, но у нас он не имел успеха: злые языки говорили, что в толпе, тогда у Летнего сада, этот шапошник был выпивши и его самого страшно

избили, приняв за покусителя. А потом болтали, что в разгаре его славы жена его в магазинах требовала от торговцев больших уступок на товарах ей как "жене спасителя"…

Еще темненько было в роковое утро, на заре, а мы… уже стояли в бесконечной толпе на Большом проспекте Васильевского острова. Вся дорога к Галерной гавани, шпалерами, густо, по обе стороны улицы была полна народом, а посредине дороги быстро бежали непрерывные толпы — все на Смоленское поле. Понемногу продвигались и мы по тротуару к месту казни… Вот и поле, видна и виселица, вдали черным глаголем стоявшая над деревянным эшафотом — простыми подмостками… Уже совсем был белый день, когда вдали заколыхалась без рессор, черная телега со скамеечкой, на которой сидел Каракозов. Только на ширину телеги дорога охранялась полицией, и на этом пространстве ясно было видно, как качался из стороны в сторону на толчках "преступник" на мостовой булыжника. Прикрепленный к дощатой стенке-лавочке, он казался манекеном без движения. Спиной к лошади он сидел, не меняя ничего в своей омертвелой посадке… Вот он приближается, вот проезжает мимо нас. Все шагом — и близко мимо нас. Можно было хорошо рассмотреть лицо и все положение тела. Закаменев, он держался, повернув голову влево. В цвете его лица была характерная особенность одиночного заключения — долго не видавшее воздуха и света, оно было желто-бледное, с сероватым оттенком; волосы его — светлого блондина, — склонные от природы курчавиться, были с серо-пепельным налетом, давно не мытые и свалянные кое-как под фуражкой арестантского покроя, слегка нахлобученной наперед. Длинный, вперед выдающийся нос похож был на нос мертвеца, и глаза, устремленные в одном направлении, — огромные серые глаза, без всякого блеска, каза-

лись также уже по ту сторону жизни: в них нельзя было заметить ни одной живой мысли, ни живого чувства; только крепко сжатые тонкие губы говорили об остатке застывшей энергии решившегося и претерпевшего до конца свою участь. Впечатление в общем от него было особо страшное…

Скоро толпа смолкла. Все взоры приковались к эшафоту. Колесница к нему подъехала. Все наблюдали, как жандармы под руки помогали жертве слезть с телеги и всходить на эшафот. На эшафоте и с нашего места нам никто не мешал видеть, как сняли с него черный армяк с длинным подолом, и он, шатаясь, стоял уже в сером пиджаке и серых брюках. Довольно долго что-то читали начальственные фигуры, со средины подмостков ничего не было слышно. Обратились к "преступнику", и жандармы и еще какие-то служители, сняв с него черную арестантскую фуражку, стали подталкивать его на средину эшафота. Казалось, он не умел ходить или был в столбняке, должно быть у него были связаны руки. Но вот он, освобожденный, истово, по-русски, не торопясь, поклонился на все четыре стороны всему народу. Этот поклон сразу перевернул все это многоголовое поле, оно стало родным и близким этому чуждому, странному существу, на которого сбежалась смотреть толпа, как на чудо. Может быть, только в эту минуту и сам "преступник" живо почувствовал значение момента — прощание навсегда с миром и вселенскую связь с ним.

— И нас прости, Христа ради, — прохлюпал кто-то глухо, почти про себя.

— Матушка, царица небесная, — протянула нараспев баба.

— Конечно, бог будет судить, — сказал мой сосед, торговец по обличью, с дрожью слез в голосе.

— О-о-х! Батюшки!.. — провыла баба.

Дмитрий Каракозов перед казнью. Рисунок И. Е. Репина

Толпа стала глухо гудеть, и послышались даже какие-то выкрики кликуш… Но в это время громко барабаны забили дробь. На "преступника" опять долго не могли надеть сплошного башлыка небеленой холстины, от остроконечной макушки до немного ниже колен. В этом чехле Каракозов уже не держался на ногах. Жандармы и служители, почти на своих руках, подводили его по узкому помосту вверх к табурету, над которым висела петля на блоке от черного глаголя виселицы. На табурете стоял уже подвижной палач: потянулся за петлей и спустил веревку под острый подбородок жертвы. Стоявший у столба другой исполнитель быстро затянул петлю на шее, и в этот же момент, спрыгнувши с табурета, палач ловко выбил подставку из-под ног Каракозова.

Каракозов плавно уже подымался, качаясь на веревке, голова его, перетянутая у шеи, казалась не то кукольной фигуркой, не то черкесом в башлыке. Скоро он начал конвульсивно сгибать ноги — они были в серых брюках. Я отвернулся на толпу и очень был удивлен, что все люди были в зеленом тумане… У меня закружилась голова… Куда идти? Куда деваться?.. Стоило больших усилий, чтобы не разрыдаться…

…Я схватился за Мурашко и чуть не отскочил от его лица — оно было поразительно страшно своим выражением страдания; вдруг он мне показался вторым Каракозовым. Боже! Его глаза, только нос был короче.

Но тут некогда было наблюдать или предаваться плачевным подступам… С горы, с боков толпа почти кувырком с насыпи посыпалась на землю; мальчишки даже с гиком подымали удушливую пыль. А внизу многоголовым морем уже гудела и бурлила обратно на дорогу освобожденная толпа. Кошмар проснулся…

В одно прекрасное сентябрьское утро солнце светило так ярко и было так необычно тепло, что я даже растворил окно. На сердце стало веселее. Впечатление от виденной казни стало мало-помалу сглаживаться; прошло, кажется, уже более недели. Было часов восемь, не более. Вдруг растворилась, как всегда у нас, без предварительного стука, сразу наотмашь вся дверь, и явился Мурашко. Он жил в доме Кочубея у Красного моста; следовательно, раненько встал: мы всегда ходили пешком — в Лесной и на Лахту.

— Ну що як ты оце? Я, брат, все ще нияк не можу собрать своих помороков… Пидем гулять на Гаваньске поле. Бери альбомчика, або-що; може помалюемо, або порисуемо що-небудь.

Не теряя времени, мы вышли. Присутствие Мурашко опять вызвало все впечатление казни, и мы, идя по Большому проспекту Васильевского острова, начали вспоминать все

подробности казни и слухи об арестах — везде арестовывалась молодежь.

Опять было готово зеленеть в глазах, и мы вспомнили, как ничего не могли есть в кухмистерской, несмотря на то, что чуть не с пяти часов утра, не пивши, не евши, выскочили тогда на Большой проспект. Особенно заботливо, до нежности, нас утешал за это время наш молодой друг, наш милый учитель А. В. Прахов. Еще будучи тогда студентом-филологом, он прочел нам очень убедительную лекцию о том, что смертная казнь — преступная мера, остаток бесправного варварства. Если общество организовалось для защиты своих членов от всяких несправедливостей и опасностей, если оно имеет назначение исправлять их преступность, тогда где же логика? Член совершил самое возмутительное преступление: он посягнул на жизнь человека — словом, совершил самое ужаснейшее противочеловеческое преступление; и вот общество, вместо того чтобы довести этого несчастного члена до раскаяния в своей преступности, помочь ему одуматься, исправиться одиночеством, чтобы всю жизнь он сокрушался о своем непростительном грехе, это самое общество, вместо такого полезного дела. совершает само тоже самое непростительное преступление. При этом, имея власть и силы, оно — уже холодно, со всею помпою, напоказ всем опекаемым гражданам — лишает заблудившегося брата жизни. Разве можно помириться с мыслью, что в этом его высшее назначение, и ясно, если оно убивает беззащитного, нуждающегося в исправлении, да уже и раскаявшегося своего члена, то для кого же оно существует? Значит, по логике, и само оно достойно уничтожения, так как оно, совершая самое страшное преступление, приучает к посягательству на человеческую личность весь народ, все общество. Само нарушает самый главный принцип жизни и общежития.

В воспоминаниях об этих ясных доводах лекции нашего милого Адриана Викторовича, которого мы все обожали, мы дошли до Смоленского поля. Вот те же квадратные насыпи, вот на этой мы стояли; как испортили тогда ровные края ее, так и стоит она. Эшафот снесли: едва можно догадаться, где были вкопаны столбы и где стояла виселица.

Мы подошли к месту и окидывали отсюда все пространство, все четырехугольники насыпей. Какая разница! Как люди украшают жизнь: "На миру и смерть красна". Теперь было все пусто и скучно, а тогда даже ужас ожидания смерти человека все же давал месту какое-то нестрашное торжество. До чего это все было покрыто черной толпой, как она кишела муравейником и быстро расползалась, когда было совершено убийство всенародно…

Мы взяли правее, мимо гавани, чтобы выйти к морю. Пришлось часто перепрыгивать через водяные ямки и канавки между возвышений, покрытых мохом. Наконец пришли к довольно широкому ручью, пришлось скинуть ботинки, чтобы перейти его. Мы добрели до поля Голодай.

— Знаешь, — сказал Мурашко, — ось тут десь могила Каракозова, та мабуть ниякой могилы и нема, а так ровнисеньке місто.

Действительно, вправо мы заметили несколько выбитое местечко и кое-где следы зарытых ям, совсем еще свежие.

— Эге, ось, ось, бач. Тут же хоронят и самоубийц — удавленников.

Одно место отличалось особенной свежестью закопанной могилы, и мы, не сговорившись, решили, что здесь зарыт Каракозов… Постояли в раздумье и уже хотели идти дальше. Вдруг видим: к нам бежит впопыхах толстая, красная рожа с короткими усами вперед, вроде Муравьева. Мы заметили только теперь, что вдали

стоит сторожка-хибарка; из нее-то без шапки, в одной рубашке спешила к нам толстая морда.

— Стойте! — закричала она. — Вы что за люди? Зачем вы сюда пришли?

— А что? Мы просто гуляем, — отвечали мы.

— Вот нашли гулянье. Вы знаете, что это за место? Вы на чьей могиле стояли? Ну-ка?

— Ни, не знаем, а чья се могила? — сказал невозмутимо Мурашко.

— А, не знаете! Вот я вам покажу, чья могила. Идите со мною в участок: там вам скажут, чья это могила.

Он указал нам по направлению к хибарке; зашел туда, надел мундир полицейского, кепи того же ведомства и повелительно указал идти вперед в Васильевскую часть. И в части, держа нас впереди себя, сейчас же что-то пошептал сидящему за столом, с красным воротником и ясными пуговицами, чиновнику. До нас долетело только "на самом месте, на самом месте". Тот пошел в другую камеру, и скоро оттуда быстро зашагал на нас большого роста, с длинными усами участковый, с погонами, поджарого склада. Еще издали его оловянные глаза пожирали нас.

— Вы что за люди?

— Ученики Академии художеств, — отвечали мы почти вместе.

— Зачем вы были на Голодаевом поле? — грозно допрашивал он нас. — Да мы с альбомчиком ходим по окрестностям часто, в разных местах рисуем, что понравится.

— Удивительно: болото… Что там рисовать?

— И в болоте может быть своя прелесть, — говорю я. Он круто повернулся.

— Наведите справки, — сказал он чиновнику.

Тот после опроса и записи велел вести нас дальше куда-то. Форменный городовой, вооруженный и с книгой, повел

нас в другой участок. Здесь, в камере, в большом зеркале я увидел себя и страшно удивился: лицо мое было желто и имело безнадежно-убитое выражение.

Нас подвели к столу, за которым сидел чиновник, маленький, с рыжими усами, в очках. Он прищурился на меня с улыбочкой и тихим голоском, не предвидящим возражений, внушительно прогипнотизировал: "Могилу Каракозова захотелось посмотреть?.." — и что-то стал записывать.

— Илля, так чого ж ти оце такий, — аж страшно дивиться на тебе; хиба ж мы що? Та ты оправсь, — шепнул мне Мурашко.

После всех записей городовой с книгой повел нас к Академии художеств; по случаю праздничного дня занятий не было, и нас для удостоверения привели к постоянному надзирателю Павлу Алексеевичу Черкасову. Тот сейчас же принял нашу сторону, расспросил нас, что-то отписал в участок и объявил нам, что мы свободны.

Мы облегченно вздохнули и пошли ко мне. И, только перевалив в комнату, почувствовали страшную усталость и голод. Мурашко сейчас же растянулся на полу, а я на свою кровать, и заказали самовар, калачей и сливок. Но пока его готовили и принесли все к столу, мы лежали как убитые и молчали.

— Ого, Илля, ото дурни, а подивись, що у меня в кишені.

Он вынул из кармана толстую кипу фотографических карточек. Тут были все политические преступники: и Костюшко, и много польских повстанцев, и Чернышевский, и наши другие сосланные и казненные освобожденцы.

— Ну, я вже тобі признаюсь. Оце я задумал в крепость попасть: як бы мене стали обыскивать, то посадили б… ейбо… Та мині тебе жаль стало. Боже, який ти жалкий зробивсь, бидняга Илля. Ах, Илля, Илля… Ну, давай чай пить.

После мы рассуждали на божественную тему недавно прочитанного нам реферата Адрианом Викторовичем Праховым — о недопустимости смертной казни. Ведь какой это был романтик, полный бескорыстия и серьезных вопросов юноша!.. Мы его обожали и удивлялись его чистоте и скромности…

— Ну и Адриан же оцей!.. — говорил растроганный Мурашко. — Полюбить його яка-небудь дивчинка… — кончал он со вздохом, полным любви…

Адриан Викторович перевел для нас с немецкого огромную статью Мунте, который изучал много лет в Индии буддизм и всю эпоху Сакия-Муни. Особенно нас поразило, что легенды о рождестве и детстве Будды были так близки к христианским сказаниям: благовещение, поклонение волхвов и пр. Разница только в обстановке детства: у Будды была царственная роскошь и пресыщение жизнью, а у Христа — обстановка рабочего-плотника.

В то время в народе во всех слоях, на разные лады, постоянно разговаривали об этом событии; но все сходились на том, что убийство царя — дело дворян. Они мстили ему за то, что он отнял у них крепостных.

В 1866 году я ехал из Питера в Чугуев. Железная дорога возила уже до самого Харькова. А из Харькова до Чугуева, я знал, можно проехать дешево: стоит выйти на Конную площадь и там спросить, нет ли кого чугуевцев.

Нашелся только один мальчик, лет шестнадцати, и тот был не из Чугуева, а из Большой Бабки; но он взялся довезти меня до Чугуева (Большая Бабка недалеко оттуда).

На дороге, под Роганью, на нас обрушилась такая гроза с проливным дождем, что в степи единственное укрытие оказалось — забраться под телегу.

В этом тесном помещении мы сблизились настолько нос к носу, что это вызывало нас невольно на близкие отношения и на откровенную беседу. Когда раскаты грома

над самой нашей головой утихли и ядреные капли дождя перестали барабанить и пробивать насквозь, во все щели, наше узкое убежище, до того низкое, что мы почти лежали согнувшись, мальчик неторопливою деревенскою повадкою спросил меня:

— А ты откуда сам?

— Из Питера, — отвечал я. Он взглянул на меня пошире, смерил всего, примолк.

— А ты царя там видел?

— Видел, — отвечал я, — на набережной раз встретил.

— А ты слыхал, что в него стреляли? — спросил он тихо.

— А как же, — отвечал я, — это всем известно и в газетах писали… Он заскучал слегка при слове о газетах и продолжал:

— А вот я тебе расскажу про жандара, царского телохранителя. Это не то что помещики стреляли в отместку за крепостных своих, батраков. А это вот как было: царский телохранитель, стало быть жандар, караулил, когда царь спит, — никого к нему, значит, не пускать. Вот стоит раз над ним и думает: а семка я убью царя. Подходит ближе. Царь крепко спит. Жандар навел пистолет, потянул курок — щелк: осечка. Он взвел опять курок, опять потянул и в другой: осечка. Он в третий раз: вот и в третий раз осечка… Тогда жандар толк-толк царя за плечо. "Проснись, говорит, царь. Вот видишь, — показывает ему, — пистолет, прикажи меня казнить: я, говорит, хотел тебя убить… Да осечка вышла. Бог не велел". Да что же ты думаешь?

Мальчик как-то вырос, поднялся, насколько позволяла телега, повел кругом торжествующим взглядом и промолвил со слезами во взоре:

— Ведь царь-то его простил…» *(И. Е. Репин. Далекое близкое» (Казнь Каракозова (1866 г.)).*

Царь — Александр Николаевич — пережил еще восемь покушений террористов на его жизнь и в конечном итоге погиб от их рук.

Каракозов был первым из них…

И мы возвращаемся к словам, с которых и начали первый свой очерк о масонских заговорах «Царское семя»: «В одном из исследований по истории масонства в России читаем: ***«Масоны-аристократы к концу 70-х годов*** *(XIX века — С. В.)* ***качнулись резко вправо, включившись в дотоле неизвестное в России движение и создав тайную, глубоко законспирированную антиреволюционную организацию "Священная дружина", передавая туда весь свой опыт работы в подполье. Изверившись в способности жандармов и полиции уничтожить радикалов и левых террористов законным путем, члены "Священной дружины" объявили радикалам войну вплоть до террора. На руководящих постах в "Дружине" было много потомственных масонов — "от дедов". Так, ее ЦК возглавлял граф Воронцов-Дашков, петербургский совет — Шувалов, а московский — князь Долгорукий.***

Эти люди были весьма недовольны и либеральной политикой царя Александра II, освободившего крестьян, давшего много прав либералам из земств и ограничившего судебный произвол, введя суд присяжных. Пик недовольства царем пришелся на начало весны 1881 г., когда Александр II решил опубликовать конституцию, вводившую в стране конституционно-монархический строй. К убийству царя стремились и левые радикалы из "Народной воли", и махровые реакционеры из "Священной дружины".

Странно и таинственно совместились вдруг интересы и правых, и левых, еще недавно совместно работавших в масонском подполье. 1 марта 1881 г. Исполком "Народной воли" бросает лучшую группу на убийство

царя-освободителя, первого и единственного царя-либерала на российском престоле, а кто-то услужливо убирает охрану — эскорт царя и настойчиво советует ему ехать на развод гвардейцев в Манеже. На обратном пути царь будет убит. Много таинственного и непонятного в этом убийстве. Полиция имела обширную информацию о подготовке покушения как от уже арестованных народовольцев, так и от провокаторов Окладского и Дегаева. Последний — бывший офицер и, по некоторым данным, масон — был членом Исполкома "Народной воли". Тем не менее, массовые аресты полиция начала только после покушения».

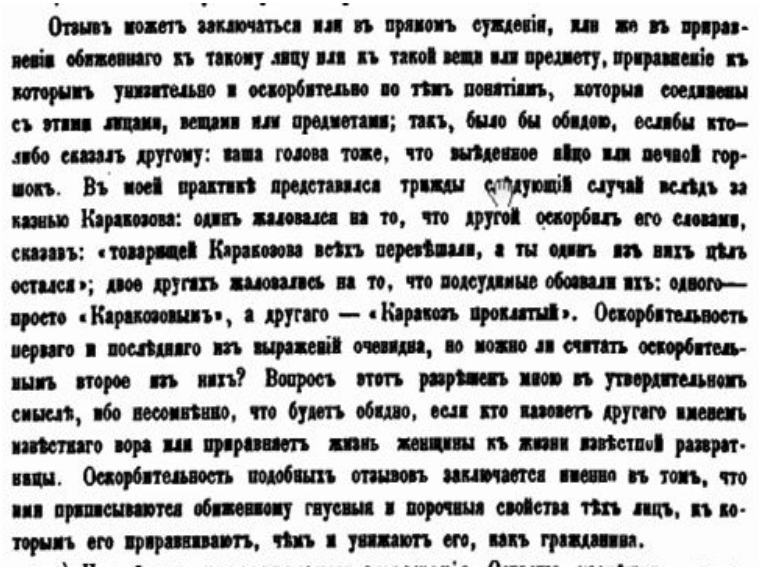
То есть появление Каракозова с Ишутиным — было одним из этих звеньев.

Продолжая тему предков и потомков, которую обозначил князь П. В. Долгоруков, мы приходим к выводу, что не все так однозначно происходит в жизни, как считал князь, который говорил о том, что потомки не несут (или не должны нести) ответственности за грехи своих предков, но вправе купаться в их славе — или хотя бы гордиться ею.

Вот пример того, что происходило с Каракозовыми сразу после покушения на царя.

После того, как 4 апреля 1866 года дворянин Сердобского уезда Саратовской губернии ДМИТРИЙ КАРАКОЗОВ стрелял в императора Александра II, первым в российской истории заслужив прозвище «цареубийца», дворянский род Каракозовых как бы перестал существовать. Сама фамилия в глазах общества превратилась в худшее из оскорблений.

Вот цитата из книги русского юриста Н. А. Неклюдова «Руководство для мировых судей», т. 2, изданной в 1869 г. (Столетием ранее Неклюдовы и Каракозовы владели соседними имениями в Саратовской и Пензенской губерниях, вместе строили церкви и вступали между собой в брак).

Отзывъ можетъ заключаться или въ прямомъ сужденіи, или же въ приравненіи обиженнаго къ такому лицу или къ такой вещи или предмету, приравненіе къ которымъ унизительно и оскорбительно по тѣмъ понятіямъ, которыя соединены съ этими лицами, вещами или предметами; такъ, было бы обидно, еслибы кто-либо сказалъ другому: наша голова тоже, что выѣденное яйцо или печной горшокъ. Въ моей практикѣ представлялся трижды слѣдующій случай вслѣдъ за казнью Каракозова: одинъ жаловался на то, что другой оскорбилъ его словами, сказавъ: «товарищей Каракозова всѣхъ перевѣшали, а ты одинъ изъ нихъ цѣлъ остался»; двое другихъ жаловались на то, что подсудимые обозвали ихъ: одного— просто «Каракозовымъ», а другаго — «Каракозъ проклятый». Оскорбительность перваго и послѣдняго изъ выраженій очевидна, но можно ли считать оскорбительнымъ второе изъ нихъ? Вопросъ этотъ разрѣшенъ мною въ утвердительномъ смыслѣ, ибо несомнѣнно, что будетъ обидно, если кто назоветъ другаго именемъ извѣстнаго вора или приравняетъ жизнь женщины къ жизни извѣстной развратницы. Оскорбительность подобныхъ отзывовъ заключается именно въ томъ, что имъ приписываются обиженному гнусныя и порочныя свойства тѣхъ лицъ, къ которымъ его приравниваютъ, чѣмъ и унижаютъ его, какъ гражданина.

А вот выдержка из книги «Народники Пензенского края»:

«Сторонники реакции, раболепствуя перед правительством, требовали уничтожения фамилии Каракозовых. Особенно усердствовало сердобское дворянство, “воюющее против всей семьи Каракозовых, даже против их имени”».

Если даже братья и сестры Каракозова сменили свою фамилию на Владимировы, что говорить о другой его родне.

Уездный предводитель дворянства Аткарского уезда Михаил Михайлович Каракозов получил высочайшее разрешение на смену фамилии.

Имение Каракозовых в Аткарском уезде — село КАРАКОЗОВКА — на картах и в справочниках стало именоваться исключительно своим вторым названием — НОВО-НИКОЛЬСКОЕ.

Примѣчаніе: Михаилъ Михайловичъ Каракозовъ, съ 1861 года состоялъ кандидатомъ Аткарскаго уѣзднаго предводителя дворянства Н. В. Лихачева, и въ 1862 и 63 годахъ правилъ его должность, бывъ потому предсѣдателемъ Съѣзда мировыхъ посредниковъ. 4 апрѣля 1866 г. дальній его родственникъ Сердобскаго уѣзда Каракозовъ посягнулъ на жизнь Государя Александра II, вслѣдствіи чего, согласно прошенію Михаила Михайловича, ему ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшено перемѣнить фамилію и называться Михайловымъ-Рославлевымъ (фамилія его матери Рославлева). Въ 1866 году М. М. избранъ былъ губернскимъ земскимъ собраніемъ въ предсѣдатели Саратовской губернской земской управы, а съ 1870 года по 23 сентября 1873 года былъ Саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Произведенъ въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ Турецкую войну 1877 года онъ поступилъ волонтеромъ въ дѣйствующую армію штабсъ-капитаномъ въ Эриванскій гренадерскій полкъ въ Малую Азію и палъ въ бою подъ Авліаромъ геройской смертью, сраженный двумя пулями.

Как следствие — фамилии Каракозов нет в родословных справочниках русского дворянства, которые издавались в конце XIX — начале XX веков.

Петр Александрович Степанов, сын первого Енисейского губернатора, отец Филиппа Петровича Степанова

Но мы, собственно, сейчас не об этом — а о том, как, возможно, события, связанные с Каракозовыми, могли повлиять и на другую их родню — Степановых: так потомок крупнейших российских масонов Степановых, **Филипп Петрович Степанов** (1857–1933), внук Александра Петровича, прокурор Московской Синодальной Конторы, камергер, действительный статский советник, в 1897 году впервые в России издал «Протоколы сионских мудрецов», раскрывающих истинную стратегию и тактику масонов.

«Историки довольно точно проследили судьбу рукописи на ее пути от фабрикантов к читателю. Первым звеном в этой цепочке стала Юлиана Дмитриевна Глинка (1844–1918 годы). Дочь русского посланника в Лиссабоне, фрейлина императрицы, поклонница Блаватской, она любила посещать в Париже салон Жюльетт Адам и, может быть, была сотрудницей Рачковского. Вот она-то и призналась, что при весьма необычных обстоятельствах завладела некоей странной рукописью…

Как-то раз ей довелось нанести визит знакомому еврею по фамилии Шапиро. Был уже поздний час. Неожиданно ей бросилась в глаза рукопись, написанная по-французски. Любопытная дама пролистала ее и, поняв, что имеет дело с чем-то в высшей степени секретным, стала немедля переводить на русский язык. В ту ночь она так и не покинула дом Шапиро, проведя время с пером, чернилами и бумагой. Эта трудолюбивая дама к утру следующего дня смогла перевести весь понравившийся ей трактат, опрометчиво оставленный гостеприимным хозяином. В конце концов она покинула дом Шапиро, унося тайком (в ридикюле? корсете? панталонах?) рукопись "Протоколов сионских мудрецов". Очевидно, эти события разыгрались в самую длинную ночь в году — на подобную мысль наводит объем брошюры (больше 80 страниц) — и в руках госпожи Глинки был самый большой ридикюль на свете (умолчим о других версиях).

Вернувшись в Россию, дама поделилась своей добычей с жившим поблизости майором в отставке Алексеем Николаевичем Сухотиным. Она убеждала, что рукопись "добыта из тайных хранилищ главной сионской канцелярии". Сухотин немедля вручил ее своему соседу по имению — правительственному чиновнику Филиппу Петровичу Степанову. "Он сказал, что одна его знакомая дама (он не назвал мне ее), проживавшая в Париже, нашла их у своего приятеля (кажется, из евреев) и, перед тем как покинуть Париж, тайно от него перевела их и привезла этот перевод, в одном экземпляре, в Россию и передала этот экземпляр", — вспоминал впоследствии Степанов.

***Не подозревавший подвоха чиновник был первым распространителем этой рукописи. Он озаглавил ее "Порабощение мира евреями" и отпечатал 100 экземпляров на гектографе. Чтения этих листков были удостоены видные сановники, министры и даже члены дома Романовых — великий князь Сергей Александрович, дядя императора, и его супруга Елизавета Федоровна, сестра императрицы. Многие из читавших рукопись заподозрили тут интриги охранного отделения и поспешили держаться подальше от скандального памфлета. Но великий князь Сергей Александрович и его супруга были убеждены в подлинности приведенных откровений. Дядя ознакомил с "Порабощением мира" своего племянника — императора Николая II — и его жену Александру Федоровну. Вначале царь был поражен прочитанным: "Какая глубина мысли!" Но, узнав от своих министров, какого происхождения эта рукопись, он пришел в ужас. В своем дневнике он написал, что решил отказаться от какой-либо поддержки этого сочинения: "Нельзя чистое дело защищать грязными способами"»** *(Протоколы сионских мудрецов — миф или реальность? http://shtorm777.ru/protokoly-sionskix-mudrecov-neveroyatnaya-pravda.html).*

Михаэль Хагемейстер

В ПОИСКАХ СВИДЕТЕЛЬСТВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ПРОТОКОЛОВ СИОНСКИХ МУДРЕЦОВ»: ИЗДАНИЕ, ИСЧЕЗНУВШЕЕ ИЗ ЛЕНИНСКОЙ БИБЛИОТЕКИ

1

В апреле 1927 года Филипп Петрович Степанов, русский эмигрант, проживавший в Югославии, написал следующее заявление:

В 1895 году мой сосед по имению Тульской губ. отставной майор Алексей Николаевич Сухотин передал мне рукописный экземпляр «Протоколов Сионских Мудрецов». Он мне сказал, что одна его знакомая дама (не назвал мне ее), проживавшая в Париже, нашла их у своего приятеля (кажется из евреев), и, перед тем, чтобы покинуть Париж, тайно от него перевела их, и привезла этот перевод, в одном экземпляре, в Россию и передала этот экземпляр ему — Сухотину.

Я сначала отпечатал его в ста экземплярах на хектографе [sic], но это издание оказалось трудно чтимым, и я решил напечатать его в какой-нибудь типографии, без указания времени, города и типографии; сделать это мне помог Аркадий Ипполитович Келлеповский [sic], состоявший тогда чиновником особых поручений при В.[еликом] К.[нязе] Сергее Александровиче; он дал их напечатать Губернской Типографии; это было в 1897 году. С. А. Нилус перепечатал эти протоколы полностью в своем сочинении, со своими комментариями.

Филипп Петрович Степанов, бывший прокурор Московской Синодальной Конторы, камергер, действ.[ительный] статск.[ий] Советник, а во время этого издания — начальник участка службы пути (в г. Орле) Московско-Курской жел.[езной] дор.[оги].

Ниже имеется приписка другой рукой:

Подпись руки члена колонии русских беженцев Старого и Нового Футога (Кор. С. Х. С.) сим удостоверяю. Старый Футог 17 Апреля 1927 года. Председатель Правления колонии Князь Владимир Голицын.

Заявление Степанова является одним из важнейших документов по истории создания «Протоколов сионских мудрецов» (далее — ПСМ). В нем впервые были приведены сведения о первом (насколько нам удалось установить) печатании сочинения, ранее якобы существовавшего только в рукописи. Названы не только время, способ и обстоятельства тиражирования текста, но и участвовавшие в этом событии лица. Неудивительно поэтому, что свидетельство Степанова постоянно цитируется и обсуждается как в апологетической, так и в критической литературе о ПСМ.

Заявление Степанова опубликовала в 1931 году Лесли Фрай (Leslie Fry), американская антисемитка, предпринявшая расследование о судьбе ПСМ (отчасти при финансовой поддержке Генри Форда) и собравшая множество различных свидетельств, доказывавших, по ее мнению, подлинность этого текста. Результаты ее разысканий, проводившихся в основном в кругах русских эмигрантов, были представлены в книге «Waters Flowing Eastward», первое издание которой вышло в 1931 году в Париже *(в том же году появился французский перевод — «Le retour des flots vers l'Orient. Le Juif notre maître»)****. Произведение это имело большой успех, выдержало множество переизданий и стало одним из канонических текстов для сторонников теории заговора и адептов ПСМ.***

Фрай, по-видимому, была хорошо информирована. Так, она не только дословно цитирует заявление Степанова, но и публикует его факсимильное воспроизведение. Упомянутую даму Фрай идентифицировала как Юстинью

Глинку (1836–1918?), орловскую помещицу. Фрай считала, что Глинка получила ПСМ в 1884 году в Париже при посредничестве еврея Жосефа Шорста и привезла их в Россию, где они впоследствии при содействии Алексея Сухотина попали к Филиппу Степанову и Сергею Нилусу. О Сергее Нилусе (1862–1929), самом известном издателе и комментаторе ПСМ, Фрай также была неплохо осведомлена. Она первой опубликовала фотографию Нилуса, дала точные сведения о последних годах его жизни, а также времени и месте его кончины.

Степанов Филипп Петрович

Филипп Петрович Степанов (1857–1933), без сомнения, был одним из самых компетентных свидетелей всех событий, связанных с ПСМ. Представитель радикальных правых, в России он имел широкий круг контактов в реакционных кругах и был лично знаком со многими людьми, имена которых постоянно всплывают вокруг ПСМ. С Сергеем Нилусом и его женой Еленой Александровной (урожд. Озеровой, 1854–1938) Степанов был даже связан родственными узами [(Сестра Степанова, Екатерина Петровна (1859 ?), была женой брата Елены Озеровой Давида Александровича (1856–1916)].

Степанов Михаил Петрович

Брат Филиппа Степанова, Михаил Петрович (1853–1917), адъютант великого князя Сергея Александровича, был доверенным лицом не только самого великого князя, но и его супруги Елизаветы Федоровны. Должно быть, именно он и познакомил Нилуса и Озерову. После революции Филипп Степанов жил в Югославии (он умер в январе 1933 года в Белграде), а его дочь Марина Филипповна (1887—?) осталась в Москве и в 1920-е годы поддерживала тесные контакты с супругами Нилус.

Упомянутый Степановым Алексей Николаевич Сухотин (1848–1903), майор в отставке, с 1898 года — предводитель дворянства Чернского уезда Тульской губернии, а в 1903 году вице-губернатор Ставропольской губернии, также является одной из центральных фигур в истории ПСМ. В издании ПСМ 1917 года Нилус сообщает, что в 1901 году получил от Сухотина рукопись под названием «Протоколы собраний сионских мудрецов», а Сухотину она досталась от одной чернской помещицы, «постоянно проживавшей за границей» и получившей рукопись «каким-то весьма таинственным путем (едва ли не похищением)».

Заявление Степанова и данные Нилуса, как кажется, подтверждают друг друга. Если утверждения Степанова верны, то ПСМ существовали на русском языке уже в 1895 году. В этом случае не стоит связывать их возникновение ни с Первым сионистским конгрессом 1897 года, ни с последующими конгрессами. Среди современных исследователей достоверность свидетельств Степанова наиболее последовательно опровергает прежде всего Чезаре Дж. Де Микелис, поскольку эти свидетельства противоречат его концепции, согласно которой ПСМ были созданы по-русски между апрелем 1902-го и августом 1903 года, представляют собой своего рода пародию на «Еврейское государство» Т. Герцля, и их

появление было связано с Пятым сионистским конгрессом 1901 года. Де Микелис утверждает, что, если допустить существование печатной русской версии до начала нового века, невозможно будет объяснить, почему Нилус получил ее от Сухотина в 1901 году в рукописном виде, а другой издатель ПСМ, Георгий Бутми, утверждает, что «перевод с французского» был сделан 9 декабря 1901 года. Наконец, согласно Де Микелису, заявление Степанова противоречит свидетельству известного журналиста Михаила Меньшикова (1859–1918), который впервые говорит о ПСМ в апреле 1902 года как о «довольно толстой рукописи», несколько списков которой циркулировали в Петербурге. Печатного издания Меньшиков, напротив, не упоминает, поскольку (как полагает Де Микелис) на тот момент его еще не существовало. Еврейский адвокат Генрих Слиозберг (1863–1937) также пишет в своих воспоминаниях, что в 1899 году, еще до того, как ПСМ были напечатаны, они «ходили по рукам» в Петербурге.

Действительно, не найдено ни одного экземпляра ПСМ из тех, что были, по свидетельству Степанова, напечатаны им анонимно в 1897 году. Напротив, время от времени встречаются упоминания об изданиях ПСМ, изготовленных не типографским, а гектографическим или литографическим способом. Лев Тихомиров, ультраправославный монархист и издатель «Московских ведомостей», в январе 1911 года записывает: «Самый документ** [имеются в виду ПСМ. — М. Х.] **известен давно. Он появился, в качестве перевода с французского, лет десять тому назад, сначала просто рукописью, затем был издан литографски, затем имел два, если не ошибаемся, печатных издания». На самом деле к тому времени существовало уже более полудюжины печатных изданий ПСМ. Однако что значит само выражение «издан литографски»? Идет

ли речь здесь о тех же событиях, что описаны Степановым?

… В течение 1936 года Йонак фон Фрейенвальд совершил несколько поездок по Польше, Югославии и Франции для сбора материалов и доказательств. Под Познанью он встретился с Сергеем Сергеевичем Нилусом (1883–1941), сыном издателя ПСМ, который теперь работал управляющим одним из имений. В нотариально заверенном заявлении С. С. Нилус подтвердил, что был свидетелем того, как Алексей Сухотин в июне 1901 года передал рукопись ПСМ его отцу в усадьбе Грачевка Орловской губернии. По его словам, Сухотин признал, что получил рукопись от вдовы одного помещика, обнаружившей ее в письменном столе своего супруга после его смерти. Рукопись была написана по-французски, и С. А. Нилус перевел ее на русский язык для дальнейшей публикации.

В Белграде Йонак фон Фрейенвальд встречался с графом Илларионом Сергеевичем Ланским (1894–1984), поддерживавшим многочисленные контакты в правых и антисемитских кругах русской эмиграции. Ланской был знаком с Филиппом Степановым и дружен с князем Владимиром Владимировичем Голицыным (1887—?), заверившим заявление Степанова в 1927 году. 13 ноября 1934 года Владимир Голицын отдал Ланскому собственное заявление, в котором в основном (хотя и с некоторыми расхождениями) подтвердил все то, что рассказал ему в 1927 году Степанов.

Если верить Голицыну, Алексей Сухотин получил рукопись ПСМ в 1897 году от одной дамы, имя которой он не хотел называть. Рукопись состояла из множества листов и, как он полагал, была привезена из-за границы. По стилю текст был похож скорее на перевод. Сухотин передал рукопись для распространения своему другу Степанову, напечатавшему ее «на правах рукописи»

тиражом несколько сотен экземпляров около 1897 или 1898 года с помощью своего друга Аркадия Келеповского в типографии московского генерал-губернатора. Оригинальную рукопись, а также тираж брошюры Степанов хранил в собственной квартире, один экземпляр брошюры он передал Нилусу, который впоследствии напечатал ее переработанный текст в своей книге 1905 года «Великое в малом». По версии Голицына, противоречащей здесь показаниям Степанова, русскоязычная рукопись попала к Сухотину только в 1897 году. Кроме того, Голицын ничего не говорит о размножении текста ПСМ «на хектографе». Зато мы узнаем, что в 1897 или 1898 году в Москве было напечатано несколько сот экземпляров ПСМ, один из которых Степанов передал Нилусу.

Йонак фон Фрейенвальд разыскал также и князя Голицына, но узнал от него только лишь, что Степанов напечатал брошюру тиражом 200 экземпляров в голубой обложке. С сожалением Йонак замечает, что не смог обнаружить ни одного экземпляра — ни гектографического, ни печатного издания. Супруга Голицына, Вера Филипповна (1885–1954) — дочь Филиппа Степанова (и юношеская любовь Сергея Сергеевича Нилуса), передала Йонаку написанное по-французски письмо, в котором она дословно повторила все то, что ее муж заявил Ланскому 13 ноября 1934 года. Ту же версию Вера Филипповна ранее изложила в письме Николаю Жевахову, еще одному стороннику подлинности ПСМ, который рассказал об этом в свой книге о Нилусе. Здесь, правда, говорилось, что Степанов отдал Нилусу не напечатанную им самим брошюру, а оставленную Сухотиным рукопись на русском языке.

При посредничестве Ланского Йонаку удалось наконец добраться до кузины Алексея Сухотина, Антонии Порфирьевны Маньковской, вдовы адмирала Николая Степановича Маньковского, жившей в Сербии на курорте

Врнячка-Баня. Там 13 декабря 1936 года она рассказала ему под протокол:

Около 1895 года я гостила у своего кузена А[лексея] Н[иколаевича] Сухотина в его поместье Медвежки (станция Чернь) и видела, как рукопись «Протоколов» была переписана его сестрой Верой Николаевной Сухотиной и Ольгой Федоровной Лотиной, урожденной Вишневецкой, моей племянницей. Вера умерла в 1920 году, госпожа Лотина живет теперь в Париже, как и ее сын Василий. Мне также известно, что Филипп Степанов напечатал «Протоколы». Мы часто говорили об этом в России.

Поскольку Вера Сухотина уже в 1920 году умерла в Ростове, Йонак фон Фрейенвальд занялся поисками Ольги Лотиной. Однако почти сразу выяснилось, что у нее случилось «помрачение рассудка», поэтому она живет в лечебнице для умалишенных в Париже и, следовательно, не может давать показания.

Однако обнаружились два других свидетеля, заявивших, что помнят более ранние высказывания Лотиной о происхождении ПСМ. По их словам, в 1897 году близкая родственница Лотиной, скорее всего кузина, и некий полицейский агент-осведомитель вместе напали на одного из возвращавшихся с Первого сионистского конгресса его участников, вероятно, Наума Соколова, оглушили его, похитили бывшие при нем ПСМ и тайно переписали их стенографическим способом. Дальнейшие исследования Ланского показали, что «близкой родственницей» Лотиной могла быть Вера Николаевна Сухотина. Она проживала со своим братом Алексеем Николаевичем в усадьбе Медвежки Тульской губернии, известном месте встреч реакционных политиков и чиновников. Сухотина родилась в 1854 году, во время первого Базельского конгресса ей было 43 года. Ее описывают как патриотку, с интересом к политике и довольно эксцентричным характером;

как полагал Ланской, поэтому ей вполне могли доверить акцию секретной службы.

Итак, подведем промежуточный итог. Три свидетеля (Степанов, Голицын, Маньковская), приходящиеся друг другу родственниками, согласованно заявляют, что в 1895 (или 1897) году в собственности Александра Сухотина находилась написанная по-русски рукопись ПСМ, причем свидетели склонны считать ее переводом. По этой рукописи — в этом свидетели также согласны — Филипп Степанов в 1897 или 1898 году сделал печатное издание. Данные расходятся только по вопросу, кто и в каком виде передал ПСМ Нилусу. Называются имена то Сухотина (Нилус и его сын), то Степанова (Голицыны) (Николай Степанов также заверил в письме в «Welt-Dienst», что Нилусу передал ПСМ именно его отец (в какой редакции — не указано). Нилус прикрывался именем умершего Сухотина, только чтобы защитить Филиппа Степанова. Сын Нилуса затем поддержал эту версию. См.: Степанов — Детлоффу (он же Николай Марков), 15 июня 1936 года // WC/BT 17/21.); речь идет то о рукописи (Нилус и его сын, Голицына по свидетельству Жевахова), то о брошюре, напечатанной Степановым (Голицын, Голицына). Возможно даже предположить, что Нилус получил рукопись от Сухотина, а печатное издание от Степанова. В любом случае похоже, что не позднее 1901 года он стал обладателем этого текста.

Версия, согласно которой русский перевод французского текста ПСМ существовал уже к середине 1890-х годов, подтверждается еще одним, независимым свидетелем. 9 декабря 1934 года русский католический священник византийского обряда и художник Глеб Верховский (1888–1935), живший в Чикаго, обратился в общественную организацию «Американский еврейский комитет» (AJC) с заявлением, данным под присягой. Под влиянием газетных

репортажей о Бернском процессе, он решил сообщить AJC сведения о первом появлении ПСМ в России. В своем заявлении Г. Верховский указал, что он хорошо помнил встречи в 1890-х годах в доме своего отца в Петербурге (Кирочная ул., 34) группы людей, враждебно относившихся к финансовой политике и личности Сергея Витте. В эту группу, во главе которой стоял известный славянофил, специалист по сельскому хозяйству и публицист Сергей Шарапов (1855–1911), входили отец Глеба архитектор Евгений Верховский, экономисты и общественные деятели Павел Оль (1860—?) и Афанасий Васильев (1851–1929), писатель, еврей-выкрест Савелий Эфрон (Литвин, 1849–1925) и Георгий Бутми де Кацман. Этот последний, по словам Верховского, в 1895 году, вскоре после процесса Дрейфуса, отправился в Париж, чтобы установить контакты с французскими антисемитами. Он вернулся в том же году с рукописью на французском языке, которая впоследствии стала известна как ПСМ. С помощью своей жены, Надежды Васильевны, и матери Глеба, Марии Карловны Верховской (урожд. фон Штарк), Бутми стал переводить рукопись на русский. Около 1896 года перевод был закончен и опубликован. Показания Г. Верховского, вновь данные 8 января 1935 года в присутствии Сигмунда Ливингстона (основателя и первого председателя еврейской общественной организации «Антидиффамационная лига»), были обнародованы и частично процитированы в прессе. Сообщение о них было немедленно послано бернским истцам и их экспертам, но те не придали свидетельству чикагского священника особого значения, и оно оказалось полностью забытым.

И эти споры о происхождении «Протоколов сионских мудрецов» не утихают и по сей день.

После революции Филипп Петрович Степанов жил в Югославии (он умер в январе 1933 года в Белграде). Его

сын Николай Филиппович Степанов (псевдоним Н. Свитков, в монашестве Александр) — крупнейший (с мировым именем) православный исследователь масонства.

В 1920 году он вместе с Белой армией покинул Россию. Его ожидали годы странствий — Месопотамия, Индия, Италия, Франция. С 1936 года надолго поселился в Брюсселе. Большую часть своего времени посвящал изучению истории и практики масонства, сотрудничал с монархическими журналами и газетами.

В конце 1920-х — 30-х гг. под псевдонимом «Свитков» (опасаясь за свою жизнь и за судьбу своих близких) выпустил целый ряд фундаментальных работ, среди которых следует особо отметить книги «Великий Восток Франции», «Великая Ложа Франции», «Орден «Человеческое право»«, «Масоны в Харбине», «Масоны в русской эмиграции». В 1953 году был рукоположен в иподиаконы в храме Св. Иова Многострадального, а в декабре 1965 года был пострижен в монашество с именем Александр (в честь св. блгв. князя Александра Невского). Пострижение произошло на Святой Земле в храме Св. Праотец в Хевроне. Здесь же, на Святой Земле, о. Александр и закончил свой путь.

Судьба Ипполита Семеновича Степанова, камчатского ссыльного, была еще более загадочной… Но об этом мы рассказываем в своих книгах о Большерецком бунте 1771 года и бегстве большой группы политических ссыльных (в основном участников масонских заговоров) — Турчанинова, Батурина, Хрущова (Гурьев отказался участвовать в бунте, за что был избит своими «братьями»), Степанова, Панова — которые неожиданно оказались ВСЕ ВМЕСТЕ в нужное время и в нужном месте — организовали бунт в Большерецком остроге, захватили галиот «Святой Петр» и добрались (кто не умер или не погиб в пути) до Китая, а потом и до Парижа и даже Мадагаскара…

Но это уже другая история.

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

ООО « Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
Телефон: (812) 900–21–45
Сайт: isvoe.ru
Почта: editor@isvoe.ru Заказ
№ 1915–7
Подписан в печать 04.10.2017
Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии
ООО «Свое издательство»